

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК:
ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ,
НОВЫЕ ИДЕИ И ПОДХОДЫ**

Материалы XIX Международной научной конференции
Школы-семинара имени Л.М. Скрелиной

Сборник статей

Петрозаводск
2019

УДК 811.13(063)

ББК 81

Ч39

Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы : материалы XIX Международной научной конференции Школы-семинара имени Л.М. Скрединой (Петрозаводск, 19–21 сентября 2019 г.) : сборник статей / РАНХиГС. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. – 347 с.

ISBN 978-5-9274-0858-0

Сборник содержит материалы XIX Международной научной конференции Школы-семинара имени профессора Л.М. Скрединой. В нем отражены проблемы, традиционно находящиеся в центре внимания научной Школы: фундаментальное и актуальное в развитии языка, человек как субъект языка и речи, психомеханизмы языка и речи, обеспечивающие рождение слова и формирование предложения, актуальные проблемы общего и романского языкознания.

Сборник адресован преподавателям, аспирантам, магистрантам, специализирующимся в области общего и романского языкознания, методики преподавания французского и других романских языков.

УДК 811.13(063)

ББК 81

ISBN 978-5-9274-0858-0

© Карельский филиал РАНХиГС, 2019

© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОТЕНЦИАЛ ПСИХОМЕХАНИКИ И ПСИХОСИСТЕМАТИКИ ЯЗЫКА	6
ГАГАРИНА Л.С. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РЕЧИ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА (МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ) ..	6
ЕГОРОВА О.С. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНО ОДНОЗНАЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	16
КУЗИЧЕВ С.А. ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РОМАНАХ КРЕТЬЕНА ДЕ ТРУА	22
КУЗНЕЦОВА Т.Я. LE RÔLE DES PRÉSUPPOSÉS DANS LE CONTEXTE VERTICAL À DEUX SUJETS	28
ТЕРЕБИХИНА И.Ю. ЧЕТЫРЕХСУБЪЕКТНЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ	40
ТУРБИНА О.А. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСОЛОГИЯ И ПСИХОСИСТЕМАТИКА	54
ТЮКАЛОВА Н.Е. ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ АРТИКЛЯ ПОСЛЕ ПРЕДЛОГА «DE» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	62
ЯКОВЛЕВА Е.В. ПСИХОСИСТЕМАТИКА В ИСПАНОГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ	67
BLANCHAUD P. LES DEUX SIGNIFIÉS D'EFFECTION OU EMPLOIS FONDAMENTAUX DU SUBJONCTIF FRANÇAIS	73
ILINSKI K. SOIR/SOIRÉE = CUILLÈRE/CUILLERÉE?	85
SOLIMAN LUCIANA T. SUR L'ASPECT «PÉRIPHRASTIQUE»: FAITS EXPLICATIFS	97
ДИНАМИКА ЯЗЫКА: ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ	108
ЗАГРЯЗКИНА Т.Ю. ФРАНКОФОНΙΑ: ПРОЕКТ, КОНСТРУКТ, КОНЦЕПТ	108
КУЗНЕЦОВ В.Г. СИНТАГМАТИКА ГИПОНИМОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	114
ЛУКИНА А.Е. ДИАВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ СКРИПТ IX–XIV ВВ.)	121

МАТВЕЕВА А.А. ПОНЯТИЕ ТОЧКИ ОТСЧЕТА В СЕМАНТИКЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМЫ ДАВНОПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ)	127
МИХАЙЛОВА Е.Н., КОЛТУНОВА С.В. ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОГО РЕЛЯТИВИЗМА В ГРАММАТИКЕ АНТОНИО ДЕЛЬ КОРРО (1586, 1590)	136
НОВОСЕЛОВА Н.В. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	148
СТАНОВАЯ Л.А. КОНТУРЫ ФРАНЦИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ И СКРИПТУРАЛЬНОЙ ЗОНЫ	159
СУСЛОВА О.Е. СТЕПЕНИ АКТИВНОСТИ ИМЁН КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	171
KWAPISZ-OSADNIK К. LA LINGUISTIQUE COGNITIVE AU SERVICE DE L'ENSEIGNEMENT DES LANGUES: LE CAS DE L'ARTICLE EN FRANÇAIS	182
ДИСКУРС И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ	194
ВАСИЛЬЕВА Е.Г. О ЧЕМ ЛИНГВИСТУ ГОВОРЯТ ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ КОРОЛЕВСКОЙ ФРАНЦИИ?	194
ВИКУЛОВА Л.Г., СЕРЕБРЕННИКОВА Е.Ф., ГЕРАСИМОВА С.А. ЭКСТЕНСИЯ КОНЦЕПТА <i>IDENTITÉ</i> : ОТ ПОНЯТИЯ К АКЦИОЛОГЕМЕ	206
ГЕДГАФОВА Н.А. АДРЕСАНТ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЖУРНАЛЕ ПУТЕШЕСТВИЙ	216
ДУБРОВСКИХ К.А. СВЯЗНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА	222
КОРОЛЕНКО О.И. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В XVII ВЕКЕ: ТРУДНАЯ СУДЬБА СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ	229
КРУГОВЕЦ В.С. ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕВЧЕСКОГО ГОЛОСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	238
РАЙСКИНА В.А. СПЕЦИФИКА ДИСКУРСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «CHEVALIER MÉDIÉVAL» (СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РЫЦАРЬ)	247
РЯНСКАЯ Э.М., САВЁЛОВА Ю.К. ФУНКЦИИ СОКРАЩЕНИЙ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ САЙТОВ	255

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-ЛИНГВИСТА	263
ГЛУХОВА Ю.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЗАНЯТИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	263
ГОЛОВЧАНСКАЯ Р.Г. ИЗ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЕЙС-МЕТОДА НА ЗАНЯТИЯХ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	270
МАКАРОВА И.В., КАСЬЯНОВА Н.Б. ПРОЕКТ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИКТ «ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ШАНСОНА»: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	278
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ЭПОХА, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК	285
БОЧКАРЕВ А.Е. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»)	285
ВЫШЕНСКАЯ Ю.П. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ – «МЯГКИЙ» СТИЛЬ – АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ КУРТУАЗНЫЙ ДИСКУРС (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В КУРТУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)	290
ДУБНЯКОВА О.А. СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА	300
КУЛАГИНА О.А. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИНАКОВОСТИ В РОМАНЕ ЯСМИНА ХАДРА «ЭТО КАК ДЕНЬ ПОСРЕДИ НОЧИ»	311
МИХАЙЛОВА С.В. СЕТЕРАТУРА КАК ИННОВАЦИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ	322
НЕВЕЖИНА Е.А. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ НА ОСТРОВЕ МАРТИНИКА	332
ЦЫБОВА И.А. КАК ОТОБРАЖАЕТСЯ В ЯЗЫКЕ УСИЛЕНИЕ РОЛИ ЖЕНЩИН	341

ПОТЕНЦИАЛ ПСИХОМЕХАНИКИ И ПСИХОСИСТЕМАТИКИ ЯЗЫКА

Гагарина Людмила Станиславовна,
кандидат филологических наук, доцент,
руководитель Территориального центра доступа
к электронным информационно-образовательным ресурсам
АНО ВО «Российский новый университет»
в г. Александрове Владимирской области

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РЕЧИ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА (МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Gagarina Ludmila S.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Head of Territorial Centre
for Access to Electronic Information and Educational Resources,
Russian New University in Aleksandrov, Vladimir region

VERTICAL CONTEXT OF SPEECH AND ITS LANGUAGE SPECIFICS (INTERCULTURAL ASPECT)

Аннотация: вертикальный контекст речи – это особый концептуально-семантический и структурный тип дискурса, содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания. Применение методики векторного анализа Г. Гийома позволяет рассматривать его в процессе формирования как динамическое образование, предполагающее на концептуальном уровне опору, принадлежащую начальному предложению, и признак, заключенный в следующем предложении, формирующем развертывающий фрагмент, который дает развитие признаку опорного слова. Вертикальный контекст речи имеет ярко выраженную языковую специфику. Сходные на концептуальном уровне разноязыковые образцы вертикального контекста речи имеют существенные различия на поверхностном уровне (порядок слов, лексические и синтаксические способы создания тождества референции, коммуникативной связности, субъективной модальности), что позволяет говорить о национально-языковой специфике выражения некоторого фрагмента культурной действительности.

Abstract: this article is devoted to the vertical context of speech as a conceptual, semantic and structural unit which contains the quasi-direct speech transmitting utterance. Application of the vector method of G. Guillaume allows to consider it as a dynamic formation. At conceptual level the vertical context of speech contains the support belonging to the initial sentence and the feature concluded in the following sentences. The vertical context of speech has language specifics. The samples of the vertical context of speech in different languages are similar at conceptual level, but differ at textual level (word order, reference identity, communicative connectivity, subjective modality). It speaks of national language specificity of expression of some fragment of cultural reality.

Ключевые слова: вертикальный контекст речи, несобственно-прямая речь, концептуальный уровень, поверхностный уровень, языковая специфика.

Keywords: vertical context of speech, quasi-direct speech, conceptual level, textual level, language specifics.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.33 *Лингвистика текста*

Вертикальный контекст речи представляет собой особый концептуально-семантический и структурный тип дискурса, содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания. Изучение вертикального контекста осуществляется в рамках психосистематики, опирается на теорию концептуальной схемы предложения Л.М. Скрединой [6] и предусматривает применение методики векторного анализа Г. Гийома [2]. Во французском языке идея вертикального контекста разрабатывается в трудах Т.Я. Кузнецовой [4] и предполагает взаимосвязь и взаимозависимость концептуального, семантического и поверхностного уровней анализа данного типа дискурса.

Вертикальный контекст речи включает 1) начальное предложение (высказывание передающего субъекта) и 2) развертывающий фрагмент, содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания (высказывание говорящего субъекта).

На концептуальном уровне начальное предложение вертикального контекста речи содержит опору (предмет речи); развертывающий фрагмент формирует признак к опоре (то, что говорится о предмете речи) в рамках одного и того же времени.

На семантическом уровне опора вертикального контекста речи представлена объектом речи (одушевленным или неодушевленным) – одним из элементов субъектно-предикатной оси, включающей субъект речи, предикат речи и объект речи. Предложения несобственно-прямой речи, формирующие развертывающий фрагмент, раскрывают, эксплицируют содержание объекта речи, заявленного в начальном предложении.

На поверхностном (текстовом) уровне происходит реализация высказываний передающего и говорящего субъектов. Анализ вертикального контекста речи на поверхностном уровне имеет целью выявление особенностей семантико-синтаксической организации данного типа дискурса в плане его смысловой (тождество референции), коммуникативной (актуальное членение) и структурной целостности. Здесь проводится изучение порядка слов, лексических и синтаксических способов создания тождества референции, синтаксических способов выражения коммуникативной связности, лексических и синтаксических способов создания субъективной модальности, определяемых коммуникативным намерением говорящего субъекта.

Анализ образцов вертикального контекста речи на французском языке и их сопоставление с русским вариантом (перевод специалиста) позволяют говорить о ярко выраженной языковой специфике семантико-синтаксической организации контекста, заключающего в себе некий определенный фрагмент культурной действительности. «Люди, говорящие на разных языках, в каждом акте речи отбирают мысленно определенные элементы ситуации, определенным образом обозначают и специфически организуют эти наименования в предложениях» [1]. Данное утверждение В.Г. Гака позволяет заключить, что разные реализации вертикального контекста речи в разных языках отражают особенности менталитета французов и русских, специфику эмоционально-оценочного механизма мышления, «расхождения в деталях осознания мира».

Проиллюстрируем указанное положение примерами.

1. *Dans un des accès de brusque franchise, dont il accablait parfois ses familiers, il déclara qu'il était au fond plus juif que tous les juifs du monde:*

Однажды, в припадке внезапной откровенности, которую он порою ошеломлял своих коллег, Муре объявил, что, в сущности, он куда больше еврей, чем все евреи мира:

(2) *il tenait de son père, auquel il ressemblait physiquement et moralement, un gaillard qui connaissait le prix des sous;*

от отца, на которого он походил и внешним своим и внутренним обликом, он унаследовал веселый нрав и умение ценить деньги;

(3а) *et, s'il avait de sa mère ce brin de fantaisie nerveuse, c'était là peut-être le plus clair de sa chance,*

матери же он был обязан вспышками неумной фантазии, которые, пожалуй, и были причиной большей части его удач,

(3б) *car il sentait la force invincible de sa grâce à tout oser* [8].

ибо он отлично осознавал неодолимую силу своей смелости, побеждающей все препятствия [3].

Вводящее предложение 1 рассматриваемого вертикального контекста речи, несущее в себе высказывание передающего субъекта, на концептуальном уровне представляет собой единство «опора – признак». На семантическом уровне опора «вводящего контекста» представлена субъектом речи, выраженным личным местоимением третьего лица единственного числа мужского рода *il* в синтаксической функции подлежащего. В русском варианте текста субъект речи начального предложения передается именем собственным *Муре*, поскольку русский язык, в отличие от французского, «меньше мирится с повтором местоименных обозначений», представленным в оригинальном тексте в виде целой цепочки местоимений (*il – il – il*). Признак начального предложения выражен предикатом речи и объектом речи. Предикат речи «вводящего контекста» передается собственно-речевым глаголом *déclarer (déclara) / объявить (объявил)*, основное лексическое значение которого заключается в передаче произнесенной речи говорящего субъекта (*déclarer = faire connaître d'une façon manifeste* [7] / *объявить = сообщить, довести до всеобщего сведения, огласить* [5]). Глагол речи *déclara / объявил* выполняет в предложении синтаксическую функцию простого глагольного сказуемого. Объект речи «вводящего контекста» в обоих случаях выражается дополнительным придаточным предложением *qu'il était au fond plus juif que tous les juifs du monde / что, в сущности,*

он куда больше еврей, чем все евреи мира. Элемент признака начального предложения – личное местоимение третьего лица единственного числа мужского рода *il / он* в синтаксической функции подлежащего дополнительного придаточного предложения – является опорным словом рассматриваемого вертикального контекста.

Последующие предложения вертикального контекста (2, 3а и 3б) представляют собой несобственно-прямую речь, передающую высказывание говорящего субъекта, и формируют развертывающий фрагмент. Второе предложение вертикального контекста является сложноподчиненным и несет в себе реляционную семантику. Во французском тексте реляционный признак передается простым глагольным сказуемым, выраженным реляционным глаголом *tenir (de)* в имперфекте индикатива с косвенным дополнением (*tenait de son père*), в русском тексте – реляционным глаголом *наследовать* в перфекте индикатива с однородными прямыми дополнениями (*унаследовал веселый нрав и умение ценить деньги*). Таким образом, в обоих случаях имеет место первичный способ выражения реляционного предиката, однако для передачи отношения субъекта к объекту в рассматриваемых примерах используются глаголы разного семантического объема, что влечет за собой изменение способа построения всего предложения. Следуя тенденции французского языка начинать предложение с подлежащего, французское сложноподчиненное предложение начинается с главного предложения и открывается личным местоимением *il* в синтаксической функции подлежащего; русское – начинается с придаточного предложения и открывается именем существительным *от отца* в функции дополнения.

Третье предложение вертикального контекста являет собой сложное предложение, состоящее из предложений 3а и 3б. В тексте оригинала сложноподчиненное предложение 3а несет в себе квалификативную (идентифицирующую) семантику. Идентифицирующий признак передается при помощи именного сказуемого, состоящего из глагола-связки *être* в имперфекте индикатива и именной части сказуемого (*c'était... le plus clair de sa chance*). Во французском языке подобная конструкция характеризует идентифицирующий предикат. Следовательно, речь идет о первичном

способе выражения идентифицирующего предиката. В русском варианте сложноподчиненное предложение 3а имеет иные структурные особенности, связанные с изменением синтаксической функции придаточного предложения (в тексте оригинала – обстоятельственное, в тексте перевода – относительное). В результате предложение приобретает иную, реляционную семантику. Реляционный признак передается при помощи составного именного сказуемого, состоящего из глагола-связки *быть* в имперфекте индикатива и именной части сказуемого (*был обязан*), что позволяет говорить о вторичном способе выражения реляционного предиката.

Предложение 3б несет в себе реляционную семантику. Реляционный признак передается простым глагольным сказуемым, выраженным во французском тексте глаголом чувства *sentir* в имперфекте индикатива с прямым дополнением (*il sentait la force invincible...*), в русском тексте – глаголом мысли *осознавать* в имперфекте индикатива с прямым дополнением (*осознавал неподолжимую силу...*). В обоих случаях имеет место первичный способ выражения реляционного предиката.

Теперь обратимся к анализу вертикального контекста речи на поверхностном уровне. Следует отметить, что предложения, формирующие развертывающий фрагмент, являют собой объемное и сложное с точки зрения синтаксической структуры высказывание говорящего субъекта. Подобное синтаксическое построение предложений вертикального контекста речи, обилие придаточных предложений разной функциональной направленности (дополнительного, определительного, обстоятельственного) делают высказывание протяженным и, следовательно, более развернутым, если под развернутостью понимать наполненность сообщения конкретизирующими его деталями (причем русский перевод оказывается более объемным в сравнении с текстом оригинала). Сказанное выше подчеркивает намерение говорящего субъекта демонстративно и экспрессивно заявить о себе, на что указывает семантика предиката речи «вводящего контекста» *déclarer / объявить*.

Проанализируем рассматриваемый вертикальный контекст речи в плане его смысловой и коммуникативной целостности. Смысловая целостность вертикального контекста речи выражается

в единстве темы, где под темой понимается смысловое ядро текста, конденсированное и обобщенное его содержание. Единство темы создается тождеством референции, то есть соотносительностью актуализированных имен с одним и тем же предметом реальной действительности – референтом. В рассматриваемых примерах тождество референции создается путем прямого повтора опорного слова *il / он* как элемента признака начального предложения в предложениях 2, 3а и 3б, формирующих развертывающий фрагмент. Однако в тексте оригинала и тексте перевода элементы тождества референции выполняют разные синтаксические функции:

во французском тексте: дополнение C1 → подлежащее S2 → дополнение C3а → подлежащее S3б (отклонение от типового варианта вертикального контекста с развертыванием элемента признака начального предложения);

в русском тексте: дополнение C1 → подлежащее S2 → подлежащее S3а → подлежащее S3б (типичное для типового варианта вертикального контекста с развертыванием элемента признака начального предложения).

Коммуникативная целостность вертикального контекста речи состоит в коммуникативной прогрессии: каждое последующее предложение опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая мысль от известного, данного (тема), к неизвестному, новому (рема), вследствие чего образуется тема-рематическая цепочка. Для вертикального контекста речи как типового варианта с развертыванием элемента признака начального предложения характерным является движение от ремы в синтаксической функции дополнения C1 начального предложения к теме в функции подлежащего S2, S3 ... в предложениях развертывающего фрагмента. Такой способ коммуникативной связности мы можем наблюдать в русском варианте рассматриваемого контекста, тогда как во французском варианте имеет место нарушение коммуникативной связности предложений: она обеспечивается движением от ремы *il* как элемента дополнения вводящего предложения к темам *il* в синтаксической функции подлежащего либо дополнения в последующих предложениях, формирующих развертывающий фрагмент.

Нарушение синтаксических способов выражения элементов тождества референции и коммуникативной связности контекста рассматривается нами как результат активного участия говорящего субъекта в формировании высказывания, заключенного в несобственно-прямой речи.

Субъектный план говорящего создается лексическими средствами (оценочная модальность) и синтаксическими средствами (экспрессивная модальность). Следует отметить, что для передачи эмоционально-оценочного отношения субъекта речи к объекту высказывания в рассматриваемых примерах на разных языках используются различные средства. Так, в тексте оригинала в передаче особого эмоционального настроения говорящего участвуют эмоционально-оценочные лексические единицы (*un des accès de brusque franchise; ce brin de fantaisie nerveuse; la force invincible*). В русском варианте для этих целей переводчик использует оценочные слова с дополнительной стилистической пометой, имеющие более яркую эмоционально-экспрессивную окраску и характерные в большей мере для разговорной речи (*в припадке внезапной откровенности; порою; ошеломлял; вспышками неумной фантазии; пожалуй; осознавал неодолимую силу своей смелости, побеждающей все препятствия*).

О создании субъектного плана говорящего свидетельствует также присутствие в русском варианте существительного *еврей*, приобретающего в контексте характерную для прилагательных возможность употребления в сравнительной степени (адъективация существительных): *в сущности, он куда больше еврей, чем все евреи мира*. Наличие в несобственно-прямой речи транспонированных единиц придает ей дополнительную экспрессивную окраску, поскольку транспозиция обладает экспрессивной заостренностью, что дает возможность выполнять самые разнообразные стилевые задания.

На отнесенность высказывания к плану говорящего субъекта указывают и явления синтаксического порядка. Во французском тексте к таким явлениям следует отнести использование презентативной конструкции *c'était*; наличие в контексте обособленного определения *un gaillard qui connaissait le prix des sous*, используемого для уточнения, пояснения, дополнительной

характеристики персонажа (в русском тексте для передачи сходного лексического значения используются однородные дополнения *веселый нрав* и *умение ценить деньги*, где семантически словосочетание *веселый нрав* соответствует имени существительному *un gaillard*). К синтаксическим средствам выражения плана говорящего субъекта следует также отнести использование инфинитивной конструкции *sa grâce à tout oser*, подчеркивающее характерную для французского предложения тенденцию к использованию более компактных, жестких средств синтаксической связи (в отличие от русского варианта *смелости, побеждающей все препятствия*). В тексте перевода на русский язык можно, в свою очередь, обозначить следующие явления экспрессивного синтаксиса: относительно свободный порядок слов, используемый в русском языке для оживления речи; наличие характерной для русского синтаксиса безглагольной конструкции *он куда больше еврей, чем все евреи мира*; присутствие обособленных вводных слов *однажды; в сущности; пожалуй*; употребление книжного, устаревшего, несколько «высокопарного» сочинительного союза *ибо*, что усиливает колорит устной разговорной речи, указывая тем самым на разноплановость текста, иными словами, на разграничение субъектных планов передающего и говорящего субъектов.

Итак, проведенный нами сопоставительный анализ примеров вертикального контекста речи на разных языках (французском и русском) показывает, что сходные на концептуальном уровне образцы вертикального контекста речи, в основе которых лежит единый механизм соотношения опоры и признака, имеют существенные различия в семантико-синтаксической организации контекста на поверхностном уровне. Речь идет о различной семантической характеристике предложений, формирующих развертывающийся фрагмент, о различных способах создания тождества референции и коммуникативной связности контекста, а также о различных способах создания субъективной модальности в предложениях несобственно-прямой речи. Анализ показывает, что выбор тех или иных лексических единиц и синтаксических конструкций нередко оказывается взаимообусловленным, что указывает на тесную связь структуры

предложения и семантики составляющих его слов, когда слова подбираются к определенной схеме предложения для более аутентичного выражения идеи в разных языках [1]. Разная языковая специфика выражения определенных явлений объективной действительности (нейтральный вариант французского языка и разговорный вариант русского языка) подчеркивает рационализм и абстрактность французского языка и эмоциональность и экспрессивность русской речи.

Сказанное выше позволяет заключить, что представление фрагмента текста с несобственно-прямой речью на концептуальном уровне может служить основой для изучения и сопоставления данного явления в разных языках на поверхностном (текстовом) уровне, где особенно четко проявляется их национально-культурная специфика.

Источники и литература

1. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков: Учебник. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 262, 263.
2. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 221 с.
3. *Золя Э.* Дамское счастье: Роман / Пер. с фр. Ю. Данилина; Худ. Г.В. Соколов. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1993. – С. 37.
4. *Кузнецова Т.Я.* Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект): Монография. – Архангельск: Изд-во Архангельского гос. тех. ун-та, 2007. – 247 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – С. 441.
6. *Скрелина Л.М.* О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л.М. Скрелина. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С. 61–71.
7. *Petit Larousse.* – 24-е tirage. – P.: Libr. Larousse, 1966. – P. 291.
8. *Zola E.* Au Bonheur des Dames. – M.: Editions en langues étrangères, 1956. – P. 39.

Егорова Ольга Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой
иностранных языков Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского

**ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНО
ОДНОЗНАЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Egorova Olga S.,
Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department
of Foreign Languages, Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky

**LEXICO-GRAMMATICAL WAYS
OF REPRESENTATION OF A COMMUNICATIVELY
UNAMBIGUOUS STATEMENT**

Аннотация: статья посвящена одной из важнейших, как с теоретической, так и с практической точки зрения, проблем современной лингвистики – изучению закономерностей коммуникативно-синтаксической организации предложения в соответствии с его коммуникативным (актуальным) членением. На материале французского языка рассматривается система коммуникативно ориентированных средств, специально предназначенных для построения коммуникативно однозначного высказывания, адекватно отражающего его коммуникативную (тема-рематическую) структуру, – порядок слов, выделительные синтаксические конструкции, лексико-синтаксические трансформации, выделительные слова и частицы.

Abstract: the article is devoted to a problem of modern linguistics, important both from the theoretical and practical points of view, the problem of studying the patterns of communicative-syntactic organization of a sentence in accordance with its communicative (actual) division. The system of communicatively oriented means specifically designed to build a communicatively unambiguous utterance that adequately reflects the communicative structure (word order, distinguishing syntactic constructions, lexico-syntactic transformations, distinguishing particles) is considered on the basis of the French language.

Ключевые слова: коммуникативно однозначное высказывание, актуальное (коммуникативное) членение, средства выражения коммуникативной (тема-рематической) структуры.

Keywords: communicatively unambiguous statement, actual (communicative) division, means of expression of the communicative (theme-rheme) structure.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.21 Общее языкознание*

Исследование закономерностей формирования высказывания в соответствии с коммуникативным (актуальным) членением, которое, как известно, предопределяет в конечном итоге не только основное содержание (смысл), но и формально-синтаксическую организацию любого высказывания, – один из важнейших, как с теоретической, так и практической точки зрения, вопросов современной лингвистики, всегда вызывавший закономерный интерес многих ученых (см., например, работы на материале русского языка – Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, И.И. Ковтуновой, Т.М. Николаевой, В.З. Панфилова, И.П. Распопова; на материале английского языка – М.Я. Блоха, Н.А. Слюсаревой, В.Е. Шевяковой; на материале немецкого языка – К.Г. Крушельницкой, Л.И. Михайлова, О.И. Москальской; на материале французского языка – А.К. Васильевой, В.Г. Гака, К.А. Долинина, Е.А. Реферовской и др.).

Не приходится доказывать, что знание закономерностей построения высказывания в соответствии с коммуникативной перспективой, и прежде всего – системы коммуникативно ориентированных средств, специально предназначенных для адекватного выражения актуального (тема-рематического) членения, является одним из необходимых условий эффективности любой речевой коммуникации, так как, с одной стороны, позволяет реципиенту правильно распознавать состав темы и состав ремы «чужого» высказывания, а следовательно, адекватно понимать его смысл, и, с другой стороны, позволяет адресанту осуществлять корректный выбор языковых средств, адекватно передающих заключенную в высказывании новую (актуальную) информацию, а значит, формировать коммуникативно однозначное высказывание [4].

Как языковая универсалия, актуальное членение имеет общие для многих языков способы своего формального выражения, которые, однако, отличаются в разных языках по своим функциональным характеристикам, обусловленными особенностями

грамматического строя того или иного языка. Так, в русском языке как языке синтетического строя с его свободным словорасположением основными средствами выражения коммуникативного членения являются порядок слов, ударение и интонация. Во французском языке как языке аналитическом, для которого свойственны устойчивость синтаксических схем и связанность фразового ударения, возможности функционирования порядка слов в качестве средства выражения коммуникативного членения оказываются, в какой то мере, более ограниченными по сравнению с русским языком, а наиболее эффективными коммуникативно ориентированными, по мнению исследователей, являются синтаксические конструкции с выделительными оборотами, сегментированные предложения с репризой и антиципацией, предложения с изолянтами [1; 2; 3; 5; 6; 8; 9; 10].

Действительно, вышеназванные выделительные структуры, основанные на расчленении предложения, позволяющем изменять порядок слов, не нарушая норм французского синтаксиса, отличаются ярко выраженной коммуникативной направленностью. Появившиеся, как отмечает Е.А. Реферовская [7], во французском языке специально для обслуживания актуального членения данные структуры рассматриваются в современной романистике как устоявшиеся грамматикализованные коммуникативно ориентированные конструкции, позволяющие формировать коммуникативно однозначные высказывания. Так, в сегментированных предложениях темой всегда является выделяемый именной сегмент, а ремой – глагольная часть; в предложениях с выделительными оборотами в качестве ремы выступает именной компонент, заключенный в рамки оборота, а в качестве темы – остальная (глагольная) часть [1; 3; 9; 10].

Важно, что рассматриваемые конструкции в своей совокупности предоставляют возможность выделить в качестве темы или ремы практически любой компонент высказывания, компенсируя тем самым невозможность в некоторых случаях простой перестановки слов в предложении. Так, например, сегментация позволяет переместить в абсолютно начальную позицию прямое дополнение, выполняющее функцию темы; выделительный оборот *c'est ... qui* позволяет выделить в качестве ремы подлежащее без изме-

нения его обычной (т. е. начальной) позиции и т. д. Ср.: *L'amour, on ne le discute pas. Il est* (Saint-Exupéry). *Cette odeur de cuit moisi des anciennes voitures, Thérèse l'aime* (Mauriac). *Les autres, je les déteste* (Simenon). *Ce n'est pas la machine qui a inventé l'homme* (Triolet). *Ce sont les Allemands qui viennent nous arrêter* (Pasquale). *C'était lui qui avait ouvert l'écluse* (Dabit).

Что касается порядка слов, анализ фактического материала свидетельствует о достаточном числе нарушений французской традиционной синтаксической схемы, которые обусловлены, как правило, необходимостью построения высказывания в соответствии с его актуальным членением, т. е. коммуникативно однозначного высказывания: вначале сообщается тема, а в конечной сильной позиции, отмеченной главным ударением, помещается рема, передающая основную (актуальную) информацию. Ср.: *A cette question il refusait de répondre* (Green). *A ce fabourg morne, respectable Calanhel préférait son quartier* (Dabit). *Par la fenêtre ouverte arrivait le murmure du canal* (Dabit). *Hier soir commençait une nouvelle période* (Lesbre).

Именно с необходимостью адекватного выражения актуально-го членения связана, по мнению исследователей, наблюдаемая в современном французском языке тенденция построения частновопросительных предложений, в которых вопросительное слово, являющиеся ремой, занимает конечную позицию. Ср.: *Vous allez où? Vous revenez quand?*

Также влиянием актуального членения исследователи объясняют случаи инверсии после глаголов движения подлежащего, выполняющего функцию ремы, которые были, как отмечает Е.А. Реферовская, достаточно широко распространены еще в XVI веке, т. е. в период становления структуры французского языка как аналитического [7]. Как показывает анализ фактического материала, подобные коммуникативно однозначные высказывания достаточно часто используются современными авторами. Ср.: *Roulent les trains vers les fumées. Roulent les étrangers* (Chateauneu). *Restent les issues des offices* (Duras). *Venait d'abord Edgar Malou, en sa qualité d'ainé* (Simenon).

Итак, порядок слов во французском языке отличается достаточной вариативностью, что позволяет использовать его как эффективное средство вербализации актуального членения

высказывания. Как отмечают исследователи, исторически сложившийся во французском языке прямой порядок слов в предложении есть результат экспрессивно нейтрального, объективного отражения естественного движения мысли от известного к неизвестному, от субъекта суждения к предикату суждения. Таким образом, прямой порядок слов во французском предложении является формальным выражением актуальной предикации, совпадающей с грамматической предикацией, что подтверждается фактическим материалом: в огромном большинстве случаев расположение «подлежащее – сказуемое» соотносится с последовательностью «тема – рема» [7].

Итак, отличительная особенность французского языка заключается в том, что он стремится привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникативной структурой, т. е. предпочитает такую лексико-грамматическую схему, внутри которой тема может быть оформлена как подлежащее, а рема – группой глагола. Для реализации изоморфизма тематико-предикативной и синтаксической структур французский язык, как отмечает В.Г. Гак, прибегает к различного рода лексико-синтаксическим трансформациям (замена актива пассивом, употребление безличных, неопределенно-личных и инфинитивных конструкций, замена глагола словосочетанием и др.), позволяющим реорганизовать предложение таким образом, чтобы слово, выполняющее функцию ремы, было оформлено как второстепенный член предложения и помещено в ударную конечную позицию [1, 2]. Таким образом, сама лексико-грамматическая структура французского предложения с его прямым порядком слов оказывается эффективным средством репрезентации коммуникативно однозначного высказывания. Ср.: *Mon enfance a été marquée par les voyages* (Pasquale). *Il se formait dans mon esprit une conception précise de l'amour* (Green). *D'une seconde à l'autre, j'ai vu fleurir devant moi des centaines et des centaines de parapluies multicolores* (Pasquale).

Наконец, одним из эффективных способов построения коммуникативно релевантного высказывания во французском языке является использование выделительно-ограничительных слов и частиц, характеризующихся ярко выраженной коммуникативной направленностью, таких как *seul, seulement, uniquement, justement, particulièrement, ne ... que, ne ... plus que, notamment, exactement*

и др. Сопровождая тот или иной компонент высказывания, они служат коммуникативно однозначным показателем его рематического характера. Ср.: *Seul l'inconnu épouvante les hommes* (Saint-Exupéry). *Trois personnes seulement occupent la banquette en face* (Alain-Fournier). *Il ne vivait que pour Lucile* (Dabit). *Ce n'était pas un bar, mais un restaurant* (Simenon). *C'est exactement ce chemin que les deux inconnus suivirent* (Alain-Fournier).

Таким образом, французский язык располагает целой системой регулярно повторяющихся коммуникативно ориентированных средств, предназначенных для адекватного выражения актуального членения, а следовательно, для построения коммуникативно однозначного высказывания. Следует иметь в виду, что, как показывает анализ фактического материала, в формировании коммуникативно однозначного высказывания участвуют одновременно несколько способов его репрезентации.

Источники и литература

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Либроком, 2013. – 288 с.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 864 с.
3. Долинин К.А. Коммуникативные варианты французского простого предложения. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1975. – 46 с.
4. Егорова О.С. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. I. – № 4. – С. 116–119.
5. Егорова О.С. Вербальная репрезентация коммуникативной структуры высказывания в разноструктурных языках // Когнитивные исследования. – 2015. – № 22. – С. 578–581.
6. Кузнецова Т.Я. Вопросительное предложение в бытовом дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 22. – С. 734–736.
7. Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков: Французский язык. – Л.: ЛКИ, 2007. – 208 с.
8. Скрелина Л.М. Лекции по теоретической грамматике французского языка. Часть II. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 120 с.
9. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. – Berne: A. Francke, 1944. – 440 p.
10. Référovskaja E.A., Vassiliéva A.K. Essai de grammaire française. Cours théorique. Partie II. – М., 1983. – 334 p.

Кузичев Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры французского
и немецкого языков Института истории и филологии Вологодского
государственного университета

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РОМАНАХ КРЕТЬЕНА ДЕ ТРУА

Kuzichev Sergei A.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of the French and German Languages of the History and Philology Institute,
Vologda State University

COMPLICATED SENTENCE IN TEXTS BY CRESTIEN'S DE TROYES WORKS

Аннотация: в статье рассматривается в свете структурно-функционального подхода проблематика осложнения предложения, определяется круг структур, выражающих дополнительную предикацию. Представлена типология осложняющих конструкций, описываются механизмы их образования с применением положений психосистематики (Г. Гийом, Л.М. Скрелина).

Abstract: the article deals with the problem of complicated sentences and focuses on the structural and functional approach in describing the range of constructions with additional predication. Types of complicated constructions and the way they are formed in terms of psycho-systematic theory (G. Guillaume, L.M. Skrelina) are discussed.

Ключевые слова: синтаксическая система, осложненное предложение, синтаксические функции, вторичная предикация, субдукция, старофранцузский язык.

Keywords: syntactic system, complicated sentence, syntactic functions, secondary predication, subduction, old French.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.43: *Синтаксис*

Предложение как результат речезыковой деятельности признается в рамках традиционной грамматики и большинства направлений структурно-функционального подхода в языкознании многосторонней единицей и получает многоаспектную интерпретацию. При идентификации осложненных предложений используются критерии

рии, соотносящиеся с разными характеристиками предложения – структурно-синтаксической, коммуникативной, номинативной –, при этом любой аспект изучения предполагает аналитической описание. Поэтому список способов осложнения предложения представляет собой инвентарь довольно разнообразных средств. Традиционно в него включают 1) однородные члены предложения, 2) обособляющие члены предложения (уточняющие, пояснительные, присоединительные конструкции; причастный, деепричастный, сравнительный обороты), 3) сегментацию предложения, 4) вводные слова и предложения, вставные конструкции, 5) обращения, 6) прямую речь.

Такое (широкое) понимание осложнения предложения позволяет включить в состав осложненных предложений разнообразные высказывания, представленные следующими примерами:

1) 3920 Li rois Artus et la reïne / 3921 et de ses barons li meillor / 3922 i estoient venu le jor. (Érec, 1170, 15f)

2) 1505 et s'i vint meïsmes li rois, / 1506 Kex et Percevaux li Galois, 1507 et messire Gauvains après / 1508 et Corz, li filz au roi Arès; (Érec, 1170, 2e); 2242 Amors est pire que haïne (Cligès, 1176, 62d)

3) 8593 nostre bataille, ainz la verront 8594 tuit cil qui veoir la volront; (*Perceval*, 1181, 393d)

4) 164 Sire, je ai Keu retenu, / 165 Fet la reïne, a grant travail (*Lancelot ou Le Chevalier de la Charrette*, 1177, 27e)

5) 167 – Nains, fet ele, lesse m'aler (Érec, 1170, 1d)

6) 1534 et il li dist: Je vos amain (Érec, 1170, 2e).

При определении грамматического статуса высказываний предикативную единицу, содержащую какой-либо осложняющий компонент из перечисленных выше, следует признать простым предложением, так как в ее состав входит одна грамматическая основа. Она представлена соотношением подлежащего и сказуемого, которое эксплицитно выражает предикативность как базовую характеристику основной единицы синтаксиса. По данной характеристике осложненное предложение противопоставляется сложному, имеющему в своем составе две и более грамматические основы.

Представляется, что показателем осложнения предложения может быть эффект дополнительной предикации, эксплицитно или имплицитно создаваемый в предложении определенным набором языковых средств. Этот эффект может соотноситься с как

с номинативной, так и с собственно грамматической характеристиками предложения. В первом случае речь идет о вещественном значении, лежащим в основе пропозиции, во втором – о формальном, создающим предикативность.

В номинативном аспекте осложненное предложение, как правило, отражает минимум две ситуации, оно является полипропозициональным. Базовая пропозиция осмысливается говорящим аналитически, её оформление приводит к образованию предикативного ядра (грамматической основы) предложения. Представление о второй ситуации формируется на фоне базовой пропозиции в свернутом виде; если она воспринимается говорящим как событие-факт, то ситуация может быть названа словом с процессным значением, обладающим внутренней инцидентностью, т. е. именем существительным или его эквивалентом, субстантивированным словом. В старофранцузском языке наблюдается в подобных случаях субстантивация инфинитива, например, *departir* → *le departir*: наряду со предложениями типа 1451 *D'amor et de pitié ploroient* / 1452 *que de lor fille departoient*; (Érec, 1170, 2c) употребляются структуры 1440 *de plorer ne se sont tenu:* / 1441 *au departir plore la mere,* / 1442 *plore la pucele et li pere.* (Érec, 1170, 2c); 1456 *Au departir ont mout ploré;* (Érec, 1170, 2d). С точки зрения синтаксиса дополнительная предикация в таких высказываниях выражается имплицитно, используются лексические единицы с обобщенным значением процесса, которые функционируют как простой или, в цитируемых случаях, аналитический член предложения.

К эксплицитным средствам выражения вторичной предикации относятся сложные члены предложения, выраженные глагольно-именной формой сказуемого, причастными и герундиальными оборотами, инфинитивными конструкциями, объектно-предикативной конструкцией.

Глагольно-именное сказуемое состоит из полнозначного глагола, выполняющего также функцию связки, и выраженного именной частью речи предикатива к субъекту, например: 4931 *et si venoient armé tuit.* (Érec, 1170, 19e), 44 *A tant ez vos un chevalier / Qui vint a cort mult acesmez* (Lancelot). Этот формаль-

ный тип сказуемого выражает процессно-квалификативный предикат. В приведенных выше примерах глагол обозначает действие (акциональный предикат), предикатив – состояние субъекта в момент выполнения данного действия (характеризующий предикат). В психосистематике [2] образование данного типа сказуемого описывается в рамках вертикального синтаксиса, актуализирующего предложение посредством механизма субдукции. Этот механизм базируется на свойстве некоторых языковых единиц (слов прежде всего) находиться в основании других путем частичной утраты лексического значения. При образовании глагольно-именного сказуемого наблюдается малая степень редукции вещественного значения. Это экзотерическая, внешняя субдукция, обеспечивающая построение целостной минимальной синтаксической единицы – члена предложения. Как показывают наблюдения над языковым материалом, встречаются контексты, в которых действие и характеристика субъекта выражены раздельно. Так, с указанными примерами соотносится контекст, содержащий простое глагольное сказуемое, выражающее акциональный предикат, и составное именное сказуемое, оформляющее квалификативный предикат, например: 251 *Si va chascuns si con lui plot:* 252 *Armé furent, de tex i ot, / 253 S'an i ot sanz armes asez. (Cligès, 1176, 77b).* Встречаются контексты, в которых подобные ситуации обозначаются высказываниями, осложненными обособленным определением: 6096 *Au cemetire andui s'an vont, / 6097 Armé, a coite d'esperon (Cligès, 1176, 77b).*

Инвариантом осложненного предложения с объектно-предикативной конструкцией является линейная структура [S – Cd – V – Attr_cd], структурный минимум которой представлен сказуемым [V], прямым дополнением [Cd] и предикативом к объекту [Attr_cd]. В высказываниях, построенных по данной модели, устанавливается предикативное отношение характеристики, выражаемой именной частью речи, к объекту, оформляемому в предложении как прямое дополнение, например: 7825 *Mes bien vos sai dire de lui* 7826 *que la premiere foiz gehui / 7827 le trovai si bien afeitie, / 7828 si bien parlant et anseignié (Perceval, 1181, 390d).* Высказывание характеризуется сложной предикацией, отражающей две пропозиции. Кинетизм предиката

не только включает в состав предложения прямое дополнение, но и распространяется на характеристику объекта, оформляющуюся как предикатив. Акциональный предикат устанавливает отношение между агенсом и объектом, квалификативный предикат показан как результирующий компонент этого отношения. При построении подобных высказываний усматривается итеративный характер концептуальной схемы предложения [1], который обеспечивает целостность предложения как смысловой, коммуникативной и структурно-формальной единицы.

Предикатив к объекту может быть оформлен предложно, например: 1284 *Bien voi que por mauvés me tienent* / 1285 *Et po nos prisent, ce m'est vis,* / 1286 *Qant behorder devant noz vis* / 1287 *Sont ci venu tuit desarmé.* (*Cligès*, 1176, 59a).

Собственно сказуемое выражается глаголами восприятия (*veir, sentir*), воздействия на объект (*feire, laissier, tenir, render, mener*), обнаружения и знания (*trouver, connaistre*), суждения (*cuidier*).

В текстах романов К. де Труа достаточно часто встречаются инфинитивные конструкции, например:

5320 *Et ce nos fet anragier d'ire*

5321 *Que maintes foiz morir veomes*

5322 *Chevaliers junes et prodomes,*

5323 *Qui as.ii. maufez se combatent;* (*Yvain ou Le Chevalier au Lion*, 1177, 99^e).

В рамках традиционной французской грамматики, для которой характерно сильное влияние логического направления в синтаксисе, подобные синтаксические построения квалифицируются как инфинитивные предложения, внутри которых выделяются логическое подлежащее и логическое сказуемое. Рассуждения обычно опираются на тот факт, что в основе данных высказываний находятся две пропозиции, по-разному оформленные на поверхностном уровне.

С точки зрения структурно-функционального подхода к языковым явлениям распространяющая грамматическую основу предложения инфинитивная конструкция идентифицируется как сложное дополнение. Специфика данного члена предложения прежде всего определяется лексическим значением глагола

в функции сказуемого. Чаще всего это глаголы восприятия, среди которых наиболее частотными в старофранцузских текстах являются *veïr* (видеть) и *oïr* (слышать). В номинативном аспекте сложное дополнение представляет собой целостный объект восприятия, но он интерпретируется расчлененно, так как представляет собой ситуацию, при этом создается эффект вторичной предикации.

Структурный минимум описываемого сложного дополнения формируется конструкцией [N / Pr – V inf], где N – имя существительное, Pr – прямообъектная форма прилагательного местоимения, V inf – глагол в форме инфинитива. Инвариантная модель предложения со сложным дополнением [S – Vf – Soc (N / Pr – V inf)] реализуется в текстах романов К. де Труа в виде вариантов, различающихся порядком слов и заполнением / незаполнением позиций.

В ряде контекстов К. де Труа умело объединяет ряд средств, приводящих к осложнению предложения, например,

138 Mes mout i orent po esté,

139 qant il virent un chevalier

140 venir armé sor.i. destrier,

141 l'escu au col, la lance el poing. (*Érec*, 1170, 1d)

Источники и литература

1. *Скрелина Л.М.* О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения: Сб. статей / Отв. ред. Л.М. Скрелина. – Л., 1980. – С. 61–71.

2. *Prolégomènes à la linguistique structurale: texte établi par Roch Valin // Essais et mémoires de Gustave Guillaume / publiées sous la direction de Ronald Lowe. – Vol. I. – Québec: Les Presses de l'université Laval, 2003. – 240 p.*

3. *Les Romans de Chrétien de Troyes / Edités d'après la copie de Guiot (Bibl.nat.fr. 794). – P.: Honoré Champion Editeur, 1982.*

Кузнецова Татьяна Яковлевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики
Северного (Арктического) Федерального Университета
им. М.В. Ломоносова, Архангельск

LE RÔLE DES PRÉSUPPOSÉS DANS LE CONTEXTE VERTICAL À DEUX SUJETS

Kuznetsova Tatiana Y.,
Ph.D (Doctor habil., Philology), Professor, Merited Educator of the Russian
Federation, Dpt. of Translation and Applied Linguistics,
M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

THE ROLE OF PRESUPPOSED IN THE VERTICAL CONTEXT WITH TWO SUBJECTS

Résumé: Notre tâche consiste à examiner les présupposés et leur influence sur le texte à l'exemple de l'organisation du contexte vertical, un discours vu au cours de sa formation au point de vue de la psychosystématique. Le contexte vertical est une unité discursive observée au cours de sa formation dans le temps discursif et qui prévoit au niveau conceptuel un support appartenant à la proposition initiale et un apport, exprimé par les propositions suivantes formant un fragment-apport, qui s'ajoute au support par le mécanisme incidenciel ayant une direction du support à l'apport. Le schème conceptuel est le signifié du contexte vertical. Au schème conceptuel comme signifié du contexte vertical correspond le modèle universel comme signifiant construit sur le modèle universel de la proposition. Le présupposé de l'indétermination de l'objet exprimant le support amène la transposition du fragment-apport de perception en fragment-apport de pensée et en fragment-apport de sentiment. L'apparition de trois plans du sujet-locuteur est accompagnée des connotations qui conditionnent le sens du contexte vertical en amenant des transformations dans le modèle universel.

Mots-clés: connaissances, signification, sens, conditions de la compréhension, opération mentale, schème conceptuel, modèle universel.

Abstract: Our task is to examine the presupposed and their influence on the text, for example the organization of the vertical context, a discourse seen during its formation from the point of view of the psychosystematics. The vertical context is a discursive unit observed at course of its formation in the discursive time and which envisages at the conceptual level a support belonging to the initial proposition and a contribution, expressed by the

following propositions forming a fragment-input, which adds to the support by the incidental mechanism having a direction of the support to the input. The conceptual schema is the signified of the vertical context. To the conceptual schema as signified of the vertical context corresponds the universal model as signifier built on the universal model of the proposition. The presupposition of the indeterminacy of the object expressing the support brings the transposition of the fragment-contribution of perception into fragment-contribution of thought and fragment-input of feeling. The emergence of three planes of the subject-speaker is accompanied by connotations which condition the meaning of the vertical context by bringing transformations into the universal model.

Keywords: knowledge, meaning, conditions of understanding, mental operation, conceptual scheme, universal model.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.41.21 Индоевропейские языки*

Le présupposé est un complexe de connaissances qui rend possible un énoncé et sa compréhension. Le présupposé peut être universel. Dans ce cas il s'agit des connaissances du monde environnant. Le présupposé situationnel a en vue les connaissances d'une situation concrète. O. Ducrot avance le modèle chargé de décrire le sens d'un énoncé. Il fait intervenir deux composants. Le premier composant est un ensemble de connaissances qui assigne à chaque énoncé indépendamment du contexte, une signification. Le deuxième composant a pour tâche de prévoir le sens effectif de l'énoncé dans la situation. La différence entre la signification et le sens effectif de l'énoncé est constituée par les connaissances des circonstances dans lesquelles l'énoncé a été prononcé. Donc la signification est attachée à la proposition (O. Ducrot dit "à la phrase abstraite") et l'énoncé actualisé en situation se caractérise par le sens qui est le résultat du supplément des présupposés à la signification [Kerbrat-Orecchioni 1997: 201; Ducrot 1979: 150]. Ainsi le présupposé situationnel n'est pas exprimé explicitement dans le texte et sert à compléter les connaissances sur certains éléments de la situation reflétés dans l'énoncé.

A part les présupposés situationnels constituant les conditions de la compréhension d'un énoncé on introduit la notion de présupposés linguistiques. Les présupposés linguistiques sont compris comme la détermination sémantique d'un mot ou d'un énoncé par un autre mot ou énoncé dans le texte [Aroutiounova 1973: 89].

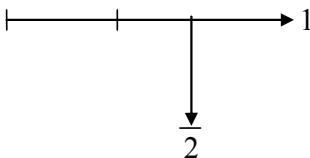
Notre tâche consiste à examiner les présupposés et leur influence sur le texte à l'exemple de l'organisation du contexte vertical, un discours vu au cours de sa formation au point de vue de la psychosystématique. Nous avons mis à la base de nos études l'idée du schème conceptuel de la proposition avancée par L.M. Skrélina. A son avis, les opérations de pensée formatrices du mot et celles formatrices de la proposition sont homologues [Skrélina 1980–1981: 90]. Parmi les opérations de pensée qui aboutissent à la formation d'un mot en tant que partie du discours G. Guillaume nomme d'abord l'apport de signification et, ensuite, le transport (référence) de la signification apportée à un support [Guillaume 2004: 123]. Par "support" G. Guillaume comprenait la personne logique, l'objet de la pensée et de la parole. Le procès de la référence de la signification apportée (de l'apport) à un support se réalise au moyen du mécanisme sémantique appelé incidence.

Le substrat matériel de l'incidence est le temps opératif. Il est hors conscience et n'est pas mesurable. Le temps opératif et l'incidence réalisent le cinétisme des mots en tant que parties du discours examinés au moment de leur actualisation. L.M. Skrélina fait la supposition: si le caractère prévisionnel de la langue se révèle dans l'actualisation des mots, il doit se révéler dans l'actualisation des phrases [Skrélina 1980–1981: 89], sinon comment expliquer la gradation entre les structures syntaxiques du niveau superficiel. Donc la proposition a à la base de sa formation l'incidence entre le support et l'apport. Le support est un élément qui présente ce qui doit être expliqué, l'apport est un élément qui accomplit ce devoir d'explication, il donne la réponse à la question implicite sur le support. Le substrat matériel de l'actualisation de la proposition est le temps discursif. Contrairement au temps opératif il est mesurable, il est réel de prendre conscience du temps au cours duquel se forme la phrase.

L'idée du schème conceptuel de la proposition veut dire que conformément à ce que la formation du mot en tant que partie du discours est déterminée par le mécanisme incidenciel qui se réalise dans le temps opératif, la formation de la proposition est déterminée par le procès incidenciel dans le temps discursif. Au schème conceptuel en français est en corrélation le modèle universel S-V-C (sujet-prédicat verbal-complément d'objet ou complément circonstanciel).

En se basant sur l'idée que les opérations de pensée qui aboutissent à la formation des unités de langue, morphologiques et syntaxiques, sont homologues on peut croire que ces opérations sont à former aussi l'unité discursive. Au cours de la constitution du discours par un sujet il se passe dans sa mentalité une opération qui consiste à définir le support comme un objet de parole. Le support devra être exprimé par un terme syntaxique, sujet ou complément, de la proposition initiale. L'opération cognitive suivante consiste à trouver un apport qui sera la deuxième partie composante du schème conceptuel. L'apport sera exprimé par un fragment, constitué par une ou quelques propositions. Le support et l'apport sont réunis par le mécanisme de l'incidence. Elle est orientée du support à l'apport; la succession logique des opérations de pensée formatrices de l'unité discursive est le support → l'apport. Puisque le support appartient à la proposition initiale de l'unité discursive il peut coïncider ou bien avec le support de cette proposition, ou bien avec son apport. Les propositions qui suivent forment un fragment-apport qui explique, détermine, assigne le support.

Ces propositions expriment la propriété d'un élément de la proposition initiale où est exprimée l'action achevée du sujet. Cette action n'a plus de suite. Elle est arrêtée dans sa progression par l'explication d'un de ses actants: celle du sujet ou celle de l'objet. L'emploi de la méthode vectorielle permet de représenter le schème conceptuel de l'unité discursive.

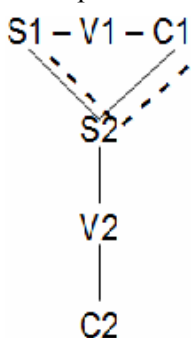
Schème 1

Le vecteur qui marque la proposition initiale est disposé sur l'axe horizontal: il projette le développement de l'action dans le temps. Le vecteur de la deuxième proposition qui forme le fragment-apport prend racine au point du premier vecteur qui marque le support de l'unité discursive. Le vecteur de la deuxième proposition est disposé

sur l'axe vertical: il n'y a pas de développement de l'action; il y a l'explication du support qui se fait dans le même temps que celui de la proposition initiale. D'après la configuration des vecteurs du schème conceptuel où la représentation du fragment-apport joue un rôle primordial, cette unité discursive a reçu le nom du contexte vertical. L'emploi du terme "contexte" suppose l'idée de la compétence communicative qui veut dire que les régularités de la construction du texte sont déterminées par une intention communicative, qu'elles sont à l'état potentiel dans la langue et se reflètent dans la compétence linguistique du sujet parlant, constituant la parole dans des situations concrètes. On voit cette conception du contexte chez Ph. Palmer [Palmer 1976] et J. Lyons [Lyons 1981]. Elle met au premier plan la compétence linguistique du sujet construisant le discours.

Le contexte vertical est une unité discursive observée au cours de sa formation dans le temps discursif et qui prévoit au niveau conceptuel un support appartenant à la proposition initiale et un apport, exprimé par les propositions suivantes formant un fragment-apport, qui s'ajoute au support par le mécanisme incidenciel ayant une direction du support à l'apport. Le schème conceptuel est le signifié du contexte vertical.

Au schème conceptuel comme signifié du contexte vertical correspond le modèle universel comme signifiant.

Schème 2

Le modèle universel du contexte vertical est construit sur le modèle universel de la proposition.

Les signes de l'adéquation marquent la coréférence. La relation de coréférence s'établit entre une expression anaphorique et un terme antérieur (son antécédent): ils désignent le même référent [Riegel 1999: 610]. Dans le contexte vertical deux lignes (l'une à points et l'autre – continue de S1 à S2, l'une continue et l'autre – à points de C1 à S2) représentent deux réalisations possibles du modèle universel. Primo, le fragment-apport correspond au support exprimé

par le nom-sujet S1; dans ce cas la relation de coréférence apparaît entre le sujet S1 de la proposition initiale et le sujet S2 de la deuxième proposition. Secundo, le fragment-apport s'attache au

support exprimé par le nom-complément C1; la relation de coréférence s'établit entre le complément C1 de la proposition initiale et le sujet S2 de la deuxième proposition.

Le modèle universel du contexte vertical se caractérise par l'ordre des mots S – V – C dans la proposition initiale et la proposition du fragment-apport. L'anaphore qui est traduite par le sujet de la proposition du fragment-apport est exprimée par le pronom personnel. L'anaphore se définit traditionnellement comme toute reprise d'un élément antérieur dans le texte. Elle n'est pas un élément autonome. Elle dépend de l'antécédent et assure la cohérence du contexte vertical. L'élément anaphorique représente la substance qui est en focus et fait voir les conditions dans lesquelles cette substance devient le support du contexte vertical. L'anaphore est cet élément qui renferme en soi le terme-support et y rattache les constructions prédicatives des propositions du fragment-apport. Grâce à l'anaphore se réalise la fonction du fragment-apport qui consiste à développer au cours du temps discursif la propriété concrète du support. Cette propriété est exprimée par le prédicat verbal ou par le prédicat nominal. L'emploi de l'imparfait s'appuie sur un repère temporel installé par le verbe au passé simple de la proposition initiale [Riegel 1999: 306].

L'anaphore peut être traduite par la répétition, le synonyme, le pronom. Le fait que dans le contexte vertical l'anaphore est exprimée par le pronom personnel *il*, a une explication suivante. Contrairement aux substituts représentés par le syntagme nominal apportant des significations supplémentaires à l'antécédent, le pronom personnel désigne le référent en reproduisant son contenu. Le modèle universel révèle les fonctions syntaxiques des éléments de la coréférence. Le support-antécédent peut être exprimé par le sujet ou par le complément. Dans le premier cas nous avons S1= S2, dans le second C1 = S2.

La caractéristique suivante du modèle universel est la structure communicative du contexte vertical. Elle progresse du thème de la proposition initiale au thème de la proposition (des propositions) du fragment-apport (du sujet au sujet) si le support est exprimé par le sujet grammatical et du rhème au thème (du complément au sujet) si le support est exprimé par le complément.

Ainsi l' invariant du contexte vertical comprend le schème conceptuel comme signifié et le modèle universel comme signifiant.

Le modèle universel a les caractéristiques suivantes: l'ordre des mots déterminé, les significations primaires des termes de la proposition, la coréférence et les fonctions syntaxiques des éléments de la coréférence déterminées, la structure communicative et les fonctions syntaxiques déterminées de ses éléments.

L'examen du contexte vertical au niveau du signifié est donc possible au moyen de la méthode vectorielle. La méthode vectorielle étant essentielle en psychosystématique consiste en ce que chaque unité linguistique est conçue et décrite comme une unité dynamique, examinée au cours de son actualisation. L'idée du vecteur contribue à la représentation de l'unité de langue qui est dynamique au niveau de la langue et au niveau du discours [Skrelina 1987:34]. La méthode vectorielle comprend la suite des vecteurs reflétant le mouvement de la pensée et des saisies de ce mouvement effectuées par la pensée. Les dernières correspondent à l'intention du sujet parlant qui arrête le déroulement des opérations mentales. L'examen du contexte vertical au niveau du signifiant se réalise au moyen de la méthode fonctionnaliste. Elle comprend deux procédures: l'étude de la structure du phénomène en question et la définition de ses fonctions. La définition des traits pertinents du modèle universel est le point de repère pour les deux procédures.

La méthode vectorielle et la méthode fonctionnaliste sont liées et elle se complètent. La méthode vectorielle sert à expliquer les prémisses de l'actualisation de l'unité de langue. La psychosystématique étudiant le mouvement de la langue au discours, des représentations aux expressions, la méthode vectorielle fait voir ce mouvement à la première étape.

L'invariant du contexte vertical appartient à la langue. Ses réalisations concrètes se rapportent au discours. La position intermédiaire entre l'invariant et les variantes est occupée par les variantes typiques. La variante typique a un signifié et un signifiant. Le signifié est formé par le mode de déroulement du fragment-apport et par la structure sémantique des propositions qui y entrent.

Selon le mode de déroulement du fragment-apport le contexte vertical présente trois types. Le premier type prévoit le contexte vertical où les propositions du fragment-apport expriment la même signification. Ce sera le schème conceptuel à un vecteur, désignant l'apport. Le deuxième type a en vue le contexte vertical dont les propositions du fragment-apport expriment des significations

différentes. Ce sera le schème conceptuel à deux vecteurs qui viennent du même point désignant le support sur le vecteur horizontal. L'un de ces vecteurs tombe droit, l'autre forme avec lui un angle. Le troisième type prévoit le contexte vertical au support qui se divise en composantes dont chacune est suivie d'un apport. Ce sera un schème conceptuel au nombre de vecteurs verticaux corrélatif au nombre de composantes. Les vecteurs verticaux viennent du même point du vecteur horizontal. Le premier type est appelé le contexte vertical à une signification, le deuxième – le contexte vertical à deux significations, le troisième – le contexte vertical aux composantes du support.

La structure sémantique du type du contexte vertical trouve sa concrétisation dans la structure actancielle des propositions formant le fragment-apport. La structure actancielle s'organise autour du prédicat qui représente la situation. La situation est un fragment de réalité décrit dans la proposition (l'énoncé). Les types des situations sont en corrélation avec les classes des prédicats et déterminent la sémantique des propositions. Les fragments-apports contiennent des propositions d'identification, de classification, de caractérisation, d'état, de relation, des propositions locales et actionnelles.

Les prédicats, en traduisant la situation, imposent l'idée du nombre et du caractère des actants. Le nombre d'actants est déterminé par les valences du prédicat, c'est-à-dire par les rôles sémantiques qu'il attribue aux substances.

A chaque situation typique du contexte vertical comme son signifié correspond comme signifiant son modèle universel. Le modèle universel typique se forme à la base du modèle universel de l'invariant au moyen de la concrétisation de ses composantes: les modèles des propositions représentent les formes primaires de l'expression de leurs structures sémantiques.

Les réalisations concrètes du contexte vertical ont comme signifié le sens. Le signifiant est la structure superficielle du texte. Elle est formée au moyen de la concrétisation lexico-syntaxique du modèle universel typique.

Notre but qui consiste à établir, comment les présupposés de l'imprécision de l'objet influencent la structure sémantique et lexico-syntaxique du fragment-apport dans le contexte verticale à deux sujets est en accord avec l'idée de M.M. Bakhtine sur la polyphonie du

texte. Le plan du locuteur est considéré comme la reproduction dans le contexte de l'acte de parole dont le sujet de parole est le centre. Le mot d'autrui devient non l'objet en soi, mais l'objet de l'intention de l'auteur. Le discours narratif étant un contexte d'introduction crée la perspective pour le discours d'autrui, crée la situation et toutes les conditions pour sa réalisation, y apporte ses accents [Bakhtine 1975: 170]. De cette façon les moyens de la mise en forme de la parole rapportée et les moyens de son introduction dans le contexte sont les deux choses étroitement liées [Bakhtine 1975: 153]. L. Danon-Boileau et J. Bouscaren parlent de l'interaction du plan du locuteur avec le plan de l'énonciateur en affirmant sa liaison étroite avec le contexte qui l'introduit [Danon-Boileau, Bouscaren 1984: 57].

Le problème de la corrélation du contexte d'introduction et du discours rapporté peut être résolu par l'examen du contexte vertical car cette corrélation dans le contexte vertical considéré au cours de sa formation devient dynamique. Selon M.M. Bakhtine la dynamique doit trouver son expression linguistique concrète dans les schémas de transmission du discours d'autrui et dans les variantes des schémas de base.

Le schéma ne se réalise que sous la forme d'une variante particulière. C'est dans les variantes que s'accumulent les changements, au cours des siècles et des décennies, et que se stabilisent les nouvelles habitudes de l'orientation active à l'égard du discours d'autrui, lesquelles se fixent ensuite sous forme de représentations linguistiques durables dans les schémas syntaxiques.

Dans le contexte vertical à deux sujets le locuteur (le deuxième sujet sémantique) peut correspondre à la transmission de la perception, des sentiments, des pensées, exprimés explicitement ou implicitement dans la proposition initiale (contexte d'introduction). Explicitement la situation de perception est traduite par trois éléments: prédicat de perception, sujet sémantique (locuteur) et objet sémantique. L'objet sémantique en suivant le prédicat est en présupposé par rapport à lui. L'objet serait présupposé par une question implicite qu'on poserait sur lui. La structure syntaxique de la proposition a aussi trois éléments en corrélation avec les éléments de la structure actancielle: S – V – C. Le complément d'objet direct est en présupposé par rapport au prédicat verbal, dont il réalise la valence droite [Borodina, Skrélina 1982: 8]. Ainsi les présupposés sont situationnels et linguistiques en même temps.

La structure grammaticale de la proposition du fragment-apport est en corrélation avec les éléments du niveau sémantique, elle entre en relation de symétrie avec la structure actancielle. L'anaphore *c'*, substituant l'objet de perception dans la proposition du fragment-apport, assure la fonction du sujet grammatical S2. Le verbe *être* à la IIIe personne du singulier à l'imparfait le suit – V2. V2 est suivi de C2 – attribut *Mme Forestier*. Les petits caractères font voir que ces termes de la proposition sont en dehors du cadre S – V – C. Ainsi l'ordre des mots correspond à celui de l'invariant et les termes syntaxiques sont en corrélation avec les éléments de la structure actancielle, ils sont présentés dans leurs significations primaires. Les fonctions syntaxiques des éléments de corréférence correspondent à celles de l'invariant: l'antécédent-objet, *une femme*, est le complément direct, l'anaphore *c'* dans la proposition du fragment-apport assure la fonction syntaxique du sujet. La structure communicative du contexte vertical prévoit la progression communicative du rhème *une femme* au thème *c'* de la proposition du fragment-apport ce qui correspond au trait pertinent de l'invariant. Cela concerne aussi les fonctions syntaxiques des éléments de la structure communicative: la progression communicative vient du complément C1 au sujet grammatical S2. On pourrait conclure que le contexte vertical en question reproduit fidèlement l'invariant avec son signifié et son signifiant. Cependant si on relit attentivement notre exemple on voit des choses qui dépassent et le signifié et le signifiant. Premièrement outre l'unité support-apport présentée par le contexte vertical et sa concrétisation sémantique réalisée par la structure actancielle apparaissent les connotations qui s'expliquent par la présence des présupposés mettant en valeur le caractère inconnu de l'objet pour le sujet sémantique. Le prédicat de relation traduit par le verbe de perception *apercevoir* organise la proposition seulement en réalisant sa valence de l'objet. Pour que cet énoncé (la première proposition) ait lieu il faut absolument mettre en focus le terme traduisant l'objet (*une femme*). On a en vue le fait que la femme aperçue par m-me Loiseau est une inconnue. Ce présupposé est qualifié comme situationnel. Il est aussi linguistique car il détermine le caractère du prédicat dans la proposition du fragment-apport qui reproduit l'observation de l'objet par le locuteur. Cette influence ne s'explique pas seulement par le

prédicat de perception visuelle *aperçut*. Le fragment-apport exprime la propriété de l'objet sémantique qui est traduit par le nom avec l'article indéfini *une femme*. Ces propriétés révèlent la vision du locuteur.

Le modèle universel fait voir que cette connotation étant déterminée par le présupposé situationnel organise la structure de la deuxième phrase (S2 – V2 – C2 – □ – □ – □) ce qui est la réplique à la réalisation de la valence droite du prédicat verbal par l'objet grammatical avec un article indéfini. La structure S2 – V2 – C2 est compliquée par trois déterminants détachés *toujours jeune, toujours belle, toujours séduisante*, formant la gradation ternaire. Ces termes homogènes expriment après la perception du sujet sémantique (le verbe *aperçut* dans la première proposition), après l'identification (la structure prédicative dans la deuxième proposition) le sentiment d'enthousiasme. Chacun des termes est précédé de l'adverbe *toujours*, il se répète trois fois, ce qui accentue davantage la subjectivité du contexte verticale en question.

Le présupposé de l'indétermination amène la transposition du fragment-apport de perception en fragment-apport de pensée et en fragment-apport de sentiment. L'apparition de trois plans du sujet-locuteur est accompagné des connotations qui conditionnent le sens du contexte vertical.

Bibliographie

1. *Aroutiounova N.D.* La notion du présupposé en linguistique // *Isvestia de l'Académie des sciences de l'URSS. Lettres et linguistique.* – 1973. – V. 32 – N 1.
2. *Bakhtine M.M.* Questions de la littérature et de l'esthétique. M.: Belles Lettres, 1975. – 502 p.
3. *Borodina M.A., Skrélina L.M.* Les catégories du sujet et de l'objet dans les langues romanes // *La catégorie du sujet et de l'objet dans les langues des types différents.* – Leningrad: Naouka, 1982. – P. 4–22.
4. *Ducrot O.* Les lois de discours // *Langue française.* – 1979. – N 42. – P. 21–33.
5. *Egorova O.S.* Problèmes actuels de la syntaxe communicative // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy Vestnik. Gumanitarnyye nauki.* – Yaroslavl.: Izd-vo YaGPU, 2014. – № 4. – T. 1. – P. 116–119.
6. *Guillaume G.* Principes de la linguistique scientifique / Traduit et présenté par L.M. Skrélina. – 2-e tirage. – M.: Editorial URSS, 2004. – 224 p.
7. *Kerbrat-Orecchioni C.* L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. – P.: Armand Colin, 1997. – 290 p.

8. Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge-University Press, 1981. – Vol. 2. – 897 p.

9. Palmer F.P. Semantics, a new outline. – Cambridge-London-New-York- Melbourne, 1976.

10. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. – P.: Presses Universitaires de France, 1999. – 646 p.

11. Skrélina L.M. Le temps opératif et la structure de la phrase // Langage et psychomécanique du langage. – Lille: Presses Universitaires de Lille et Québec: Presses de l'Univ. Laval, 1980–1981. – P. 87–96.

12. Skrélina L.M. La synonymie grammaticale.– L.: L'Université Herzen, 1987. – 84 p.

13. Skrélina L.M. L'école de Guillaume: psychosystématique. – M.: Vischaia chkola, 2009. – 367 p.

Теребихина Инна Юрьевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
и РКИ Северного государственного медицинского
университета (СГМУ), г. Архангельск

ЧЕТЫРЕХСУБЪЕКТНЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ

Terebikhina Inna Yu.,
Senior Lecturer,
the Department of Foreign Languages and Russian as a Second Language,
Northern State Medical University, Arkhangelsk

FOUR-SUBJECT VERTICAL CONTEXT AT THE CONTEMPORARY PIECES OF WRITING OF THE FRENCH AUTHORS

Аннотация: в настоящей статье автор продолжает исследование особого типа дискурса – вертикального контекста, представляющего собой единство означаемого и означающего. Термин «вертикальный контекст», использующийся в рамках теории психосистематики, основывается на определенном подходе к исследованию дискурса. Представленный подход опирается на идею концептуальной схемы предложения и предусматривает применение методики векторного анализа. Концептуальная схема верти-

кального контекста воспроизводит логическую последовательность ментальных операций, направленных от опоры к вкладу. Применение структурно-функционального метода позволяет установить речевые реализации типовых вариантов путем описания функций изучаемого явления и определения его структуры. Основанием для подобного рассмотрения служат дифференциальные признаки вертикального контекста. Осуществляется попытка проследить тенденции употребления несобственно-прямой речи в современной французской литературе в рамках вертикального контекста. При этом мы добавляем четырехсубъектный план вертикального контекста.

Abstract: in this article the author keeps on exploring a special type of discourse – vertical context which signifies the unity between signicatum and significant. A term “vertical context” utilized in the theory of the psychosystematics is based on the given approach to studying the discourse. A presented approach is substantiated by the idea of a conceptual scheme of the sentence, and it stipulates a method of vectorial analysis. The conceptual scheme of the vertical context would reinstate the logical sequence of mental operations directed from support to import. The use of structural and functional method would allow to establish the speech-related implementations of the type variants by means of utilizing the function for describing a notion being studied and by means of determining a notion's structure – and all that being substantiated by differential signs of the vertical context. An attempt is being undertaken to track the tendencies of utilizing the experienced speech at the contemporary French literature within the vertical context. Herewith we supplement a four-subject plan of the vertical context.

Ключевые слова: вертикальный контекст, полилог, инвариант, типовой вариант, субъект, опора, признак, несобственно-прямая речь.

Keywords: vertical context, polylogue, invariant, type variant, subject, support, sign, experienced speech.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.21.33 Лингвистика текста*

Исследователи вертикального контекста в рамках психосистематики фокусировали свое внимание на одно- и двусубъектном, реже – трехсубъектном виде вертикального контекста, содержащим чужую речь [11, 10, 18, 7, 17].

В настоящей статье предлагается рассмотрение особенностей структуры четырехсубъектного вертикального контекста с чужой речью на материале произведения современной французской писательницы Fred Vargas «L'armée furieuse» [20].

Изучение вертикального контекста с позиций психосистематики, инициированное Т.Я. Кузнецовой [11], базируется на идее концептуальной схемы предложения, разработанной Л.М. Скрелиной [14]. Идея концептуальной схемы предложения основывается на учении Гюстава Гийома об инцидентности (incidence) и предусматривает применение методики векторного анализа, разработанной основателем психосистематики [9]. Инцидентность, разъясняет Л.М. Скрелина, в общем виде, является процессом и механизмом соотношения частей, имея в виду части целого как единицы языка либо части целого как единицы речи. В русском эквиваленте термину «инцидентность» более всего, по мнению ученого, соответствует слово «соотнесенность», так как показывает именно процесс соотношения чего-то с чем-то, а не результат. Именно значение процесса коррелирует со значением динамизма и кинетизма французского термина incidence. [16].

Речь идет о соотношении элементов значения слова, таких как «вклад» и «опора». Слово рассматривается в психосистематике прежде всего как носитель значения – apport (de signification) – вклад – понятие, в категориальном плане еще неоформленное, которому на уровне языка предопределяется место нахождения, или опора support (de signification). Соотнесенность этих семантических элементов и называется инцидентностью. [16].

С помощью данных терминов – опоры и вклада – возможно проведение концептуально-семантического анализа слова, предложения, а также дискурса – наиболее объемной языковой единицы [8].

По Гийому, опора представляется в предложении подлежащим, а сказуемое – вкладом. В речи всегда есть то, о чем говорится, то есть опора, к чему вклад – то, что будут говорить о предмете речи, инцидентен [18].

Вертикальный контекст представляет собой такой тип дискурса, начальное предложение которого содержит опорное слово (предмет мысли и речи), а следующие предложения, составляющие развертывающий фрагмент, содержат признак к опорному слову.

Вслед за Т.Я. Кузнецовой, мы исследуем реализации типового варианта вертикального контекста на следующих уровнях: концептуальном, семантическом, синтаксическом, коммуникативном [11, 10].

Вертикальный вектор, изображающий контекст в процессе его развертывания, дал название этому виду дискурса. На горизонтальной оси (см. рис. 1) располагается вектор, представляющий предложение 1, с глаголом, обозначающим законченное действие. Вектор вертикальной оси представляет предложение 2. Этот вектор берет свое начало в точке горизонтального вектора, обозначающей опору для вертикального контекста, и идет вниз по вертикали, развертывая вклад к опоре путем ее описания. Векторная методика позволяет установить означаемое (концептуальную схему) вертикального контекста, а также его типовые варианты. С помощью структурно-функционального метода изучается означаемое (универсальная модель вертикального контекста), устанавливаются речевые реализации типовых вариантов путем описания функций рассматриваемого явления и определения его структуры (см. рис. 2). Дифференциальные признаки вертикального контекста служат исходным основанием для подобного рассмотрения.

Рис. 1. Концептуальная схема вертикального контекста

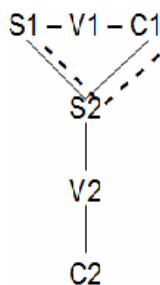

Рис. 2. Универсальная модель вертикального контекста

Знак равенства в универсальной модели указывает на тождество референции в вертикальном контексте. Две линии $S1 - S2$ указывают на то, что тождество референции может быть создано подлежащими первого и второго предложений. Линии $C1 - S2$ изображают тождество референции между дополнением первого предложения и подлежащим второго.

Выделяются следующие дифференциальные признаки инварианта: определенный порядок слов S-V-C, где S – подлежащее, V – глагольное сказуемое, и C – дополнение (прямое или косвенное) либо

атрибутив; создание тождества референции именем собственным – антецедентом и личными местоимениями в качестве анафоры, коммуникативная прогрессия в соотношении ее компонентов с их синтаксическими функциями, первичный способ выражения семантики предложений, употребление времени *passé simple* в первом предложении и *imparfait* в развертывающих предложениях [10].

С коммуникативных позиций в предлагаемом вертикальном контексте мы выделяем субъекта-автора, субъекта сообщения, субъекта наблюдения и субъекта чувства (оценки), создающих четырехсубъектность этого типа дискурса. Типологически относится к вертикальному контексту с разнонаправленным развитием признака к опоре.

1. **Cet homme** la rassurait un peu.
2. Paris l'affolait, et sa décision encore plus.
3. Partir en douce, mentir aux enfants.
4. Et si le train ne la ramenait pas à la bonne heure?
5. Et si elle manquait le car?
6. **Ce policier** parlait doucement, un peu comme s'**il** chantait.
7. Sûrement **pas quelqu'un de chez eux**.
8. Non, plutôt **un petit homme du Sud**, avec la peau mate et les traits creusés.
9. A **lui**, elle aurait bien raconté son histoire, 9b. mais *le vicaire* avait été très claire là-dessus.
10. Ce devait être au commissaire Adamsberg et à personne d'autre.
11. Et *le vicaire* n'était pas *n'importe qui*, 11b. *il* était *cousin de l'ancien procureur de Rouen*, qui s'y connaissait beaucoup en policiers.
- 12a. *Il* ne lui avait donné le nom d'Adamsberg qu'à contrecœur, lui déconseillant de parler, 12b. et certain qu'elle ne ferait pas le voyage.
13. Mais elle ne pouvait pas rester terrée alors que les événements se déroulaient.
14. S'il arrivait quelques chose aux enfants.
15. – Je ne peux pas parler qu'à ce commissaire.
16. – **Je suis le commissaire**.

Исходной концептуальной категорией единиц разных уровней, включая дискурс, является опора (логическое лицо). В данной реализации вертикального контекста на концептуальном уровне выделяются три опоры O1, O2 и O3 (см. рис. 3), или три логических лица: **cet homme** (в предложении 1), **la** (в предложении 1) и **le vicaire** (в предложении 9b). отметить как представлены опоры. Для наглядности в тексте и в анализе мы применили разные способы выделения для обозначения выше указанных опор.

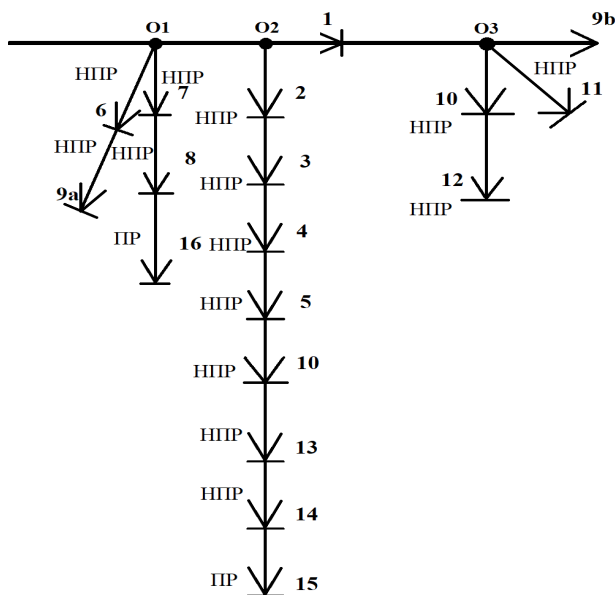

Рис. 3. Концептуальная схема вертикального контекста с тремя опорами

Исследуемый вертикальный контекст организован в виде полилога между субъектами, репрезентирующими опоры, который, в большей степени, строится на предложениях с несобственно-прямой речью. Диалогичность несобственно-прямой речи как категории формы подтверждается высказыванием М.М. Бахтина: «происшедшие факты даны через событие говорения в виде несобственно-прямой речи, в пространстве полилога» [6].

Предложения с 1 по 14 представляют несобственно-прямую речь опоры 2, репрезентируемой прямым дополнением *la*. Предложение 10 представляет особый интерес, это несобственно-прямая речь опоры 3, дублируемая опорой 2. Предложение 15 этой же опоры предстает в виде прямой речи. Завершает вертикальный контекст предложение 16 опоры 1, изображенное также прямой речью.

Семантика глаголов разнопланова. Это предикаты: акциональные: 1, 6; реляционные: 10, 12a, 12b; квалификативные: 7 (классифицирующее), 8 (классифицирующее), 9б (характеризующее), 11, 16 (классифицирующее); статальные: 2, 3, 4, 5, 9а, 13, 14, 15.

В предложении 1 (см. рис. 4) обнаруживаем предикат *gassurer* в *imparfait* с акциональной семантикой в основной форме выражения, в результате действия которого героиня, репрезентируемая опорой 2, получила наконец возможность размышлять, что подтверждается при анализе предложений 2 – 14. Предложения 15 и 16 воспроизводят прямую речь с нулевым авторским вводом. Предложение 2 со статальным предикатом *affoler* в *imparfait* возглавляет вереницу следующих предложений с таким же значением, составляющих развертываемый признак к опоре *la*: предложение 3 – *Partir en douce, mentir aux enfants* – не что иное, как «компонент предикативного комплекса» с опущенным предлогом к подлежащему *sa décision*, находящемуся в предыдущем предложении. Эта функция инфинитива считается наиболее частотной в современном французском языке [8]; предложения 4 и 5, описывающие переживания субъекта 2, с предикатами *gamener* и *manquer* в *imparfait*, вводимыми условным союзом *si*, для выражения будущего действия. То есть, в предложениях 2, 3, 4 и 5 употребляются статальные предикаты с вторичными способами выражения состояния, что является типичным при описании чувств. В предложении 2 *Paris l'affolait, et sa décision encore plus* происходит изменение его синтаксической структуры, сохраняющее содержание высказывания, а именно взаимозамена актантов [8]: Париж не может свести с ума и обескуражить кого-либо, это она сама пришла в полную растерянность, пребывая в Париже. Предложения: 2 *Paris l'affolait, et sa décision encore plus* и 3 *Partir en douce, mentir aux enfants* составляют одно логическое предложение, но синтаксически разбито на два, что отражает особенно-

сти обрывистого мышления женщины, находящейся в смятении. Предложения 4 и 5 также используют вторичную функцию imparfait (предикаты *gamener* и *manquer*) для выражения будущего времени при транспозиции в несобственно-прямой речи.

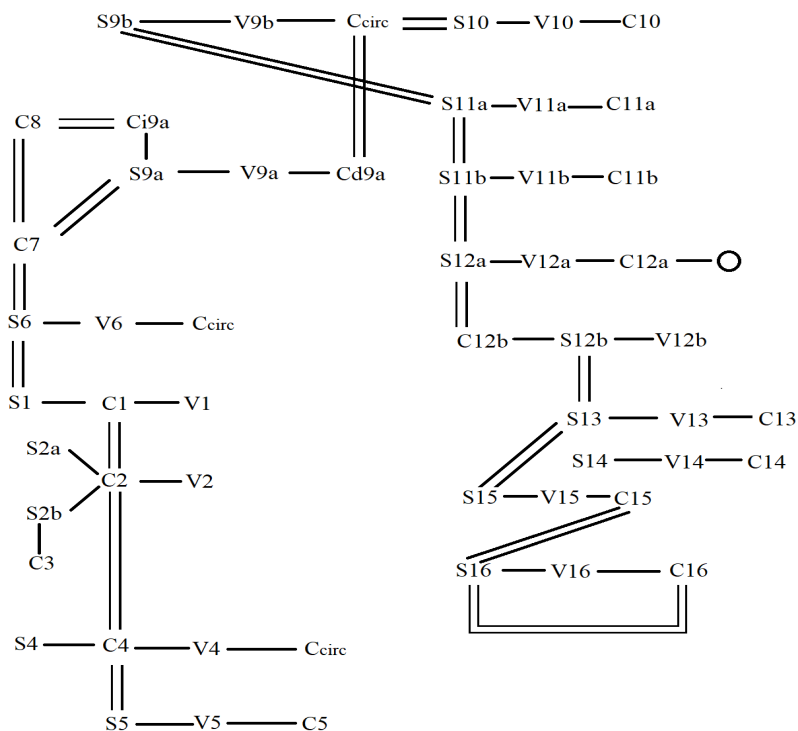

Рис. 4. Типовой вариант универсальной модели

Предикат предложения 6 *parler* в imparfait, в первичной форме выражения, имеет акциональную семантику и продолжает воплощение замысла концептуальной идеи – успокоить растерявшуюся мадам. Предложения 7 и 8 содержат классифицирующий признак мужчины для описания его внешнего вида: **pas quelqu'un de chez eux, un petit homme du Sud** с опущенными подлежащим и связкой, в первичном значении, подчеркивая разницу во внешности северного и южного типа французов, зафиксированную в восприятии героини.

Южный человек невысокого роста с матовой кожей осознается как «чужой», а «несмотря на высокую степень дружелюбности и близости, «чужой» не делается «своим» [13].

Поэтому она не решается открыться этому человеку, что репрезентируется статальным предикатом предложения 9a *aurait bien raconté*. *Conditionnel passé* в первичной функции выражает предполагаемое действие и относится к текущему моменту, которое могло бы произойти, если бы не важное условие – запрет на это викария, отраженный в характеризующем предикате типичной формы *avait été très claire* – в *plus-que-parfait*, в предложении 9b горизонтального вектора. Именно здесь подключается третья опора – викарий – *le vicaire*. Физически он не присутствует в данной сцене, но его убедительный взгляд на определенное решение вопроса коренным образом меняет поведение героини, а следовательно, построение полилога. Не будь его запрета, она тотчас бы рассказала все этому полицейскому, что и подчеркивается употреблением *conditionnel passé* в предложении 9a. Данный тип участника общения описан В.Н. Бабаяном как имплицитный «молчащий наблюдатель» [2, 3, 4]. Голос молчащего наблюдателя – викария звучит в ушах героини, из-за чего она не может сразу открыться полицейскому, вызвавшему у нее симпатию, рискуя вызвать неодобрение имплицитного наблюдателя, являющегося для нее авторитетным лицом [2, 4]. Предложения 10, 11 и 12 составляют признак к третьей опоре. Реляционная семантика предиката предложения 10 в основной функции *devait être au commissaire* дает начало первой ветви признака. Несобственно-прямая речь викария в предложении 10 сливается с несобственно-прямой речью героини и образуется, по М.М. Бахтину, особое «двуголосое» слово. В этом проявляется суть диалогичности несобственно-прямой речи, как категории содержания: «внутренние противоречия и этапы развития одного человека драматизируются в пространстве, и поэтому его герой может беседовать со своим двойником, с чертом, со своим alter ego, со своей же карикатурой» [6]. Почтительное отношение к родственным связям викария обнаруживается в классифицирующих предикатах предложения 11 в первичной функции *n'était pas n'importe qui, il était*

cousin de l'ancien procureur, в imparfait. Предикат предложения 12 *ne lui avait donné le nom... qu'à contrecœur*, обозначенный глаголом *donner* в plus-que-parfait, выражает реляционный признак во вторичной функции, подчеркивающий нежелание викария называть имя комиссара, что подтверждается обстоятельством определенным определением *déconseillant*, выраженным причастием настоящего времени в первичной функции и предикативом с опущенной связкой *certain qu'elle ne ferait pas le voyage*. Предложения 11, 12a и 12b, описывающие статус и действия викария, разворачиваются во второй (11) и в продолжении первой (12) ветви к опоре 3 *le vicaire*. Статальный предикат предложения 13 *ne pouvait pas rester terrée* во вторичной функции показывает, что логическое лицо 2 *là* осознает необходимость перехода от переживаний к действиям в тот момент *alors que les événements se déroulaient*, являющийся обстоятельством времени. При этом логическое лицо 2 по-прежнему не может сдерживать своих чувств, о чем свидетельствует статальный признак предиката *arriver quelques chose*, употребленного в imparfait, во вторичной функции после условного союза *si* в предложении 14. В обоих предложениях предикат выражен imparfait, типичным для передачи несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь в этих предложениях передает «внутренний монолог как единственно подходящая форма его передачи». [1]. В предложении 15, оформленном в виде прямой речи, ее идея фикс также передана статальным предикатом во вторичной функции *ne reux pas parler qu'à...*, но уже в презенсе.

Завершает вертикальный контекст предложение комиссара 16, переданная прямой речью с первичным значением классифицирующего признака **Je suis le commissaire** в présent, с определенным артиклем при предикативе, что свидетельствует о большей актуализации существительного [8].

Таким образом, изучив семантику предикатов в данном вертикальном контексте, приходим к выводу о том, что акциональные предикаты (1, 6) характерны для поведения мужчины, а статальные, выражающие чувства и переживания, свойственны женщине (2, 3, 4, 5, 9a, 13, 14, 15), что отражает картину полоролевых стереотипов.

Первичный способ выражения семантики обнаруживаем в предложениях 1, 6, 7, 8, 9a, 9b, 10, 11, 16. Вторичный способ выражения семантики – в предложениях 2, 3, 4, 5, 12, 13, 14, 15. Налицо отличия от дифференциальных признаков инварианта, где все предложения имеют первичный способ выражения.

На горизонтальной оси располагается вектор, представляющий предложение 1, выражающее законченное действие. Отметим, что законченное действие представлено глаголом в *imparfait*, употребленном в данном случае стилистически (*emploi stylistique, pittoresque, de cinéma* [8, 19]). Употребление имперфекта в начальном предложении вертикального контекста обычно несвойственно последнему. Однако, поскольку функцией горизонтального вектора является ввод начального предложения вертикального контекста с законченным действием, употребление имперфекта в этой роли не нарушает условий существования универсальной модели вертикального контекста, требующей употребления *Passé simple* (простого прошедшего времени). *Imparfait pittoresque* открывает повествование, замедляя течение времени и выделяя действие [8, 19]. По Гийому, помимо выражения длительности, имперфект содержит частицу предшествования и может рассматриваться в перспективе, что и лежит в основе его модальных значений и стилистических случаев употребления [8].

Первая опора объект наблюдения antecedent **cet homme** (S1) разворачивается далее в анафорах: **ce policier** (S2), **il** (S6), **pas quelqu'un de chez eux** (C7), **un petit homme du Sud** (C8), **lui** (C9a), **je** (S16), **le commissaire** (C16).

Элемент тождества референции **le commissaire** (16) выступает с определенным артиклем в именной части сказуемого при обозначении должности, что нехарактерно для существительного, не имеющего при себе определения. В этом проявляется текстообразующая функция анафорического артикля **le**, отсылающего слушающего или читающего к предшествующей информации [15]. Это именно тот комиссар, о котором вопрошает дама в предыдущей реплике – **ce commissaire** (15). Учитывая характер артикля **le**, восходящий к латинскому указательному местоимению *ille* – тот, формы **le** и **se** в данном случае являются синонимичными = тот самый.

Вторая опора начального предложения – субъект наблюдения антецедент *la* (личное приглагольное объектное местоимение C1) является организующим звеном в порождении вертикального контекста, проходя через разворачивающийся фрагмент в виде местоименных субститутов *la*, *elle* (S 4 раза), *lui*, *je*. В целом, зачин вертикального контекста с несобственно-прямой речью часто происходит с употреблением личных приглагольных местоимений-дополнений, так как при этом фигурируют два субъекта: субъект сообщения и субъект наблюдения. Последовательность порядка слов S-V-C в данном случае нарушается: S1-C1-V1, что говорит о появлении второго субъекта.

Третья опора, антецедент *le vicaire* (S9b), появляющаяся лишь в предложении 9b, выражена существительным с определенным артиклем в функции подлежащего, подхватывается анафорами *le vicaire* (S11a), *n'importe qui* в отрицании (C11a), *il* (S11b, S12a), *cousin de l'ancien procureur de Rouen* (C11b).

Коммуникативная прогрессия, характеризующая первую опору, прослеживается от темы начального предложения T1 → T6 → R7 → R8 → R15 → T16, при этом тема во всех трех предложениях выражена подлежащим, рема в обоих – именной частью сказуемого. Это является отступлением от инварианта, где тема-рематическое членение переходит от темы к теме, если опора была выражена именем существительным в функции подлежащего. Коммуникативная прогрессия второй опоры проходит от ремы начального предложения R1 → T2 → T4 → T5 → T9a → T13 → T15. В данном случае рема выражена прямым дополнением, так же как и темы в двух последующих предложениях, а темы последних четырех – подлежащим; это также показывает отступление от инварианта, в котором за ремой-дополнением следует тема-подлежащее. Отступления в обоих случаях объясняются наличием в полилоге несобственно-прямой речи второго персонажа, воспроизводящей разговорную речь с опущением презентатива *s'est* и транспонированием личных местоимений. В третьей опоре коммуникативная прогрессия развивается так: T9b → T11 → T12, тема обозначена подлежащим, что совпадает с универсальным вариантом.

В анализируемом типовом варианте вертикального контекста обнаруживаем следующие отступления от инварианта: появление нескольких, а именно, трех опор в концептуальной схеме, причем третья опора обнаруживается лишь в девятом предложении; в начальном предложении – вторичный способ выражения законченного действия глагола *rassurer*, представленного *imparfait*; в развертывающих предложениях – помимо традиционного употребления *imparfait* встречаем *présent*, *conditionnel passé*, а также неличные формы глагола; нарушение последовательности порядка слов: S1-C1-V1; равное количество предложений с первичным и вторичным способом выражения семантики; отступления в коммуникативной прогрессии в двух случаях из трех. Участие молчащего наблюдателя в полилоге придает последнему специфичность построения и обозначается лексическими и стилистическими языковыми средствами одним из активных участников общения. Представленный типовой вариант отображает современные тенденции употребления чужой речи в вертикальном контексте с несколькими субъектами.

Источники и литература

1. Андриевская А.А. Несобственно-прямая речь в художественной прозе Луи Арагона. – Киев: Издательство Киевского университета, 1967. – 172 с.
2. Бабаян В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи: дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Бабаян Владимир Николаевич. – Ярославль, 2009. – С. 389.
3. Бабаян В.Н. Молчащий наблюдатель и феномен молчания как коммуникативная стратегия в диалоге. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2009. – 6 стр.
4. Бабаян В.Н. Невербальные средства общения в диалогическом дискурсе терциарной речи. Вестник Вятского государственного университета. 2016. – С. 4.
5. Бахтин М.М. Слово в романе // Литературоведение и критика. Sacrum. СПб.: Пальмира, 2017. – 229 с.
6. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960–1970-х гг. – 800 с.

7. Гагарина Л.С. Вертикальный контекст: К проблеме СФЕ, содержащего несобственно-прямую речь: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05. Архангельск, 2003. – 185 с.

8. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М: Добросвет, 2004. – 862 с.

9. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.

10. Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст как вид сверхфразового единства во французском языке (когнитивный аспект). Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 2007. – 248 с.

11. Кузнецова Т.Я. Вертикальный контекст: К проблеме сложного синтаксического целого: дис.... доктора филологических наук: 10.02.05. Архангельск, 1995. – 367 с.

12. Кузнецова Т.Я. Перевод с позиций вертикального контекста. Архангельск: Издательство «Кира», 2018. – 168 с.

13. Прилуцкий А.М. Образ «Чужого» как предмет мифологической семиотизации // Вестник РХГА. 2015. № 1. – С. 67–73.

14. Скрелина Л.М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения / Под ред. Л. М. Скрелиной. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. – С. 61–70.

15. Скрелина Л.М., Становая Л.А. Теоретическая грамматика французского языка. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 386 с.

16. Скрелина Л.М. Школа Гийома: психосистематика: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2009. – 367 с.

17. Теребихина И.Ю. Дифференциация видов чужой речи в вертикальном контексте // Когнитивные исследования языка. Тамбов. № 31. – 2017. – С. 162–168.

18. Guillaume G. Leçons de linguistique, 1948–1949. Série C. publ. par R. Valin. Québec: Presses de l'Univ. Laval. P.: Klincksieck, 1973. – 256 p.

19. Laurent N. Collection: Bescherelle français – Références. La grammaire pour tous / N. Laurent, B. Délaunay. – P.: Hatier, 2012. – 319 p.

20. Vargas F. L'armée furieuse. Viviane Hamy, 2011. – P. 21.

Турбина Ольга Александровна,
доктор филологических наук, директор Лингвистического центра,
профессор кафедры лингвистики и перевода
ФАГОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»
г. Челябинск, turbina371@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСОЛОГИЯ И ПСИХОСИСТЕМАТИКА

Turbina Olga A.,
Doctor of Philology, Director of the Language Centre, professor at the
Department of Linguistics and Translation, Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education “South Ural State University
(National Research University)” Chelyabinsk, turbina371@mail.ru

LINGUISTIC DISCOURSE ANALYSIS AND PSYCHOMECHANICS OF LANGUAGE

Аннотация: в предлагаемой статье представлены примеры применения основных методов психосистематики (векторного, инцидентного анализа) к анализу семиозиса отдельных речевых единиц и комплексных сентенциальных речевых знаков – текстов.

Abstract: the article represents the usage of the main methods of psychomechanics of language (vector, and incidence analysis) to the analysis of the semiosis of the separate discourse units and complex sentential discourse signs – texts.

Ключевые слова: лингвистическая дискурсология, психосистематика, векторный анализ, система речи, речевой семиозис, дискурсивные единицы, дискурсивные значения.

Keywords: linguistic discourse, psychomechanics of language, vector analysis, system of speech, speech semiosis, discourse units, discourse meanings.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.41.21 Индоевропейские языки*

Современная лингвистическая дискурсология – это активно развивающаяся отрасль языкознания, пересекающаяся с целым рядом направлений: когнитивной лингвистикой, лингвистикой текста, лингвистической прагматикой, теорией речевых актов и др. Точнее, в действительности, она включает в свой корпус все

эти направления, являясь по сути наукой о системе речи. Это не просто сближает лингвистическую дискуртологию с систематикой языка и речевой деятельности (психосистематикой), но и фактически включает её в психосистематику, в рамках которой ей наиболее комфортно было бы развиваться, поскольку основные положения психосистематики и её методологический аппарат дают возможность проводить анализ механизмов развертывания речевых единиц, включая механизмы речевого семиозиса компонентов дискурса, изучения способов формирования дискурсивных значений и смысловых комплексов разного уровня, что позволит получать результаты высокой степени объективности.

Современное развитие лингвистической дискуртологии в последней трети XX в. стало таким же знаковым событием, как публикация «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в 1916 году. «Курс» Ф. де Соссюра на несколько десятилетий вывел речь из фокуса лингвистической науки, сосредоточив внимание исследователей на системе языка. Дискуртология вновь обратилась к *речи* и уравнила её с основным объектом лингвистики – языком [1]. Тем не менее, основы анализа механизмов порождения речевых единиц – механизмов актуализации – по сути были определены Г. Гийомом ещё в первой трети XX в., т. е. как минимум на пол-века раньше, чем дискуртология выделилась в отдельное направление в лингвистике, ибо речевая деятельность (*langage*) в концепции психосистематики включает и язык (*langue*), и речь (*discours*) [2]. Собственно, термин *дискурс*, ключевой в понятийно-терминологическом аппарате современной лингвистической дискуртологии, в статусе научного термина был введен Г. Гийомом и происходит от французского *discours*.

Однако большинство современных лингвистов-дискуртологов не обращаются в своих исследованиях к разработанному Г. Гийомом понятийно-теоретическому и методологическому аппарату систематики языка и речевой деятельности, который позволяет совершенствовать методы и принципы анализа речевых единиц и различных видов дискурса – от малых форм до объёмных текстовых корпусов. Поясним.

Универсальными принципами (=законами) языкового представления – языка и речевой деятельности, по Г. Гийому являются:

принцип (закон) простоты;
принцип (закон) сохранения целого;
принцип (закон) бинарности внутри целого;
принцип (закон) непрерывности и каноничности языкового;
представления;
принцип (закон) отсутствия повторения.

Все они неизменно действуют в совокупности, подчиняются *требованию целого* и объединены общим принципом (законом) системности, в силу которого *язык и речевая деятельность* (langage) представляют собой систему систем, где каждый входящий в неё компонент, являясь её частью, повторяет принцип устройства и функционирования системы в целом. Следовательно, *речь* (discours) в системе речевой деятельности представляет её подсистему, а механизмы речевого семиозиса подчиняются общим принципам семиозиса языка. Таким образом, дискурсология, как уже отмечалось выше, является по сути **наукой о системе речи**, и то, что многие современные дискуртологи не рассматривают речь как систему, следует признать ошибкой.

Итак, механизмы языкового и речевого семиозиса в рече-языковой деятельности подчиняются требованию целого и связаны системными отношениями. Языковой семиозис, будучи актом виртуализации (концептуализации), представляет собой акт кодирования смысла(ов) и формирование значения(ий) на его (их) основе. Речевой семиозис (актуализация) – это акт использования языковых форм и значений в речи для выражения и передачи смысла.

Рассмотрим механизм порождения речевого целого на примере текстового семиозиса, и для анализа возьмём малую форму текста – рекламный слоган, который, несмотря на максимально ограниченный объём, включает все этапы актуализации текста (текстового семиозиса):

Смокинг. Бронезжилет. – имиджевый рекламный слоган выпущенного в 2008 году автомобиля компании BMW 'Sports Activity Coupe' – машины, сочетающей спортивность и элегантность.

Начнём с того, что семиозис текста, подчиняясь принципу системности и принципу простоты, согласно которым текст, во-первых, входя в систему речи (подсистему речевой деятельности) как её часть, сохраняет в себе фундаментальные свойства целого, т. е. сис-

темы; а во-вторых, несмотря на то, что семиозис текста оперативнее сложней семиозиса слова и высказывания, он должен быть простым и доступным для любого человека. Следовательно, семиозис текста должен разворачиваться аналогично семиозису простого (слова), или сентенционального (предложения) языкового знака и соответствующих им речевых единиц. В-третьих, языковой и речевой семиозис основаны на реализации потенциала языковой/речевой единицы. Отличие языкового (системного) потенциала единицы языка от дискурсивного потенциала речевой единицы состоит в том, что системный (языковой) потенциал знака языка, выражаясь метафорически, это то, что языковой знак знает, умеет и способен реализовать, а дискурсивный потенциал речевой единицы это то, чему единица речи способна научиться, и что она способна «придумать», сотворить. Разумеется, в силу законов (принципов) а) непрерывности и каноничности языкового представления и б) отсутствия повторения – системный потенциал знака языка и дискурсивный потенциал знака речи состоят в отношениях взаимозависимости, развивая друг друга в процессе речевой деятельности: дискурсивный потенциал развивается на базе речевого потенциала, обновляя последний оттенками значений, которые могут реализоваться в последующих речевых актах и имеют шанс закрепиться в языке [3]. Порождение речевого знака (речевой семиозис) инициируется выбором из совокупности системно-языковых значений и форм необходимого(ых) в конкретном речевом акте для успешной реализации коммуникативных целей и/или полноценного выражения информации.

Текст слогана «*Смокинг. Бронежилет*» формируют две клаузы, образованные, каждая, одним знаком языка, системный лексический и грамматический потенциал которого использован в его речевой реализации:

Смокинг – элегантный мужской костюм для особо торжественных случаев: черный или темно-синий костюм, состоящий из пиджака с обшитыми шёлком лацканами, и брюк с идентичными лацканам лампасами.

Бронежилет – элемент специальной одежды, обеспечивающий индивидуальную защиту верхней части туловища (торса) человека от воздействия огнестрельного и холодного оружия, а также от осколков снарядов, мин и гранат.

Частеречный потенциал слов *смокинг* и *бронежилет*, как имён существительных, обладающих внутренней инцидентностью, позволяет им выступать в функции именных предложений, поскольку их концептуально-семантическая схема двусоставна: содержит опору (логическое лицо – сигнификат, или потенциальное подлежащее) и вклад (референт сигнификата [4; 5], или – потенциальное сказуемое), в силу чего в речи они самодостаточны для выражения предикативности, т. е. для формирования самостоятельной клаузы (формы высказывания) в составе текста. Текст процитированного слогана структурирован в форме парцелированной конструкции, где каждый парцеллят, как уже было отмечено, представляет отдельную клаузу, автономный предикативный характер которой усиливает её полная парцелляция (отделение) от соседствующей текстовой единицы. Наряду с этим, дискурсивное значение каждой из двух клауз расширяется целым рядом ассоциативно-смысловых цепочек, провоцирующих развитие фантазии адресата и побуждающих его заинтересоваться автомобилем компании BMW 'Sports Activity Coupe':

Смокинг → **Формы 'Sports Activity Coupe' так элегантны, что сидя в нём вы будете ощущать себя как на торжественном приёме в избранном обществе.* Варианты: → **'Sports Activity Coupe' – это даже не автомобиль, а смокинг, позволяющий вам появляться в самых фешенебельных районах города;* → **За рулём 'Sports Activity Coupe' вы будете привлекать внимание самых влиятельных мужчин и самых изысканных женщин, как если бы вы появились в смокинге (который вам так идет!);* и т. п. – ряд можно продолжить.

Бронежилет → **'Sports Activity Coupe' – самый надёжный автомобиль, в котором вы будете чувствовать себя защищённым в самых непредсказуемых дорожных ситуациях.* Варианты: → **Характеристики 'Sports Activity Coupe' – обтекаемая форма кузова и его прочность, надёжное сцепление шин с дорожным полотном, удобство в управлении – обеспечивают вашу защиту и неуязвимость на дороге;* **'Sports Activity Coupe' – это не просто новая модель BMW, а автомобиль с характеристиками бронированной машины;* и т. п. – ряд можно продолжить.

Как видим, синтаксическое развертывание каждой клаузы в полное высказывание, выражающее их смысловое содержание, может быть представлено в нескольких вариантах, поскольку их дискурсивное значение достигает значительного объема в силу наполнения десигната контекстными коннотациями, провоцирующими семантические приращения, сдвиги и трансформации (импликатуры, намеки и т. п.), особенно при использовании данных речевых знаков в качестве символов, что существенно углубляет и расширяет передаваемый ими смысл (смыслы), пределы которых сложно или даже невозможно определить:

смокинг – символ изысканности и элегантности;

бронезилет – символ надежности и защищённости.

Дискурсивное отношение (текстовая связь) между дискурсивными компонентами (клаузами) слогана, формирующими целое (текст), имеет характер семантико-синтаксической импликации и указывает на подтекст: *Автомобиль BMW 'Sports Activity Coupe' создан для успешных мужчин – элегантных и brutальных (как ты!)*. То, что подтекст «читается» только в составе целого, свидетельствует о совокупной актуализации его компонентами общего и неделимого на части с тем же значением смысла.

Ещё один важный методологический принцип психосистематики – «думать рисунками» [6]. Воспользуемся им и покажем, что векторный анализ позволяет показать основные принципы текстового семиозиса:

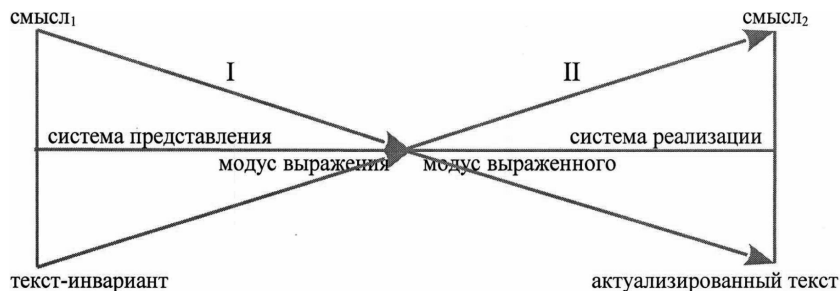

Рис. 1. Общая схема семиозиса текста

[7]

Все текстовые связи по характеру связующих функций делятся на смысловые (понятийно-смысловые) и структурные (структурно-грамматические). Верхняя часть коренного бинарного тензора соответствует актуализации понятийно-смыслового содержания текста, нижняя – его структурно-грамматическому оформлению. Широкая позиция участка I бинарного тензора – системно-языковой статус подлежащей актуализации единицы (текста), широкая позиция участка II – результат её актуализации в речи, т. е. результат текстового семиозиса. Преобразование языковых значений в речевые происходит в момент актуализации – узкий участок тензора.

Согласно лингвосемиотическому закону сохранения целого, соотношение составляющих (понятийного и структурного, лексико-семантического и структурно-грамматического) внутри целого в разных дискурсивных единицах неравнозначно и существенно колеблется вплоть до полного поглощения одного другим. На общей схеме текстового семиозиса, изображенного на рис. 1, актуализация слогана *Смокинг. Бронежилет.* выглядит так:

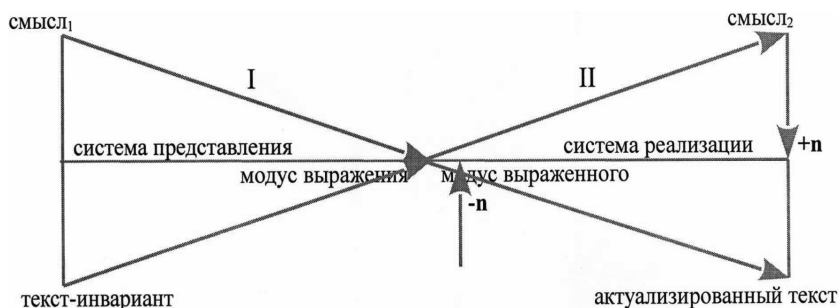

Рис. 2. Актуализация слогана *Смокинг. Бронежилет*

Как видим, векторный анализ позволяет наглядно представить механизмы и принципы речевого семиозиса, в данном случае – семиозиса текста. Лингвосемиотическая формула текста «*Смокинг. Бронежилет.*» выражает асимметричные отношения десигнат/десигнатор:

*лексическое означаемое*_{+n} + *грамматическое означаемое*_{-n} = *I*.

В плане содержания текст слогана занимает на оси актуализации позицию участка максимально широкого (+n), а в плане выражения – позицию участка максимально узкого (-n).

Таким образом, порождение речевого знака (речевой семиозис) инициируется выбором из совокупности системно-языковых значений и форм необходимого(ых) в конкретном речевом акте для успешной реализации коммуникативных целей и/или полноценного выражения информации, а методы психосистематики позволяют объективно раскрыть дискурсивные параметры актуализированных речевых единиц от отдельных дискурс-компонентов до текста.

Источники и литература

1. *Турбина О.А.* Семиозис эмогенного текста / Эмогенный текст. Под редакцией О.А.Турбиной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – С. 8.

2. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. – С. 39.

3. *Турбина О.А.* Механизмы и принципы формирования смыслового содержания текста (на материале текста рекламного слогана) / Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум. Сборник научных статей. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – Т. 2. – С. 321–326. – С. 323.

4. *Скрелина Л.М.* К вопросу о принципах изучения грамматической семантики // Грамматическая семантика. Горький, 1979. – С. 6.

5. *Скрелина Л.М.* Систематика языка и речевой деятельности. Л., 1981. – С. 30.

6. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. – С. 21.

7. *Турбина О.А.* Семиозис эмогенного текста / Эмогенный текст. Под редакцией О.А. Турбиной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – С. 41.

Тюкалова Наталья Егоровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской филологии РГПУ им. А. И. Герцена

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ АРТИКЛЯ ПОСЛЕ ПРЕДЛОГА «DE» ВО ФРАНУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Tiukalova Natalia E.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor, the Romance Philology
Department, Herzen State Pedagogical University of Russia

ON THE USE OF THE ARTICLE AFTER THE PREPOSITION «DE» IN THE FRENCH LANGUAGE

Аннотация: при попытке ответить на проблему употребления артикля во французском языке в научной и учебной литературе исследователи зачастую ограничиваются лишь описанием или интерпретацией тех или иных сложных случаев, что не всегда помогает совершить правильный выбор формы артикля при говорении. Особую сложность для русскоязычных обучающихся представляет собой группа N+de+N, где наибольшие вопросы рождает позиция после предлога de. Настоящая статья посвящена опыту рассмотрения именной группы N+de+N в свете психосистематики. Обращение к данной теории позволяет не только истолковать сложные случаи, но объяснить их, что демонстрирует не только теоретическую, но и практическую значимость данной теории.

Abstract: trying to resolve the problem of the use of the article in the French language theoretical and practical researches often don't go beyond description or interpretation of specific uses of article. Unfortunately it doesn't really help to choose the correct form of the article. The noun group with the preposition "de" N+de+N represents a particular issue for Russian-speakers. The present article aims to analyze the noun group N+de+N in the light of the theory of Psychosystematics. This theory doesn't only help to interpret specific uses of articles but also to explain them demonstrating the theoretical and practical relevance of Psychosystematics.

Ключевые слова: артикль, предлог de, именная группа, психосистематика, адъективация.

Keywords: article, preposition de, noun group, psychosystematics, adjectivization.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематические направления публикации: 16.41.21 *Индоевропейские языки*

Выбор артикля для изучающих французский язык является одной из самых принципиальных и сложных проблем. Несмотря на то, что все учебники дают, казалось бы, исчерпывающий перечень употребления французских артиклей, а также случаи, когда артикль не употребляется, при столкновении с реальной языковой действительностью учащийся зачастую стоит перед дилеммой выбора: а может артикль и вовсе не нужен? Данная ситуация в том числе объясняется определенной условностью примеров в учебниках. Они не привязаны к конкретной ситуации, эти примеры «анонимны». Поэтому, когда у учащегося возникает вопрос об употреблении артикля, преподаватель, особенно, если этот преподаватель является носителем языка, зачастую отвечает: «Все зависит от того, что вы хотите сказать». Подобная формула, казалось бы, отвечает на любой вопрос, но не вскрывает механизма, который действительно позволяет понять, какой артикль выбрать.

Данная проблема рассматривалась многими исследователями, непосредственно связанными с преподаванием французского языка. Французская исследовательница польского происхождения Лидия Лебас-Фракзак [10] после подробного исследования ошибок, допущенных нефранкоязычными носителями (по большей части поляками) обобщает данные трудности как две основные проблемы: для не-носителя французского языка основным артиклем является определенный артикль; в именной группе должен непременно присутствовать артикль (по большей части определенный). Среди прочих, она, в частности, рассматривает оппозицию – □ – un (*la chambre d'enfant – la chambre d'un enfant*). Речь не идет о вариативном употреблении, пусть вариативность и является неотъемлемой характеристикой любого развивающегося языка [3], суть, по мнению автора, в различной коммуникативной интенции говорящего. Автор достаточно логично развивает интерпретативную логику при объяснении особо сложных для славян случаев, однако, на наш взгляд, прагматическое объяснение все так же основывается на интуиции носителя и помогает объяснить уже существующие употребления, но не дать ключ для выбора того или иного артикля в реальной языковой ситуации.

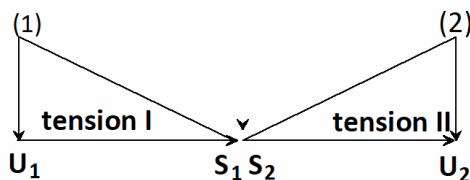
Проблема употребления артикля в именной группе N+de+N становилась объектом многих исследователей, целью настоящей

статья является попытка объяснения некоторых трудных для русскоговорящего случаев употребления артикля с точки зрения психосистематики.

Артикль, по-мнению Г. Гийома и его последователей, служит для выражения семантического объема существительного и представляет собой высвобожденное кардинальное лицо имени, т. е. «экзо-семантическую эксплицитность лица» [4]. Таким образом, кардинальное лицо существительного обладает экстенсией, которая потенциальна в языке, а в речи реализована, благодаря механизму артикля. В нашем исследовании [6], посвященном именам собственным, мы рассматривали действие данного механизма в применении к именам собственным-антропонимам, среди прочего, в исследовании объяснялся процесс перехода имени собственного-антропонима в имя нарицательное при употреблении его с артиклем. Однако для имени собственного-атропонима во французском языке характерно безартикливое употребление, поскольку имя собственное является асемантемой [7]. Проблемой теоретического обоснования нулевого артикля в свете психосистематики занималась О.А. Дубнякова [8; 9]. Какие механизмы включаются, когда артикль не употребляется с именем нарицательным?

1. On se trompe aussi sur ce qu'est l'esprit lorsque l'on prétend faire rentrer un employé dans **l'esprit d'une entreprise**. (5)
2. **L'esprit de l'entreprise** ne doit pas chercher à posséder le corps de l'employé, il doit se contenter de le représenter (5)
3. **L'esprit d'entreprise** peut être défini comme l'aptitude d'un individu, d'un groupe social [...] consistant à apporter quelque chose de neuf (l'innovation), de créatif, ceci en employant et en combinant de la façon la plus performante possible des ressources diverses (11).

И в первом и во втором примере слово *entreprise* используется в значении «предприятие». Речь идет о «духе предприятия», взятого в самом общем значении. Однако, если в первом случае слово получает генерализированное значение в рамках движения к единичности, маркер этого анти-экстенсивного движения – неопределенный артикль, то во втором случае генерализация осуществляется через достигнутую единицу в направлении экстенсии.

В третьем примере слово *entreprise* употребляется в значении «дело», и именную группу *l'esprit d'entreprise* можно перевести как «дух предпринимательства», «предприимчивость». В данном случае артикль отсутствует, поскольку существительное выполняет в данном случае функцию несогласованного определения. Существительное адъективировалось, необходимость в артикле, актуализаторе имени, отпадает. Таким образом, отсутствие артикля свидетельствует о переходе существительного в разряд прилагательного, и вклад значения этого слова опирается на кардинальное лицо существительного *esprit*.

Еще нагляднее этот процесс виден в следующих примерах:

4. **Le processus de développement d'un nouveau produit** désigne l'ensemble des actions mises en œuvre, qui permettent le passage d'une nouvelle idée de proposition de valeur vers le lancement d'un nouveau produit sur le marché [11].
5. Les produits biologiques offrent **un potentiel de développement du marché** bien que les démarches de certification soient coûteuses et que le degré auquel les petits agriculteurs pourront durablement approvisionner en produits biologiques mérite une recherche plus approfondie [12].
6. **Certains acteurs du développement** ont davantage tendance à aider les agriculteurs à identifier les marchés rentables au niveau international plutôt que national [12].

В примерах 4 и 5 перед словом *développement* отсутствует артикль после предлога *de* несмотря на то, что само слово *développement* структурно, казалось бы, является главным словом в именной группе. Смеем предположить, что отсутствие артикля в данном случае может объясняться завершенным процессом адъективации не одного существительного, а как бы всей именной группы, которая как единый блок выступает в качестве несогласованного определения. Группы *développement d'un nouveau*

produit и développement du marché воспринимается носителем языка как единое целое, которое присоединяется к главному слову через предлог de. Заметим также, что в подобной группе русскоязычные учащиеся тяготеют к выбору в пользу артиклевое употребление из-за наличия зависимого слова. Строго говоря, такое употребление нельзя считать грамматически неправильным, оно лишь расставит другие акценты. В примере 6 слово développement употреблено с определенным артиклем, поскольку актуализировано как существительное. В данном случае определенный артикль является маркером преодоления единицы, употреблен экстенсивный артикль, в своем узком значении.

В настоящей статье мы постарались объяснить некоторые трудные случаи употребления артикля в именной группе N+de+N при помощи теории психосистематики, однако, как показывает опыт, таких случаев для изучающих французский язык очень много, это открывает огромное поле для дальнейших изысканий в данном направлении.

Источники и литература

1. *Лукина А.Е.* Понятия «вариативность», «вариантность» и «диасистема» В исследованиях по истории французского языка / Человек и его язык – материалы юбилейной XVI Международной конференции научной Школы-Семинара им. Л.М. Скрединой. РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Издательство Скифия, 2013. – С. 218–223.

2. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Перевод с франц.; общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.

3. *Скредина Л.М.* Школа Гийома: психосистематика: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2009. – 366 с.

4. *Тюкалова Н.Е.* Имя собственное во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тюкалова Наталья Егоровна. – СПб., 2006; Автореферат [Электронный ресурс]. – URL: <https://cheloveknauka.com/imya-sobstvennoe-vo-frantsuzskom-yazyke> (14.11.17).

5. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1944–1945 AB. P. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. – Québec-Lille: Les PUL – Presses universitaires de Lille, Volume 11, 1991. – 297 p.

6. *Lacaz D.* L'esprit d'entreprise – 19 décembre 2018 [Электронный ресурс]. (<https://www.winspiration.fr/article/esprit-entreprise>).

7. *Esprit d'entreprise* [Электронный ресурс]. (https://fr.wiktionary.org/wiki/esprit_d%E2%80%99entreprise).

8. *Дубнякова О.А.* Категория состояния в современном французском языке (на материале фундаментальных глаголов *avoir, être, faire*): дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – С. 69–70.

9. *Дубнякова О.А.* Категория состояния в современном французском языке (на материале фундаментальных глаголов *avoir, être, faire*): автореферат на дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – С. 12.

10. *Lebas-Fraczak L.* Cas d'absence d'article en français: difficultés des apprenants et proposition d'une analyse unifiée. *Studia Romanica Posnaniensia*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza (1971), 2011, XXXVIII (2), pp. 19–34.

11. Plan de lancement d'un nouveau produit – [Электронный ресурс] (<https://www.e-marketing.fr/Thematique/academie-1078/fiche-outils-10154/Plan-lancement-nouveau-produit-306929.htm#>).

12. *Shepherd A.* Comment relier les producteurs aux marches [Электронный ресурс]. (<https://docplayer.fr/33831771-Comment-relier-les-producteurs-aux-marches.html>).

Яковлева Елена Владимировна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры романской филологии Российского

государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПСИХОСИСТЕМАТИКА В ИСПАНОГОВОРЯЩИХ СТРАНАХ

Yakovleva Elena V.,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor, the Romance Philology

Department, Herzen State Pedagogical University of Russia

PSYCHOSYSTEMATICS IN SPANISH-SPEAKING COUNTRIES

Аннотация: для Л.М. Скрединой было характерным внимание к процессу распространения теории психосистематики в мире. Уже в середине 20 в. для анализа различных аспектов грамматики испанского языка применялась теория психосистематики, начиная с работ М. Мольо, Ф. Толлиса, К. Шевалье. В настоящий момент это направление

сохранилось и углубилось в работах Ф. Ласаро Мора, М.А. Мартин Сорракино, Н. Картахена. Еще одним направлением стало использование идей великого французского лингвиста при анализе дискурса в исследованиях Х. Кабеса Лора и П. Стечера. Таким образом, можно говорить о постоянном развитии теории психосистематики, поскольку потенциал этой теории велик

Abstract: for L. M. Skrelina was typical of the attention to the process of development of the theory of psychosematic in the world. In the middle of the 20th century for the analysis of various aspects of the grammar of the Spanish language was used the theory of psychosematic, starting with the work of M. Molho, F. Tollis, K. Chevalier. At the moment, this trend has survived and deepened in the works of F. Lázaro Mora, M. A. Martín Sarraquino, N. Cartagena. Another direction was the use of the ideas of the great French linguist in the analysis of discourse in the studies of H. Cabeza Lora and P. Stecher. Thus, we see the constant development of the theory of psychosystematic, because the potential of this theory is great.

Ключевые слова: теория психосистематики, грамматика испанского языка, дискурсивный анализ, оперативное время.

Keywords: theory of psychosystematic, grammar of Spanish language, discourse analysis, operative time.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.01.11; 16.41.21

Понимая роль и значение теории психосистематики, Л.М. Скрелина проявляла постоянный интерес и внимание к процессу распространения теории психосистематики в мире. Будучи новатором и преодолевая разнообразные трудности, в 1992 г. Л. М. Скрелина издает книгу «Принципы теоретической лингвистики» [1], роль которой трудно переоценить, поскольку для всех, говорящих на русском языке, становятся доступными идеи Г. Гийома. Л.М. Скрелина описала концептуальный аппарат Г. Гийома, а также представила «тематически подобранные лекции и отрывки из неизданных книг французского лингвиста» [1], дополненные собственными комментариями Л.М. Скрелиной. Таким образом, на русском языке появляется в 1992 г. в общем виде теория психосистематики, что дает возможность многим специалистам познакомиться с данной теорией, которая послужила стимулом для многих романистов для применения и интер-

претации языкового и речевого материала. Иными словами, благодаря усилиям Л.М. Скрелиной мы получили сложную теоретическую концепцию в ее первоизданном виде с пояснениями и сформированной терминологией. Процесс вхождения этой теории для испаноговорящих стран был несколько иным. В настоящей статье показаны некоторые аспекты развития теории психосистематики в испаноязычных странах.

Хотя основные идеи Г. Гийома не получили быстрого распространения и признания в Испании и Латинской Америке, по мере роста интереса к общим и частным лингвистическим теориям, эти идеи становятся все более востребованными, а в настоящий момент имя Г. Гийома широко известно и принято большинством. С одной стороны, тот факт, что французский язык изучался в Испании достаточно широко, позволил специалистам-романистам узнать о теории психосистематики. С другой – появление в 1975 г. двухтомного исследования М. Мольо на испанском языке продемонстрировало глубочайшие возможности применения теории Г. Гийома, что способствовало распространению теории психосистематики как в Испании, так и в большинстве стран Латинской Америки. (Заметим, что в Грамматике испанского языка Б. Потье [8], также просматривается применение методов и принципов психосистематики, хотя и не в столь явном виде).

Указанная работа М. Мольо не содержала последовательного изложения самой теории с пояснениями особенностей терминологии, в ней было подробно представлен новаторский подход к интерпретации основных грамматических тем, связанные с категориями глагола испанского языка. Такое «вхождение» теории в научный обиход позволило сразу оценить ее возможности для формирования нового взгляда на известные проблемы. Отметим, что в настоящее время влияние теории Г. Гийома на трактовку целого ряда вопросов грамматики сказывается по-разному в зависимости от темы и материала анализа.

Во-первых, теорию Г. Гийома (в стиле Мольо) применяют к описанию грамматического материала испанского языка, при этом наблюдается развитие положений теории. Именно в этом русле написаны исследования Ф. Ласаро Мора [5], М.А. Мартин Сорракино [6], Н. Картахена [3].

Рассматривая структуру «se» в испанском языке, Ф. Ласаро Мора [5], разделяя формальное и грамматическое, подчеркивает, что существует необходимость психосистематического их описания, в противовес традиционному функциональному.

М.А. Мартин Сорракино рассматривает необходимость описания залоговых отношений в испанском языке при помощи теории психосистематики, так как только это теория дает возможность непротиворечиво описать эту категорию. Автор использует идею нейтрального или нулевого залога, во многом соглашаясь со способом описания и понимания залога, изложенного Стефанини [10]. Таким образом, можно говорить не только о непосредственном влиянии Г.Гийома на понимание грамматических тем, но и его дальнейших разработок учеников.

В исследованиях Картахены, посвященных местоименным конструкциям, автор основывается на положении, выдвинутом Стефанини относительно развития безударных местоимений Картахена [3]. Сам факт обсуждения и спора говорит о том, что теория Г. Гийома уже принята специалистами в сфере грамматики.

Иными словами, применение теории психосистематики для описания грамматических тем испанского языка углубляет саму теорию, поскольку становится очевидным возможность ее применения для более основательного понимания основных категорий грамматики.

Во-вторых, наблюдается несколько иной способ использования идей Г. Гийома. Ряд авторов используют положения и методику описания, свойственные психосистематики, для объяснения различных грамматических тем французского языка. В качестве примера отметим исследование Т. Элосеки-де-ла-Пенья, в которой автор при описании способов выражения уступки во французском языке использует идеи Г. Гийома и считает их наиболее перспективными и вдохновляющими [2]. При этом для испаноговорящих специалистов, занимающихся темами французской грамматики, оказывается возможным глубже понять особенности французской грамматики.

В-третьих, можно отметить использование теории Г.Гийома не только на понимание категорий грамматики и методику описания грамматических явлений с помощью коренного бинарного тензора. В качестве яркого примера приведу работу испанского

лингвиста Х. Кабеса Лора, в которой он использует целый ряд идей, изложенных Г. Гийомом. В частности, для описания различных видов дискурса используется понятие тензора и напряженности тензора. Автор подчеркивает, что генерализация и партикуляризация важны для описания процесса выбора темы, ее развития и формирования. При этом подчеркивается, что дискурсивность включает в себя процессуальность, а не только результат. Понимание коммуникации также меняется, поскольку коммуникативный процесс включает универсум. Такая структурлизация приводит Х. Кабеса Лора к необходимости дальнейшего исследования и углубления понятия универсум [4].

Развитие темы дискурсивности наблюдается в работе П. Стечера [9], при этом автор обращает внимание на необходимость использования понятия оперативного времени при анализе соотношения понятий 'язык – дискурс'. Оперативное время лежит в основе взаимодействия между языком и дискурсом, именно на протяжении оперативного времени разворачиваются ментальные процессы, в результате которых и рождается в сознании говорящего лица определенный вид дискурса. Языковое понятие значения лица в теории психосистематики связано с особым пониманием того положения, которое занимает Человек в Универсуме, и со своеобразной оценкой отношений, возникающих из противостояния человека и Универсума, т. е. Универсум/Человек. Кроме того, само понимание Универсума понимается двояко; во-первых, это реальный мир, который существует вокруг и вне нас, а во-вторых, это – «идеальный универсум», имеющийся внутри нас. Для понимания становления дискурсивности необходимо, по мнению авторов, мысленно представить, реконструировать те отношения, которые складывались у человека в период становления языка. Абстрактная работа мысли такова, что категория лица возникает только тогда, когда человек говорящий вычленяет себя из нерасчлененности и беспорядочности окружающего мира. Язык предстает прежде всего как результат и орудие познания, а не как простое средство общения (в качестве последнего язык существует и у животных, однако это не язык, созданный работой человеческого духа, разума). Именно в таком направлении должен развиваться дискурсивный анализ: без отрыва от языка и говорящей личности.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в настоящее время идеи Г. Гийома, его методы исследования известны в Испании и Латинской Америке, они применяются как при описании тем грамматического характера, так и при описании дискурсивности. Последняя тема, как представляется, имеет интересные перспективы применения. Способность вычленения своего «я», лица говорящего, из бесконечности связывается с формированием языка и познавательной мысли, причем в языке закрепляются достижения человеческого ума. По мысли Г. Гийома все те мыслительные действия, которые осуществлял человек в процессе познания, имели в своей основе единый механизм. Очевидно, что этот механизм должен был характеризоваться эффективностью и простотой реализации. Формула этого механизма следующая – от общего к частному, от частного к общему (или в более кратком виде $U \mapsto S \mapsto U$). Все конкретные дискурсы и употребления всегда подчиняются этой логической операции, каждый частный случай подводится под общий, в общем ищется единичное. Глубина и оригинальность идей Г. Гийома позволяет применять их в самых разнообразных лингвистических темах с успехом.

Источники и литература

1. *Скредина Л.М.* К читателю // Принципы теоретической лингвистики. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. – С. 5.
2. *Elósegui de la Peña T.* La expresión de la concesión en francés contemporáneo Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1990.
3. *Cartagena N.* Sentido y estructura de las construcciones pronominales en español. Publicaciones del Instituto Central de Lenguas de la Universidad de Concepción. Chile, 1972. – P. 126–157.
4. *Cabeza Lora J.* Teoría, método y práctica de la enunciación a la interpretación. Modos, géneros y tipos de discurso // Estudios de lingüística: E.L.U.A., № 15, 2001. – P. 307–334.
5. *Lázaro Mora F.A.* Observaciones sobre «se» medio // Serta philologica, vol. 1, Madrud: Cátedra, 1983. – Pgs. 301–307.
6. *Martín Zorraquino M.A.* Presencia de las ideas lingüísticas de G. Guillaume en la gramática española // La lingüística francesa. Situación y perspectivas a finales del siglo XX. (Actas del Coloquio organizado por el Departamento de Filología Francesa de la Universidad de Zaragoza. Zaragoza, 4–6 de noviembre de 1993), Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1994. – P. 241–251.

7. *Molho M.* Sistemática del verbo español. (Aspectos, modos, tiempos.). Madrid:Gredos (2 vols.), 1975.

8. *Pottier B.* Gramática del español Versión española de Antonio Quilis. Madrid: Edics, Alcalá, 1970. – 177 p.

9. *Stecher P.* La linguística de Gustave Guillaume. De la lengua al discurso // *Onomazein* 25, 2012. – P. 163–180.

10. *Stéfanini J.* 1962. La voix pronominale en ancien et en moyen français. Aix-en-Provence: Ed. Ophys, 1962. – 753 p.

Blanchaud Pierre,

Pierre Blanchaud, ancien lecteur de français langue étrangère (FLE), IFAAR, RWTH Aachen, Aix-la-Chapelle, Allemagne

LES DEUX SIGNIFIES D’EFFECTION OU EMPLOIS FONDAMENTAUX DU SUBJONCTIF FRANÇAIS

Blanchaud Pierre,

Pierre Blanchaud, former lecturer of FLE (French as a Foreign Language), IFAAR, RWTH Aachen, Aachen, Germany

TWO SIGNIFICATES OF EFFECTION OR FUNDAMENTAL USES OF THE FRENCH SUBJUNCTIVE

Résumé: sur la fin de sa vie, Gustave Guillaume (GG) introduit le concept nouveau d’effectation, qui dans son système prend place entre celui de puissance (ou langue) et celui d’effet (ou discours). Je tire ici les conséquences de cette découverte et je remplace le schéma guillaumien traditionnel: signifié de puissance → signifiés d’effet par le schéma plus complexe finalement voulu par GG: signifié de puissance → signifiés d’effectations → signifiés d’effet. Après quoi, j’applique ce second schéma au subjonctif, ce qui permet de distinguer, pour ce mode verbal, deux signifiés d’effectation différents: le subjonctif d’incertitude et le subjonctif de discussion. La distinction entre ces deux emplois fondamentaux soulève cependant une difficulté théorique par rapport à la logique interne de la chronogénèse, telle qu’elle a été exposée par GG. Je pense résoudre cette difficulté en m’appuyant sur ce que GG appelle la loi de non-récurrence.

Abstract: at the end of his life, Gustave Guillaume (GG) introduces the new concept of effectation, which in his system takes place between

that of power (or language) and that of effect (or speech). I draw here the consequences of this discovery and I replace the traditional Guillaume's scheme: significate of power → significate of effectivity by the more complex scheme finally wanted by GG: significate of power → significate of effection → significate of effectivity. Then, I apply this second scheme to the subjunctive, which makes it possible to distinguish, for this verbal mode, two significates of different effection: the subjunctive of uncertainty and the subjunctive of discussion. The distinction between these two fundamental uses, however, raises a theoretical difficulty in relation to the internal logic of chronogenesis, as it has been explained by GG. I consider it possible to solve this difficulty by relying on what GG calls the law of non-recurrence.

Mots-clés: signifié de puissance, signifié d'effet, effection, chronogénèse, mode subjonctif.

Keywords: significate of potentiality, significate of effectivity, effection, chronogenesis, subjunctive mood.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.41.21 *Индоевропейские языки*

Les deux signifiés d'effection ou emplois fondamentaux du subjonctif français¹

1. Plaidoyer pour l'introduction d'un nouveau concept en psychomécanique: le signifié d'effection

Pendant la majeure partie de son parcours de linguiste, GG a travaillé sur le schéma : *plan de puissance* → *plan d'effet*, ce qui évidemment, quand on applique ce schéma à l'analyse concrète d'une forme en discours, donne : *signifié de puissance* (ou *de langue*) → *signifié d'effet* (ou *de discours*). C'est à ce schéma qu'on en reste, en général, dans les analyses inspirées par GG. Or, il se trouve que dans les années 1950, c'est-à-dire vers la fin de sa vie, GG a introduit un nouveau terme, intermédiaire entre *puissance* et *effet* : celui d'*effection*. Si bien que le schéma de base s'est complexifié et est devenu : *puissance* → *effection* → *effet*. Mais la plupart des psychomécaniciens ont découvert la pensée de GG soit

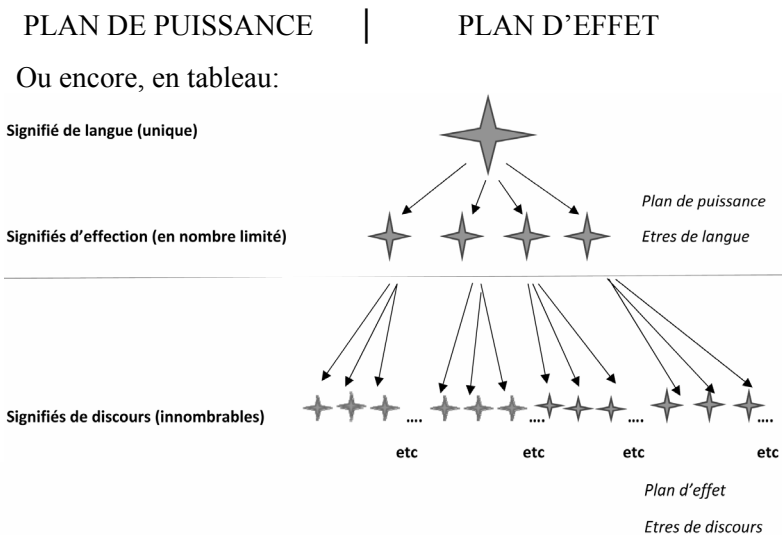
¹ La présente étude devant beaucoup au linguiste français Gustave Guillaume, nous désignerons celui-ci par ses initiales: GG.

au travers des livres ou articles parus de son vivant¹, soit à travers les premières *Leçons de linguistique* publiées à titre posthume et qui correspondent aux années universitaires de la fin des années 1940 et du début des années 1950, c'est-à-dire à une époque où le concept d'*effectio* n'était pas encore apparu. Même quand ils ont rencontré ce concept par la suite, ils ont eu souvent du mal à l'intégrer dans leurs analyses. En général, ils n'ont vu en lui qu'une autre manière, plus rigoureuse peut-être, de parler de la *transition du plan de puissance au plan d'effet* – ce qui d'ailleurs n'est pas faux, car c'est aussi cela que désigne le mot « effectio ».

A mon avis, il ne s'était pas agi, dans l'esprit de GG, de trouver une nouvelle appellation plus « scientifique » que la précédente. GG n'avait pas ce genre de coquetterie. Quand il créait des concepts, ce n'était jamais « pour faire scientifique », mais parce que ceux-ci étaient liés à de nouvelles découvertes qu'ils permettaient de mieux expliquer. Et c'est bien le cas du concept d'*effectio* : si on le prend au sérieux, il constitue une véritable avancée théorique dans la mesure où il amène avec lui, et nous oblige à introduire dans le vocabulaire de la psychomécanique, un autre concept : celui de *signifié d'effectio*. Et cette introduction à son tour nous oblige à réaménager (et à enrichir) le plan de puissance : dorénavant, ce dernier ne comporte plus seulement les signifiés de puissance, c'est-à-dire les idées que comportent les mots du lexique ou les formes de la grammaire, mais aussi les manières dont disposent les locuteurs pour faire transiter ces idées sur le plan d'effet. Autrement dit, dans le plan de puissance ou de langue, à côté des signifiés de puissance, il y a également des *signifiés d'effectio*. Et ces manières de transiter (on pourrait aussi bien parler de « chemins » ou de « voies ») sont eux aussi des êtres de langue – contrairement aux signifiés d'effet qui sont des êtres de discours. Ces signifiés d'effectio (ou *emplois fondamentaux*, les deux appellations sont synonymes) constituent le terme médian de la successivité nouvelle :

¹ Les livres sont *Le Problème de l'article* (1919), *Temps et verbe* (1929) et *L'Architectonique des langues classiques* (1945). Les articles, au nombre de dix-neuf (dont un était resté inédit), ont été réunis et publiés par Roch Valin dans le recueil *Langage et science du langage*, qui est paru en 1964 et a connu depuis plusieurs rééditions.

signifié de puissance (de langue) → signifiés d'effection → signifiés d'effet (de discours)

Les « etc » signalent que pour chaque signifié d'effection, les signifiés d'effet qu'il permet sont innombrables...

Figure 1: ensemble des êtres de langage (versant sémantique)

2. Les trois saisies ou chronothèses de la chronogenèse du français

Venons-en maintenant à la figure, bien connue des guillaumiens, de la chronogenèse avec ses trois interceptions ou chronothèses (C1 : mode quasi-nominal, C2 : subjonctif, C3 : indicatif). On peut la représenter comme suit¹ :

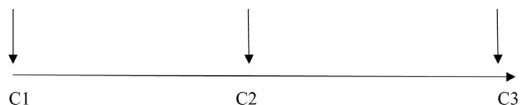

Figure 2: la chronogenèse et ses trois interceptions ou chronothèses

¹ Selon GG, tout système grammatical consiste en un mouvement longitudinal intercepté par des saisies latitudinales.

Le mode quasi-nominal comporte les formes impersonnelles (infinitifs et participes) du verbe. En C1, nous sommes encore au tout début de la genèse constructrice de l'image-temps, ce qui revient à dire que le temps humain n'existe pas encore et que les idées flottent dans une sorte d'éternité atemporelle. Et cela explique aussi que la personne, qui est universellement le support de l'idée de temps, manque encore à cette première étape¹. Pour qu'elle apparaisse, il faut attendre la chronothèse suivante : le subjonctif. En C2, la construction de l'image-temps est bien engagée, mais elle n'est pas encore achevée. Son achèvement, elle ne le trouvera qu'en C3, dans le mode indicatif. Ce n'est pas un hasard si à cette troisième chronothèse correspond le mode le plus riche en temps verbaux : C3 représente en effet l'image-temps complète et définitive, l'indicatif étant la finalité de la chronogenèse, le but auquel elle vise.

3. Le signifié de puissance du subjonctif : sa dépendance par rapport à l'indicatif

La valeur de langue ou signifié de puissance du subjonctif est évidemment définie par la position de ce mode au sein du système verbal. Comme le dit GG (1971, 40) :

(...) Le subjonctif marque un arrêt second dans le mouvement chronogénétique, et l'indicatif un troisième et dernier arrêt.

On pourrait s'en tenir à cette définition très sobre, et strictement systémique, du subjonctif. Je voudrais toutefois la compléter ici par une idée qui découle directement de son caractère systémique : celle de la *dépendance* de la C2 par rapport à la chronogenèse, c'est-à-dire par rapport aux deux autres chronothèses.

C'est précisément parce qu'il occupe la position médiane de l'image-temps que le subjonctif (C2), quand on le considère dans le plan de puissance, ne peut être pensé indépendamment de la chronogenèse – contrairement au mode quasi-nominal (C1) ou à l'indicatif (C3). Pour comprendre cette différence entre d'une part les éléments premier et dernier, et d'autre part l'élément médian, il suffit de se représenter concrètement, devant les yeux de son esprit, une série de positions. La première position peut facilement donner l'impression

¹ En discours, les infinitifs et les participes ne sont pas *incidents* à la personne. On ne dit pas : *je manger, *tu partant, *elle marché...

d'être seule et unique, il suffit pour cela que les autres positions restent cachées derrière elles¹. Même raisonnement pour la dernière position, puisqu'elle devient la première quand on inverse la série². Une position médiane (qu'elle soit deuxième, troisième ou autre) ne peut en revanche être perçue comme telle que si elle est mise en relation avec au moins la position qui précède : « deuxième » ne peut se dire que par rapport à « première »³. Cette réflexion logique est d'ailleurs confirmée par les faits de discours. Il est évident que les formes à l'indicatif (C3) peuvent apparaître toutes seules en discours, sans être liées à aucun subjonctif. Il en va de même pour les formes de la C1 (infinitifs et participes) Exemples : *Souffler n'est pas jouer* ; *Voir Naples et mourir* ; *Une de perdue, dix de retrouvées* ; *En lisant, en écrivant*⁴.

Alors qu'au contraire, on ne peut rencontrer une occurrence effective du subjonctif sans remarquer immédiatement :

1. qu'il ne s'agit pas d'un indicatif⁵;
2. que, dans l'immense majorité des cas, il dépend syntaxiquement d'un indicatif (ou d'un infinitif⁶) – que cette dépendance soit explicite ou non.

Nous laisserons de côté les cas, assez rares, où un subjonctif dépend d'un infinitif pour nous concentrer sur les cas où il dépend d'un indicatif. En tableau :

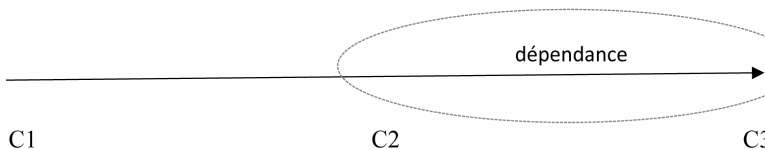

Figure 3: le subjonctif (C2) comme position chronogénétique dépendant de l'indicatif (C3)

¹ « Je ne veux voir qu'une tête ! » dit l'adjudant à la colonne de soldats.

² Placé derrière la colonne, l'adjudant ne voit qu'une seule nuque.

³ L'adjudant, ici, doit percevoir au moins deux visages ou deux nuques.

⁴ Titre d'un livre de Julien Gracq.

⁵ Dans les alternances du subjonctif et de l'indicatif telles que nous les rencontrons en discours dans les propositions complétives ou circonstancielles, le subjonctif est donc le *terme marqué*, et l'indicatif le *terme non-marqué*.

⁶ Exemple de subjonctif dépendant d'un infinitif : *L'intention d'Alvaro en préparant le colloque a été de faire en sorte (infinitif) que chaque participant se sente bien (subjonctif)*.

C'est à partir de cette dépendance *effective* fondée sur une raison *puissancielle* que nous allons essayer de dégager les deux signifiés d'effection du subjonctif. Autrement dit : cette dépendance peut prendre, au moment de l'effection, deux formes différentes.

4. Le premier signifié d'effection du subjonctif : le subjonctif d'incertitude

L'emploi en discours d'une forme subjonctive marque, nous dit souvent GG, que la pensée du sujet parlant est interceptée alors qu'elle chemine vers *le certain* (représenté par l'indicatif) mais ne l'a pas encore atteint. Elle est donc arrêtée dans le domaine du *possible* (représenté par le subjonctif). Quand, en revanche, le verbe de l'idée regardante exprime une pensée qui va jusqu'au certain, on a l'indicatif dans l'idée regardée : *Je sais que Paul viendra demain*.

Rester en deçà du certain équivaut à demeurer dans l'incertitude – d'où le nom de *subjonctif d'incertitude* que nous donnons à ce premier signifié d'effection qui correspond à une grande moitié des signifiés d'effet du subjonctif. L'incertitude y règne dans toutes ses variantes. Elle peut être plus ou moins grande, elle peut porter sur une idée positive ou négative, mais de toute façon elle domine : *je ne crois pas /Je doute/Il est possible/Il est probable/Il est peu probable/Il est improbable/Je souhaite que Paul vienne demain*. Notons que dans certaines idées regardantes exprimant de l'incertitude, cette dernière est tellement réduite à la portion congrue que l'on approche de la certitude et que l'indicatif devient possible à côté du subjonctif. On peut dire aussi bien : *Il est (très) probable que Paul viendra demain* que *Il est (très) probable que Paul vienne/viendra demain*. L'idée regardante *il est probable que* est, très logiquement, à cheval sur la frontière entre le possible et le certain.

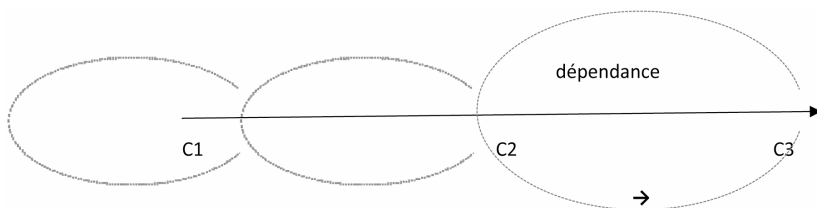

Figure 4: le premier signifié d'effection de C2: le subjonctif d'incertitude

5. Le second signifié d'effection du subjonctif : le subjonctif de discussion

Mais il se trouve que de très nombreux emplois du subjonctif en discours (disons : une petite moitié de la totalité des signifiés d'effet) ne répondent pas à ce critère de définition, dans la mesure où l'esprit du sujet parlant a déjà rencontré la certitude. Cela se produit quand l'idée regardée au subjonctif est introduite par une idée regardante qui appartient à la catégorie des *verbes critiques* (la dénomination est de GG). C'est ce second signifié d'effection que j'appelle le *subjonctif de discussion*. Dans des exemples comme : *Le fait que tu aies réussi tes examens me rassure beaucoup*, ou : *Je suis furieux que Paul vienne demain*, il est évident que le sujet pensant est *certain* de la réussite aux examens ou de la venue de Paul. Ces faits qu'il a assimilés et qui sont pour lui incontestables, il désire maintenant les *discuter*, prendre position par rapport à eux. Et ce sont ces désirs critiques positifs (...*me rassure...*) ou négatifs (*Je suis furieux que...*) qui entraînent ce type de subjonctif.

6. Difficulté théorique : comment un possible (subjonctif) peut-il, sur la chronogenèse, succéder au certain (indicatif) ?

Il s'agit donc d'un subjonctif qui vient *après* l'indicatif, puisque la pensée du sujet a traversé le domaine du certain mais n'y est pas demeurée – sans quoi on aurait des indicatifs dans les idées regardées. La pensée du sujet est passée par la certitude et l'a dépassée. Au lieu de simplement constater les faits, et de s'en tenir à cette constatation, la pensée a poursuivi son chemin vers autre chose. Mais vers quoi ? On voit le problème théorique que les subjonctifs de discussion posent : comment les intégrer à la chronogenèse, étant donné que le domaine du certain représenté par l'indicatif est la position ultime de l'image-temps, et qu'il n'y a pas d'au-delà ? Etant donné aussi que la place du subjonctif est *avant* l'indicatif, et nulle part ailleurs ? Ce qu'il faut en tout cas exclure comme impossible, comme impensable dans le cadre de la théorie guillaumienne, ce serait une successivité du type :

On aura compris que l'erreur de la figure 5, ce qui rend impensable ce schéma sauf à renoncer à la chronogenèse, c'est l'introduction de la position C4. Il ne peut pas y avoir de position C4 qui fasse suite à l'indicatif C3 comme celui-ci fait suite au subjonctif C2 – et surtout pas un subjonctif !

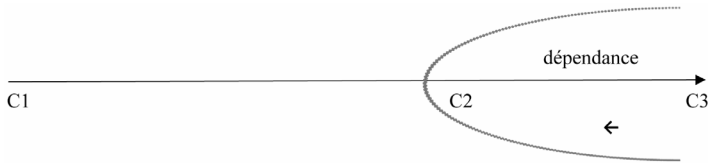

Figure 6: le second signifié d'effection de C2: le subjonctif de discussion

Cette figure 7 montre clairement que si, avec les subjonctifs de discussion, l'on revient bien en C2, c'est-à-dire au domaine du possible, il ne s'agit plus du même possible que pour les subjonctifs d'incertitude .

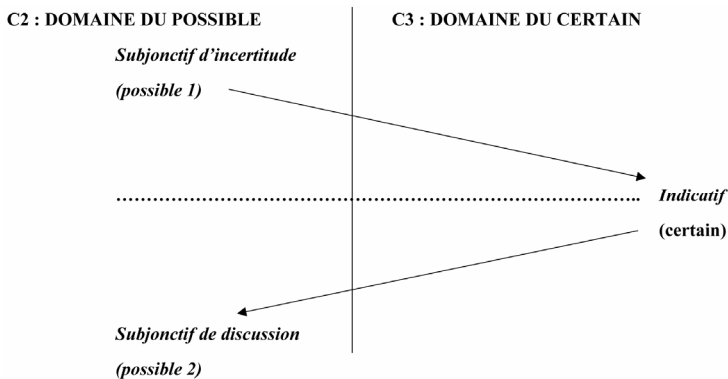

Figure 7: les positionnements des deux signifiés d'effection du subjonctif sur le plan puissanciel

Ce qui me permet de tracer les figures 6 et 7, c'est la loi de non récurrence énoncée par GG. La différence entre l'espace et le temps tient à ceci qu'il est possible de revenir en arrière dans l'espace, mais non dans le temps. Retrouver un lieu que nous avons quitté ne présente en principe aucune difficulté, mais revivre un instant du passé est absolument impossible. C'est toujours à un autre moment que nous retournons au même endroit. Et comme les deux dimensions, la spatiale et la temporelle, sont inséparables, c'est la seconde qui impose à la première son caractère de non-récurrence (au sens où un plus (+) multiplié par un moins (-) donne un moins (-) comme résultat). Un des grands mérites de GG est d'avoir montré que cette

non-récurrence ne se limite pas aux mouvements du monde physique extra-langagier, mais qu'elle vaut aussi pour les psychomécanismes secrets qui constituent les systèmes grammaticaux. Mais laissons-le exposer lui-même ce principe (PLT, 99-100) :

Un autre principe important a trait à ceci : qu'un rapport A/B, quel qu'il soit, est assujéti à satisfaire à la condition d'entier lorsqu'il intervient dans un acte d'intellection visant à l'instituer. Or pour que la condition d'entier soit satisfaite, il faut un parcours dans les deux sens, sous une représentation additive qui ne ramène pas au point de départ. Loi de non-récurrence (très importante). Il faudra donc éviter une représentation :

1. $A \longrightarrow B = \frac{1}{2} \text{ rapport}$

2. *de même qu'une représentation :*

3. $A1 \longleftarrow B1$

4. *qui ramène au point de départ – à la position de départ – et annule le rapport :*

5. $A \longrightarrow B$

6. $B \longleftarrow A$

7. $\left. \begin{array}{l} A \longrightarrow B \\ B \longleftarrow A \end{array} \right\} = 0$

8.

9.

10. *et adopter une successivité additive :*

11. $A1 \longrightarrow B1 \mid B2 \longrightarrow A2$

12.

qui additionne, sans récurrence, sans retour en arrière, les deux parcours
 $\xrightarrow{AB} \text{ et } \xrightarrow{BA}$

On remarquera que cette exposition des choses est temporelle, non spatiale. Soit le trajet : Paris-Versailles et retour. Dans l'espace, le retour me ramène à Paris, position de départ. Position de retour : identique. Mais dans le temps, le trajet étant de n minutes, la position de retour ne coïncide pas avec celle de départ. Ce sont deux positions différentes. C'est une position nouvelle et non renouvelable. Dans l'espace : retour possible. Dans le temps : retour impossible. Cette exposition temporelle est celle qui fait la structure des langues.

Répetons-le : la *loi de non-récurrence* ne vaut pas seulement pour le monde physique, mais aussi pour les retours ou répétitions qui construisent les systèmes linguistiques. On ne « revient » jamais exactement au même point. Après être passé de A en B, on ne retourne pas en A, mais en A1. Et si l'on repart ensuite vers le pôle B (suivant l'oscillation du Tenseur Bipolaire Radical cher à GG), ce ne sera pas la première occurrence de B, mais un B1 – à partir duquel on rebondira sur un A2, etc.

Источники и литература

1. *Guillaume G.* Principes de linguistique théorique: recueil de textes inédits préparé en collaboration sous la direction de Roch Valin. Québec, Paris: Klincksieck, 1973. – 276 p.
2. *Guillaume G.* Leçons de linguistique II, 1948–1949, Psycho-systématique du langage, Principes, méthodes et applications 1. Québec, Paris: Klincksieck, 1971. – 224 p.

Ilinski Kirill M.,
PhD, Associated Professor, Sorbonne University
Илинский Кирилл Михайлович,
доктор Сорбонны, доцент Университета Сорбонна

SOIR/SOIRÉE = CUILLÈRE/CUILLERÉE?

Аннотация: в статье рассматривается гипотеза, согласно которой противопоставление парасинонимов *soir/soirée* основано на двух различных репрезентациях времени: физическое (астрономическое) время – «soir» – противопоставляется событийному времени – «soirée». Эта гипотеза подвергается проверке через контекстуально-статистические тесты.

Abstract: the article discusses the hypothesis according to which the opposition of the parasyonyms *soir/soirée* is based on two different representations of time: physical (astronomical) time – «soir» – is contrasted to event time – «soirée». This hypothesis is subject to verification through contextual-statistical tests.

Ключевые слова: семантика, время.

Keywords: semantic, time.

Разделы рубриката ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21 *Общее языкознание*

Dans la foulée d'une étude récemment publiée sur les mots *instant* et *moment* [3], nous nous intéresserons au couple parasyonymique *soir/soirée* pour vérifier l'hypothèse selon laquelle la langue est sensible à la distinction de deux représentations du temps: le temps physique ou calendaire d'une part, et le temps événementiel d'autre part (ainsi, pour situer un événement A dans le temps, on peut faire appel soit à un repère purement calendaire: *Ils se sont mariés en juillet 1941*, soit à un repère fourni par un événement B: *Ils se sont mariés au début de la guerre*).

Selon notre hypothèse, le mot *soir* relève plutôt de la représentation purement temporelle, tandis que le mot *soirée* implique une sorte de «remplissage» événementiel du cadre temporel fourni par le mot *soir*. D'emblée, cette hypothèse semble cautionnée dans une certaine mesure par la morphologie: toute une série de mots morphologiquement similaires (*bras/brassée, poing/poignée, cuillère/cuillerée, maison/maisonnée*, etc.), sont opposés en tant que contenant/contenu.

En admettant que le couple *soir/soirée* fasse partie de cette série, nous voyons mal comment le contenu d'un cadre temporel pourrait être autre qu'événementiel. Mais, naturellement, cela reste à prouver.

Un élément de preuve est apporté par les dictionnaires.

Ainsi, le *Dictionnaire de l'Académie* définit *soir* comme «déclin du jour, dernières heures de la journée», et *soirée* comme «espace de temps qui s'écoule depuis le déclin du jour jusqu'au moment où l'on se couche».

On trouve une définition très proche dans le *Littré* (*soir*: déclin du jour, passage du soleil au côté occidental de l'horizon; *soirée*: espace de temps qui est depuis le déclin du jour jusqu'à ce qu'on se couche).

Ces deux définitions ont ceci en commun que le «soir» est défini dans les deux cas comme un phénomène naturel («déclin du jour»), tandis que la définition de la «soirée» combine, curieusement, le même élément naturel (encore une fois «déclin du jour») et un élément d'ordre «anthropologique»: la soirée finit au moment où «on se couche».

Le *Trésor de la Langue Française* rajoute, dans la définition de *soirée*, un élément qui nous intéresse particulièrement puisqu'il apporte explicitement une dimension événementielle: «moment du soir plus ou moins long vécu relativement aux événements qui s'y déroulent».

Enfin, le *Robert Micro* (1998) propose une définition détaillée où le mot *soir* est défini à la fois à travers les phénomènes naturels qu'il désigne, ses oppositions linguistiques et son côté strictement «chronométrique»: 1. fin du jour, moments qui précèdent et qui suivent le coucher du soleil; 2. les dernières heures du jour et les premières de la nuit (opposé à *après-midi*); 3. temps qui va de 4 ou 5 heures de l'après-midi jusqu'à minuit.

Quant à *soirée*, ce mot reçoit une définition qui, en réalité, en inclut trois: «temps compris entre le déclin du jour et le moment où l'on s'endort»; «durée du soir (2)», «manière de la passer». On ajoute donc à la définition mixte habituelle, une nouvelle dimension – cette fois durative – avant de retrouver le côté événementiel de *soirée* dans «manière de la passer».

On voit déjà, à travers ces quelques définitions, que les deux mots qui nous intéressent présentent une certaine dualité:

le «soir» est, d'une part, un phénomène naturel («déclin du jour», «moments qui précèdent et qui suivent le coucher du soleil»), et d'autre part, un espace de temps «chronométré» qui «va de 4 ou 5 heures de l'après-midi jusqu'à minuit»;

la «soirée» est un phénomène naturel pour ce qui est de son début (elle commence avec la «tombée du jour») et un phénomène «anthropologique» pour ce qui est de son déroulement («moment vécu relativement aux événements qui s'y déroulent») et de sa limite: («le moment où l'on s'endort»).

Pour vérifier et affiner cette première impression, nous allons confronter *soir* à *soirée* dans des contextes qui nous semblent discriminants sur le plan de l'opposition du temps physique et du temps événementiel.

Notre corpus est constitué de l'ensemble des romans de Frantext à l'état de l'été 2015, soit un total de 1226 textes, avec 47742 occurrences de *soir(s)* et 6977 occurrences de *soirée(s)*. Le mot *soir(s)* est donc 6,4 fois plus fréquent dans notre corpus que le mot *soirée(s)*.

Une précision préliminaire: à côté des emplois temporels, on trouve, dans le corpus de *soirée*, un certain nombre d'occurrences où ce mot s'écarte de l'expression de la temporalité pour signifier une «assemblée, réunion de société ayant lieu généralement après le dîner» [5]. Dans ce cas le sens du mot *soirée* est purement événementiel; ce mot peut toujours, éventuellement, servir de repère temporel, mais au même titre que *déjeuner*, *sieste*, *dîner* et autres substantifs événementiels dont le rattachement temporel est plus ou moins précis. Cet emploi de *soirée* est considéré par les dictionnaires comme polysémique par rapport à ses emplois temporels, mais il y a des éléments qui le rapprochent de l'homonymie, notamment les emplois avec des verbes de mouvement et des prépositions à effet de sens spatial (*aller à/dans une soirée*).

Dans tous les cas où le contexte permettait d'identifier les emplois de ce type, nous les avons systématiquement exclus de notre corpus pour ne garder que les cas où *soirée* reste dans le domaine de la temporalité.

CONTEXTE QUALIFICATIF ADJECTIVAL

Nous avons étudié les cooccurrences de *soir(s)/soirée(s)* avec différents adjectifs en fonction d'épithète liée/détachée ou d'attribut de sujet/de COD. Il s'agit de 33 adjectifs dont le nombre d'occurrences avec *soir(s)/soirée(s)* dans notre corpus est égal ou supérieur à 10: *beau*, *long*, *doux*, *chaud*, *tiède*, *calme*, *charmant*, *triste*, *frais*,

délicieux, tranquille, agréable, mémorable, froid, pluvieux, libre, lourd, heureux, clair, interminable, fatal, affreux, terrible, fou, magnifique, silencieux, doré, orageux, sinistre, excellent, gris, mauvais, pénible.

Dans ce contexte, le mot *soir* est représenté par 330 occurrences, et le mot *soirée* par 783 occurrences. La conclusion la plus immédiate est que, dans le contexte de qualification adjectivale, les occurrences de *soirée* sont 2,37 fois plus nombreuses que celles de *soir*. A première vue, cela semble corroborer l'hypothèse sur la nature événementielle du mot *soirée*: il est plus naturel de qualifier un événement ou une série d'événements qu'un intervalle purement temporel.

En réalité, la situation est plus complexe et plus intéressante.

La plupart des adjectifs de notre liste sont capables de réaliser deux effets de sens assez distincts.

Le premier, que nous appellerons «météorologique», apparaît avec *soir/soirée* dans les emplois où ils réfèrent aux phénomènes naturels susceptibles d'accompagner le «déclin du jour»:

1: *Le soir d'avril était calme, frais et parfumé* (Robert Desnos);

2: *La soirée était fraîche, presque pluvieuse bien que les nuages parussent hésiter à crever au-dessus de la ville* (Jean Duvignaud);

Le deuxième, que nous appellerons «socio-psychologique», caractérise les activités sociales ou l'état psychologique des personnages:

3: *Le samedi soir était un soir heureux pour Mme Ligneul parce que son petit-fils venait chez elle pour y rester jusqu'au lundi* (Pierre Drieux La Rochelle);

4: *Le taxi nous conduirait en dehors de la ville, sur l'autre versant de Patmos où se trouvait leur maison, mais la soirée ne serait pas aussi heureuse que nous l'espérions* (Michel Déon).

En termes de nombre total d'occurrences, ces deux catégories sont relativement équilibrées: 577 cas d'effet de sens «météorologique», 513 cas d'effet de sens «socio-psychologique».

Dans notre liste de 33 adjectifs, il y en a sept que nous avons attestés uniquement avec l'effet de sens météorologique: *frais, froid, pluvieux, clair, doré, orageux, gris*. Sept autres adjectifs – *agréable,*

mémorable, heureux, libre, fatal, terrible, pénible – n'ont été attestés que dans des emplois où ils réalisent un effet de sens socio-psychologique. Tous les autres adjectifs de notre liste sont susceptibles de réaliser les deux effets de sens – météorologique et socio-psychologique.

Le tableau 1 regroupe les statistiques de ce test. Si on laisse de côté les quelques cas imprécis où nous n'avons pas pu distinguer avec certitude les deux effets de sens en question, les résultats significatifs se résument en deux lignes:

Tableau 1

	effet de sens météorologique	effet de sens socio-psychologique	TOTAL
<i>soir(s)</i>	255 (soit 81.2 %)	59 (soit 18.8 %)	314
<i>soirée(s)</i>	322 (soit 68.5 %)	454 (soit 41.5 %)	776

On voit donc que le mot *soir* a une prédilection très marquée pour le contexte météorologique, avec 81,2 % d'occurrences météorologiques et seulement 18,8 % d'occurrences socio-psychologiques. Avec *soirée*, les statistiques sont plus équilibrées, avec un léger avantage pour le contexte socio-psychologique: 58,5 % d'occurrences contre 41,5 % pour le contexte météorologique.

Résumons les résultats de ce premier test qui nous paraissent très significatifs. Il existe deux types d'événements liés au concept «soir/soirée» et susceptibles d'être qualifiés par des adjectifs:

- d'une part, ce sont les événements que nous avons appelés «météorologiques». Ils se situent dans le cadre chronologique délimité par *soir/soirée*, constituent des phénomènes naturels susceptibles de survenir concomitamment à l'événement naturel majeur décrit par les dictionnaires comme «déclin du jour» et, du moins dans les textes littéraires, servent à leur tour de cadre aux événements qui touchent les personnages. Il s'agit donc, dans une certaine mesure, d'une sorte d'événementialité interne, plus ou moins naturellement inhérente au concept «soir/soirée». Dans ce contexte «météorologique», on constate une certaine prépondérance statistique de *soirée*, sans que cette prépondérance devienne statistiquement écrasante (322 cas contre 255).

• d'autre part, ce sont les événements que nous avons appelés «socio-psychologiques»: ils s'inscrivent dans le cadre chronologique et éventuellement météorologique de «soir/soirée» et constituent leur événementialité externe. Si on pouvait parler de phénomènes «plus événementiels» et «moins événementiels», on dirait que ce deuxième cas est «plus événementiel» que le premier.

Dans ce deuxième contexte, l'avantage statistique de *soirée* devient plus qu'évident, aussi bien en termes de différence «brute» (454 occurrences de *soirée* contre 59 occurrences de *soir*) qu'en termes de pourcentage par rapport au nombre total d'occurrences (58,5 % pour *soirée* contre 18,8 % pour *soir*), ce qui tend à confirmer notre hypothèse initiale de la nature événementielle du mot *soirée*.

CONTEXTE SAISONNIER

Ce petit test, auquel nous accordons une importance limitée mais dont l'interprétation n'est peut-être pas totalement dénuée d'intérêt, concerne les cas où *soir/soirée* s'associent à des syntagmes prépositionnels indiquant la saison: *soir/soirée d'hiver, d'été, de printemps, d'automne*:

5: *Bien souvent moi aussi j'ai demandé au souvenir d'enivrantes jouissances; bien souvent j'ai évoqué une brune tête de jeune fille entrevue par un soir d'hiver* (Edmond et Jules de Goncourt);

6: *chaque phrase de l'œuvre condamnée y prit racine, et s'y fortifia, restant comme une petite branche d'arbre qui, abandonnée sur le sable par une soirée d'hiver, se trouve couverte le lendemain de ces blanches et bizarres cristallisations que dessinent les gelées capricieuses de la nuit* (Honoré de Balzac).

Dans tous ces cas le mot *soir* l'emporte largement en nombre d'occurrences, ce que nous trouvons normal, car au-delà d'éventuelles connotations «météorologiques» qui peuvent être associées à l'évocation de telle ou telle saison, ces syntagmes prépositionnels ont pour effet principal de situer le «soir» ou la «soirée» en question sur l'axe calendaire: «un(e) soir/soirée d'automne», c'est avant tout un soir ou une soirée qui se situe – sur le plan strictement chronologique – en automne.

Encore une fois, au lieu de calculer simplement le rapport quantitatif du nombre d'occurrence de *soir* et de *soirée*, ce sera plus intéressant d'observer les variations «saisonniers» de ce rapport.

Les statistiques sont les suivantes:

soir(s)/soirée(s) de printemps: 51/12 occurrences, soit une différence de 4,25 fois;

soir(s)/soirée(s) d'été: 215/40 occurrences, soit une différence de 5,38 fois;

soir(s)/soirée(s) d'automne: 78/20 occurrences, soit une différence de 3,9 fois;

soir(s)/soirée(s) d'hiver: 128/65 occurrences, soit une différence de 1,97 fois.

Nous trouvons ce résultat assez intéressant dans la mesure où il illustre avec une précision presque déroutante la définition «mixte» que nous avons relevée dans certains dictionnaires et où la «soirée» commence avec le déclin du jour (phénomène physique) et finit quand on se couche (phénomène nettement événementiel puisqu'il s'agit de la fin des activités journalières). Si l'on considère que, surtout dans le milieu urbain, les variations saisonnières de l'heure à laquelle on se couche sont plus ou moins négligeables, cette définition établit une longueur variable de la «soirée» qui occupe une part différente de la «journée» selon la saison: elle est courte en été puisque le déclin du jour commence plus tard, longue en hiver, moyenne au printemps et en automne (étant tout de même plus longue en automne qu'au printemps). Curieusement, les statistiques des emplois de *soir* et de *soirée* semblent sensibles à ce statut variable de la «soirée» puisqu'elles suivent rigoureusement la hiérarchie que nous venons d'évoquer: l'avantage quantitatif de *soir* est le plus fort avec *d'été* (5,38), le plus faible avec *d'hiver* (1,97), avec entre les deux *de printemps* qui surpasse légèrement *d'automne* (respectivement 4,25 et 3,9).

CONTEXTE DE SEGMENTATION

Dans ce test, nous avons observé les cooccurrences de *soir/soirée* avec différents mots dont le sémantisme est lié à l'idée de segmentation de la durée:

1) les verbes *commencer*, *continuer*, *poursuivre*, *finir* (avec *soir/soirée* en fonction de sujet ou de COD) dans les formes les plus courantes (à l'infinitif, au participe passé, au présent, au passé simple et à l'imparfait):

7: Dans les caves les plafonniers restaient constamment allumés et on ignorait quand venait le matin et quand commençait le soir (Ahmadou Kourouma);

8: Il annonça: «Je vais me coucher.» La soirée commençait à peine. On n'allait pas se disputer pour des bêtises (Roger Vrigny).

Voici un petit tableau qui résume les statistiques de ce premier groupe d'exemples et où on voit bien que la domination de *soirée* est totale:

Tableau 2

	<i>soir</i>	<i>soirée</i>
<i>commencer</i>	1	20
<i>continuer</i>	0	2
<i>poursuivre</i>	0	5
<i>terminer</i>	0	25
<i>finir</i>	1	59
TOTAL	2	111

2) les substantifs *début*, *commencement*, *fin*, *milieu*, *partie*, *reste*:

9: Tout à fait d'accord, apaisés, résolus, ils regardaient par leur fenêtre le soir d'été finir (Pierre Loti);

10: Félicien ne laissait jamais une soirée finir sans prononcer, de quelque manière, sa phrase fatidique (François-Régis Bastide).

Le tableau ci-dessous montre que l'avantage de *soirée* est aussi écrasant que dans le contexte précédent: une fois de plus, à côté des nombreuses occurrences de *soirée*, celles de *soir* restent exceptionnelles (d'ailleurs, elles apparaissent rarement dans les textes contemporains: ainsi, les quatre occurrences de *reste du soir* appartiennent à des textes des XVIIe–XVIIIe siècles):

Tableau 3

	<i>Soir</i>	<i>Soirée</i>
<i>début</i>	1	55
<i>commencement</i>	1	17
<i>fin</i>	0	127
<i>milieu</i>	1	18
<i>reste</i>	4	87
TOTAL	7	304

3) l'adjectif *entier* et le prédéterminant *tout* (celui-ci, tout en soulignant la totalité, impliquent une possibilité de segmentation):

- 11: *Pendant des soirs entiers il la fixait, se détournant seulement quand elle disait, à bout de force: «ne me regarde donc pas comme ça, mon enfant!»* (Guy de Maupassant);
- 12: *elle ressentait un sincère plaisir à demeurer seule avec lui pendant des soirées entières, causant et l'écoutant parler* (Guy de Maupassant);
- 13: *Elle était restée tout le soir dans l'église* (Marcel Jouhandeau);
- 14: *Il prouva qu'il était resté toute la soirée au village* (Prosper Mérimée).

Comme l'idée de segmentation possible n'est présente ici qu'implicitement, en toile de fonds, nous ne serons pas surpris de voir que l'écart statistique entre *soir* et *soirée* est moins prononcé que dans les deux cas précédents; on voit d'ailleurs que le même auteur peut hésiter dans le choix entre les deux constructions, comme dans les deux exemples de Maupassant ci-dessus). Néanmoins, l'avantage quantitatif de *soirée* reste considérable:

Tableau 4

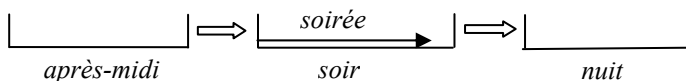
	<i>soir</i>	<i>soirée</i>
<i>entier</i>	5	56
<i>tout</i>	39	238
TOTAL	44	284

Même compte tenu de ce dernier résultat, plus modéré que les deux autres, le score final du contexte de segmentation révèle une domination incontestable de *soirée*: 699 occurrences de *soirée* contre 53 occurrences de *soir*.

Dans l'ensemble de ce test, l'aptitude à la segmentation ne nous intéresse pas en soi, mais plutôt à titre de reflet du dynamisme temporel. En effet, la possibilité d'identifier un «début», une «suite», une «fin» est liée à une représentation dynamique du temps qui se déroule dans des limites déterminées. A priori, une telle dynamique est inhérente à la notion même de temps qui est, par définition, dirigé, donc nullement statique. Dans cette optique, la «segmentabilité» de la «soirée» est parfaitement naturelle; ce qui mérite, en revanche, une attention particulière, c'est le refus opposé par le «soir» à toute segmentation, sauf dans les cas où l'idée de segmentation n'est présente qu'implicitement (et où, d'ailleurs, *soirée* reste très largement majoritaire). Or, si le

concept de «soir» ne se laisse pas segmenter en «début», «suite» et «fin», s'il n'accepte pratiquement pas de «commencer», «continuer» et «finir», cela veut dire qu'il est intérieurement statique et ne correspond qu'à un certain «créneau horaire», doté certes d'un dynamisme externe puisqu'il suit l'«après-midi» et précède la «nuit», mais dont le dynamisme interne est presque entièrement délégué à la «soirée».

Résumons, à travers ce petit schéma, la vision de l'opposition *soir/soirée* qui résulte, nous semble-t-il, de ce dernier test:

CONTEXTE EXPLICITEMENT ÉVÉNEMENTIEL

Le test précédent ne concernait qu'indirectement la distinction du temps physique et du temps événementiel. Il est vrai que le temps physique peut être imaginé en tant que «créneau horaire» statique (ce qui, apparemment, correspond au cas de *soir*), tandis que le temps événementiel implique obligatoirement une dynamique temporelle et, par conséquent, la possibilité de la segmentation: impossible, en effet, d'évoquer les notions événementiels telles que *travaux*, *guerre*, *vacances*, *vendanges*, *voyage*, *etc.*, sans qu'elles impliquent automatiquement l'idée de «début», de «suite» et de «fin» de l'événement ou de la série événementielle.

Or, pour le test suivant, nous avons identifié deux contextes où l'événementialité est exprimée beaucoup plus explicitement.

Premièrement, ce sont les cooccurrences de *soir/soirée* avec une série de substantifs représentée prototypiquement par le mot *événements*, auquel nous avons ajouté les substantifs *circonstances*, *détails*, *scènes*, *souvenirs*, *déroulement*, *issue*, par exemple:

- 15: *Toute la fatigue physique de la journée, toute la préoccupation d'esprit qu'avaient fait naître les événements du soir disparaissaient comme dans ce premier moment de repos* (Alexandre Dumas);
- 16: *Aussi les deux Italiens profitèrent-ils de la circonstance pour se communiquer des pensées qu'ils n'auraient exprimées en aucun autre lieu du monde et que les événements de la soirée leur avaient inspirées* (Honoré de Balzac).

Ces substantifs, sémantiquement assez hétérogènes, ont ceci en commun qu'ils s'associent beaucoup plus naturellement à une suite événementielle qu'à un fragment de temps physique. Il est donc tout à fait normal de retrouver un écart statistique considérable en faveur de *soirée*, avec une différence de 13,8 fois:

Tableau 5

	<i>soir</i>	<i>soirée</i>
<i>événements</i>	1	22
<i>circonstances</i>	0	5
<i>détails</i>	0	8
<i>scènes</i>	0	2
<i>souvenir(s)</i>	4	24
<i>déroulement</i>	0	5
<i>issue</i>	0	3
TOTAL	5	69

Deuxièmement, il s'agit des emplois de *soir/soirée* avec les déterminants possessifs qui constituent un contexte très explicitement événementiel: c'est un temps qui se rattache à la personne évoquée par le déterminant et qui, de ce fait, ne peut pas rester purement physique mais implique obligatoirement un remplissage événementiel quelconque: c'est le temps que telle personne passe d'une certaine façon, dans un certain endroit, éventuellement avec telle autre personne, etc.:

17: *J'aurai mes soirs à moi pour piocher* (Jules Vallès);

18: *parbleu, mes soirées sont à moi* (Stendhal).

Sans surprise, même si dans tous ces emplois *soir* et *soirée* restent possibles, c'est *soirée* qui l'emporte avec un score considérable et assez proche de celui du contexte précédent (11,7 fois):

Tableau 6

	<i>soir(s)</i>	<i>soirée(s)</i>
<i>mon/ma/mes</i>	16	139
<i>ton/ta/tes</i>	2	32
<i>son/sa/ses</i>	18	303
<i>notre/nos</i>	10	98
<i>votre/vos</i>	3	31
<i>leur(s)</i>	9	75
TOTAL	58	678

CONCLUSION

On vient de voir, à travers quatre contextes que nous espérons suffisamment discriminants, que les substantifs *soir* et *soirée* entretiennent un rapport assez complexe sur le plan de la distinction entre le temps physique et le temps événementiel. Les deux correspondent à un intervalle temporel plus ou moins bien délimité; les deux manifestent une sorte de «minimum événementiel» comprenant les phénomènes naturels qui constituent ou accompagnent le «déclin du soleil», d'où leur compatibilité avec les adjectifs à effet de sens «météorologique».

Leur différence devient plus visible dès lors qu'il s'agit non plus d'événements naturels mais de ceux qui appartiennent au domaine «socio-psychologique», c'est-à-dire des activités ou de l'état psychologique des personnages: c'est là que les statistiques révèlent un avantage très important de *soirée*. Donc, même si les deux notions présentent un minimum événementiel, c'est la «soirée» qui accepte beaucoup plus facilement que le «soir», de transgresser ce minimum naturel et d'évoquer des événements socio-psychologiques qui se greffent sur les événements naturels en assignant à ces derniers le rôle de cadre descriptif.

Cet avantage se renforce dans le contexte de segmentation: on voit bien que le «soir» correspond à un créneau horaire essentiellement statique et difficilement segmentable tout en déléguant à la «soirée» l'expression de l'aspect dynamique et segmentable du temps. En effet, le mot *soirée* a le quasi-monopole des cooccurrences avec les verbes *commencer*, *continuer*, *finir*, etc., ainsi qu'avec les substantifs tels que *début*, *milieu*, *fin*, *reste*, etc., ce qui souligne son caractère événementiel car, si un fragment de temps au sens purement physique peut se concevoir comme un créneau horaire statique, toute chaîne événementielle est par définition dynamique et segmentable.

Enfin, le contexte explicitement événementiel confirme notre hypothèse initiale sur la nature événementielle de la distinction *soir/soirée*: ce contexte qui permet d'observer les cooccurrences de *soir* et de *soirée* avec un certain nombre de mots à sémantisme fortement événementiel donne au mot *soirée* un avantage statistique plus que significatif.

Bibliographie

1. Dictionnaire de l'Académie (8e édition) en ligne: <https://academie.atilf.fr/8/>.
2. Dictionnaire Littré en ligne: <http://littrereverso.net>.
3. *Ilinski K.* (2018), «Combien d'instant dans un moment?», Enseignement et apprentissage du français et du russe langues étrangères, coédité par l'Université pédagogique municipale de Moscou et Sorbonne Université, Moscou, 2018, p. 124–155.
4. Le Robert micro, édition 1998.
5. Trésor de la Langue Française en ligne – TLFi: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>.

Soliman Luciana T.,

Enseignante-chercheure

Langue et Traduction (Langue Française), Université de Padoue, Italie

SUR L'ASPECT «PÉRIPHRASTIQUE»: FAITS EXPLICATIFS

Soliman Luciana T.,

Teacher-researcher,

Language and Translation (French language), University of Padova, Italy

ON THE “PERIPHRASTIC” ASPECT: EXPLANATORY FACTS

Résumé: l'aspect «périphrastique» implique dans le présent article la prise en compte de ces groupes formés d'un verbe, dont le sens d'origine a été réduit, et d'une forme participiale ou infinitive d'un autre verbe qui a maintenu la matière notionnelle acquise dans le processus d'idéogenèse des mots. Cet aspect peut également intégrer les auxiliaires indiquant l'étape finale de la vision du processus. En effet, l'aspect comporte toute information concernant le «segment verbal» et a recours à différents moyens linguistiques pour l'exprimer. Cette perspective onomasiologique nous a permis d'établir les points de contact et de déceler les divergences entre l'italien et le français. Nous avons axé notre attention sur l'opération de subduction que subissent non seulement les auxiliaires, mais aussi les verbes de mouvement sélectionnés. Nous avons donc décorporé les auxiliaires du système de la conjugaison pour les annexer, selon l'idée qu'ils véhiculent, à la phase du

temps d'événement intéressée (Wilmet, 1997). Les relations d'ordre morphologique, lexical et syntaxique sont des faits descriptifs avantageux (Bertinetto, 1986, 1991, 1997) qui pousse pourtant le linguiste à étudier les faits explicatifs de la langue à l'aide du temps opératif et de ses saisies progressives (Rocchetti, 1982). Grâce à l'étude de cette catégorie élargie des coverbes (Kronning, 2003), nous avons pu apprécier la rentabilité d'une perspective d'empreinte guillaumienne.

Abstract: in the present article “periphrastic” aspect encompasses those groups that are formed of a verb, whose primary meaning has been reduced, and a participial or infinitive form of another verb, which has maintained its notional matter, acquired during the process of ideogenesis of words. This category can also embrace auxiliaries indicating the final phase of the process, since aspect entails any information about the “verbal segment” and uses different linguistic means in order to express it. The onomasiological perspective we have chosen allowed us to establish similarities and differences between Italian and French. We focussed our attention on the subduction undergone by auxiliaries and the movement verbs we selected. We separated auxiliaries from the conjugation system in order to incorporate them into the phase of the event time concerned, according to the notion they convey (Wilmet, 1997). Morphological, lexical and syntactic relations are convenient descriptive facts (Bertinetto, 1986, 1991, 1997), which, however, lead the linguist to search for explanatory facts on the level of langue by means of operative time and its progressive prehensions (Rocchetti, 1982). Studying the enlarged category of coverbs (Kronning, 2003) revealed the benefits of a Guillaumian research perspective. Mots clés: aspect verbal, périphrase, coverbe, psychomécanique, italien, français.

Mots clés: aspect verbal, périphrase, coverbe, psychomécanique, italien, français.

Keywords: verbal aspect, periphrasis, coverbe, psychomechanical, Italian, French.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.41.21 *Индоевропейские языки*

I. Remarques liminaires

L'aspect phasique laisse éclore les différentes visions du processus selon la perception que le locuteur a du déroulement du procès. Malgré les efforts d'exhaustivité de quelques illustres romanistes (Lucchesi, 1971; Martin, 1971; Bertinetto, 1986, 1991, 1997; Wilmet, 1997), l'aspect périphrastique peut être réduit en perspectif (avant le procès),

cursif (durant le procès) et résultatif (après le procès) selon le regard du locuteur vis-à-vis du «segment verbal» sur la ligne du temps. Dans cette perspective, il peut être utile de vérifier dans les langues italienne et française le comportement de certains coverbes¹ (Kronning, 2003: 232) au sein des tours périphrastiques dans l'expression de ce qui n'est pas encore et qui doit être fait ou de ce qui a été déjà effectué. Nous allons nous servir des principes de la psychomécanique du langage pour appréhender la fonction et le sens des verbes sur lesquels pivotent quelques périphrases. Ces verbes, qui peuvent subir une opération de subduction, à savoir une dématérialisation partielle ou totale au niveau notionnel valorisant leur rôle relationnel (Guillaume, 1964: 73–86), sont affectés d'une nuance strictement aspectuelle ou modale.

II. Avant et après le procès: *andare* + *participio passato*

L'aspect perspectif décrit le stade événementiel qui précède la borne initiale du procès. Le français dispose de la périphrase *aller* + infinitif (avec subduction du verbe *aller*), la périphrase perspective par excellence (mais on pourrait y ajouter les locutions *être sur le point de* + infinitif, *être prêt à* + infinitif, *être près de* + infinitif, *se préparer à* + infinitif), qui correspond en italien à la périphrase *stare per* + infinito (mais aussi *essere sul punto di* + infinito, *essere in procinto di* + infinito). Celles-ci possèdent un résidu temporel donné par l'explicitation de l'idée d'imminence, car elles désignent la phase préparatoire d'un procès situé dans un futur immédiat (Brianti, 1992: 164).

Néanmoins, l'expression de l'aspect perspectif est donnée en italien d'une part par *stare per* + infinito et ses limitrophes dans la vision préalable à la borne initiale du segment verbal qu'a le locuteur, et d'autre part par *andare* + *participio passato*, qui ne trouve aucun équivalent périphrastique en français. Bertinetto (1986; 1991; 1997) décrit cette locution *sui generis* et la labellise comme modale en raison de la valeur déontique du verbe *andare* suivi du *participio passato*. Il est possible de résumer les propriétés de cette périphrase comme suit:

- i) morphologiques: la restriction relative à la personne du sujet;
- ii) lexicales: l'exclusion des verbes intransitifs et des verbes transitifs qui n'admettent pas la voix passive;

¹ N'importe quel verbe qui se construit avec un mode impersonnel.

iii) syntaxiques: l'absence de l'agent visant à atténuer l'ordre qui vient d'être énoncé. Les acceptions dominantes seraient l'obligation et le «pur passif» (de deux choses, l'une).

La nécessité est exprimée par le cotexte:

[1] La casa va ripulita da cima a fondo («doit être nettoyée») (Bertinetto 1991).

[2] Il dolore va sempre combattuto («doit être combattu») (ibidem).

[3] Tu ragioni troppo. Perché l'amore va ragionato? («doit être raisonné») (Calvino, 1957).

La nécessité qui serait liée, par intuition, à la projection en avant du procès [4] indépendamment de l'époque, justifierait les incompatibilités avec le révolu. En effet, l'idée modale est absente dans [5]:

[4] La casa andava/andrà/andrebbe ripulita da cima a fondo.

[5] La casa andò ripulita da cima a fondo.

Ce qui déclenche la lecture passive est le sémantème du verbe escorté par le coverbe de mouvement. Un inventaire lexical peut être circonscrit aux verbes exprimant l'idée d'épuisement au sens large du terme (*perdere, distruggere, disperdere, sprecaire*, etc.):

[6] Una grossa quota dei suoi risparmi andò perduta. («fut perdue») (Bertinetto 1991).

[7] Gli strumenti erano andati perduti («avaient été perdus») (Rocchetti 1982).

L'interprétation passive est également activée là où l'on se sert non seulement des temps de l'époque passée, mais aussi du temps de l'énonciation:

[8] Molti lodevoli sforzi vanno sprecati per eccesso di zelo («sont gaspillés») (Bertinetto 1991).

Ce qui prouve que la matière notionnelle des verbes accompagnés par *andare* est plus importante que la dimension aspectuo-temporelle des coverbes.

Nous signalons également le cas du syntagme verbal exprimant le manque d'intentionnalité:

[9] La fodera andò cucita per sbaglio («la doublure fut cousue») (ibidem).

Il est intéressant d'essayer d'appréhender pourquoi la périphrase est polysémique et soumise à certaines restrictions. Au lieu d'explorer marginalement ce qui est manifeste, c'est-à-dire le discours, il est

judicieux d'étudier la langue qui nous permettra de donner une explication synthétique. Si l'on examine le sémantème de base du verbe *andare*, avant que sa valeur sémantique ne soit exploitée morphologiquement afin d'indiquer l'obligation, il signalait uniquement le mouvement. L'affinité entre la notion cinétique et la notion de nécessité est évidente dans la mesure où les deux sont orientées vers un but final: on bouge vers une direction, on ordonne en orientant l'action de l'interlocuteur. Si la nécessité implique un procès-en-perspective, c'est-à-dire qu'un procès n'a pas été encore entamé [10]:

[10] Questo progetto va fatto nel giro di pochi mesi. («ce projet doit être accompli d'ici quelques mois»).

nous sommes encore dans la phase antérieure au terme initial du procès. Nécessité et perspective vont ainsi de pair, étant donné que l'absence de l'une implique le manque de l'autre.

Dans [11] nous sommes dans la phase postérieure au terme final:

[11] Questo progetto andò fatto nel giro di pochi mesi. («ce projet fut accompli au bout de quelques mois»).

On indique donc le résultat, qui exclut l'idée de perspective et qui gomme la valeur déontique. Rocchetti (1982) représente l'opération psychique sous-jacente de la manière suivante:

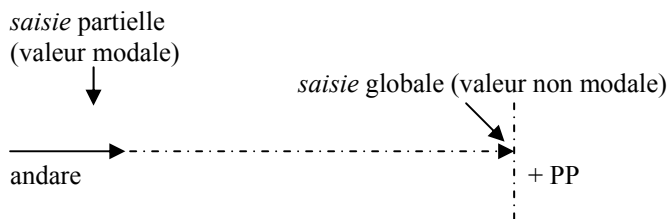

Fig. 1. *Andare* + PP (cf. Rocchetti 1982: 119)

Ce schéma vectoriel explique aisément pourquoi on n'a pas le sens de nécessité avec des verbes qui ne sont pas achevés.

III. Durant et après le procès: *venire/essere* + participio passato

La psychomécanique du langage a le mérite de mettre en parallèle *andare* et *venire*. Même le signifié basique de *venire* implique le mouvement. Suivi du participio passato, contrairement à *andare* qui

prévoit une action avant sa réalisation, *venire* indique le déroulement du procès, à savoir la phase centrale de l'action, et en fait le constat:

[12] Questo progetto umanitario viene fatto assieme alla comunità locale.

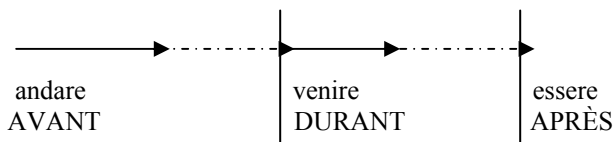

Fig. 2. Andare vs venire

Au moment où il n'y a plus de perspective (*venire* a fait l'objet d'une subduction qui entame l'aspect véhiculé par le lexème), *venire* est remplacé par l'auxiliaire *essere* (aspect statif) qui implique un procès qui a touché à sa fin:

[13] Questo progetto è fatto senza alcuna pretesa.

Dans [13] on considère la phase postérieure à la borne finale du procès. Le parallélisme possible entre [12] et [13] est lié à une distinction floue entre les deux structures par défaut. La composition (aspect transcendant) confirmerait la pertinence de cette observation: si le procès est acquis dans le passé, on pourra dire:

[14] Questo progetto è stato fatto senza alcuna pretesa.

Par contre, [15] et [16] seront considérés comme agrammaticaux:

[15] *Questo progetto è venuto fatto senza alcuna pretesa.

[16] *Questo progetto è andato fatto senza alcuna pretesa.

Le mouvement exprimé par *andare* et *venire* atteindrait la borne finale en altérant ainsi le signifié de ces deux coverbes. C'est pourquoi, malgré la subduction qui les a mutés en deux morphèmes délestés de leur matière notionnelle, ils gardent un résidu de leur sémantème de base (Guillaume, 1971: 145–148).

Il reste à comprendre la restriction relative à la personne: *andare* et *venire* rivalisent avec *essere*, car ils expriment le mouvement qui, dans le jeu communicationnel, ne dépend pas de la personne humaine, mais bien de la personne d'univers liée aux choses de l'univers «où règnent les forces de la nature et du destin» (Rocchetti, 1982: 118). Selon la charmante interprétation de ce psychomécanicien d'envergure, ils exprimeraient un mouvement de la vie qui s'en va vers la mort et qui vient à la naissance. La Figure 3 simplifie cette hypothèse:

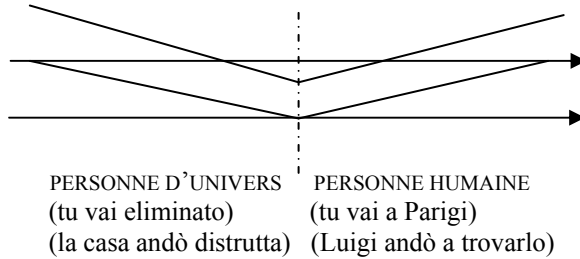

Fig. 3. Personne d'univers vs personne humaine (cf. ibid.: 117)

Ce serait le recours à la personne qui explique l'emploi des verbes d'épuisement dont on a déjà fait état. Puisqu'ils sont liés à la personne d'univers, ils indiquent une action qui échappe au contrôle humain, une action qui atteint la fin de son parcours. Le résultat, comme nous l'avons dit, exclut la perspective et comporte la lecture passive. Par contre, la personne humaine n'est qu'une référence par laquelle s'effectue la notion verbale.

La différence entre *andare/venire/essere* + participio passato dans les emplois concurrentiels que nous avons cités se fonde essentiellement sur le « temps impliqué », sur une tripartition de la notion aspectuelle du procès: perspective/déroulement/résultat. Mais d'autres éléments concourent au choix de ces périphrases et mettent en relief la complexité du système-langue.

Ce phénomène de la langue italienne n'a pas d'équivalent en français: aucune possibilité de dire **aller* + PP, aucune chance de recourir à la structure diathétique **venir* + PP. Le français ne dispose que du verbe *être* pour exprimer la voix passive et si l'on veut ouvrir une perspective, on ne fait pas appel à *aller* ou à *venir*, mais à un contexte adéquat qui empêche le procès de parvenir à sa fin:

[17] La robe est cousue.

[18] La robe est cousue en ce moment par la couturière.

Dans [17] le procès est accompli, alors que dans [18] le procès est en cours. En italien:

[19] Il vestito è cucito.

[20] Il vestito è/viene cucito in questo momento dalla sarta.

Sans doute faudrait-il faire la différence entre le « passif d'état », c'est-à-dire résultatif, et le « passif d'action » (Martin, 1971).

Notoirement, le passif a deux emplois: adjectival et verbal. Dans le premier cas, l'auxiliaire joue le rôle de copule [17, 19, 23, 24] ou pseudo-copule [21, 22]:

[21] La robe paraît cousue, dit Cendrillon en souriant.

[22] Il vestito sembra cucito, disse Cenerentola con un sorriso.

[23] Laure est fatiguée. Elle travaille trop.

[24] Laure est affaticata. Lavora troppo.

On peut aller jusqu'à dire qu'il y a dans ces derniers cas une sorte de sous-verbalisation due à une «diathèse récessive» (Tesnière, 1969) en raison de l'absence du complément d'agent. La compatibilité avec les adverbes d'intensité motiverait davantage la lecture du participe passé comme adjectif aussi bien en français qu'en italien:

[25] Laure est très fatiguée.

[26] Laure è molto affaticata.

L'impossibilité de l'intensification nous orienterait plutôt vers l'interprétation d'une acception résultative. Quant à l'emploi verbal, l'information agentive est essentielle [18, 20] et assure la lecture dynamique du procès (Helland, 2002).

IV. Après le procès: les auxiliaires *essere/avere*

L'aspect grammatical transcendant ou extensif, qui décrit la phase postérieure à la borne finale du segment verbal, prévoit en français les auxiliaires *être* ou *avoir* et la périphrase *venir de* + infinitif, qui ont tous encouru une subduction immanente. Cette hypothèse englobante que nous avons épousée appartient à M. Wilmet (1997).

Les affinités que l'on devine entre l'aspect lexical et l'emploi des auxiliaires ne sont qu'apparentes: les verbes imperfectifs privilégieraient le recours à l'auxiliaire *avoir*, alors que les verbes perfectifs se serviraient de l'auxiliaire *être*. Il existe pourtant des verbes à tendance perfective (*jaillir* et *surgir*) qui comportent l'emploi d'*avoir*. Comme le souligne R. Martin (1971: 60), l'établissement d'une relation constante aspect-auxiliaire est illusoire ou du moins secondaire. J. Damourette et E. Pichon (1911–1940: t. V, 1639, 85) témoignent d'un certain intérêt à l'égard de ce problème: *être* est employé lorsqu'on peut voir la fin du procès, tandis que *avoir* permet de concevoir l'action dans son devenir, comme une sorte d'«accumulation d'effet». Le verbe *être* serait terminatif, alors que le verbe *avoir* serait sommatif. Forts de leur

sagesse scientifique, ils proposent *j'ai beaucoup couru*, qui impliquerait que je détiens la somme des pas de ma course, et *je suis couru à son secours*, qui indiquerait que ma course a atteint le but de mon action. D'après G. Guillaume (1929: 27, n. 2), *être* présuppose dans ces cas une discontinuité que le verbe *avoir* ne possède pas. C'est pourquoi les verbes faisant appel à l'auxiliaire *avoir* n'ont aucune limite interne (les imperfectifs) et autorisent le sujet à reprendre le procès qui a été commencé (*il a marché*). Par contre, les verbes qui exigent l'auxiliaire *être* imposent une clôture du procès et engendrent une sorte de hiatus (*il est sorti*), car le sujet ne peut reprendre le procès qu'après sa réalisation complète (les perfectifs). Ce comportement aspectuel n'est pas détectable dans le cas des verbes *paraître*, *apparaître* et *disparaître*, qui admettent les deux auxiliaires. Tout dérive, semble-t-il, d'une espèce d'alternance du devenir avec l'être. L'exemple de la tache est très célèbre (ibidem): *la tache est disparue* signifie qu'elle est devenue invisible, alors que *la tache a disparu* équivaut au fait que la tache est à présent invisible. La variation porterait sur l'opération de pensée: ce qui est devenu invisible ne peut continuer de le devenir; ce qui est invisible peut continuer de l'être. Résomptivement, *avoir* signale la continuité virtuelle, tandis que *être* est généralement lié à la discontinuité.

En italien standard, il n'est pas ardu de tisser une relation entre le sémantème et l'aspect grammatical transcendant. Le verbe *essere* est un indice de perfectivité. Ce n'est pas par hasard si les verbes qui sont orientés vers une limite de tension exigent l'auxiliaire *essere*. Le choix de l'auxiliaire prendra en compte la transitivité ou non du verbe. Dans le cas de *cambiare*, l'auxiliaire *avere* exige la présence du complément d'objet direct:

[27] Marco se n'è andato. Ha cambiato casa.

Mais on a le verbe *essere* lorsque l'opération porte sur le sujet:

[28] Marco è cambiato.

Cambiato sera non-conclusif avec *avere* [27]. En revanche, il sera conclusif avec *essere* [28]. G. Guillaume (ibid.: 26) justifie ce changement d'auxiliaire selon l'«ouverture à l'achèvement du verbe». Il ne s'agit que de cas sporadiques. Certes, les non-conclusifs (ou «dirimants») et les conclusifs (ou «intégrants») affichent des affinités profondes avec le couple imperfectif/perfectif. L'image verbale d'un procès conclu est exprimée par des verbes intégrants si la forme

englobe la réalisation de tout le procès. Mais il suffirait d'élargir l'inventaire pour en conclure que le choix de l'auxiliaire n'exprime que de manière irrégulière l'opposition aspectuelle imperfectif/perfectif.

Il faut dire que, tout comme *andare* et *venire*, *essere* et *avere* ont connu un processus de subduction qui les a conduits à se compléter par un participio passato. Celui-ci est une forme décédée du verbe, qui ressurgit par l'ajout de l'auxiliaire approprié (ou d'un autre verbe) «exprimant la subséquence, à volonté immédiate ou lointaine, du premier» (Guillaume 1990: 152).

Quant à *venir de* + infinitif, cette périphrase n'a pas de forme correspondante en italien, qui fait appel à la tournure du passato recente (le presente composto/piuccheperfecto avec l'adverbe *appena*):

[29] Elle vient de partir. Elle ne nous a rien dit.

[30] È appena partita. Non ci ha detto niente.

[31] Elle venait de prendre son avion.

[32] Aveva appena preso l'aereo.

L'italien peut avoir recours à d'autres moyens pour signaler une action qui vient d'être achevée, mais il puise aux richesses de ses ressources lexicales.

V. Remarques conclusives

Nous avons essayé de dresser un modeste bilan psychomécanique italien-français de l'aspect «périphrastique» lié aux coverbes exprimant le mouvement et aux auxiliaires. Dans le premier cas, ce serait le recours à la personne d'univers qui dématérialise, réduit et remotive le sens de base des coverbes indiquant l'obligation ou le «pur passif». La progression du temps opératif subit des interceptions significatives qui expliquent la valeur modale ou non du coverbe. La tentative de trouver des réponses à certaines harmonies entre ces coverbes et la sémantèse des verbes qu'ils accompagnent nous a permis de saisir la complexité de la pensée constructrice du langage humain. Qui plus est, l'intégration de quelques observations aspectuelles a révélé le rôle accessoire, mais probant du temps impliqué dans l'agencement des constituants de la phrase. Dans le second cas, la prise en compte des auxiliaires a corroboré l'importance de la subduction dans la configuration du langage, où la perte de l'indépendance d'un verbe

implique de nouvelles interactions et des compensations qu'il n'est guère facile de généraliser sur le plan aspectuel par l'étude des autres morphèmes impliqués.

Bibliographie

1. *Bertinetto P.M.* Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema indicativo. – Firenze: L'Accademia della Crusca, 1986.

2. *Bertinetto P.M.* Il verbo. In Renzi L., Salvi G. (eds), Grande grammatica di consultazione. Vol. II. – Bologna: Il Mulino, P. 13–161, 1991.

3. *Bertinetto P.M.* Il dominio tempo-aspettuale. Demarcazioni, intersezioni, contrasti. – Torino: Rosenberg & Sellier, P. 27–60, 1997.

4. *Brianti G.* Périphrases aspectuelles de l'italien. Le cas de *andare*, *venire* et *stare* + gérondif. – Berne: Peter Lang, 1992.

5. *Calvino I.* Il barone rampante. 2^a ed. – Torino: Einaudi, 1957.

6. *Damourette J., Pichon E.* Essai de grammaire de la langue française. Vol. V. – Paris: d'Artrey, 1911–1940.

7. *Guillaume G.* Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. – Paris: Champion, 1929.

8. *Guillaume G.* Langage et science du langage. – Paris/Québec: Nizet/Presses de l'Université Laval, 1964.

9. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1948–1949, Série A. «Structure sémiologique et structure psychique de la langue française I». – Québec/Paris: Presses de l'Université Laval/Klincksieck, 1971.

10. *Guillaume G.* Leçons de linguistique de Gustave Guillaume 1943–1944, Série A. «Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française II». Vol. 10. – Lille/Québec, Presses universitaires de Lille/Presses de l'Université Laval, 1990.

11. *Helland H.P.* Le passif périphrastique en français moderne. – Copenhague: Museum Tusulanum Press/Université de Copenhague, 2002.

12. *Kronning H.* Auxiliarité, énonciation et rhématicité. // Cahiers Chronos. – 2003. N° 11. P. 231–249.

13. *Lucchesi V.* Fra grammatica e vocabolario. Studio sull'aspetto del verbo italiano. // Studi di Grammatica Italiana. N° 1. P. 179–269.

14. *Martin R.* Temps et aspect. Essai sur l'emploi des temps narratifs en moyen français. – Paris: Klincksieck, 1971.

15. *Rocchetti A.* Sémantique de *andare*, verbe plein et auxiliaire en italien: de l'expression du mouvement à la modalité d'obligation. // Modèles linguistiques. – 1982. N° IV. P. 115–133.

16. *Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. – Paris: Klincksieck, 1969.

ДИНАМИКА ЯЗЫКА: ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ

Загрязкина Татьяна Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой французского
языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: tatiana_zagr@mail.ru,

ФРАНКОФОНИЯ: ПРОЕКТ, КОНСТРУКТ, КОНЦЕПТ

Zagryazkina Tatiana Yu.,
Dr.habil. in Philology, Professor, Head of the Department of French
Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies
of Lomonosov Moscow State University

FRANCOPHONIE: PROJET, “CONSTRUIT”, CONCEPT

Аннотация: в статье рассматривается процесс концептуализации понятия франкофония. Ставится вопрос о региональной и национальной идентичности франкофонов (Франция, Бельгия, Квебек, Африка). Высказывается предположение, что франкофония/Франкофония может трактоваться как понятие, концепт, конструкт или феномен в зависимости от того, какой ракурс становится главным. Как *понятие*, vs результат и инструмент понимания, идея; *конструкт* – плод действий и воли человека, в рамках концепции Ж.-К. Нарси-Комба, разграничивающую *конструкт* (construit) как результат действий и воли человека и *концепт* (concept) как результат классификации естественных явлений и человеческих наблюдений; как *концепт* – результат внутреннего формирования смысла, с одной стороны, и группировки смыслов, с другой; как *феномен*, чье значение находится на пересечении объективного и субъективного, проявления и осознания.

Abstract: the article examines the process of conceptualizing the notion of francophonie. The topic of the regional and national identity of French speaking people (France, Belgium, Quebec, Africa) is considered. Determining which point of view becomes the main one, it is suggested that francophone / francophony can be interpreted as a notion, concept, “construit” or phenomenon.

It might be understood as a notion (result and tool of understanding), an idea; The “construit” is the result of the actions and intention of a person according to J.-C. Narsi Komba's point of view. He differentiates “construit” (as the result of

the actions and intention of a person) and concept (as a result of the classification of natural phenomena and human observations). Francophonie as a concept may also be interpreted as a result of an inner formation of meaning on the one hand, and the grouping of meanings on the other. Francophonie as a phenomenon has the meaning that is placed on the intersection of the objective and subjective, on the crossing of manifestation and awareness.

Ключевые слова: франкофония, французский язык, языковой и культурный проект, политический конструкт, концепт, феномен.

Keywords: francophonie, the French language, linguistic and cultural project, political “construit”, concept, phenomenon.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 13.11.44 *Культура, культурология*; 16.01.33 *Терминология языкознания*

В статье рассматривается процесс концептуализации понятия франкофонии – особой общности, предлагающей, по мнению Ж.-П. Кюка, «альтернативное видение мира» в наш век глобализации [7].

Первый этап освоения темы относится к колониальному периоду и связан с именем географа О. Реклю, который впервые употребил термин «франкофония» в работе 1886 г. «Франция. Алжир и колонии» [12]. Под этим термином Реклю понимал общность территории и, соответственно, экономики метрополии и ее колоний. Вопрос о языковой и культурной идентичности Реклю специально не рассматривал. Учитывая, что утрату территорий Франции он считал ошибкой или несчастьем (*erreurs et malheurs*), можно утверждать, что он видел только одну идентичность, как универсальную – идентичность метрополии, имеющей интерес в расширении территории.

Новый этап развития франкофонии и освоения этого феномена наступил в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в., в период распада колониальных систем Франции и Бельгии и неизбежного изменения идентичности как жителей метрополий, так и жителей бывших колоний. Дискурс большинства «отцов-основателей» франкофонии сохранял следы колониально-патерналистского нарратива. Так, президент Республики Ш. де Голль писал о «блеске» «гения французской мысли», освещающего заокеанские территории [9], Х. Диори (первый президент независимого Нигера) – о «связи гения французского языка и идеала эмансипации» [5].

Между тем идея взаимодополнения культур постепенно пробивала себе дорогу. Так, Х. Бургиба писал об «общей ментальности, потому что те, кто говорит [на французском языке] в повседневной жизни, открывают друг у друга общность духа (communauté d'esprit)» [4]. В определении франкофонии, сформулированном Сенгором, идея «духовной общности» занимает особую позицию [13].

Третий этап освоения темы приходится на наше время. Появилась трактовка, принципиально разделяющая **ф**ранкофонию (со строчной буквы) как феномен гражданского общества разных стран, ассоциированный с французским языком, и **Ф**ранкофонию (с заглавной буквы) как продукт международных отношений, политический институт и элемент межгосударственных структур. Политический аспект проблемы, который становился все более очевидным, и ее связь с межгосударственными институтами: 21 марта 1970 г. была создана Международная организация Франкофонии (Organisation internationale de la Francophonie, OIF), объединяющая сейчас 77 стран, среди которых франкоговорящие страны и страны, говорящие на других языках (из них 57 – действующие члены, 20 – наблюдатели).

В трактовке франкофонии, учитывающей тексты OIF, выделяют:

1. Совокупность действий по продвижению французского языка и тех ценностей, которые этот язык транслирует, независимо от страны говорящих;

2. Политическую и институциональную деятельность международной организации с постоянными членами и наблюдателями, которые решили присоединиться к Хартии Франкофонии (принята в 2005 г. как установочный юридический документ). Подчеркивается аспект деятельности (совокупность действий), политический фактор эксплицируется, и франкофония чаще ассоциируется с геополитическим пространством, чем с лингвистическим: «это зона влияния, периметр которого точно не очерчен». Особое внимание уделяется референтным ценностям – более общим (духовным) или геополитическим, при этом все чаще используется термин «концепт»: «Эта эволюция ... [позволяет] динамически осмыслить, постичь, воспринять концепт, который, вероятно, имеет различные смыслы, скрывающие трудно обнаруживаемые неясности и двусмысленности» [8].

Кроме термина «концепт» (*concept*), к франкофонии применяют и термин «понятие» (*notion*): П. Шардене пишет о «понятии» [6], В. Спаэт использует оба термина [15].

Выскажем предположение, что франкофония/Франкофония может трактоваться как понятие, концепт, конструкт или феномен в зависимости от того, какой ракурс становится главным:

- 1) как *понятие*, ср. определение понятия В.З. Демьянковым как результата и инструмента понимания, идеи [1];
- 2) как *конструкт* = плод действий и воли человека, ср. концепцию Ж.-К. Нарси-Комб, разграничивающую *конструкт* (*construit*) как результат действий и воли человека и *концепт* (*concept*) как результат классификации естественных явлений и человеческих наблюдений [11]; синонимично этому термину можно использовать и термин *проект* – языковой и политический;
- 3) как *концепт*, ср. трактовку концепта В.З. Демьянковым как реконструкта, объединения понятий в группы в рамках духовной культуры [1], а также определение концепта в «Европейском словаре философий» под ред. Б. Кассен как двустороннего явления: результата внутреннего «вызревания» смысла, с одной стороны, и группировки слов, с другой [16];
- 4) как *феномен*, чье значение находится на пересечении объективного и субъективного, проявления и осознания.

На современном этапе развития и осознания франкофонии ценностный аспект начинает соперничать с языковым и даже превалировать. Между тем в этой сфере есть свои нерешенные проблемы.

Так, расширение франкофонии – явление столь же положительное, сколь и неоднозначное. С вхождением в ОИФ не франкоговорящих стран повышается риск ослабления связей организации с французским языком. Этот процесс вызывает особые опасения у африканских стран, которые до сих пор считали себя основой сообщества. И это не случайно. Именно Африка сыграла большую роль в формировании франкофонии (ср. концепцию Л. Сенгора), в настоящее время она поддерживает высокий авторитет французского языка, широко используя его в бытовой, художественной,

административной сферах. Число говорящих на нем в странах Африки неуклонно увеличивается. В недалеком будущем 85 % франкофонов будет проживать на африканском континенте – во «франкофонии Юга». Мечтая о «цивилизации универсального», в 60-е годы XX в. Сенгор писал: «Негритюд и арабизм тоже принадлежат вам тоже, французы гексагона» [14]. Прошло более полувека, но исследователи по-прежнему отмечают, что француз мало знаком с культурой мавриканца или вьетнамца.

Во «франкофонии Севера» одну из главных ролей, наряду с Францией, играет Канада (Квебек). Коллективные представления французов и франкоканадцев отличаются особенностями ценностных установок. Так, известная концепция французского исследователя П. Нора строится вокруг понятия «место памяти» (*lieux de mémoire*). Культурное пространство нации, по П. Нора, является пространством мест – предметов, памятников, речей, представлений о языке, которые передаются из поколения к поколению, обеспечивая устойчивость и преемственность культуры [3]. В противовес этой концепции франкоканадец Ж. Летурно предлагает динамическую концепцию «мест перехода» (*lieux de passage*), делающая акцент не столько на «привязке» к прошлому, сколько на отрыве от него. По мнению Летурно, взаимодействие языков в Квебеке – один из главных источников движения и развития идентичностей [10]. Раздаются голоса об отрыве от французского языка Франции и о создании собственных языковых норм.

В отличие от Квебека, франкоязычный ареал Бельгии – Валлония и Брюссель – испытывает гораздо более мощное притяжение культурной метрополии – Франции, проявляющееся, в частности, в развитии у бельгийцев чувства «языковой неуверенности» (*insécurité linguistique*). Оно включает несколько аспектов: осознание говорящими наличия вариантов французского языка во Франции и в Бельгии; их социокультурную стратификацию; оценка своей речи говорящими как равно- или (реже) равностатусной по отношению к референтному образцу [2].

Подведем итоги. Франкофония представляет собой особый феномен, который, в зависимости от угла зрения, можно считать понятием; языковым и политическим проектом; конструктом; концептом культуры. Франция продолжает играть важнейшую роль в развитии

франкофонии, но ее задачи меняются в контексте перехода от эталонности французской модели и знаменитой французской формулы «культурного исключения» (*exception culturelle*) к идеологии культурного плюрализма (*pluralité culturelle*), языковой вариативности и множественной идентичности.

Источники и литература

1. Демьянков В.З. Обыденные концепты и научные понятия // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею Г.Г. Молчановой. – М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 35; 34.
2. Невежина Е.А. Франкоязычный ареал Бельгии: динамика языковых процессов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 74–80.
3. Нора П. Франция: память. – СПб: изд. Санкт-Петербургского университета, 1999. – 325 с.
4. Bourguiba H. Une double ouverture au monde. Montréal, le 11 mai 1968 // La francophonie des Pères fondateurs / Sous la dir. de Papa Aliouone Ndao. – Paris, Editions Karthala, 2008. – P. 159–168. – P. 163.
5. Diori H. Première conférence de Niamey 17–20 fevr 1969 // La francophonie des Pères fondateurs/Sous la dir. de Papa Aliouone Ndao. – Paris, Editions Karthala, 2008. – P. 212.
6. Chardenet P. La francophonie objet de recherche et d'enseignement: formation et circulation des notions // Recherches et applications – Le français dans le monde. – 2018. – № 64 (Juillet). Enseigner la Francophonie, enseigner les francophonies / Coord. par F. Chnane-Davin, F. Lallement. V. Spaëth. – P. 138–149. – P. 138.
7. Cuq J.-P. La francophonie peut-elle être un objet didactique // Recherches et applications – Le français dans le monde. – 2018. – № 64 (Juillet). Enseigner la Francophonie, enseigner les francophonies / Coord. par F. Chnane-Davin, F. Lallement, V. Spaëth. – P. 14–27.
8. Francophonie et relations internationales: Géopolitique de la Francophonie / Dir. De J. Soppelsa. – Paris: Editions des Archives contemporaines, 2009. – P. 22–23.
9. Gaulle de Ch. Discours prononcé à Alger à l'occasion du 60e anniversaire de l'Alliance française, le 30 septembre 1943 // La francophonie des Pères fondateurs / Sous la dir. de Papa Aliouone Ndao. – Paris: Editions Karthala, 2008. – P. 224.
10. Létourneau J. Le Québec entre son passé et ses passages. – Québec: FIDES, 2010. – 251 p.

11. *Narcy-Combes J.-P.* Illusion ontologique et pratique réflexive en didactique des langues // *Le français dans le monde – Recherches et applications.* – 2010. – № 48 (Juillet). – P. 117.

12. *Reclus O.* France. Algérie et colonies [Электронный ресурс]. – Paris: Lahure, 1886. – URL: Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k75061t/f1.image> (дата обращения 15.01.2018).

13. *Senghor L.S.* Ce que je crois: Négritude, Francité et Civilisation de l'Universel. – Paris: Editions Grasset, 1988. – P. 157–158.

14. *Senghor L.S.* Le problème des langues vernaculaires ou le bilinguisme comme solution // *La francophonie des Pères fondateurs / Sous la dir. de Papa Alioune Ndao.* Paris: Editions Karthala, 2008. – P. 197.

15. *Spaët V.* Pour enseigner l'histoire de la notion de francophonie // *Recherches et applications – Le français dans le monde.* – 2018. – ¹ 64 (Juillet). Enseigner la Francophonie, enseigner les francophonies / Coord. par F. Chnane-Davin, F. Lallement, V. Spaëth. – P. 35; 28.

16. *Vocabulaire européen des philosophies: Dictionnaire des intraduisibles / Dir. de Barbara Cassin.* – P.: Le Robert – Seuil, 2004. – 1531 p. – P. 248.

Кузнецов Валерий Георгиевич,

доктор филологических наук, профессор кафедры
лексикологии и стилистики французского языка
Московского государственного лингвистического университета

СИНТАГМАТИКА ГИПОНИМОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Kuznetsov Valeriy G.,

Doctor of Philology, Professor, the Department of French
Lexicology and Stylistics at Moscow State Linguistic University

SYNTAGMATICS OF HYPONYMS OF THE FRENCH LANGUAGE

Аннотация: в статье рассматриваются особенности синтагматической актуализации гипонимов, обусловленные их релевантными свойствами. Предлагается более широкое, чем это принято в работах по семантике, определение гипонимов как лексических знаков с узкой референцией и конкретной, детальной номинацией. Синтагматике гипонимов свойственна ограниченная сочетаемость, селективная валентность и зависимость от контекста.

Abstract: the article considers the features of syntagmatic actualization of hyponyms due to their relevant properties. The author proposes the definition of hyponyms larger, than it is given in works on semantics, as lexical signs with narrow reference and concrete, detailed nomination. Syntagmatics of hyponyms of the French language is characterized by limited collocation, selective valency and dependence on context.

Ключевые слова: синтагматика, гипоним, референция, номинация, сочетаемость, валентность.

Keywords: syntagmatics, hyponym, reference, nomination, collocation, valency.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.01.07. *Философские вопросы, методология и методы исследования в языкознании*

Синтагматические отношения, наряду с парадигматическими, относятся к фундаментальным отношениям, которые существуют между элементами языка. Если парадигматические отношения относятся к системе языка, носят виртуальный характер, то синтагматические связаны с функционированием системы, актуализацией ее элементов. В целом, сущность синтагматических отношений состоит в том, что они актуализируют единицы языка в дискурсе, поэтому и называются отношениями *in praesentia*. Слова здесь вступают в соотношения (соединения) друг с другом на основе семантических и синтаксических свойств, на основе правил их сочетаемости друг с другом (валентности), употребления в контексте.

Гипонимы манифестируют частное, конкретное, характеризуются узкой референтной базой. Они представляют собой сочетание, комбинацию нескольких означаемых при одном означающем. Дж. Лайонз справедливо отмечал, что гипонимия является фундаментальным смысловым отношением, посредством которого структурирована лексико-семантическая система языка [2]. Термин «гипонимия» является относительно новым, хотя само понятие гипонимии существует давно и обозначалось часто термином «включение». Гипонимы, обладая точечной номинацией, позволяют осуществлять номинацию наиболее экономным способом.

Гипонимические связи слов – это одно из ведущих и наиболее сложных семантических связей в парадигматике и синтагматике

лексико-семантической системы. Следует в этом плане согласиться с М.В. Лысяковой: «Гипонимия, выражающая в языке отношения включения, соответствующая категориям общего и частного, рода и вида в логике, является типично семантическим отношением, проявляющимся в различных языках, и может рассматриваться как семантическая универсалия. Специфика проявления гипонимических отношений в каждом конкретном языке определяется его системой, а также экстралингвистическими факторами» [3].

В лингвистической литературе, даже в работах таких авторитетных семантиков, как Дж. Лайонз, М.А. Кронгауз, М.В. Никитин, определение гиперо-гипонимических отношений ограничено родовидовыми типа *птица* – гипероним, *синица, воробей, ворона* – гипонимы. Между тем подобное выделение гиперо-гипонимических отношений является таксономическим и не отражает их лингвистическое содержание. Преобладание в лингвистической литературе широкого, таксономического, недифференцированного подхода к гипонимам на основе только родовидовых отношений крайне суживает понятие гипонимии, поскольку не учитывается семиологическая природа гипонимов – точечная номинация денотатов, которая проявляется в том, что означающее вызывает конкретное представление предмета на основе, как правило, нескольких релевантных признаков этого предмета. Поэтому определение гипонимов как видо-видовых отношений должно быть дополнено на основе узости референтной и номинативной базы, конкретной, узкозначной номинации.

Так, во французском языке существует гораздо более дифференцированное обозначение денотата «бочка», чем в русском языке. Видо-видовые отношения основываются на таких различиях, как объем, назначение, конструкция, материал и др. *Tonne f.* – *большая бочка*, *baril m.*, *barillet m.* – *бочонок*, *saque f.* – *бочонок для сельди*, *tonnelet m.* – *бочонок для алкогольных напитков и других жидкостей*, *tine f.* – *водовозная бочка, кадка*; *tinette f.* – *бочонок конической формы для перевозки топленого масла*, *fût m.* – *винный, водочный бочонок*, *muid m.* – *бочонок емкостью в один мюид* (старинная мера емкости – 274 л.), *futaille f.* – *бочка для алкогольных напитков, растительного масла*. Выделение видо-видового критерия определения гипонимов существенно расширяет их традиционную дефиницию.

Это позволяет расширить и дифференцировать традиционное понимание гипонимии. **Гипонимы представляют собой лексические знаки, характеризующиеся конкретной, детальной номинацией и узкой референцией, совмещающие несколько значений, однословные по своему морфологическому составу.**

Единой общепризнанной классификации гипонимических отношений на сегодняшний день не существует [1]. Гипонимы встречаются в разных частях речи. Больше всего их среди существительных: *aigre f. – гнездо хищной птицы; verrech m. – морские водоросли, выбрасываемые морем на берег; vasque f. – декоративный бассейн; soubresaut m. – резкий скачок (о лошади), резкое движение.* Гипонимы-глаголы: *toiser – мерить взглядом.*

Имеются немногочисленные глаголы с двумя и даже тремя предикатами: *accoster – подойти и заговорить* (как правило, с незнакомым), *carguer – свертывать и крепить паруса на рею или мачту с помощью гитов*, *adouber – торжественно посвящать в рыцари (путем касания плеча мечом).* Глаголы с тремя предикатами: *écobuer – расчищать участок, сгребая и сжигая растительные остатки (травы и корни) для удобрения почвы полученной золой.* Гипонимы-прилагательные встречаются довольно редко: *mettable – годный для носки, sobre – умеренный в еде.*

Гипонимы бывают разных типов: одиночные, парные, гендерные, видо-видовые, структурно-семантические, деривационные, многие гипонимы являются членами синонимических рядов.

Примеры одиночных гипонимов: *incipit m. – первые слова произведения, рукописи; galandage m – перегородка из кирпичей, сложенных ребром; lise f. – зыбучий песок (морского побережья); frayer – метать икру (о рыбе).* Многие гипонимы характеризуются узкой сочетаемостью. В качестве субъекта глагола *vaigir* в прямом значении «плакать, кричать» может быть только новорожденный, а субъектом глагола *frayer* – только рыба. Парные гипонимы: *main / bras, doigt / orteil, pied / jambe.* Гендерные гипонимы: *moine m., nonne f.; жениться, выходить замуж.* Видо-видовые гипонимы: *calebasse f. – бутылочная тыква, coloquinte f. – горькая тыква, potiron m. – круглая тыква; pigne f. – сосновая шишка; hanneton m. – майский жук.*

Словообразовательные лакуны во французском языке объясняются его аналитическим строем и ограниченными деривационными возможностями. В качестве примера можно привести отсутствие морфологического эквивалента префикса *про-* в значении «нереализованность к.-л. действия». В этом случае французский язык вынужден прибегать к раздельнооформленной передаче значения русского префикса лексическими средствами. Глагол *проспать* переводится описательно: *ne pas se réveiller à temps*; *проглядеть* (не заметить) – *ne pas apercevoir*. Гипонимы-члены синонимического ряда различаются к.-л. признаком. Так, в примере синонимического ряда с общим значением «смотреть» глаголы различаются образом действия: *dévisager* – *смотреть пристально, в упор*; *logner* – *смотреть украдкой, коситься*; *guigner* – *смотреть украдкой (обычно с возжеланием)*; *toiser* – *смотреть взглядом с головы до ног*.

Гипонимы, имея ограниченную сочетаемость, которая определяется их семантикой, употребляются: 1) с конкретным субъектом: *rommeler (se)* – *покрываться мелкими облачками (о небе)*, 2) с конкретным объектом: *chiquer* – *нюхать табак*, 3) с классом предметов: *écimer* – *обрезать верхушку (конкретного дерева)*, 4) с классом одушевленных или неодушевленных объектов: глаголы *nager* – *плавать*, *se noyer* – *тонуть* сочетаются только с одушевленными существительными, а *flotter*, *couler* – с неодушевленными; 5) с определенным обстоятельством: *tuber* – *вставлять трубу в нефтяную скважину*

Каждое слово в том или ином своем значении может вступать в связь с определенным, семантически обусловленным, кругом слов. В случае же гипонимов, в силу присущей им точечной, конкретной номинации, количество объектов и субъектов, с которыми они могут сочетаться, ограничено. Большинство гипонимов относятся к глаголам и существительным. Например, глагол *sertir* – *оправливать, вставлять в оправу драгоценный камень*, соотносится с определенным объектом – драгоценные камни, видовое название которых может варьироваться – изумруд, топаз и т. д. Таким образом, гипонимы сочетаются очень избирательно, вследствие кумулятивного значения, которое в них заключено. Глаголы, сочетающиеся с узким классом дополнений, передаются на русский язык дополнением с конкретным значением: *éplucher* – *снимать кожуру, шелуху с продуктов питания (рыба, овощи, фрукты, зерно)*,

К ограничению на сочетаемость может добавляться и субъект. Так, глагол *ricoger* – *отыскивать корм* относится только к птицам.

Актуализация гипонимов-существительных происходит по тому же принципу, что и гипонимов-глаголов. Существительные имеют разную степень конкретности. Значение конкретных существительных, например, *lagon* – *небольшое озеро на морском берегу*, *donjon* – *главная башня замка*, *gouet* – *большой садовый нож* понятно без опоры на контекст. Контекст уточняет значение гипонимов, обозначающих класс предметов. Например, в следующем примере актуализируется значение слова *margelle* – *край (фонтана или бассейна)*: *Pour la réalisation des margelles de piscine, changer le sens de pose des lames de périphérie afin qu'elles encadrent la piscine.*

В синтагматике актуализируются не только прямые, но и косвенные, переносные значения гипонимов. Глагол *pétrir* – *месить (тесто)* имеет переносное значение *придавать форму* (в широком смысле). В тексте оно конкретизируется посредством дополнения, выраженного существительным, принадлежащего семантическому полю «форма»: *Là, où ses prédécesseurs pensaient qu'être pétri de talent suffisait, lui ne parle que de pétrir la pâte (Le Monde, 2000).*

Изучение синтагматики представляет интерес в связи с тем, что то или иное линейное соположение словесных знаков образует определенную комбинаторику значений. Пользуясь инструментарием когнитивной лингвистики, языковые значения можно представить в виде фреймов. Языковые значения, представленные схематически, упрощают их интерпретацию в синтагматическом плане (выделение активных сем, анализ их комбинаторики в дискурсе). Следовательно, актуализируются не только строевые элементы языка, но и когнитивные единицы – пропозиционально-фреймовые структуры.

Гипонимы, являющиеся кумулятивными лексическими знаками, могут быть представлены в виде подобных структур. Пропозиционально-фреймовая структура – когнитивная модель лексического знака – представляет собой упорядоченный набор взаимосвязанных и взаимообусловленных универсальных категорий – субъекта (деятеля), предиката, характера, цели действия, объекта и его характеристик, направленность действия в пространстве и др. в зависимости от количества кумулированных элементов. Пропозиционально-фреймовую структуру следует рассматривать как своего рода

модель, схему, сценарий реализации в коммуникации кумулятивных составляющих лексического знака.

Пропозиционно-фреймовая модель может включать разное количество элементов – от двух до нескольких. Например, глагол *vagir* – *кричать (о новорожденном)*: деятель (одушевл., ребенок) + действие. В данном случае глагол идентифицирует субъект, наделяет его свойством конкретности. Помимо двухсоставных пропозиционно-фреймовых моделей существуют и более распространенные. Пропозиционно-фреймовая структура существительного *mappe* – *большая корзина цилиндрической или прямоугольной формы с двумя ручками, используемая для переноски различных предметов* является многозвенной: предмет (корзина) + размер + форма + конструктивные особенности предмета + особенности назначения.

Изучение гипонимов в синтагматике позволяет идентифицировать элементы пропозиционно-фреймового состава, определить их принадлежность к таксономическим классам, выявить их полифункциональность, особенности актуализации прямых и переносных значений.

В дискурсе под влиянием прагматических факторов сочетаемость гипонимов может значительно расширяться. Так, глагол *bramer*, который обладает узкой сочетаемостью, а именно с субъектом – *олень*, может иметь субъектом домашние животные вследствие расширения значения по смежности – *vache, taureau, mehari* (*корова, бык, верховой верблюд*):

- ... *entend ... les meharis bramer* [4]

Более того, в качестве субъекта пропозиции может выступать человек:

Субъект (человек) + действие (кричать) + характер действия (жалостливо, надоедливо).

- ... *cet Excurbanies brame vraiment plus que de raison, mais de cet épouvantable désir de plaire, d'être aimable, qui l'amène aux plus abjectes lâchetés* [5]

В синтагматике происходит снятие неопределенности лексико-семантической сочетаемости гипонимов. В синтагматическом ракурсе можно увидеть различные виды реализации гипонимов, позволяющие глубже понять особенности классификации и категоризации действительности, характерных для носителей того или

иногo языка. В дискурсе процесс актуализации компонента значения может сопровождаться возникновением окказионального, понятного из контекста, но не зарегистрированного в лексикографических источниках, употребления гипонима. Таким образом, изучение гипонимов в синтагматике позволяет идентифицировать языковые элементы, определять их принадлежность к таксономическим классам, выявлять их полифункциональность, особенности актуализации прямых и переносных значений.

Источники и литература

1. *Кронгауз М.А.* Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2005. – С. 149.
2. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – С. 478.
3. *Лысякова М. В.* Гипонимия в русском языке: Теория. Анализ. Типы гипонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – С. 5.
4. *Adam P.* La ville inconnue. – P.: P. Ollendorff, 1911. – P. 183.
5. *Chateaubriand F.-R.* Atala and René. – Chicago, New York: Scott, Foresman and company, 1901. – P. 163.

Лукина Анна Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков
РГПУ им. А. И. Герцена, e-mail: anialuk@yandex.ru

ДИАВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ СКРИПТ IX–XIV ВВ.)

Lukina Anna E.,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
the Romance Philology Department, Institute of Foreign Languages,
Herzen State Pedagogical University of Russia

DIAVARIATION OF VERBAL FORMS: A RESEARCH ON FRENCH MANUSCRIPTS OF THE XI–XIV CENTURIES

Аннотация: в последние десятилетия в зарубежной лингвистике широко используется понятие «диасистема», под которым понимается сосуществование нескольких вариативных систем, взаимодействующих друг

с другом. Новый термин «диавариативность» уточняет понятие языковой вариативности в целом: так вариативность как неотъемлемое свойство языка представлена на различных языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом), в свою очередь, причины появления вариантных форм обусловлены рядом внешних лингвистических факторов (географического, социального, стилистического и др.). Таким образом, данное понятие позволяет рассмотреть изучаемое языковое явление с различных сторон, с учетом как внутренних, так и внешних лингвистических факторов. В истории французского языка использование понятия «диавариативность» способствует систематизации имеющихся вариантных глагольных форм, их классификации, а также описанию причин их существования в скриптах изучаемого периода (XI–XIV вв.).

Abstract: the concept of “diasystem” has been widely used in foreign linguistics, which means the coexistence of several variable systems interacting with each other. The new term “diavariation” clarifies the concept of linguistic variability in general: variability as an integral property of a language is presented at different linguistic levels (phonetic, morphological, lexical), in turn, the reasons for the emergence of variant forms are due to a number of external linguistic factors (geographical, social, stylistic and etc.). Thus, this concept allows us to consider the studied language phenomenon from different angles, taking into account both internal and external linguistic factors. In the history of the French language, the use of the concept of “diavariation” contributes to the systematization of the existing variant verb forms, their classification, as well as the description of the reasons for their existence in the scripts of the studied period (XI–XIV centuries).

Ключевые слова: глагольная форма, диасистема, диавариативность.

Keywords: verb form, variation, diasystem, diavariation.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.41.21 *Индоевропейские языки*

В последние десятилетия в зарубежной лингвистике широко распространен диасистемный подход к изучению языка как в синхронии, так и в диахронии. Понятие «диасистема» впервые было употреблено У. Вайнрайхом, который рассматривал диасистему как формальное описание диалектов какого-либо языка, при котором высокоуровневая (обычно фонологическая) система включает две или более диалектные системы [1]. Позднее такие зарубежные лингвисты, как Ж. Кабатек, П. Кох, Г. Волкер, Ф. Гадэ, А. Дюфтер, Э. Старк расширили данное понятие: в их исследованиях

диасистема представляет собой уже сосуществование нескольких вариативных систем, взаимодействующих друг с другом. Как мы видим, диасистема напрямую связана с таким неотъемлемым свойством языка, как вариативность, которая характеризует язык на его различных уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом). Кроме того, данное понятие позволяет нам охарактеризовать основные причины появления вариантных форм в процессе эволюции языка, опирающиеся на собственно лингвистические и экстралингвистические факторы:

1. Диахроническая вариативность, обусловленная изменениями на уровне системы языка;
2. Диатопическая вариативность, вызванная наличием различных норм в рамках тех или иных диалектов/скриптов;
3. Диафазическая вариативность, появление которой определяется существованием различных литературных жанров и функциональных стилей;
4. Диастратическая вариативность указывает на различия в языке разных социальных, профессиональных, возрастных групп людей;
5. Диамезическая вариативность, основанная на разрыве между устной и письменной формами речи.

В диахронии возможно изучение лишь отдельных видов вариативности: диахронической, диатопической и диафазической, поскольку, во-первых, в истории языка мы изучаем, прежде всего, то, как развивалась система языка, какие изменения происходили на тех или иных ее уровнях (диахроническая вариативность); во-вторых, язык изначально неоднороден, характеризуется наличием диалектов как его региональной разновидности, в истории языка еще и существованием скриптов как региональных письменных традиций, что позволяет объяснить наличие большого количества графических и морфологических вариантов в рукописях (диатопическая вариативность); в третьих, вариативность в употреблении тех или иных глагольных времен и наклонений в рукописных текстах одного литературного произведения, принадлежащих разным скриптам, или в текстах разных произведений в рамках одной скрипты, можно изучать с учетом анализа литературных жанров и индивидуальных стилистических

предпочтений создателя рукописи, когда сcribe/соавтор, исходя из своего видения контекста произведения, создавал новый стилистически обработанный текст, при этом схожий по сюжету с прототипом (диафазическая вариативность).

Новое понятие «диавариативность» на сегодняшний день используется лишь в зарубежной лингвистике и является своего рода синонимичным понятию «диасистема». Однако, понятие «диавариативность» в свою очередь, позволяет нам взглянуть на явление вариативности не со стороны системы языка, а с позиций самой вариативности. Таким образом, с одной стороны, мы можем охарактеризовать язык как в синхронии, так и в диахронии, поскольку это одно из основных свойств языка, с другой, одновременно описать и объяснить причины данного явления в языке. Наконец, это понятие включает в себя все представленные выше виды вариативности.

Наш анализ французских рукописных текстов IX–XV вв. показал, что каждая региональная письменная традиция обладает своими характерными особенностями, которые в свою очередь обусловлены соответствующими видами вариативности. Так, например, для англо-нормандской рукописи характерны: 1) архаичность и архаизация языковых форм; 2) использование франсийских форм и сохранение «бездиалектного» характера рукописей. Архаичность и архаизация форм, по мнению Л.А. Становой, обусловлены ориентацией англо-нормандских сcribes на латинский и архаичный французский узус, о которых сcribes имели свое собственное представление, что вызывало появление в текстах так называемых «ошибочных» и гиперкорректных форм.

В свою очередь бездиалектный характер англо-нормандских рукописей также объясняется преимущественным употреблением франсийских форм имени, местоимений, артикля [2: 60].

Нами были выявлены следующие особенности графики англо-нормандских скрипт:

- 1) использование простых графем для передачи дифтонгов: «е» вместо «ai», «ei»: *fet, fere, fesoit, fetes, fette, lessez, lessa, deshete, suhet, plest*;
- 2) восстановление или опущение [e] между согласными: *saverait, savera, avarez, averoit, avera, averat, averouns, averoye; fra, frez*, (вместо *fera, ferez*);

- 3) использование графемы «u» для передачи [ou]: *suheyder*, *suhet*, *aturnez*, *mura*, *purroms*, *purroient*, *purra*;
- 4) использование графемы «ou» для передачи [o], [ō]: *ount* (вместо *ont*), *out* (вместо *ot*), *avoum* (вместо *avon*), *fount* (вместо *font*), *demerrount*;
- 5) нерегулярность в написании конечных согласных: *avoum* (*avon*);
- 6) замена «i» в написании на «y»: *suheyderay*, *say*, *osseray*, *eyt*, *seray*, *diray*, *suy*, *avoyn*, *ay*, *avynt*, *se tynt*, *poeye*, *entroy*, *venyr*;
- 7) сохранение вокализованного [I]: *chevalchant*;
- 8) восстановление латинской формы: *havoum*, *heyez*.

Так, выделенные нами графические особенности англо-нормандских рукописей в очередной раз доказывают яркую региональную окрашенность данной скрипты, а также подчеркивают определенную индивидуальность англо-нормандских сcribes, которые четко следовали выработанной ими письменной традиции. Наш анализ также подтверждает выводы, сделанные Л.А. Становой, относительно ориентации англо-нормандских сcribes на латинскую традицию и на архаичный узус. Наряду с этим, в изученных нами рукописях прослеживается также и влияние англосаксонского написания, что выразилось в регулярном написании «y» вместо «i». Наконец, относительно влияния франкской скрипты хотелось бы подчеркнуть, что проведенный нами сравнительный анализ центрально-французских и англо-нормандских рукописей выявил, в частности, регулярное использование графемы «e» для передачи дифтонга [ai]. Данное наблюдение позволяет нам предположить, что возможно, несмотря на четко прослеживающийся в англо-нормандских рукописях консерватизм сcribes, влияние устного узуса имело место, и франкский диалект, в котором стяжение данного дифтонга произошло раньше, оказывал воздействие на узус английских сcribes.

Таким образом, графика англо-нормандских рукописей отличается четкостью и регулярностью, вызванными, во-первых, стремлением сcribes к архаизации форм, к латинскому написанию, во-вторых, ориентацией на англосаксонское написание, в-третьих, возможным влиянием норм франкской скрипты. В данном случае мы имеем дело с диатопической и диахронической вариативностью:

наличие вариантных форм обусловлено в первую очередь нормой англо-нормандской скрипты, для которой были характерны: консерватизм графики, намеренная архаизация форм, с одной стороны, и влияние норм французского диалекта/скрипты, с другой.

В свою очередь, анализ морфологической вариативности глагольных форм в англо-нормандских рукописях показал, что преимущественно используются новообразованные романские формы. Так, в имперфекте глагола *estre* используется преимущественно новообразованная романская форма *estoit / esteit*, в будущем времени – романская форма с основой на *ser-* – *seray*. В имперфекте субъюнктива глагола *avoir* также используется романская форма *eust*.

Однако при этом в презенсе глагола *estre* преобладает употребление латинской формы *sunt, sumes*, что указывает, с другой стороны, на стремление сcribes прибегать к архаичным, латинским формам.

Таким образом, однородный с точки зрения морфологии характер рукописи обусловлен различными факторами – диавариативностью, и свидетельствует как об отражении в англо-нормандских рукописях процессов, происходящих в грамматической системе старофранцузского языка (вытеснении и устаревании этимологических форм), т. е. речь идет о том, что новообразованные романские формы давно существуют в языке (диахроническая вариативность), но, наряду с этим, англо-нормандские сcribes испытывают влияние и латинской традиции, выражающейся в намеренной архаизации форм, что характеризует норму англо-нормандской скрипты (диатопическая вариативность).

Итак, в ходе анализа как графической, так и морфологической вариативности глагольных форм в англо-нормандских рукописях мы приходим к выводу о наличии диатопической и диахронической вариативности в изучаемой скрипте, поскольку, с одной стороны, намеренное стремление к архаизации представляет собой яркую особенность данной скрипты и характеризует ее норму (диатопический вид вариативности), с другой, использование новообразованных романских форм и ориентация на французский диалект указывает на диахронический вид вариативности. Таким образом, французский рукописный текст того времени представлял собой сложное взаимодействие нескольких вариативных подсистем: диатопической –

использование нормы своей скрипты, на базе которой создавался текст, а также влияние норм других диалектов/скрипт, диахронической – ориентация на те изменения, которые происходили в языке, перестройка в глагольной системе от латинского языка к старофранцузскому языку, что привело к появлению новых романских форм и вытеснению старых этимологических форм.

Данная статья выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 19-012-00297 А «Французские скрипты (региональные письменные традиции) IX–XIV вв.: имя и глагол».

Источники и литература

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6. Языковые контакты. – С. 25–60.

2. *Становая Л.А.* Англо-нормандский диалект и англо-нормандские скрипты // Древняя и Новая Романья. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – Вып. 6: Романское языкознание и национальные филологии: межвуз. сб. – С. 51–68.

Матвеева Анастасия Александровна,
ассистент кафедры романских языков им. В.Г. Гака,
Московский педагогический государственный университет

ПОНЯТИЕ ТОЧКИ ОТСЧЕТА В СЕМАНТИКЕ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ ФРАНЦУЗСКОГО ГЛАГОЛА (на материале формы давнопрошедшего времени)

Matveeva Anastasia A.,
Assistant Lecturer, the Romance Languages Department, MPGU

CONCEPT OF THE REFERENCE POINT IN THE FRENCH TENSE SEMANTICS (on the material of the plus-que-parfait)

Аннотация: в статье рассматривается система точек отсчета, задаваемая глагольными временными формами французского глагола. Проводится параллель между механизмами формирования грамматического времени в психосистематике, формированием психологического времени в каузометрической теории жизненного пути личности. С учетом данных механизмов приводится система точек отсчета, состоящая из четырех элементов:

момента речи, ситуации, действия, познающего субъекта. Взаимное расположение перечисленных элементов определяет системное значение глагольных временных форм. Системному значению каждой временной формы соответствует множество контекстно обусловленных значений. Одно из них реализуется в высказывании. Это показано на примере формы давнего прошедшего времени, для которого системным значением является положение ситуации в прошлом, познающего субъекта внутри, а действия до ситуации. В речи данная конструкция реализуется как значения предшествования, результативности и завершенности.

Abstract: this article considers the system of reference points in the tense semantics. A parallel is drawn between the mechanisms of the tense semantics, viewed by the psychomechanical theory and the mechanisms of the psychic time viewed by the causometric psycho-biography theory. In the light of these mechanisms a system including four elements is presented. The elements are: moment of speech, situation, action, subject of cognition. Their interrelated localization in the time defines the semantics of tenses in the language system. To the systemic meaning of each tense correspond multiple contextually restricted meanings. One of them is realized in a sentence. This is demonstrated on the example of the pluperfect tense. Its systemic meaning is as follows: the situation is localized in the past, the action before it and the subject in the situation. In the sentence this construct functions as the meanings of anteriority, perfective aspect, and preterital aspect.

Ключевые слова: глагольное время, психосистематика, каузометрия, познающий субъект, действие, ситуация, plus-que-parfait, предшествование, завершенность, результативность.

Keywords: tense, psychomechanics, causometrics, subject of cognition, action, situation, plus-que-parfait, anteriority, perfect, preterit.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.41.21 *Индоевропейские языки* и 16.21.29 *Психолингвистика*

Описание грамматического времени, относительного и антропоцентрического по своей природе, создает необходимость в точке отсчета. Понятие точки отсчета различно в теориях, описывающих значения глагольных временных форм. Точку отсчета связывают с моментом речи, действиями, обозначаемыми глаголами, обстоятельствами времени и т. д. Дискуссионным представляется вопрос о механизме, действующем в системе глагольного времени, который обеспечивает локализацию

событий. Одно из наиболее исчерпывающих описаний данного механизма представлено в психосистематике Г. Гийома.

Система глагольных временных форм по Г. Гийому [8, 9] представляет собой трехмерное пространство, образуемое: а) осью хроногенеза, этапы которого отмечаются формами наклонения, б) осью хронотезы, этапы формирования которой – это эпохи прошедшего, настоящего и будущего времени, в) аспектуальной осью, которая отражает категорию видения (*vision*), представленную точечными и длительными временами, а также категорию аспекта (*aspect*), представленную простыми, сложными и сверхсложными формами.

Значения форм на разных этапах хроногенеза отражают параметр точности временной локализации действия, обозначаемого глаголом. Неличные формы глагола никак не локализуют действие во времени. У глагола в неличной форме есть только «внутреннее время» – фаза. Глагол в субжонктиве локализует действие ретроспективно (в прошлом) или перспективно (в настоящем или будущем). Глагол в индикативе локализует действие относительно момента речи в прошлом, настоящем или будущем.

Значения форм по оси хронотезы следующие: для неличных форм глагола они отсутствуют, для форм субжонктива – перспективное (*subjonctif présent et passé*) и ретроспективное (*subjonctif imparfait et plus-que-parfait*). Для форм индикатива это эпохи прошедшего, настоящего и будущего.

Значения по аспектуальной оси присущи глаголу уже на этапе неличных форм. Во-первых, это категория видения (*vision*) или фаза действия: в неличных формах глагола она представлена инфинитивом, причастиями настоящего и прошедшего времени. В индикативе она выражена непересекающим видением (*passé et futur simples; passé et futur antérieurs*) и пересекающим (*présent, imparfait, futur-dans-le-passé; passé composé, plus-que-parfait*). Формы, характеризующиеся непересекающим видением, отображают действие в констатации, как неизвестное, еще не пройденное, а потому недоступное для детального рассмотрения. Пересекающее видение представляет действие как частично пройденное и частично предстоящее. Категория аспекта образована противопоставлением простых, сложных и сверхсложных форм. Глаголы в простых формах

отображают действие непосредственно, а глаголы в сложных формах относительно результата или просто последовавшего за действием положения дел. Сверхсложная форма (*passé surcomposé*) и результат отражает как пройденный.

Как видно из изложенного, Г. Гийом при описании временной системы оперирует несколькими элементами: обозначаемое глаголом действие, его результат или создавшееся после действия положение дел, момент речи. Необходимым, хотя и явно не упоминаемым элементом является познающий субъект – носитель языка и хроногенетической системы, а при наличии высказывания адресант и адресат, которые с помощью этой системы кодируют или декодируют сообщение. Момент речи присутствует на уровне индикатива, а познающий субъект как точка отсчета на всех уровнях, поскольку относительно него происходит локализация обозначаемого глаголом действия в категориях аспекта и видения.

Приводимая Г. Гийомом теория глагольного времени представляется более абстрактной, чем теории, описывающие семантику временных форм как множество контекстно обусловленных значений. Руководствуясь представленной схемой, для каждой временной формы глагола можно привести одно системное значение, реализующееся в речи различными способами. Такой уровень абстракции обусловлен тем, что описание глагольного времени учитывает особенности психологического времени человека. Как пишет Л.М. Скредина, «...умозрительные схемы психолингвистических операций поддерживаются экспериментально, внешними по отношению к психосистематике науками» [4]. Этот тезис можно проиллюстрировать положениями каузометрической теории, разработанной А.А. Кроником и Е.И. Головахой [3].

Согласно данной теории единицей психологического времени личности является событие, то есть выделяемый сознанием фрагмент действительности, который рассматривается с точки зрения его временных характеристик. Событие может быть простым, рассматриваемым извне, или комплексным, рассматриваемым изнутри. Познающий субъект (авторы теории используют термин «личный временной центр») находится внутри наиболее актуального для него комплексного события. Это событие является для субъекта психологическим настоящим. Оно рассматривается наиболее подробно

и в наибольшей степени насыщено причинно-следственными связями, а также связями «цель-средство». Остальные менее актуальные события относятся к психологическому прошлому или будущему. Психологическое настоящее может не совпадать с хронологическим.

Представленное таким образом психологическое время позволяет провести аналогию с психосистематической теорией глагольного времени. Обозначаемое глаголом действие – это простое событие малого масштаба, на которое направлено внимание познающего субъекта. Обозначаемый сложными формами результат действия или положение дел – это комплексное событие большого масштаба, относительно которого локализует себя познающий субъект, или психологическое настоящее (действительно для французского языка). Момент речи – хронологическое настоящее. Дополнительного обоснования требует положение о психологическом настоящем. Рассмотрим пример:

Пример 1. «Des tempêtes *secouaient* le comté, tant sur le plan politique que dans le ciel. Insbette, elle, *vivait* en toute quiétude aux côtés de celui qui *était devenu* son maître. Ils *consacraient* de nombreuses heures, avec ou sans Tièn, à écrire, recopier, dessiner au milieu des fioles et des parchemins» [6].

В приведенном фрагменте глаголы *secouaient* и *consacraient* обозначают действия, повторяющиеся в течение неограниченного периода в прошлом. Глагол *vivait* обозначает прошедшее действие неопределенной длительности, а глагол *était devenu* обозначает действие, которое привело к результату, актуальному для прошлого. Как имперфект, так и давнопрошедшее относятся к пересекающему видению, следовательно, они помещают познающего субъекта внутри обозначенного глаголом действия. Форма давнопрошедшего состоит из причастия прошедшего времени, которое обозначает действие «devenir» как пройденное, а также из вспомогательного глагола, в котором сосредоточена синтаксическая часть глагола. Вспомогательный глагол указывает на то, что результат действия «devenir» частично пройден и частично предстоит, то есть, познающий субъект находится внутри временного периода, для которого актуально действие «devenir». Что касается глаголов *secouaient* и *consacraient*, где имперфект имеет итеративное значение, также можно выделить «лексическую» и «синтаксическую» часть глагола: действий,

обозначаемых глаголами, было много, и познающий субъект не находится сразу во всех этих действиях: поскольку они повторялись, а не происходили в один момент. Однако субъект находится внутри периода, в рамках которого эти действия происходили. Таким образом, как для имперфекта, так и для давнопрошедшего времени можно выделить временной период, который будет считаться психологическим настоящим, и обозначаемые глаголом действия, которые являются событиями малого масштаба, и на которые обращает внимание познающий субъект. Что касается глагола *vivait*, то в нем границы действия малого масштаба и границы психологического настоящего совпадают.

Если рассматривать подобным образом формы с непересекающим видением, то их интерпретация будет следующей: простые формы помещают действие, обозначаемое глаголом, внутри зоны психологического настоящего. Субъект помещается вне этой зоны, а точнее, непосредственно перед ней. Формы с непересекающим видением показывают, что психологическое настоящее еще не стало таковым. Обращение к психологическому времени личности позволяет преодолеть парадокс претерита: субъект помещается перед действием, и при этом действие рассматривается как прошедшее. Г. Гийом указывает на то, что категория видения относится к внутреннему времени глагола, а значит, локализует субъект относительно психологического, а не хронологического настоящего. Действие, обозначаемое глаголом в претерите, рассматривается как простое событие малого масштаба. Его детали не доступны, потому что познающий субъект не находится в актуальном для действия периоде времени.

Как следует из вышеприведенного, грамматическое время сочетает свойства психологического и хронологического времени. Актуальным представляется вопрос о том, каким элементом, выделяемым в оппозиционных теориях, соответствуют элементы психосистематического времени: познающий субъект, действие, актуальный для действия период. Поскольку функция языковых средств – это формирование высказывания, обратимся к теории предикации. Согласно В.Г. Гаку «предикация устанавливает связь предмета и признака (в широком плане) данного предложения с конкретной ситуацией...» [1]. «Внешней грамматической формой выражения предикации является отношение между подлежащим, указывающим на

предмет мысли, и сказуемым, выражающим признак, приписываемый данным актом мысли и речи субъекту» [1]. Основными элементами высказывания являются субъект, выражаемый подлежащим, предикат, выражаемый сказуемым, сопутствующие обстоятельства, явно упомянутые в высказывании или имеющиеся в пресуппозиции адресанта и адресата. Для краткости сопутствующие обстоятельства будем называть ситуацией совершения действия.

Поскольку глагол в личной форме в роли сказуемого осуществляет предикацию, то он локализует во времени выраженный подлежащим субъект и выраженную прямо или косвенно ситуацию. Ситуация соответствует психологическому настоящему, поскольку с помощью называния сопутствующих действию обстоятельств задается актуальный для действия период времени. Временное положение познающего субъекта совпадает с положением фрагмента действительности, выраженного подлежащим: в нераспространенном предложении есть только подлежащее и сказуемое. Необходимость локализации познающего субъекта объясняется тем, что описать некие события может только тот, кто их реально или мысленно наблюдает. Если рассматривать неполные предложения, то в них подлежащее можно восстановить исходя из лица глагола, а сказуемое восстанавливается как глагол «быть» в большинстве случаев в форме настоящего времени.

Как было показано выше, системное значение глагольных временных форм – это взаимная локализация познающего субъекта, действия, обозначенного глаголом, и ситуации, актуальной для действия. Схематически это отражено на рисунке 1 (St – ситуация, S – познающий субъект, A – действие). Имперфект локализует ситуацию в прошлом, субъект и действие внутри ситуации. Давнопрошедшее отличается от него тем, что помещает действие до ситуации. Простой и сложный претерит помещает субъект вне актуальной для действия ситуации.

В речи данные характеристики реализуются в виде нескольких контекстно обусловленных значений. Рассмотрим речевую реализацию системного значения на примере формы давнопрошедшего времени. Основными речевыми значениями давнопрошедшего считаются предшествование, результативность и завершенность, типичные для сложных временных форм [2].

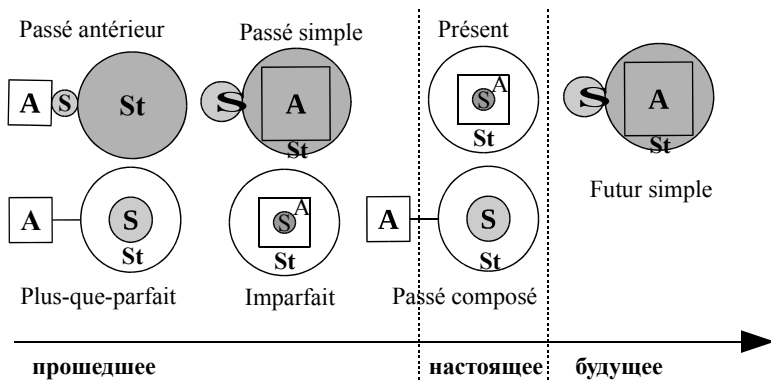

Рис. 1. Системное значение французских глагольных временных форм

Пример 2. «Étienne l'aîné *était* marié et père de famille. Son caractère *s'était aigri* avec les difficultés. Il *ressemblait* de plus en plus à leur père.» [6].

В приведенном фрагменте давнопрошедшее употреблено в значении результативности. Это следует из контекста: действие глагола в давнопрошедшем не предшествует явно действию «*était marié*», оно, скорее, одновременно ему. Однако в следующем предложении глагол *ressemblait* обозначает результат действия *aigrir*. В узком масштабе для глагола в давнопрошедшем ситуация названа предложением «*Il ressemblait de plus en plus à leur père*». Содержание первого предложения также описывает ситуацию в более широком масштабе.

Пример 3. «La parapluie de Florian *se retourna*. Inutile d'insister. La météo *se dégradait* à un rythme effréné.

Il *l'avait quittée* pour se précipiter vers l'église. Il *craignait* pour l'échafaudage extérieur.» [7].

В данном фрагменте текста повествование ведется с точки зрения главного персонажа. Речь идет о завершении встречи: главный персонаж, дама, видит, как вывернулся зонт у ее компаньона. Затем из-за ухудшившейся погоды компаньон был вынужден ее оставить. Здесь, как и в первом примере, значение предшествования у глагола в давнопрошедшем отсутствует: порядок событий соответствует порядку следования глаголов в тексте. Здесь также

отсутствует значение результативности, поскольку содержание третьего предложения не является следствием действия, представленного во втором предложении. В данном примере давнопрошедшее реализует значение завершенности. Ситуация, непосредственно актуальная для действия глагола *avait quittée*, не выражена. В широком смысле она названа последним предложением.

Пример 4. «– C'est personnel, (1) *expliqua* Camille. Strictement personnel.

Elle (2) *avait hésité* sur le mot» [10].

В значении предшествования давнопрошедшее может выполнять функцию анафорической отсылки. Основное повествование в цитированном произведении ведется в претерите и имперфекте. К реплике персонажа относятся слова "C'est personnel, strictement personnel". В словах рассказчика глагол *expliqua* называет действие, заключающееся в произнесении этой реплики. Если бы в следующем предложении было употреблено простое прошедшее, действие 2 следовало бы за действием 1. Форма давнопрошедшего, однако, возвращает познающий субъект в момент совершения действия 1, в результате чего мы видим комментарий реплики.

Во всех приведенных случаях контекстно обусловленное значение формы давнопрошедшего обеспечивается его системным механизмом. Грамматическое время, обусловленное психологическим и хронологическим временем, сочетает в себе черты обеих категорий. Это объясняет двойственность точки отсчета: она связана как с хронологическим, так и с психологическим настоящим. Относительно этих двух ориентиров локализованы познающий субъект и обозначенное глаголом действие, являющееся объектом его внимания.

Источники и литература

1. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – С. 550.

2. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – С. 332.

3. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. – 207 с.

4. *Скрелина Л.М.* Школа Гийома: психосистематика: Учебное пособие / Л. М. Скрелина. – М.: Высшая школа, 2009. – С. 170.

5. *Degroote A.* Les racines du temps – Paris: Calmann-Lévy, 2011. – P. 317.
6. *Degroote A.* Les racines du temps – Paris: Calmann-Lévy, 2011. – P. 322.
7. *Degroote A.* Les racines du temps – Paris: Calmann-Lévy, 2011. – P. 310.
8. *Guillaume G.* Langage et science du langage. / G. Guillaume. – Paris: Nizet; Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1964. – 287 p.
9. *Guillaume G.* Temps et verbe: Théorie des aspects, des modes et des temps [suivi de] L'architectonique du temps dans les langues classiques / G. Guillaume; avant-propos de Roch Valin. – Paris: Librairie Honoré Champion, 1965. – XXI-134 & 67 p.
10. *Vargas, F.* L'homme à l'envers – Éditions Viviane Hamy, 1999. – P. 193.

Михайлова Елена Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной
коммуникации Белгородского государственного национального
исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)

Колтунова Светлана Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков Белгородского
государственного института искусств и культуры (БГИИК)

ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОГО РЕЛЯТИВИЗМА В ГРАММАТИКЕ АНТОНИО ДЕЛЬ КОРРО (1586, 1590)

Mikhailova Elena N.,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor,
the Department of Romance and Germanic Philology and Cross-cultural
Communication, Belgorod State National Research University (BelSU)

Koltunova Svetlana V.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
the Department of Foreign Languages and Cross-cultural communication,
Belgorod State Institute of Arts and Culture (BSIAC)

THE PRINCIPLE OF LINGUISTIC RELATIVISM IN THE GRAMMAR BY ANTONIO DEL CORRO (1586, 1590)

Аннотация: в статье рассматривается специфика описания испанского языка в грамматике Антонио дель Корро (1527–1591). Проводится сопоставление трех ее изданий – парижского (1586), оксфордского

(1586) и лондонского (1590). Рассматриваются социолингвистические условия, приведшие к появлению грамматики, предназначенной для обучения испанскому языку французов и англичан. Дается общая характеристика каждого издания: история рукописи и печатных версий, особенности паратекста, структура и характер презентации в каждом издании языкового материала, степень воздействия греко-латинского канона на описание испанского языка. Обращается внимание на оригинальное использование автором принципа языкового релятивизма, в частности, его влияние на выбор языка-инструмента грамматического описания, на место французского как своеобразного языка-посредника для изложения правил испанского языка и латинского как языка-эталона грамматического описания.

Abstract: the article deals with the specifics of the Spanish language description in the grammar by Antonio del Corro (1527–1591). Its three editions – Paris (1586), Oxford (1586) and London (1590) – are compared. The sociolinguistic conditions, that led to the publication of the grammar designed to teach Spanish to the French and the English, are considered. The general description of each edition, i.e. the history of the manuscript and its printed versions, the paratext peculiarities, the structure and nature of the language material presentation in each edition, and the degree of the Greco-Latin canon influence on the Spanish language description, is given. Attention is drawn to the author's original use of the principle of linguistic relativism, in particular, its influence on the choice of the language as a grammatical description tool, on the place of French as a peculiar intermediary language for writing the Spanish language rules and of Latin as an ideal language of the grammatical description.

Ключевые слова: ренессансная грамматическая традиция, Антонио дель Корро, обучающая грамматика, принцип языкового релятивизма, греко-латинский канон грамматического описания, испанский язык, французский язык.

Keywords: renaissance grammatical tradition, Antonio del Corro, pedagogical grammar, principle of linguistic relativism, Greco-Latin canon of the grammatical description, the Spanish language, the French language.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.01.09 *История языкознания. Персоналии*

Эпоха Возрождения как переломный этап в развитии европейской научной мысли чрезвычайно интересна своими открытиями в сфере знания о языке. В числе движущих сил, которые

обеспечили существенный прогресс в этой области, значимое место занимает совокупность методов, процедур и приемов анализа, получивших отражение в лингвистических сочинениях этого времени. Изучение методологических принципов, принятых в ренессансной лингвистической традиции, позволяет увидеть пути познавательной деятельности человека под воздействием непростой социокультурной среды, в которой уживались достижения гуманистической мысли и крайности Реформации, Великие географические открытия, раздвинувшие для европейцев границы пространства, и становление национального самосознания, строго отграничившего для них «свой» мир от мира «чужого» – в территориальном, религиозном, интеллектуальном и языковом планах. Именно поэтому в рамках каждой из европейских национальных лингвистических традиций, становление которых пришлось на этот период, формировалось особое видение места своего национального языка по отношению к другим. Не случайно ведущую роль среди приемов анализа в сфере знания о языке играл принцип языкового релятивизма, базировавшийся на поиске межъязыковых соответствий и расхождений.

Анализ ренессансных грамматик показывает далеко не однородную картину применения данного принципа при описании вернакуляров. Как отмечает Е.Н. Михайлова, в то время имелось несколько аспектов и сфер его применения. Во-первых, он выступал в качестве основы для объяснения многообразия языков мира. Во-вторых, он активно использовался в качестве особого способа наглядности, позволявшего через двуязычные парадигмы показывать отличия между языками. В-третьих, он служил базой для создания особого типа грамматического описания – сопоставительных грамматик, которыми так богат был XVI век. Кроме того, он был достаточно широко представлен в педагогических грамматиках, что связано со стремлением их авторов сделать сопоставление новых языков с латинским, за которым стояла многовековая традиция, эффективным средством двуязычной педагогики. Наконец, именно межъязыковое сопоставление стало прочной основой для всестороннего осмысления фактов родного языка [2, с. 70].

Примечательно, что эпоха Возрождения оставила обширный корпус работ, в которых реализация данного принципа представлена в большей или меньшей степени. Однако практически все аспекты применения принципа языкового релятивизма, типичные для того времени, получили отражение в испанско-французской грамматике Антонио дель Корро (1586, 1590). Уникальность этой работы обусловлена прежде всего тем, что она представляет собой классический пример двуязычной грамматики, предназначенной для обучения испанскому языку иностранцев (прежде всего французов и лишь затем англичан).

История создания и публикации этой грамматики по-своему отражает перипетии социолингвистической ситуации в Западной Европе, одним из аспектов которого стала экспансия Испании, особенно во время правления Карла V Габсбурга, который стремился к тому, чтобы испанский язык стал языком Европы [11, р. 42; 13, р. 84–85]. Политические успехи и морские победы Испании, торговля и обширные деловые связи, а также успехи ее художников, поэтов, прозаиков и драматургов способствовали распространению испанской культуры и, как следствие, росту престижа испанского языка [5, р. 58]. Всё это привело к востребованности испанских грамматик за пределами Испании. Первыми на этот запрос откликнулись крупные торговые города Северной Европы – Антверпен, Брюссель и Лувен, где было опубликовано значительное число разного рода пособий по испанскому языку [11, р. 42]. Франция и Англия включились в этот процесс лишь в конце XVI в. в связи с их коммерческими и политическими интересами по отношению к Испании [4, р. 122; 12, р. 84–85].

Другая причина, выделяющая работу дель Корро среди ренессансных грамматик, связана с личностью ее автора – священника из Севильи, бежавшего от испанской инквизиции сначала в Швейцарию, затем во Францию и, наконец, в Англию. Его грамматика интересна как сочинение, созданное очевидцем значимых для второй половины XVI в. событий, человеком, который вращался среди выдающихся представителей культуры своего времени и людей, творивших историю. Так, он был близко знаком с первыми переводчиками Библии на кастильский язык,

Касиодоро де Рейна и Киприано де Валера, с гуманистом, поэтом и реформатором Теодором де Безом, был капелланом герцогини Феррарской, дочери французского короля Людовика XII. Некоторое время он жил в Нераке, при дворе королевы Наварры Жанны д'Альбре, где давал уроки испанского языка ее сыну, Генриху Наваррскому, будущему королю Франции Генриху IV. Для него, тогда семилетнего мальчика, в 1560 г. и была создана двуязычная испанско-французская грамматика, текст которой был опубликован спустя четверть века сначала в Париже (1586), затем в Оксфорде (1586), а через тридцать лет в Лондоне (1590) [11, p. 47; 7, p. 8–9].

Как отмечает А. Лопес Фернандес, именно социокультурная среда, в которой создавалась грамматика дель Корро, обусловила специфику оригинального метода, к которому прибег автор. Этот метод состоит в обучении испанскому языку с опорой на французский как на язык-посредник и на латынь как на язык-эталон и прародитель этих двух языков [6, p. 101]. Примечательно, что в названии лондонского издания дано объяснение такому способу обучения одному языку посредством другого: «Тот, кто знает французский язык, легко выучит испанский, а тот, кто знает испанский, легко выучит французский» [15, s.p.]. Именно поэтому в грамматике дель Корро широко представлены параллели между испанским и французским языками на всех уровнях – фонетическом, частеречном, синтаксическом.

Об этой грамматике принято говорить прежде всего как о первой испанской грамматике, опубликованной в Англии [11, p. 47; 14, p. 171; 6, p. 105]. Между тем все три ее издания, включая парижское, представляют собой немалый интерес для изучения атмосферы, в которой осуществлялась подготовка текста к печати.

Сопоставление содержательной части парижского и оксфордского изданий показывает их полную идентичность, хотя адресованы они были разной аудитории – французам и англичанам. Отличает их лишь паратекстовая часть: парижское издание открывается обращением к читателю не автора грамматики, а издателя (*El Corrector de la Imprimeria, al prudente Lector*): «Учитывая то, в каком положении находятся те, кто говорит на разных

языках, и в сколь различных местах вселенной используется испанский язык, имеет смысл, чтобы испанские трактаты печатались по нашему новому способу» [Reglas, Paris 1586: j]. Оксфордское издание кроме этого же текста содержит шестистраничное посвящение, адресованное «Прославленному генуэзскому аристократу, сеньору Горацию Паллавичино», которому автор грамматики желает «здравия и всякого процветания». Отмечая достоинства адресата, дель Корро рассуждает о роли иностранных языков в жизни образованного человека и общества в целом: «Знание языков служит для достижения мира, единства и согласия с человеческим родом» [10, s.p.].

Интересно, что содержание парижского и оксфордского изданий 1586 г. совпадает даже в деталях, как то: шрифт, размер литер, переносы слов, последовательность разделов, объем текста. Более того, титул этих двух изданий украшен одним и тем же орнаментом. Отличает их лишь место издания и то, что в грамматике, опубликованной в Париже, не указано ни имя автора, ни имя издателя, а в оксфордском указано имя издателя: «rog Joseph Barnes». Всё это дает основание считать, что Джозеф Барнс опубликовал грамматику дель Корро в 1586 г. дважды – в Париже и в Оксфорде.

Интересно, что в парижском издании авторство дель Корро не обозначено, а в оксфордском представлено аббревиатурой A. D. C. (Antonio del Corro). Атрибуцию этой грамматики в 1951 г. осуществил А. Алонсо на основании сопоставления тестов оксфордского издания с лондонским [4]. И лишь в лондонском издании, представляющем перевод с испанского на английский язык текста оксфордского издания, дано имя автора: «by M. Anthonie de Corro».

Лондонское издание (1590), подготовленное на базе оксфордского Джоном Вольфом, существенно отличается от двух предыдущих не только по форме, но и по содержанию. В первую очередь это касается языка изложения: в парижском и оксфордском это испанский, а в лондонском – английский. Принципиальным отличием этого издания от предыдущих является наличие в нем испанско-английского словаря, в который включены, по свидетельству автора, «все испанские слова, встречающиеся в примерах этой грамматики, и много других часто

используемых слов» [15]. Заметно отличается в лондонском издании и паратекстовая часть. Во-первых, она предварена посвящением переводчику грамматики на английский язык – другу дель Корро, Джону Тори, причем этот небольшой текст написан по-латински. Во-вторых, автор грамматики предваряет текст своей работы кратким обращением к читателю (The Epistle to the Reader), в котором объясняет цель своей работы: «По многочисленным просьбам разных людей и особенно движимый любовью к своим соотечественникам (будучи готов в любое время выполнить любой труд, чтобы доставить им удовольствие) я перевел и изменил эту книгу так, чтобы любой англичанин мог использовать ее в своих интересах» [15, s.p.]. Эти слова дель Корро показывают, что к концу XVI в. у грамматистов сложилось понимание того, что для преподавания языка иностранцам необходимо учитывать, какой язык для них является родным, и что грамматики для носителей языка и для иностранцев должны составляться по-разному.

Как отмечает А. Санчес, перевод оксфордского текста на английский язык мало в чем отразился на содержании лондонского издания грамматики, методологическую основу которой по-прежнему составляло сопоставление особенностей произношения, орфографии, учения о частях речи и синтаксиса испанского языка с французским [11, p. 47]. Между тем сравнение текстов парижского, оксфордского и лондонского изданий показывает, что количество разделов, на которые членится грамматика, в последнем увеличено с тридцати восьми до пятидесяти трех. Этот факт свидетельствует о доработках автором текста, который изначально не был предназначен для англичан.

Как принято было в ренессансных грамматиках, описание испанского и французского языков базировалось в работе дель Корро на латинской модели грамматического канона. В качестве языка-эталона этих двух языков латынь выступала не только в силу сложившейся традиции, но и потому, что, он разделял мнение многих современников, которые были убеждены, что испанский язык, как и французский, представляет собой «испорченную латынь». Об этом можно судить по многочисленным замечаниям, разбросанным по всему тексту грамматики.

В ходе анализа трех изданий данной грамматики выявлено, что межъязыковое сопоставление представлено в разной степени на фонетическом, частеречном и синтаксическом уровнях грамматического описания.

Начинается грамматика с разделов, посвященных вопросам произношения и орфографии, которые дель Корро предваряет общим замечанием: «Нет большого отличия испанского языка от других, на которых говорят в Европе» [9, р. 17]. Давая описание испанского произношения, помимо постоянных параллелей с французским языком он часто проводит параллели с латынью, греческим и другими языками. Например: «Французы произносят буквы “а” и “b” так же, как испанцы» [10, р. 18]; «Гласная “е” в испанском языке произносится так, как в латинском языке» [15, р. 21]; «Буква “f” произносится в испанском языке так же, как в латинском и французском» [15, р. 22]; «Я думаю, что произношение буквы “с” соответствует произношению буквы, которая есть у евреев и называется “кадис”» [9, р. 18]. Обращаясь к освещению апострофов, дель Корро прибегает к сравнению испанского языка с итальянским, в котором это явление также представлено [15, р. 30].

При описании частей речи дель Корро сравнивает испанский с французским и латынью, подчас упоминая и другие языки, в частности, португальский и бискайский (в парижском и оксфордском изданиях), для того, чтобы показать отличия между ними в употреблении артикля. В лондонском издании упоминаются и другие европейские языки для того, чтобы показать имевшиеся между ними расхождения в употреблении порядка слов: «Уэльский и британский язык использует естественный порядок: располагая существительное перед прилагательным, но многие другие языки, например, французский, голландский, английский используют обратный» [15, р. 32]; «Соблюдая согласование в роде и числе, а также управление глаголов, согласно правилам латинского языка, испанский располагает фразы в таком виде, чтобы было приятно слуху» [15, р. 118].

Интересен взгляд дель Корро на проблему склонения. Как известно, в XVI в. французский и испанский языки утратили падежное словоизменение. Тем не менее, в ренессансных грамматиках

регулярно воспроизводилась падежная парадигма, которая, как пишет С.В. Колтунова, выступала, с одной стороны, как универсальная грамматическая категория, присущая всем языкам, а, с другой стороны, являлась важным дидактическим приемом и эффективным способом систематизации описываемого языкового материала, имеющего отношение к проблеме словосочетания [1, с. 6–7]. Дель Корро начинает раздел, посвященный склонению имен, с замечания о том, что ни испанский, ни французский язык «не имеют никакого склонения» (no tienen declination alguna), однако он приводит парадигмы склонения для этих двух языков. Примечательно, что для испанских и французских имен парадигмы представлены асимметрично: у испанских имен автор видит шесть падежей для единственного числа (Nominat., Genit., Dativ., Accusat., Vocat., Ablat.) и пять для множественного (Nominat., Genit., Dativ., Accusat., Ablat.), у французских – три падежа для единственного и множественного числа (Nominat., Genit., Dativ.). Такое своеобразное видение им парадигмы склонения основано на формальном принципе анализа: в испанском языке задействовано большее количество предлогов, чем во французской для воссоздания латинской падежной парадигмы.

Ключевым словом в грамматической концепции дель Корро является «правило» (Reglas). О значимости правил при обучении языкам упоминается в предисловиях к оксфордскому и лондонскому изданиям, их методичному изложению подчинено описание как испанского, так и французского языка. Автор стремится сформулировать минимум правил, которые могли бы помочь как можно быстрее овладеть основами этих двух языков для того, чтобы читать, писать и изъясняться на них. Как отмечают историографы лингвистики, испанские грамматики Золотого века еще не были нормоустанавливающими, они лишь фиксировали реальные языковые употребления своего времени [8, p. 79; 3, p. 69].

В грамматике дель Корро правила изложены лаконично, с малым количеством примеров и в большинстве случаев в сопоставлении двух описываемых языков. Они представляют собой оригинальный способ подачи материала, сочетая черты нормативной, обучающей и объяснительной грамматик. Например: «Во французском языке все активные глаголы, которые обозначают действие,

образуют свои прошедшие времена с помощью глагола *habeo, habes* кроме первого прошедшего, который образуется без него. Но пассивные глаголы, которые обозначают чувства, образуются с помощью глагола *sum, es, est*. Те же самые правила наблюдаются в испанском языке, особенно в прошедшем несовершенном времени» [15, p. 85] «Во французском языке нет герундия, лишь произносят его в многословии, а испанский язык использует его в обычной речи» [1, p. 75]; «Испанцы подражают французам, которые у вышеупомянутых местоимений образуют аккузативы, говоря: *me, te, le*, ставя их вместо дативов») [15, p. 40]. Представленные в этой двуязычной грамматике правила показывают, что отправной точкой при описании испанского и французского языков являлась латынь.

Корпус примеров, представленных в грамматике дель Корро интересен прежде всего тем, что он отражает мировоззрение автора – священника, непосредственным образом связанного с важнейшими событиями Реформации. Именно поэтому в его грамматике преобладают примеры на религиозную тематику: «*donnons honneur a la parole de Dieu*» [9, p. 30]; «*La lecture des sainctes liures est bien plus honeste & beaucoup plus profitable a l'homme, que celle de la fausse fables de Amadis de Gaule*» [10, p. 22]; «*La gracis del Christo es mayor que la condemnacion que nos causò el peccado de Adam*»; «*Dios es muy piadofò*» [15, p. 21]. В силу того, что грамматика дель Корро была двуязычной, структура приводимых в ней примеров в полной мере отражает принцип языкового релятивизма. При этом его применение отличается значительным разнообразием, поскольку автор прибегает как к использованию параллельных двуязычных парадигм (например, при описании именного склонения), так и к последовательному описанию явлений испанского и французского языков с корпусом разных примеров для иллюстрации приводимых правил. Примечательно, что в отличие от парижского и оксфордского изданий, в которых перевод примеров не приводится, лондонское издание содержит переводы всех примеров на английский язык.

Итак, анализ трех изданий грамматики Антонио дель Корро – парижского (1586), оксфордского (1586) и лондонского (1590) – показал, что описание испанского языка базируется в ней на

принципе языкового релятивизма. Это проявляется как в использовании латинской версии греко-латинского канона грамматического описания, так и в привлечении данных французского и других языков для освещения специфических черт испанского языка. При этом статус каждого из представленных в его грамматике языков различен: испанский выступает в качестве языка-объекта, а также в качестве языка-инструмента грамматического описания в двух первых изданиях – парижском (1586) и оксфордском (1586); французский – в качестве языка-посредника и второго языка-объекта грамматического описания; латинский – в качестве языка-эталона грамматического описания; английский – в качестве языка-инструмента грамматического описания в лондонском издании грамматики (1590). Данные других языков (греческого, древнееврейского, итальянского, португальского, бискайского, уэльского, британского и др.) привлекаются в разной степени для объяснения тонкостей нормы и узуса прежде всего испанского и лишь затем французского языка. Двужычная грамматика дель Корро представляет собой пример оригинального использования межъязыкового сопоставления при описании испанского языка и в то же время отражает ведущие тенденции ренессансной грамматической традиции, неотделимой от многоязычия, в условиях которого она существовала.

Источники и литература

1. *Колтунова С.В.* Категория падежа в испанских грамматиках Золотого века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012.
2. *Михайлова Е.Н.* Принцип языкового релятивизма в системе методов ренессансного знания о языке // Актуальные проблемы истории и теории романских языков: Материалы международной конференции к 100-летию со дня рождения проф. Н.А. Катагощиной (24–25 июня 2008). – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 68–71.
3. *Раевская М.М.* Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.). – М.: Комкнига, 2006.
4. *Alonso A.* Identificación de gramaticos clásicos // Revista de la Filología Española. 1951. – № 35. – Pp. 121–236.
5. *Lope Blanch J.M.* La lingüística española del Siglo de Oro // Actas del VIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. 1. – Madrid, Ediciones Istmo, 1986. – P. 37–58.

6. *López Fernández A.* The Renaissance environment of the first Spanish Grammar published in sixteenth-century England // *Sederi* (VII) 1996. – Pp. 99–105.

7. *Nieto Jiménez L.* Observaciones preliminares // *Reglas gramaticales para aprender la lengua española y francesa* Antonio del Corro / par Lidio Nieto Jiménez. Madrid: Arco Libros, 1988. – Pp. 7–29.

8. *Pozuelo Yvancos J.M.* Norma, uso y autoridad en la teoría lingüística del siglo XVI // *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. History of linguistics in Spain.* – Amsterdam-Philadelphia, 1986, Vol. 34. – P. 77–94.

9. *Reglas Gramaticales para aprender la lengua Española y Francesa, confiriendo la vna con otra, segun el orden de las partes de la oration Latinas.* Impreßas en Paris, en el año de salud 1586.

10. *Reglas Gramaticales para aprender la lengua Española y Francesa, confiriendo la vna con otra, segun el orden de las partes de la oration Latinas / A. D. C. [Antonio del Corro].* Impreßas en Oxford por Joseph Barnes, en el año de salud M. D. LXXXVI.

11. *Suso López J.* Las Reglas de Antonio del Corro: cómo enseñar / aprender una lengua extranjera en el siglo XVI // *Historia de las ideas lingüísticas. Gramáticos de la España meridional / Ed. Antonio Martínez González.* – Berne, Peter Lang, 2009. – Pp. 83–116.

12. *Suso López J.* La contrastivité entre langues dans quatre grammaires plurilingues du XVIe siècle: Venegas, Meurier, Sotomayor, del Corro // *B. Colombat et al. (dir.). Vers une histoire générale de la grammaire française. Matériaux et perspectives.* – Paris: Honoré Champion, 2012. – Pp. 511–531.

13. *Sanchez A.* Renaissance methodologies for teaching Spanish as a foreign language // *Histoire. Epistemologie. Langage.* IX-2. – 1987. – Pp. 41–60.

14. *Swiggers P., Vanvolsem S.* Les premières grammaires vernaculaires de l'italien, de l'espagnol et du portugais // *Histoire. Epistemologie. Langage.* IX-1. – 1987. – P. 157–181.

15. *The Spanish Grammar: With certeine Rules, teaching both the Spanish and French tongues. Made in Spanish, by M. Anthonie de Corro. With a Dictionarie adioyned vnto it of all the Spanish words moft necessarrie for all fuch as desire the knowledge of the same tongue. By John Thorius, Graduate in Oxenford. Imprinted in London by Iohn Wolfe. 1590.*

Новоселова Наталья Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
Омского государственного педагогического университета

**БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Novoselova Natalya V.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor, the French Language
Department, Omsk State Pedagogical University

**IMPERSONAL SENTENCES
OF THE MODERN FRENCH LANGUAGE:
FUNCTIONAL AND STYLISTIC ASPECT**

Аннотация: в статье речь идет о функционально-стилистических особенностях безличных предложений современного французского языка, восходящих к модели S–V–N, где символ S обозначает позицию подлежащего, символ V – позицию сказуемого, символ N – позицию объектного дополнения. Подлежащее в безличных предложениях рассматриваемого типа выражено безличным местоимением *il*. В позиции объектного дополнения – имя существительное. В позиции сказуемого – глагол, который может выступать в функции сказуемого как в личном, так и в безличном предложении. В статье проводится мысль о том, что в рассматриваемых безличных предложениях возможность употребления глагола в функции сказуемого связана с его лексической семантикой. В зависимости от морфологического способа выражения глагола-сказуемого определяются и характеризуются контекстные речевые реализации представленной выше модели безличного предложения. Подчеркивается факт употребления рассматриваемых безличных предложений современного французского языка в текстах различной функционально-стилистической принадлежности.

Abstract: the article is concerned with functional aspects of impersonal sentences of modern French. Which go back to the S-V-N model (S – a subject, V – a predicate, N – an object). The subject in impersonal sentences is expressed by an impersonal pronoun *il*. A noun is used in the position of object complement, a verb – in the position of subject. The verb can be a subject in personal and in impersonal sentence both. The main idea of the article is that the opportunity of using the verb in impersonal sentences is connected with its lexical semantics. The contextual speech

implementation of the impersonal sentence model mentioned above could be defined depending on morphological way of expression of the verb. The article highlights the fact of using of the impersonal sentences in the different functional types of texts.

Ключевые слова: современный французский язык, безличность, структурная модель предложения, безличное предложение, функциональный стиль.

Keywords: modern French, impersonality, structural model of the sentence, an impersonal sentence, a functional style.

Разделы рубриката ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.43 *Синтаксис*

В данной статье мы обращаемся к рассмотрению безличных предложений современного французского языка, восходящих к модели S–V–N, где S – символ, обозначающий позицию подлежащего, заполнение которой в безличном предложении современного французского языка является обязательным, V – символ, обозначающий позицию глагольного сказуемого, N – символ, обозначающий позицию прямого дополнения. В позиции подлежащего – безличное местоимение *il* (далее – *il impers*), выражающее значение неодушевленного среднего рода и не обладающее определенными референциальными характеристиками в контексте. Субъект, то есть тот, кто выполняет действие или является носителем состояния, оформлен в безличном предложении как зависимое от глагола-сказуемого дополнение. Это может быть прямое дополнение (*Il arrive des invités* ‘Собираются гости’) или косвенное дополнение (*Il lui vient à l’esprit un mot* ‘Ему приходит на ум какое-то слово’). Позиция сказуемого заполнена глаголом, относящимся к категории тех, которые в современном французском языке в большинстве своем могут употребляться как лично, так и безлично. Безличные предложения данного типа мы рассматриваем как один из структурных вариантов модели S–V–C, где C – символ, обозначающий позицию дополнения к глаголу, объектного или обстоятельственного, в том числе и атрибутив именного сказуемого. Модель безличных предложений установлена в соответствии с положением о вербоцентричности предложения. Важным для нас является тот факт, что глагол в функции

сказуемого конституирует предложение, является его центром, предполагая вокруг наличие определенных открытых позиций [2].

Общее количество глаголов, которые, по нашим данным, заполняют в современном французском языке позицию сказуемого в безличных предложениях, восходящих к модели S–V–N, составляет 292 глагола. Среди них встречаются глаголы, которые употребляются в современном французском языке как непереходные, а также глаголы, употребляющиеся как переходные. С учетом данного факта мы считаем возможным связать рассмотрение условий контекстной реализации модели S–V–N со следующими дистрибутивными формулами: 1) $II_{impers} + V + N$; 2) $II_{impers} + se + V + N$; 3) $II_{impers} + est + p.p. + N$. Общим для данных дистрибутивных формул является наличие в правой позиции именного компонента в функции объектного дополнения (N). Различие указанных дистрибутивных формул заключается в морфологическом способе выражения глагола-сказуемого.

В предложениях, объединяемых дистрибутивной формулой $II_{impers} + V + N$, сказуемое выражено активной формой глагола: это безличные предложения с непереходным глаголом в позиции сказуемого, который относительно легко включается в процесс имперсонализации, не меняя при этом своей формы: *Il passe peu de gens par ici* ‘Здесь ходит немного людей’. По нашим данным круг глаголов, заполняющих позицию сказуемого в безличных предложениях, объединяемых дистрибутивной формулой $II_{impers} + V + N$, составляет 117 глаголов (40 % от общего количества глаголов).

В предложениях, объединяемых дистрибутивной формулой $II_{impers} + se + V + N$, сказуемое представлено местоименной формой глагола: *Il se dit beaucoup de choses à ce sujet* ‘Говорится много по этому поводу’. Количество глаголов, заполняющих позицию сказуемого в безличных предложениях рассматриваемого типа, достигает 129 (45 % от общего количества глаголов). Из них 114 глаголов являются однообъектными, 15 – двухобъектными. Наличие небольшого количества двухобъектных глаголов, способных заполнять позицию сказуемого в безличных предложениях, объединяемых дистрибутивной формулой $II_{impers} + se + V + N$, позволяет избежать появления двусмысленных предложений типа: *Il ne se*

pose aucune question à ce sujet. Возникновение двусмысленности обусловлено тем, что при двухобъектном глаголе местоименная форма может иметь непереходное значение, как в безличном предложении (*Il ne se pose aucune question à ce sujet – 'Не возникает никаких вопросов по этому поводу'*), или возвратное, как в личном предложении, когда подлежащее является одновременно и действующим лицом, и лицом, испытывающим действие (*Il ne se pose aucune question à ce sujet – 'Он не задает себе никаких вопросов по этому поводу'*). При заполнении позиции сказуемого однообъектным глаголом в местоименной форме глагольная конструкция S–V–N двусмысленной не является.

В предложениях, представленных дистрибутивной формулой II *impers* + *est* + *p.p.* + N, сказуемое выражено пассивной формой глагола: *Il est demandé une autre solution* 'Требуется другое решение'. В современном французском языке пассивная форма является средством имперсонализации как для однообъектных, так и для двухобъектных глаголов. По нашим данным количество таких глаголов достигает 46 (16 % от общего количества глаголов).

В условиях контекста модель S–V–N может выступать как минимально трехсоставная (*Il vient un homme* 'Приходит какой-то человек'), а может включать как позицию косвенного дополнения (*Il existe entre eux une entente parfaite* 'Между ними существует прекрасное взаимопонимание'), так и позицию обстоятельства места (*Il y traîne des papiers* 'Там разбросаны бумаги'). Состав характерных второстепенных членов для модели S–V–N обусловлен семантикой безличной конструкции, и их наличие нередко является обязательным. Так, для предложений, характеризующих стихийно возникающие ощущения человека, связанные с его физическим или эмоциональным состоянием, обязательным является косвенное дополнение, указывающее на субъект, который это состояние испытывает, как в примерах: *Il lui venait des larmes* 'У нее текли слезы'. В предложениях, характеризующих болезненное состояние, часто употребляется обстоятельственное дополнение, выраженное существительным – соматизмом, указывающим на ту часть человеческого тела, которая "локализует" болезненные ощущения человека, например: *Il me passait des froids dans le dos*. 'У меня по спине пробежал холодок'.

Отметим, что в современном французском языке все разновидности контекстно-речевых реализаций рассматриваемой безличной конструкции – это лексически ограниченные группы предложений, в которых позиция сказуемого может быть заполнена только глаголом определенной лексико-семантической группы. В безличных предложениях, объединяемых дистрибутивной формулой $II_{impers} + V + N$ или $II_{impers} + se + V + N$, позиция сказуемого, как правило, заполнена глаголом, обозначающим существование, бытие (*exister* ‘существовать’, *rester* ‘оставаться’, *manquer* ‘не доставать’); движение, перемещение в пространстве (*arriver* ‘прибывать, приезжать’, *venir* ‘приходить, приезжать’); переход из одного состояния в другое (*se faire* ‘происходить’, *se passer* ‘происходить, случаться’). В безличных предложениях, объединяемых дистрибутивной формулой $II_{impers} + est + p.p. + N$, позиция сказуемого может быть заполнена глаголом, выражающим модальный процесс (*souhaiter* ‘желать’); мыслительный процесс, восприятие (*envisager* ‘рассматривать’, *constater* ‘констатировать’, *observer* ‘наблюдать’); суждение, высказывание (*dire* ‘сказать’, *parler* ‘говорить’, *divulguer* ‘разглашать’).

Безличные предложения, восходящие к модели S–V–N, представляют собой одну из релевантных черт синтаксиса современного французского языка, а также в определенной степени являются отражением национального своеобразия его синтаксических структур, в которых, при необходимости изменения коммуникативного задания предложения и помещения субъекта после глагола-сказуемого, позиция подлежащего всегда должна оставаться заполненной. По замечанию Е.Е. Корди, этим французская система языка сближается с английской и немецкой и отличается от русской, где возможно употребление финитного глагола без подлежащего [1].

Релевантность рассматриваемых нами безличных предложений для синтаксиса современного французского языка находит отражение в том, что они достаточно широко представлены в текстах различной функционально-стилистической принадлежности, включая: тексты художественных произведений современных французских авторов, тексты научного характера, газетно-публицистические тексты, административные документы.

Однако, как показывают наблюдения над фактическим материалом (3550 безличных предложений, отобранных методом сплошной выборки из произведений французских авторов XX века разной жанрово-стилистической направленности), безличные предложения рассматриваемого типа представляют неоднородность в функциональном плане. Данная особенность, очевидно, обусловлена тем фактом, что сами безличные предложения, восходящие к модели S-V-N, в современном французском языке не являются однородными. Так, с нашей точки зрения, рассматриваемые безличные предложения могут быть распределены по двум группам. В первую группу мы включаем безличные предложения, в которых позиция сказуемого заполнена глаголом широкой семантики, функционирующие в современном французском языке как устойчивые построения-клише. Так, в частности, по нашим наблюдениям, высокий процент употреблений в безличных предложениях приходится на глаголы существования, бытия, такие, как: *exister* 'существовать' (920 безличных предложений – 26 % от общего количества примеров), *rester* 'оставаться' (900 безличных предложений – 25 % от общего количества примеров), а также на бытийный глагол с отрицательным значением *manquer* 'не доставать' (290 безличных предложений – 8 % от общего количества примеров). К наиболее употребительным также относятся глаголы, обозначающие движение, перемещение субъекта в пространстве: *arriver* 'прибывать, приезжать' (270 безличных предложений – 7,6 % от общего количества примеров) и *venir* 'приходить, приезжать' (280 безличных предложений – 7,8 % от общего количества примеров). При этом, в современном французском языке указанные глаголы могут быть употреблены в безличном предложении как в прямом, так и в переносном значении. Среди наиболее употребительных – и глагол *se passer* 'происходить, случаться' (290 безличных предложений – 8 % от общего количества примеров). Таким образом, как представляется, с учетом приведенных количественных данных, построения типа *il existe, il reste, il manque, il arrive, il vient, il se passe* в современном французском языке могут рассматриваться как клише, а высокочастотные глаголы при *il* _{impers} как вспомогательные глаголы

безличности [3]. Интересным в этой связи представляется также отметить тот факт, что частотность употребления некоторых из указанных выше высокочастотных глаголов в рассматриваемых безличных предложениях-клише может обуславливать семантическую слитность сказуемого с существительным-дополнением, которая проявляется в отсутствии артикля, как в примере: *Un jour ou l'autre, il lui arrivera malheur* 'Со дня на день с ним может случиться несчастье' [10].

Ко второй группе мы относим безличные предложения, в которых позиция сказуемого заполнена глаголами конкретной семантики. В безличных предложениях, восходящих к модели S–V–N, в современном французском языке для них характерны единичные случаи безличного употребления. Среди таких глаголов выделим те, употребление которых в безличных предложениях, восходящих к модели S–V–N, является в современном французском языке регулярным. Это глаголы, обозначающие перемещение объекта в пространстве: *entrer* 'входить' (1 % от общего количества примеров), *sortir* 'выходить' (1 % от общего количества примеров), *monter* 'подниматься' (1 % от общего количества примеров), *passer* 'проходить' (1,5 % от общего количества примеров), *tomber* 'падать' (1,5 % от общего количества примеров); состояние: *régner* 'царить' (1,5 % от общего количества примеров), *se trouver* 'находиться' (1,5 % от общего количества примеров); переход из одного состояния в другое: *pousser* 'расти' (1 % от общего количества примеров), *naître* 'рождаться' (1 % от общего количества примеров), *se produire* 'проявлять себя' (1,5 % от общего количества примеров). Регулярность употреблений указанных глаголов в безличных предложениях, восходящих к модели S–V–N, обусловлена расширением их сочетательных связей. Необходимо также отметить и наличие глаголов, употребления которых в безличных предложениях типа S–V–N, регулярным не является. Такие глаголы мы считаем возможным разделить на два разряда. К первому разряду отнесем лексические и стилистические синонимы глаголов, обозначающих существование, бытие (*figurer* 'фигурировать', *pulluler* 'изобиловать'); перемещение в пространстве (*radiner* 'явиться', *rappliquer* 'прибежать. явиться', *déboucher* 'выходить

на простор’, *dégringoler* ‘лететь кубарем, падать’); переход из одного состояния в другое (*se développer* ‘развиваться’, *s’effectuer* ‘совершаться, свершаться’, *se détruire* ‘разрушаться’, *s’éclipser* ‘скрыться, исчезнуть’). Эти глаголы, как правило, употребляются в безличных предложениях в прямом значении. Ко второму разряду отнесем глаголы, которые не входят в состав указанных выше лексико-семантических групп. В безличных предложениях они чаще всего являются контекстуальными синонимами глаголов, обозначающих: существование, бытие (*pendre* ‘висеть’, *flamber* ‘пылать, гореть’, *fleurir* ‘цвести’, *rouler* ‘ехать, катиться’, *bourdonner* ‘жужжать’, *tourner* ‘кружиться’, *valser* ‘вальсировать’); переход из одного состояния в другое (*se creuser* ‘становиться полым’, *se consumer* ‘растрачиваться’, *se dépenser* ‘растрачиваться’, *s’inscrire* ‘записываться’, *se perdre* ‘теряться’). Единичными в безличных предложениях являются и употребления глаголов, выражающих модальный или мыслительный процесс, восприятие, суждение, высказывание (60 безличных предложений – 1,6 % от общего количества примеров).

В современном французском языке безличные предложения, функционирующие как построения-клише, в силу широкой семантики глагола, заполняющего позицию при *il* _{impers.}, получают распространение как в текстах художественных произведений современных французских авторов, так и в текстах иной функционально-стилистической принадлежности. Функционирование безличных предложений такого типа в текстах различной функционально-стилистической принадлежности связано: а) с изменением коммуникативной функции подлежащего (его перемещение из позиции темы сообщения в позицию ремы), б) с требованиями ритма, когда распространенная именная синтагма перемещается в правую позицию и одновременно входит в состав ремы высказывания, например: *Il existe des vocabulaires de la dissertation, des manuels de commentaires de textes, des initiations à la pratique littéraire* [5] ‘Существуют вокабулярии для написания сочинений, учебники с комментариями текстов, справочники по литературной критике’. *Il ne restait qu’Alain et le rouquin sur la plate-forme* [9] ‘На платформе оставались только Алэн и человек с рыжими волосами’. Аналогичное функционирование в текстах

различной функционально-стилистической принадлежности имеют в современном французском языке и безличные предложения, относимые нами ко второй группе, в которых позиция сказуемого заполнена глаголом, имеющим регулярное употребление в их составе.

Вместе с тем, для безличных предложений с глаголами конкретной семантики, имеющими единичные употребления в их составе, наблюдается определенная привязанность к текстам художественных произведений, поскольку достаточно часто включение подобных глаголов в безличное предложение оказывается продиктованным стилистическими поисками современных французских авторов. Приведем пример безличного предложения, в котором мы можем наблюдать панорамное описание парижского пейзажа в утренние часы: *Paris est mollement jeté sur ses collines, de part et d'autre de son fleuve. Il fait des plis. La multitude coule vers le centre. Au petit matin, c'est des pentes et des hauteurs de l'Est qu'il en ruisselle le plus: bourgerons, vestes de travail, complets de velours à côtes; rien que des casquettes* [8] 'Париж вольно раскинулся на холмах по обе стороны реки. Он весь испещрен людскими потоками. Большая часть движется к центру. Рано утром именно с холмов и высот, находящихся на востоке, льется их больше всего: рабочие блузы, куртки, вельветовые костюмы; кругом одни кепки'. В данном отрывке мы видим жителей Парижа, идущих утром на работу. Их собирательный образ как будто растворяется в городском пейзаже, становясь его неотъемлемой частью: это рабочие блузы (*bourgerons*), куртки (*vestes de travail*), вельветовые костюмы (*complets de velours à côtes*), кепки (*casquettes*). Их движение по городу автор уподобляет некой стихии, которая охватывает Париж в утренние часы. В сочетании с местоимением *il* impers глагол *ruisseler* ('струиться, течь, литься ручьем'), употребленный метафорически, позволяет автору акцентировать свою идею: читатель представляет себе жителей города единым потоком, движение которого по городским магистралям управляется некой неведомой силой, подобной той, которая движет водяные потоки. В примере с метафорически употребленным глаголом «*valser*» 'вальсировать' (зд.: о кружках пива) подчеркивается суетливая атмосфера в баре: *La bière coulait,*

fallait voir. Les tables à peine essuyées ruisselaient des demis suivants. Il en valsait au-dessus des consommateurs, et les garçons n'avaient pas l'air de s'amuser [4] 'Пиво лилось рекой, и это было настоящее зрелище. Порции заказывали снова и снова, и официанты едва успевали вытирать столы. Кружки пива вихрем вальса кружило над головами посетителей, но ритм этого танца официантов не забавлял'. При отсутствии указания на реального деятеля, безличное предложение подчеркивает стихийный характер самого действия. Во внешней силе, приводящей в движение кружки, угадывается расторопность официантов, стремящихся справиться с наплывом посетителей. Таким образом, как мы видим, включение в безличное предложение типа S-V-N глагола конкретной семантики в переносном значении сообщает всему предложению бóльшую экспрессивность и безусловно является стилистическим приемом.

В целом, считаем необходимым отметить, что безличные предложения типа S-V-N с глаголами конкретной семантики, имеющими единичные употребления, выступая в качестве выразительно-изобразительных средств речи, достаточно часто используются авторами художественных произведений на французском языке в различного рода описаниях.

Отдельно необходимо выделить безличные предложения с глаголами, выражающими модальный или мыслительный процесс, восприятие, суждение, высказывание. Позицию сказуемого в безличном предложении такие глаголы могут заполнять только при условии их трансформации в пассивную форму. В безличном предложении они, как правило, употребляются в прямом значении. Сам выбор глаголов обусловлен сферой употребления безличных предложений указанного типа: а) газетно-публицистический стиль: *Il est conseillé aux malades une cure tous les ans* [7] 'Пациентам рекомендуется проходить лечение каждый год'; б) административный стиль: *Il a été tiré de cet ouvrage trente-neuf exemplaires* 'Эту работу издали в 39 экземплярах'. в) научный стиль: *Il ne sera pas envisagé de cas profonds* [6] 'Более сложные случаи рассматриваться не будут'. Рассматриваемые безличные предложения в основном используются для переноса семантико-коммуникативного акцента

на само действие. Субъект из предложения полностью уstra-нен. При отсутствии субъекта безличные предложения в стилистическом отношении подчеркивают беспредельно широкий характер действия. Будучи распространенными в газетно-публицистических текстах, в текстах научного характера и административных документах, безличные предложения, представленные в речи дистрибутивной формулой $\Pi_{\text{impers}} + \text{est} + \text{p.p.} + \text{N}$, тем не менее достаточно редко встречаются в текстах художественных произведений современных французских авторов. В этой связи представляется целесообразным для безличных предложений такого типа также говорить о закреплённости за текстами определенной функционально-семантической принадлежности (тексты научного характера, газетно-публицистические тексты, административные документы).

Источники и литература

1. Корди Е.Е. Безличные конструкции в современном французском языке (синтаксико-деривационный типологический подход) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 118.
2. Скрелина Л.М. Очерк исторического синтаксиса французского языка (развитие структуры предложения в связи с изменением валентных свойств фундаментальных глаголов): Учебное пособие по курсу грамматики и истории французского языка. – Минск, 1973. – С. 20–21.
3. Потапова М.Д. О структурной роли подлежащего в современном французском языке // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 3. – С. 14.
4. Aragon L. Aurélien. – Paris: Gallimard, 1949. – P. 133.
5. Désirat Cl., Hordé T. La langue française. – Paris: Bordas, 1988. – P. 70.
6. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. – Paris: Hachette supérieure, 1994. – P. 16.
7. Paris-Match. – 1999. – № 2543. – P. 94.
8. Romains J. Les hommes de la bonne volonté: En 19 t. – Paris: Flammarion, 1939–1941. – Т. XIII. – P. 28.
9. Simenon G. Le destin des Malou. – М: Vysšaja Škola, 1972. – P. 55.
10. Simenon G. Le testament Donadieu. – Paris: Gallimard, 1977. – P. 136.

Становая Лидия Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав кафедрой романской филологии, Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена.

КОНТУРЫ ФРАНСИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ И СКРИПТУРАЛЬНОЙ ЗОНЫ

Stanovaia Lydia A.,
Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance
Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia.

LIMITS OF THE FRANCIEN DIALECT AND SCRIPTURAL ZONE

Аннотация: статья посвящена определению контуров франсийской диалектной и скриптуральной зоны. Последовательно разделяя понятия диалекта как регионального варианта языка и скрипты как регионального варианта письменности, автор обосновывает необходимость выделения франсийского диалекта как одного из диалектов французского языка, различения терминов и понятий «франсийский» ≠ «парижский» и аргументирует выбор термина «франсийский», который считает необходимым для изучения и описания лингвистической ситуации в старофранцузский период. Контуров франсийской диалектной и скриптуральной зоны в общих чертах совпадают друг с другом, но влияние франсийской скрипты, послужившей основой для формирования французского письменно-литературного языка, обусловило общность скрипт Иль-де-Франса, Компьени, Валуа, Санлиса, Орлеана, Суассона.

Abstract: the article is devoted to determining the contours of the francien dialect and scriptural zone. Consistently separating the concepts of dialect as a regional variant of the language and scripta as a regional variant of writing, the author justifies the need to distinguishing the francien dialect as one of the dialects of the French language, to distinguish between the terms and concepts of «Francien» ≠ «Parisian» and argues the choice of the term «francien», which he considers necessary for the study and description of the linguistic situation in the old French period. The contours of the francien dialect and scriptural zone in general coincide with each other, but the influence of the francien scripta, which served as the basis for the formation of the French written and literary language, led to the commonality of the scripta of the Ile-de-France, Compiègne, Valois, Senlis, Orléan, Soisson.

Ключевые слова: история французского языка; историческая диалектология; скриптология; франсийский диалект; франсийская скрипта.

Keyword: history of the French language; historical dialectology; scriptology; francien dialect; francien scripta.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.41.21 *Индоевропейские языки*

Нескончаемые споры по поводу франсийского диалекта и его роли в формировании французского языка начались в традиционной истории французского языка и продолжают в «новой». Споры вызывает все, начиная от самого термина «франсийский» (*francien*), введенного Г. Парисом [28] в конце XIX века для уточнения терминологии: необходимо было, во-первых, разделить понятия французского языка и диалекта Иль-де-Франса как одного из диалектов французского языка, которые исторически назывались одинаково (*franceis, francois, français*); и во-вторых, привести в порядок термины, употребленные в первых работах по исторической диалектологии для обозначения диалекта Иль-де-Франса, где он назывался центрально-французским, центральным, диалектом Иль-де-Франса и просто французским.

Поскольку известные романисты и историки французского языка XIX–XX веков, например, такие как Г. Парис, Л. Готье, П. Мейер, Ж. Бедье, В. Мейер-Любке, Ф. Брюно, Ш. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза, В. фон Вартбург и др., видели во франсийском диалектную основу формирования французского письменно-литературного языка, то критика этой концепции обусловила широко распространенное в «новой» истории языка мнение об отсутствии франсийского диалекта.

Так, Ж. Шоран заметил, что франсийский диалект никогда не существовал как диалект, потому что он не основан ни на говоре крестьян, ни на говоре других необразованных слоев общества (*ni du parler paysan, ni de ceux qui étaient en usage dans les milieux incultes*). Рано став говором Парижа, он стал использоваться как средство общения образованных людей всей средневековой Франции (*aux échanges entre gens cultivés du domaine d'oïl*), а потому впитал в себя особенности разных диалектов (*emprunts de provenances diverses*). Таким образом, то, что воспринимается как франсийский

диалект, на самом деле является результатом ранней выработки французского литературного языка на основе разных диалектов *langue d'oïl* [16]. К тому же, нет ни одного текста, свидетельствующего о характере этого диалекта, гибридного и мало различимого характера (*variété hybride et peu distincte, dont nous ne savons rien de sûr avant le XIIIe siècle*), неизвестного до появления в XIII веке французского нормализованного языка (*langue standard*), предшественником которого франсийский диалект должен был быть [17].

Б. Серкильини [15] полагал, что, поскольку французский нормализованный язык (*langue standard*) сформировался не на основе франсийского диалекта, а на основе письменного койне, созданного в X–XI веках из разных диалектов группой сcribes и писателей (*variété écrite composite, constituée aux Xe–XIe siècles par une coterie de scribes et d'auteurs littéraires ayant rassemblé des éléments linguistiques de plusieurs dialectes*), то ни в Иль-де-Франсе, ни в Париже никакого разговорного диалекта не было: «*L'Ile-de-France ne se distinguait par aucun dialecte. Jusqu'aux portes, et sans doute dans les rues de la modeste bourgade parisienne, on devait parler picard, normand ou orléanais*». – Иль-де-Франс не отличался никаким диалектом. До ворот и, без сомнения, на улицах скромного парижского городка, говорили на пикардском, нормандском или орлеанэ (здесь и далее перевод наш – Л.С.).

В результате подобной критики термин «франсийский» был заменен другими, прежде всего термином «парижский» (говор, скрипта, койне), что, по нашему мнению, является неверным.

Термин «парижский», связанный с Парижем и его пригородами, обозначает более узкое понятие, чем «франсийский», подразумевающий всю территорию Иль-де-Франса. Можно говорить, например, о парижской скрипте [см. например: 21; 22; 31; и др.], но нельзя называть «парижским» весь Иль-де-Франс и соседние регионы, как это сделано, например, в Атласах А. Дееса [19; 20].

Более того, термин «парижский» *a priori* связан с Парижем, с его специфической языковой ситуацией большого города, «постоянного» (*permanent*), «естественного» (*naturel*) центра Франции, «места обязательной встречи» (*lieu de rencontre quasi obligé*) [23; 29; 25; 26; 27; и др.], что никак не соответствует другим местам Иль-де-Франса.

Как известно, территория современного региона Иль-де-Франс включает восемь департаментов (Paris, Essonne, Hauts-de-Seine, Seine-et-Marne, Val-d'Oise, Seine-Saint-Denis, Yvelines, Val-de-Marne). Соответственно, и в средние века, и сейчас Париж является только частью Иль-де-Франса. Однако, согласно приведенным в качестве примеров цитатам, получается, что во всем Иль-де-Франсе уже с IX века все его жители говорят на французском литературном языке, французском нормализованном языке (*langue standard*), пикардском, нормандском или орлеанэ, парижском или французском письменном/устном койне, что, безусловно, неверно.

Ф. Брюно, который уделил описанию старофранцузских диалектов целую главу (*Les dialectes de l'ancien français*. [6]), отметил [7]: «<...> *en vertu d'une loi de langage qui semble générale, la divergence se marqua de plus en plus sur le territoire de l'ancienne Gaule, comme du reste sur toute la surface du monde où la langue latine subsista, ce fut non pas un parler unique qui sortit d'elle, mais une série de parlars différents, qui, dans chaque région, chaque province, chaque village, finirent par prendre une couleur propre, toujours plus tranchée*». – В соответствии с языковым законом, который, как представляется, является общим, расхождение становилось все более и более заметным на территории бывшей Галлии, как и на всей территории, где существовал латинский язык, и это был не один единственный диалект (говор), образовавшийся из него, но ряд различных диалектов (говоров), которые в итоге приобрели в каждом регионе, каждой провинции, каждой деревне, свою собственную, отчетливую характеристику.

Мы полностью согласны с этим мнением великого французского ученого. Последовательно разделяя понятия диалекта как регионального варианта языка и скрипты как регионального варианта письменности, мы убеждены, что в каждом регионе был свой собственный диалект. Точно так же, как в Пикардии (Валлонии, Нормандии, Лотарингии и т. д.) говорили по-пикардски (по-валлонски, по-нормандски, по-лотарингски и т. д.), в Иль-де-Франсе говорили по-франсийски. Поэтому мы принимаем и используем термин «франсийский», который считаем необходимым для изучения и описания лингвистической ситуации в старофранцузский период.

Такова и точка зрения А. Лоджа [26], посвятившего ряд работ вопросам формирования французского языка и роли Парижа в этом процессе: «*Plus gênante est la suggestion que, tandis que d'autres régions possédaient leur propre dialecte, ceci ne valait pas pour l'Ile-de-France: prétendre qu'une partie d'une communauté linguistique puisse être dépourvue de dialecte, c'est donner au mot «dialecte» un sens que peu de dialectologues pourraient de nos jours reconnaître. <...> Si la région parisienne avait, au XIIe siècle, une population – et nous savons que c'était une des régions les plus peuplées de France <...> – elle possédait nécessairement un dialecte*». – Более странным является предположение о том, что тогда, когда другие регионы имели свои собственные диалекты, это было не так в Иль-де-Франсе: утверждать, что часть языкового сообщества может быть лишена диалекта, означает придать слову «диалект» значение, с которым сегодня смогли бы согласиться лишь очень немногие диалектологи. <...> Если Парижский регион имел в XII веке население – а мы знаем, что это был один из самых густонаселенных районов Франции <...> – он несомненно имел свой диалект.

Однако, мы не можем согласиться с А. Лоджем, полагавшем, что неважно, должен ли этот диалект называться франсийским (*Que l'on appelle ou non ce dialecte le francien a très peu d'importance*). Мы не только считаем, что это важно, но и уверены, что необходимо различать термины и понятия «франсийский» и «парижский» по причинам, приведенным выше.

Между тем, необходимо заметить, что и в традиционной, и в «новой» истории французского языка термины и понятия «франсийский» ≠ «парижский» постоянно смешиваются, когда речь идет о процессе формирования французского языка.

Так, Ф. Брюно, с одной стороны, различает «франсийский» ≠ «парижский», когда настаивает на выделении франсийского диалекта, который не должен рассматриваться как амальгама или койне, но как такой же региональный говор, как нормандский или любой другой [8], и пишет о влиянии Парижа на «униформизацию» этого говора, а с другой, смешивает, когда описывает распространение франсийского диалекта (*progrès du francien*) и пишет о роли королевской власти в выделении Парижа и парижского

говора, которому суждено стать французским национальным языком (<...> *il y aura en France une langue nationale et que ce sera celle de Paris et de ses environs. <...> pour que la langue vulgaire des chartes s'unifie dans un parler commun, qui est celui de Paris, devenu langue officielle.* [9] – выделение наше – Л.С.).

Э. Бурсье [1] определяет диалект Иль-де-Франса как «литературный язык, на котором говорили в Париже», который «в силу политических причин вытеснил в дальнейшем все другие диалекты» и за которым в конце XII века «утвердилось преобладающее положение». А. Доза замечает, что Париж становится во главе литературного движения в конце XIII века и с конца XIV века его влияние становится доминирующим [3].

Напротив, М. Коэн различает не только «франсийский» ≠ «парижский», но и «устный» ≠ «письменный» (*langage parlé* ≠ *langage écrit*). Рассматривая процесс формирования французского письменно-литературного языка, он указывает, что «парижский» является «узкой территориальной основой» (*base territoriale étroite*) «франсийского» как «языка Иль-де-Франса», который, распространяясь постепенно по территории королевского домена, выходит за пределы франсийской зоны и с конца XIII века становится единственным литературным, а затем и официальным языком Франции. При этом, в устной речи даже в самом Иль-де-Франсе говоры сохраняются до настоящего времени [18].

Суть основных воззрений «новой» истории языка на рассматриваемые проблемы наиболее ярко представлена в систематизирующем обзоре Ф. Барди с многообещающим названием «*Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle*» – Французский язык в истории: от начала до XVI века [12], в котором термины «французский» (*l'idiome de «France»*), «центральный» (*l'idiome du centre*), «центрально-французский» (*le français du centre*), «парижский» (*celui de Paris*), «франсийский» (*le francien*) как говор (*l'idiome parlé en Île-de-France*) и одновременно как скрипта (*la scripta de l'Île-de-France*), «королевская скрипта» (*scripta royale*) обозначают одно и то же. Главные идеи последних работ в его формулировке сводятся к следующему [13]: во-первых, «письменный язык Иль-де-Франса» второй половины XIII века представляет собой «смесь» разных скрипт (*ce mélange*

de différentes scriptae que constitue la langue écrite en Île-de-France dès la seconde moitié du XIIIe siècle); во-вторых, в Париже «начали говорить на письменном языке» позднее, чем в других районах средневековой Франции (*à Paris, on n'a commencé à parler la langue écrite qu'à une époque postérieure au Moyen Âge* – выделение Ф.Б.); в-третьих, «парижский французский» (*le français de Paris*) претерпел существенные изменения в процессе своего становления как «французский язык» (*le français*).

Представив мнения лишь некоторых, но далеко не всех многочисленных и разнообразных авторов XIX–XXI веков, мы хотели показать, насколько запутанным является определение статуса и основных характеристик франсийского диалекта как одного из диалектов французского языка. Терминологическая путаница, в создании которой большую роль сыграла яростная критика термина «франсийский», постоянно уводила и уводит романистов в сторону от решения этого по-прежнему важного вопроса. Для его решения необходимо последовательно отделить критику традиционной истории французского языка и дискуссии по поводу формирования французского письменно-литературного и национального языка от проблематики собственно диатопической, или региональной вариативности французского языка. В этом случае вопрос о существовании франсийского диалекта как диалекта Иль-де-Франса решается сам собой.

В качестве одного из доказательств можно привести широко известное высказывание английского ученого XII века Роджера Бэкона, который много лет провел во Франции и заметил, что французский язык (*lingua gallicana*) разделен на многие диалекты и что у французов (*Gallicos*), пикардийцев (*Picardos*), нормандцев (*Normannos*), бургундцев (*Burgundos*) и других (*caeteros*) есть свои различающиеся говоры (*Nam et idiomata ejusdem linguae variantur apud diversos, sicut patet de lingua gallicana, quae apud Gallicos et Picardos et Normannos et Burgundos et caeteros multiplici idiomate variatur*. [10]).

Напротив, вопрос об особенностях франсийского диалекта и франсийской скрипты требует отдельного и детального рассмотрения. Но для этого, прежде всего, необходимо определить контуры Иль-де-Франса, франсийского диалекта и франсийской скрипты.

Известно, что разделение Франции на диалектные и скриптуральные зоны вызывает нескончаемые споры. Только Лотарингия, Нормандия и Бургундия имеют более или менее конкретные контуры, благодаря своим давним административным и епископальным границам. Напротив, Пикардия, Валлония, Иль-де-Франс и англо-нормандская зона являются просто удобными историческими названиями, своего рода широко распространенными «этикетками». Так, принято считать, что в Пикардии говорили по-пикардски, а в Валлонии – по-валлонски, однако границы этих исторических провинций, которые никогда не были оформлены в виде административных, политических или иных единиц, равно как и их диалектальных или скриптуральных зон определяются исследователями по-разному.

Соответственно, количество диалектов и скрипт старофранцузского языка, так же, как и их основные черты, до сих пор окончательно не установлены, несмотря на многочисленные исследования XIX–XXI веков. Так, выделяется от трех (нормандский, пикардский, бургундский) до двенадцати диалектов (нормандский, пикардский, бургундский, валлонский, лотарингский, франсийский, франш-конте, шампанский, англо-нормандский, анжуйский, пуатевинский, сентонж) и от двух (пикардская и межрегиональная) до двадцати девяти скрипт (подробнее см.напр.: [4; 5]).

Поэтому нет ничего удивительного в спорах относительно количества диалектов и скрипт центральных районов Франции. Ш.-Т. Госсен [24] выделил семь центральных скрипт: Иль-де-Франс, Компьень, Валуа, Санлис, Орлеан, Суассон, Берри. А. Деес разделил примерно эту же территорию на пять «локальных традиций» (*traditions locales*): Парижский регион, Орлеан, Берри, Уаза, Эна (*Région parisienne, Orléan, Berry, Oise, Aisne*), причем Санлис вместе с частью Вермандуа входит в зону «Уаза», Суассон вместе с Ланом и Вермандуа включен в зону «Эна», а парижская письменная традиция включает Париж, близлежащие районы и часть Шампани [19; 20].

Добавим, в XIII веке все указанные Ш.-Т. Госсеном районы входили в состав королевского домена, причем Иль-де-Франс, Орлеан, Санлис, Компьень и Валуа входили в королевский домен уже в XII веке, а Берри и Суассон были присоединены позднее, в царствование Филиппа II Августа (1180–1223).

Историческая провинция Иль-де-Франс первоначально называлась просто Францией (Gallia, France), а термин Иль-де-Франс, зафиксированный в текстах, начиная с XV века, обусловлен естественными границами пяти рек (l'Esne, l'Aisne, la Marne, l'Yonne, l'Eure), окружающими эту часть Парижского бассейна и создающего образ острова. Естественно, что по мере расширения границ королевского домена, особенно в течение XII–XIII веков, расширялись и границы Франции как королевства, соответственно, возникла необходимость определить один из исторических и географических районов отдельным названием.

Поскольку границы Иль-де-Франса как зоны франсийского диалекта обычно не уточнялись, то во франсийскую зону автоматически попадали говоры близлежащих районов. В то же время, говоры Орлеана и Берри иногда рассматривались как самостоятельные. В этом случае орлеанэ включался в одну группу с франсийским или бургундским, а берри – с франсийским или западными диалектами. Говор Суассона отдельно не выделялся, но этот район включался то в зону франсийского, то в зону пикардского, то в зону шампанского диалектов. Говор Санлиса также не выделялся отдельно, однако этот район включался то в пикардскую, то во франсийскую зоны. Напротив, говор Пуату обычно рассматривался как самостоятельный, однако он то объединялся с другими юго-западными говорами, то включался в зону орлеанэ или франсийского.

Если обратиться к известному разделению студентов Парижского университета по лингвистическому критерию на так называемые «нации» (Nation), то выясняется, что студенты, происходящие из диоцезов Суассона и Санлиса включались во французскую нацию (Nation de France), а не в пикардскую (Nation de Picardie), куда включали студентов из диоцезов Бове, Нуайона и Лана [14].

Языковая общность говоров Суассона, Иль-де-Франса и Орлеана подтверждается данными Атласа современных французских говоров Иль-де-Франса и Орлеана, в котором выделены две диалектные зоны: одна объединяет Иль-де-Франс, Орлеан, Перш, Турень, а вторая под названием «Центр» соответствует Берри [30].

Наше исследование старофранцузской морфологии также показало сходство скрипт Турени, Иль-де Франса, Суассона и Орлеана [4].

Исследование фонетико-графических особенностей деловых документов Парижа, Санлиса, Суассона, Орлеана, проведенное М.С. Воробей [2], выявило, с одной стороны, общность письменных традиций скрипториев и канцелярий этих районов, а с другой, некоторые различия, позволяющие рассматривать эти скрипты отдельно: например, хартии, выполненные в Париже, отличаются единообразным написанием результата дифтонгизации латинского [ó > ou > eu] в виде диграфа «eu» – *seigneur*, в то время как в хартиях Орлеана, Суассона и Санлиса наряду с преобладающим диграфом «eu» встречаются окказиональные написания с «o» и «ou» – *seignor, seignour*.

Ф. Брюно, на основании данных лингвистического Атласа Франции Э. Эдмона и Ж. Жильерона, очертил границы франсийской диалектной зоны следующим образом [11]: на севере граница с пикардской зоной основана на противопоставлении результатов палатализации [ka > ka] в пикардском вместо [ka > che] во франсийском и географически идет по линии от Сены в районе Манта через Клермон и Санлис к Лану; на востоке отделяется от шампанской зоны на основании перехода [o > eu] и идет от реки Марны к Жуару, спускаясь вдоль старой границы с Шампанью до Ножан-сюр-Сен; на западе граница проходит совсем рядом с Парижем, потому что в Эвре уже идет пикардский результат [ka], а в Шартре – [ɛ+i ≠ i].

А. Лодж на основании данных этого же лингвистического Атласа очертил границы франсийской диалектной зоны иначе [26]: на севере граница с пикардской зоной основана на том же известном отсутствии палатализации [ka > ka] в пикардском; на западе граница основана на различном развитии дифтонга [o > ow], который переходит в [ow > u] на западе и в [ew > oe] на востоке; начиная с XVI века произношение с [oe] распространяется от Парижа на запад Франции; на востоке граница основана на наличии эпентетических согласных [n_r] в группах [-nr-], [-ml-], [-lr-] на западе и в центре и их отсутствии на севере и востоке; на юге граница между французским и окситанским языками основана на закрытии ударного [a] в [e], отличающим северо-французские диалекты от южно-французских.

Наложение указанных четырех изоглосс образует область вокруг Иль-де-Франса и Орлеана, наглядно доказывая наличие франсийского диалекта и его общность с орлеанэ. При этом

А. Лодж подчеркнул, что нельзя воспринимать указанные и любые иные границы как собственно границы между диалектами: диалект как континуум не является однородным, а его характерные черты могут принадлежать и другим диалектам.

В результате анализа этих и других особенностей франсийского диалекта, А. Лодж приходит к мнению, что действительно французский нормализованный язык (*français standard*) основан на говоре Иль-де-Франса, но при этом он содержит элементы и других диалектов, укоренившихся в говоре Парижа до того, как он начал распространяться по территории Франции. Иначе говоря, французский язык не является просто продолжением франсийского диалекта как говора Иль-де-Франса, но его модификацией, смешением, койне (*Le français standard <...> n'est pas un simple prolongement historique du dialecte parlé de l'Ile-de-France; elle en représente plutôt une forme modifiée, une variété mixte, une «koinè» <...>*).

Итак, можно заключить, что: франсийский диалект существовал и существует до настоящего времени; между терминами и понятиями «франсийский» ≠ «парижский» есть различие; франсийский диалект действительно является диалектной базой французского языка; контуры франсийской диалектной и скриптуральной зоны в общих чертах совпадают друг с другом, но влияние франсийской скрипты, послужившей основой для формирования французского письменно-литературного языка, обусловило общность всех центрально-французских скрипт, т. е. Иль-де-Франса, Компьени, Валуа, Санлиса, Орлеана, Суассона.

Настоящая статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 19-012-00297.

Источники и литература

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1952. – С. 241.
2. Воробей М.С. Особенности центрально-французских скрипт. Автореферат ... дисс. канд. филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 24 с.
3. Доза А. История французского языка. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1956. – С. 430.

4. *Становая Л.А.* Старофранцузская морфология и теория скрипты. Диссертация ... доктора филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1994. – 504 с.
5. *Становая Л.А.* Введение в скриптологию. – СПб.: Златоуст, 1996. – 95 с.
6. *Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. – P.: Collin, 1966 (2 e tirage 1973). – С. 296–334.
7. *Brunot F.* Указ. соч. – С. 296.
8. *Brunot F.* Указ. соч. – С. 315.
9. *Brunot F.* Указ. соч. – С. 331.
10. *Brunot F.* Указ. соч. – С. 310.
11. *Brunot F.* Указ. соч. – С. 326.
12. *Burdy Ph.* Le français dans l'histoire: depuis ses origines jusqu'au XVIe siècle // Manuel de linguistique française. Éd. par Cl. Polzin-Haumann et W. Schweickard. – Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. – С. 11–38.
13. *Burdy Ph.* Указ. соч. – С. 23–28.
14. *Carolus-Barré L.* Les plus anciennes chartes en langue française. T. 1. Problèmes généraux et recueil des pièces originales conservées aux archives de l'Oise 1241–1286. – P.: Klincksieck, 1964. – С.СXIII.
15. *Cerquiglini B.* La Naissance du français. – Paris: PUF, 1993. – С. 118.
16. *Chaurand J.* Histoire de la langue française. – P.: PUF, 1969. – С. 31–32.
17. *Chaurand J.* Pour l'histoire du mot *francien* // Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Lorient. – Dijon: ABDO, 1983. – С. 91.
18. *Cohen M.* Histoire d'une langue: le français (dès lointaines origines à nos jours). – 4-ème éd. – P.: Editions Sociales, 1973. – С. 84–85.
19. *Dees A.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P.van Reenen et J.A. de Vries. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – XIII, 371 p.
20. *Dees A.* Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. – Tübingen: Niemeyer, 1987. – 684 p.
21. *Jong Thera de.* La prononciation des consonnes dans le français de Paris aux 13-ème et 14-ème siècles / Electronic Format. Landelijke: Netherlands Graduate School of Linguistics, 2006. – 324 p.
22. *Glessgen M.* La genèse d'une norme en français au Moyen Age: mythe et réalité du 'francien' // Revue de Linguistique Romane. – 2017. – T. 81. – P. 313–397.
23. *Gossen Ch.-Th.* Die Einheit der französischen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert // Zeitschrift für Romanische Philologie. – 1957. – № 73. – P. 427–459.

24. *Gossen Ch.-Th.* Französische Scriptastudien. Untersuchungen zu den nordfranzösischen Urkundensprache des Mittelalters. – Wien: Nachf, 1967. – 368 s.
25. *Lodge R.A.* Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue. – Paris: Fayard, 1997. – 372 p.
26. *Lodge R.A.* «Francien» et «français de Paris» // *Linx.* – 2002. – № 12. – P. 149–172.
27. *Lodge R.A.* Standardisation, koïnésation et l'historiographie de français // *Revue de Linguistique Romane.* 2010. – T. 74. – № 293–294. – P. 5–26.
28. *Paris G.* Les parlers de France // *Romania.* 1889. – № 17. – С. 475.
29. *Picoche J., Marchello-Nizia Chr.* Histoire de la langue française. – Paris: Nathan, 1996. – 400 p.
30. *Simoni-Aurembou M.-R.* Atlas linguistique et ethnographique de l'île de France et de l'Orléanais (île de France, Orléanais, Perche, Touraine). – Paris: CNRS Editions, 1973–1978. – XVI, 687 p.
31. *Videsott P.* Les débuts du français à la Chancellerie royale: analyse scriptologique des chartes de Philippe III (1270–1285) // *Revue de Linguistique Romane.* – 2013. – T. 77. – P. 3–49.

Суслова Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры романской филологии
Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена

**СТЕПЕНИ АКТИВНОСТИ ИМЁН
КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ РОДА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Suslova Olga E.,

Senior Teacher, the Romance Philology Department, Institute of Foreign
Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia

**SUBJECT DEGREE OF ACTIVITY,
AS A BASIS OF NOUN GENDER
DEVELOPMENT IN FRENCH**

Аннотация: согласно современным данным сравнительно-исторического языкознания, возникновение и развитие грамматической категории рода в индоевропейских языках не может быть объяснено в полной мере ни биологическим полом обозначаемых живых существ, ни его

экстраполяцией на неодушевлённые предметы. Категория рода обусловлена, прежде всего древнейшим индоевропейским противопоставлением имён активных – именам пассивным, или в другой терминологии: одушевленных – неодушевленным, или личных – безличным. Возникновение и развитие грамматической категории рода связано с оценкой степени такой активности / пассивности обозначаемых имён, и выражается, в основном, в падежных склонениях, в которых противопоставление активных субъектов пассивным объектам выражается при помощи форм именительного и винительного падежей.

Abstract: according to modern comparative-historical linguistic research, grammar gender category appearance and development in Indo-European languages cannot be explained in full neither by biological sex of described living creatures, nor by its extrapolation to inanimate objects. Grammar gender category is conditioned by an ancient Indo-European opposition of active subjects and passive objects, or in other words – animate and inanimate, or personal and impersonal. Appearance and development of gender category is connected with subject's activity level evaluation, and is mostly reflected in case declination, when the opposition of active subjects and passive objects is expressed with a help of nominative and accusative cases.

Ключевые слова: категория рода, пол, степень активности, степень пассивности, одушевлённый, неодушевлённый, падежные склонения.

Keywords: gender category, sex, activity degree, passivity degree, animate, inanimate, case declination.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.41.21 Индоевропейские языки*

Проблема происхождения и формирования грамматической категории рода является одной из наиболее дискутируемых тем современного языковедения.

Научный взгляд на категорию рода весьма существенно изменялся за последние десятилетия. Общее значение этой грамматической категории всегда было весьма трудно установить. Некоторые исследователи считают, что это даже вообще невозможно.

С давних пор делались попытки связать распределение существительных по родам с биологическим полом. А.А. Потебня писал, что «род – одно из общих человекообразных понятий»

[8]. Многие учёные склонялись к мысли о том, что и у неодушевленных существительных принадлежность к мужскому или женскому роду объясняется персонификацией окружающих человека, вещей, изначально выраженной в национальной мифологии и в фольклоре.

А.М. Пешковский считал, что родовые категории «символизируют реальные половые различия» [7].

В то же время такие лингвисты, как Ж. Дамурет и Э. Пишон не ставят знака равенства между грамматическим родом и биологическим полом. Они даже отказываются от самого термина «род» (*genre*), считая его исключительно биологическим понятием. И, тем не менее, они признают наличие связи рода с полом живых существ, введя даже новый термин – «уподобление по полу» (*sexuïsemblance*), как «способ выражения олицетворения вещей» [16].

Современные исследователи привязку грамматической категории рода к биологическому полу, в основном, полагают необоснованной. Этому мнению придерживались крупные романисты, как Ш. Балли [13], А. Мейе [24], Ж. Марузо [20].

С их точки зрения, для большинства существительных во французском языке трудно найти причину их принадлежности к тому или иному роду, поэтому род и превратился в одну из наименее логичных грамматических категорий.

Отказ от приравнивания рода к полу инициировал обратный процесс в виде отрицания связи грамматического рода и биологического пола вообще. В результате род существительных стал рассматриваться рядом ученых как формальная категория, не имеющим никакого смыслового содержания и несущей лишь внутриязыковую нагрузку.

В. Курилович писал, что определение рода по полу – это «ошибочная интерпретация, исходящая из недостаточного анализа языков». Полное отрицание значения даже у таких пар, как фр. *instituteur/institutrice* или русск. учитель/учительница, которые рассматриваются некоторыми лишь как средство выражения биологического пола, приводит к тому, что род становится чисто формальной категорией. К. Мок [25], заявляет даже, что существительному вообще чужда эта категория, ибо

существующие в этом классе корреляции выражают противопоставление не по роду, полу, а служат для передачи семантического различия.

Тем не менее, в настоящее время проблема мотивированности грамматического рода биологическим полом остаётся весьма острой и неоднозначной.

Грамматический род оказывает сильное психологическое воздействие на восприятие значений фаунонимов. Как считает А. Мартине, для француза *la licorne* – это в первую очередь самка, так как *licorne* сочетается с формой женского рода артикля [21]. Ассоциация грамматического рода в целом широко используется авторами, особенно баснописцами, которые «очеловечивают» животных. (*La génisse, la chèvre, et leur soeur la brebis avec un fier lion, seigneur du noisnage, Firent société, dit-on au temps jadis...* (Ibid).

Французские лингвисты Дамурет и Пишон считали, что род у неодушевленных существительных устанавливается приравниванием соответствующих предметов к существам мужского и женского пола. Они объясняют мужской род таких слов, как *moteur* (мотор) или *remoqueur* (буксир) тем, что эти слова обозначают «самодеятельные» объекты, тогда как *moissonneuse* (жнейка) и *batteuse* (молотилка) – женского рода, так как эти машины приводятся в действие посторонней силой.

Г. Штейнталь, в свою очередь, связывал род с синтаксическим согласованием, указывая, что род и его значения производны от согласования, и не сопоставимы с биологическим полом.

Между тем, представлению о грамматическом роде существительных одушевленных как отражающем естественное различие полов противоречит большое количество различных фактов:

1) грамматический род не всегда соответствует естественному полу, например: *une ordonnance* – ординарец, денщик, *une recrue* – новобранец, рекрут, призывник, и др.;

2) форма женского или мужского рода служит для обозначения одновременно лиц мужского и женского пола, например, *une connaissance* – знакомый, знакомая; *un témoin* – свидетель, свидетельница, и др.;

3) форма женского или мужского рода служит для выражения вида, например, форма мужского рода: *un serpent, un moineau, un éléphant*, форма женского рода: *une souris, une panthère, une girafe*, и др. [10; 11];

4) формы, служащие для выражения противопоставления по полу, рассматриваются «не как словоизменительные формы, а как примеры словообразования» [4]. При этом, в отличие от других словообразовательных категорий, здесь формируются два противопоставленных значения, а не одно: ср. например, категорию уменьшительности: *дом – домик* (в слове *домик* выделяется значение уменьшительности, не имеющее «противочлена» в слове *дом*) [3];

5) автономность категорий рода и пола, которая подтверждается тем, что в индоевропейских языках может быть представлена только одна из них. Например, в английском языке есть понятийная категория пола, но нет морфологической категории рода, напротив, в хеттском языке существовала двух-родовая грамматическая система, но отсутствовала категория пола.

Именно поэтому многие грамматисты [5; 14; 21 и др.] утверждали, что понятие пола является чуждым для грамматического значения рода.

Следует добавить также, что представление о связи грамматической категории рода существительных одушевленных с отражением реальной действительности, т. е. с разделением всех живых существ по половому признаку, никак не объясняет подобное распределение по роду неодушевленных существительных, которые в этом случае оказываются лишенными грамматического значения рода и тем самым словно «выбрасываются» из системы рода.

К тому же известно, что окончания и суффиксы, присущие в том числе неодушевленному существительному, являются формальными признаками того или иного рода и, соответственно, отрицают его немотивированный и случайный характер [подробнее см: 11, 26].

Отдельно следует остановиться на вопросе согласования с существительным его детерминантов (прилагательных и частей) и детерминативов (артиклей и местоимений), поскольку

считается, что род существительного выражается прежде всего, или только в формах согласующихся с ним частей речи.

Для этого было введено понятие синтаксического значения: «Синтаксические грамматические значения – это значения, отражающие синтаксические свойства слов, т. е. их способность вступать в те или иные виды связей со словами других классов» [Грамматика 1970: 303]. Синтаксическое значение рода существительного указывает, какой родовой формой прилагательного оно должно выражаться.

Как утверждает А.А. Зализняк [2], существительные объединяет в один род не форма, а одинаковое грамматическое значение рода, которым обладают и одушевленные, и неодушевленные существительные. Однородные синтаксические значения рода образуют категорию рода.

Исходя из этого, утверждается, что вопрос о становлении и развитии рода следует рассматривать как вопрос о становлении и развитии согласования в праиндоевропейском языке: «История рода – это история согласования» [Fodor – цит. по: 3].

Однако, в этом случае наличие в языке разных родовых форм прилагательных является обязательным.

Между тем этого нет, даже в таком синтетическом языке как латинский, в котором только одна группа прилагательных (так называемые прилагательные 3-х окончаний) имела все три необходимые формы мужского, женского и среднего родов. Две другие группы прилагательных имели 2 формы (так называемые прилагательные 2-х окончаний): одну общую – для мужского-женского родов, вторую – для среднего рода, или одну форму (прилагательные одного окончания) – для всех трех родов.

Если же обратиться к хронологии появления этих парадигм, то парадигма, в которой представлены три формы рода прилагательных (*bonus* – мужской, *bona* – женский, *bonum* – средний) появляется позже, чем та, в которой представлены две формы рода прилагательных (*fortis* – мужской, женский, *forte* – средний), которая в свою очередь появляется позже парадигмы одной формы прилагательных для мужского, женского и среднего родов (*sapiens*).

Всё вышеизложенное позволяет сделать промежуточный вывод о том, что ни биологический пол живых существ, ни его экстраполяция на неодушевлённые предметы, и ни различные аспекты согласования, не являются единоличной и основополагающей первопричиной возникновения и эволюции системы грамматического рода в индоевропейских языках.

Согласно современным данным сравнительно-исторического языкознания, возникновение грамматической категории рода обусловлено, прежде всего древнейшим индоевропейским противопоставлением имен активных – пассивным, или в другой терминологии: одушевленных – неодушевленным, или личных – безличным [подробнее см: 12; 26].

Совпадение именительного падежа с винительным в индоевропейском праязыке в среднем роде свидетельствует о том, что существительные среднего рода обозначали предметы пассивные и, следовательно, противоположный род имел значение активное [1, 18].

Противопоставление существительных по роду как продолжение древнейшего индоевропейского противопоставления по активности / пассивности является основой понимания и описания грамматической системы рода в психосистематике (Г. Гийом, Р. Лафон, Ж. Муанье, Л.М. Скредина, Ж.-К. Шевалье и др.).

Субъект активен, а объект пассивен, отсюда – глубинные представления об активности / пассивности, заключенные в наименованиях вещей и закреплённые также в синтаксисе в виде субъектно-объектных отношений [9].

В значении активности изначально выделялись имена с большей и меньшей активностью, которые в дальнейшем разделились на существительные мужского и женского родов: *активный* → *мужской-женский род* → *мужской род / женский род*.

При определении пассивности (средний род) такого деления не было, так что не-мужской и не-женский род оказывался нейтральным, т. е. средним.

Эта эволюция прослеживается в очерёдности лингвистических парадигм. Например, в латинском языке парадигма, в которой представлены три формы рода прилагательных (*bonus* – мужской, *bona* – женский, *bonum* – средний) появляется позже, чем та, в которой представлены две формы рода прилагательных (*fortis* –

мужской, женский, *forte* – средний), которая в свою очередь появляется позже парадигмы одной формы прилагательных для мужского, женского и среднего родов (*sapiens*).

Таким образом, первоначально индоевропейские языки различили имена среднего рода (пассивные) и имена мужского-женского рода (активные), которые, впоследствии, разделились на имена мужского рода (с большей активностью) и женского рода (с меньшей активностью).

Как отмечает Л.М. Скредина [9], имя *dominus* как одушевленное и активное показывает с помощью разных окончаний –s (Nom. *dominus*) и –m (Acc. *dominum*) противопоставление активности и пассивности данного лица. Пассивность здесь является временной, непостоянной характеристикой. Имя среднего рода *templum* как неодушевленное и пассивное обладает показателем –m как показателем постоянной пассивности (Nom., Acc. *templum*).

Активное существительное отличается от пассивного тем, что оно может выполнять в предложении функцию активного субъекта, или «агенса», а пассивное – не может, являясь в предложении только объектом, или «пациентом». Поэтому у существительных активных пассивность является временной, непостоянной характеристикой, а у существительных пассивных пассивность является постоянной характеристикой.

По степени активности (большая / меньшая активность) имена разделяются на существительные большей степени активности (мужской род) и меньшей степени активности (женский род). Таким образом, различие существительных мужского-женского рода и среднего рода обусловлено синтаксическим противопоставлением активных субъектов пассивным объектам, а различие существительных мужского и женского рода – большей или меньшей степенью активности.

Важно отметить, что понятие активности является сугубо синтаксическим, связанным с функцией имени в предложении. На именно такое понимание сущности грамматического рода указывают термины Р. Лафона: актанта́льный / неакта́нтный (l'actantiel / l'inactantiel), т. е. актанта́льный род – субъектный падеж, неакта́нтный – объектный [Lafont 1970 – цит. по: 12].

Хорошим примером этому является латинский язык, в котором постоянное и переменное значение активности выражалось чередованием флексий: *-s* (именительный падеж, падеж субъекта, агенса) / *-m* (винительный падеж, падеж объекта, пациенса). Находясь в позиции объекта, одушевленные существительные приобретают признак временной пассивности, выражаемый окончанием винительного падежа *-m*, тогда как существительные неодушевленные среднего рода обладают постоянной пассивностью и оформляются неизменной флексией *-m*, как в функции объекта, так и в функции субъекта.

Важно подчеркнуть, что средний род связан не сколько с неодушевленностью, сколько именно с пассивностью. Так, по мнению А. Мейе, существовали понятия, которые могли восприниматься и как активные, и как пассивные в зависимости от смысла, который вкладывал в него говорящий. Так, в латинском языке слово *ignis-огонь* могло рассматриваться как предмет, как нечто пассивное, и как действующее, активное начало. Поэтому в зависимости от значения оно могло быть как среднего, так и мужского рода [24].

Об этом же свидетельствуют и такие странные, на первый взгляд, примеры одушевленных существительных среднего рода в русском и немецком языках, сохранившим категорию среднего рода: дитя, ср. р.; *das Weib*, *n* – жена, женщина; *das Mädchen*, *n* – девочка, девушка; *das Mädel*, *n* – девочка, девушка; *das Schaf*, *n* – овца.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что грамматический род активных имен связан со значением большей (мужской род) или меньшей (женский род) активности.

Исходя из этого, в частности, профессии, должности, ученые звания и т. д. обозначены именами мужского рода, т. е. наиболее активными существительными. В этом случае семантическое и грамматическое значение полностью совпадают. Например: *un docteur (titre universitaire, médecin), un professeur, un directeur, un médecin (de...)*.

Семиологически формы женского рода символизируют меньшую степень активности, и, соответственно, их употребление в названиях профессий, например: *une docteure / une doctoresse, une professeure, une directrice, une médecine (de...)*. (Becquer, Cerquiglini,

Cholewka), означает, что такие активные имена женского рода могут быть противопоставлены по степени активности соответствующим именам мужского рода: une docteure (доктор: докторша), un professeur: une professeure (профессор: профессорша), un directeur: une directrice (директор: директриса), un médecin (de...): une médecine (de...) (врач: врачиха);

В связи с этим, во многих языках, желая подчеркнуть высокий уровень профессионализма женщины, часто применяют форму мужского рода. Например: «Ахматова – великий поэт (а не «поэтесса»)»; «Иванова – настоящий учитель (а не «учительница»)»; «Петрова – известный ученый (а не «ученая»)». Такие употребления в очередной раз доказывают, что в сознании говорящих грамматический род существительного выражает вовсе не пол человека, а представление о его степени активности.

Следует согласиться с Л.А. Становой, утверждающей, что активно проводимая в современном французском языке «феминизация» названий профессий, должностей, титулов и т. д. является, на самом деле, грубым ущемлением женских прав, поскольку официально закрепляет пренебрежительное отношение к женщинам-специалистам.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что возникновение грамматической категории рода обусловлено, в первую очередь, противопоставлением имен по активности / пассивности и, следовательно, связано с падежным склонением, в котором противопоставление активных субъектов пассивным объектам выражается при помощи форм именительного и винительного падежей, составляющих, по выражению Г. Гийома, ось склонения [Guillaume 1999].

Источники и литература

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. – 1328 с.

2. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М.: Наука, 1967. – 372 с.

3. Иоффе, В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1973. – 23 с.

4. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л.: 1972. – 216 с.
5. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во Московского университета, 1953. – 306 с.
6. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М.: Наука, 1971. – 300 с.
7. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.
8. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. – Т. 3. – Харьков: Учпедгиз, 1899. – 588 с.
9. *Скредина Л.М.* Школа Гийома: психосистематика. – М.: Высшая школа, 2009. – 366 с.
10. *Скредина Л.М., Становая Л.А.* Теоретическая грамматика французского языка. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 386 с.
11. *Становая Л.А.* «Madame le professeur» или «Madame la professeure»: к вопросу о «феминизации» титулов в современном французском языке // Проблемы лингвистических исследований и теории перевода. Отв. ред. Т.Я. Кузнецова. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – С. 113–122.
12. *Становая Л.А.* Активность/пассивность как основа разделения существительных по роду // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы. Сб. научных трудов. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 383–394.
13. *Bally Ch.* Le langage et la vie. – Zurich: Max Niehans, 1936. – 230 p.
14. *Bruneau Ch.* Questions de grammaire française et de stylistique. 1935–1937. (Les cours de Sorbonne). – Pais: Centre de documentation universitaire, Tournier et Constans, 1936. – 280 p.
15. *Chevalier J.-Cl.* Du latin au roman. Reflections sur la destruction de la déclinaison nominale // Mélanges off. à Ch.V. Aubrun. – Paris: Ed. Hispaniques, 1975. – P. 171–190.
16. *Damourette J., Pichon E.* Des mots à la pensée: Essai de grammaire de la langue française. – Т. 1. – Paris: Editions d'Artrey, 1927. – 368 p.
17. *Kurylowicz J.* L'évolution des catégories grammaticales. *Diogène* // Revue internationale des sciences humaines. – 1965. – № 51. – 62 p.
18. Leçon de linguistique de Gustave Guillaume. 1945–1946. – Serie C. – Quebec: Presses de l'Université Laval; Lille: Presses univ. de Lille, 1985. – 333 p.
19. Leçon de linguistique de Gustave Guillaume. 1948–1949. – Série C. – Quebec: Presses de l'Université Laval; Lille: Presses univ. de Lille, 1982. – 292 p.
20. *Marouzeau J.* Aspects du français. – Paris: Masson, 1950. – 212 p.

21. *Martinet A.* Le genre féminin en indo-européen: examen fonctionnel du problème // Bulletin de la Société de Ling. de Paris. – 1966. – T. 52. – No 1. – P. 83–95.

22. *Meillet A.* Linguistique générale. – Paris : Champion, 1921. – 334 p.

23. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. – Paris : Champion, 1948. – 335 p.

24. *Meillet A.* Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. – Tuscaloosa, Alabama, University of Alabama Press, 1964. – 516 p.

25. *Mok Q.J.M.* Contribution à l'étude de catégories morphologique du genre et du nombre dans la français actuel. – La Haye : Mouton, 1968. – 300 p.

26. *Stanovaia L.A.* Le système du genre de l'ancien français // Romanica Petropolitana II. – Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2012. – С. 224–262.

Квапиш-Осадник Катаржина,
доктор филологических наук, профессор
Институт Романских Языков и Переводоведения
Силезский университет, Польша

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
НА СЛУЖБЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ:
СЛУЧАЙ ФРАНЦУЗСКОГО АРТИКЛЯ**

Kwapisz-Osadnik Katarzyna,
HDR, Professeur des Universités, Institut des Langues
Romanes et de Traduction, Université de Silésie, Pologne

**LA LINGUISTIQUE COGNITIVE AU SERVICE
DE L'ENSEIGNEMENT DES LANGUES:
LE CAS DE L'ARTICLE EN FRANÇAIS**

Аннотация: целью статьи является изучение артикля в контексте когнитивной лингвистики. Методология рассмотрения данного феномена вписывается в рамки когнитивной грамматики Р. Лангакера, в частности, автор статьи опирается на процесс концептуализации. Материалом исследования послужил корпус текстов французских онлайн-газет – рубрика «Письма читателей». Изучение случаев использования различных артиклей в одной или схожих фразах (Je bois un café / le café / du café, J'ai acheté une / la voiture, J'ai trouvé un / le crayon) приведет к проверке гипотез исследования, а именно: 1. статья – это прежде всего факт, относящийся

к концептуальному, а не к лингвистическому уровню; 2. статья учитывает реальность воспринимаемых объектов в той степени, в которой это является эффектом концептуализации; 3. использование артикля не только концептуально, но и зависит от предпочтения и частоты использования. Перспективы исследований в этой области благоприятны для открытия новых направлений поиска в области современной лингвистики и преподавания грамматики французского языка для иностранцев.

Mots-clés: l'article se propose d'étudier la problématique de l'article dans le cadre de la linguistique cognitive. La méthodologie s'inscrit donc dans la grammaire cognitive de R. Langacker et, plus particulièrement, elle se réfère au processus de la conceptualisation. Le corpus provient de textes de journaux français en ligne, notamment de courriers des lecteurs. L'étude des cas où les différents articles apparaissent (Je bois un café / le café / du café, J'ai acheté une / la voiture, J'ai trouvé un / le crayon) conduira à la vérification des hypothèses de recherche qui sont les suivantes: 1. l'article est tout d'abord un fait qui relève du niveau conceptuel et non du niveau linguistique; 2. l'article tient compte de la réalité des objets perçus dans la mesure où il est l'effet de la conceptualisation; 3. l'emploi des articles relève non seulement de la conceptualisation, mais aussi leur emploi dépend de la préférentialité et de la fréquence d'usage. Les perspectives dans le domaine sont favorables à l'ouverture de nouvelles pistes de recherche en ce qui concerne la linguistique moderne et l'enseignement de la grammaire française aux étrangers.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, статья, преподавание языка.

Keywords: linguistique cognitive, article, enseignement des langues.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.41.21 Индоевропейские языки*

Cet article est dédié à la problématique de l'article, et notamment à l'enseignement de cette catégorie de langue, qui est une complication énorme autant au niveau de l'explication de la part de l'enseignant qu'au niveau de l'emploi (correct) de la part de l'apprenant, surtout de l'apprenant dont la langue maternelle est privée de la catégorie de l'article, comme par exemple le russe ou le polonais. La proposition d'examiner le fonctionnement des articles dans le cadre de la linguistique cognitive semble ouvrir une nouvelle perspective sur la question; elle voudrait aider à la fois l'enseignant et l'apprenant dans le processus d'enseignement et d'apprentissage de la grammaire d'une langue étrangère. Si on prend comme point de référence méthodologique

la linguistique cognitive, alors les hypothèses de recherche seront les suivantes: 1. le phénomène de l'article dans la langue est en premier lieu un fait qui relève de niveau de l'expérience de la réalité; 2. l'article devient un fait conceptuel en ce sens qu'il contribue à concevoir les entités perçues et acquises; 3. l'article est une catégorie de langue en ce sens qu'il sert à exprimer le résultat de la conceptualisation des entités perçues; 4. l'emploi des articles se détermine dans la préférentialité d'usage, celle-ci influant sur la fréquence d'emploi.

Ceci dit, présentons maintenant le plan de l'article: dans un premier temps, nous présenterons brièvement le fond méthodologique qui renvoie aux principes de la linguistique cognitive. Dans un second temps, nous nous arrêterons sur quelques conceptions concernant la catégorie de l'article, ce qui nous mènera à formuler leurs points faibles, au moins dans la perspective de l'enseignement. Une analyse cognitive des cas où il est possible d'avoir les deux, trois articles, ou encore de l'omettre, dans un même contexte permettra d'ouvrir une piste plus prometteuse, nous l'espérons; une perspective qui n'a pas été jusqu'à présent largement exploitée dans l'étude de l'article et dans l'enseignement de la grammaire. Dans la dernière partie nous essayerons de formuler quelques remarques finales concernant l'état actuel des liens entre la linguistique et la glottodidactique.

I. La linguistique cognitive et ses principes

Décrire ce courant en une seule page semble une gageure, si d'une part on tient compte du nombre de conceptions et de théories nées sous l'étiquette linguistique cognitive et de l'autre de la quantité de textes consacrés à ce courant et rédigés soit par ses enthousiastes soit par des adversaires, ce qui donne un riche tableau d'approches, de termes, d'incertitudes et de critiques. Toutefois, pour les besoins de notre sujet, nous ferons appel à quelques idées fondamentales qui distinguent ce courant des autres en linguistique. Premièrement, la linguistique cognitive est un domaine interdisciplinaire au sens strict et explicite de ce terme. Cela veut dire que l'étude de la langue doit tenir simultanément compte de tous les facteurs qui influencent l'événement de parole et qui sont l'activité du cerveau, la mémoire, les connaissances, l'appartenance à des groupes sociaux, les émotions, le corps, la prise de décisions, les intérêts. Tous ces facteurs s'activent au moment de la parole, c'est-à-dire au

moment de la conceptualisation de la réalité. Deuxièmement, la conceptualisation de la réalité se fait en même temps au niveau conceptuel et au niveau linguistique. Cela veut dire qu'il n'y a pas de distinction nette entre le niveau conceptuel et le niveau sémantique.

La conceptualisation consiste donc en la création simultanée d'images et de propositions, c'est pourquoi on l'appelle aussi imagerie (Langacker 1987, 2008). Parmi plusieurs dimensions de l'imagerie il y a une opération de profilage. Le profilage repose sur la distinction d'un élément (partie, trait) saillant de ce qui est perçu.

Troisièmement, tout est sémantique. Cela veut dire que le choix de chaque lexème et de chaque construction grammaticale est sémantiquement marqué, parce qu'il contient plusieurs informations non seulement sur le contenu de l'énoncé, mais également sur celui qui parle. Selon les cognitivistes, tout est sémantiquement motivé: les informations sont l'histoire de la langue et de la nation, mais très souvent nous n'y avons plus accès. De plus, il faut tenir compte des préférences d'usage de certaines catégories de langue plutôt que des autres à un moment donné, ce qui souvent n'a pas d'explication scientifique, mais détermine leurs fréquences d'emploi. Quatrièmement, la langue n'est plus considérée dans son autonomie, mais elle fait partie des ressources linguistiques, qui sont les suivantes: la mémoire, les connaissances encyclopédiques, la planification, la prise de décision, la résolution de problèmes, les buts poursuivis, la faculté de reconnaissance des contextes: physique, linguistique, culturel, social (Langacker 2003: 42). De plus, la langue est à la fois un fait culturel (le principe du relativisme culturel) et un fait corporel (le principe de l'universalisme cognitif). Selon G. Lakoff (1987), «la pensée est incarnée», c'est-à-dire que la langue qui reflète nos pensées prend l'origine dans le corps et dépend des processus cognitifs de traitement des données, ces deux éléments sont considérés comme universels, étant donné que l'anatomie, la physiologie et les processus cognitifs sont similaires à tous les humains. La langue est aussi vue dans sa continuité. Cela veut dire que l'analyse des énoncés doit tenir compte de tous les phénomènes linguistiques en même temps. Ces phénomènes concernent la phonétique, la prosodie, la morphosyntaxe, le lexique et les valeurs pragmatiques, comme la force illocutoire.

Pour compléter la description, il faut absolument parler du rôle de l'expérience et des schèmes préconceptuels, parce qu'ils contribuent à

créer nos connaissances, permettent de nous orienter dans le monde et sont à la base de l'attribution d'un sens à ce qui est perçu. Avec l'expérience du monde, l'homme crée des schémas préconceptuels (Lakoff, Johnson 1998: 13–14) qui sont des constructions abstraites correspondant aux relations physiques et cinétiques des objets et des phénomènes du monde. Parmi les schémas préconceptuels il y a: cyclicité, linéarité, sentier avec un début, un parcours et une fin, force, centre-périphérie, haut-bas, devant-derrrière.

Dans la partie analytique, nous nous servons de ce qui vient d'être présenté.

II. La catégorie de l'article en linguistique

L'article comme catégorie grammaticale a inspiré beaucoup de linguistes représentant différents courants et approches. Il suffit de mentionner les travaux de G. Guillaume (1919 (2010)), de S. Karolak (1989, 1999), de J.-C. Anscombe (1987, 1991), de G. Kleiber (1983, 1997), de F. Naoyo (1986), de L. Benetti (2008) et jusqu'à l'ouvrage de A. Roig (2011) qui essaie de délimiter le fonctionnement de l'article à deux usages, celui d'apport au nom et celui de support du nom. Dans ces usages sont regroupées toutes les valeurs attribuées à l'article jusqu'à présent. Alors, le premier usage contient les valeurs suivantes: référentielle (virtuelle et actuelle), générique, spécifique, quantitative (extensive, partitive, massive, numérative), distributive, continue et discontinue. Elles se réalisent en accord avec le nom que les articles accompagnent et dans un contexte bien précis où le syntagme nominal apparaît. On note ici le courant énonciatif, les grammaires issues de la théorie de N. Chomsky, la psychomécanique, l'approche sémantique et la linguistique cognitive. Le second usage, moins reconnaissable en recherche, traite l'article comme l'élément qui détermine les traits fonctionnels du nom, ce qui permet d'identifier le référent.

En linguistique cognitive, selon R. Langacker: « Elements like articles (a, the) serve to ground the profiled thing by relating it to the context of speech » (2008: 123). Il en résulte que les articles ont la fonction d'ancrer (ground) les profils d'objets dans un contexte de parole concret. Plus précisément, les articles démontrent tout d'abord la reconnaissance du type, c'est-à-dire de la catégorie correspondant à une

classe d'objets de la part de celui qui parle, et ensuite la référence à une ou plusieurs instances du type (le token chez R. Jackendoff 1983, 1995). Alors, l'ancrage dans une phrase consiste tout d'abord à concrétiser le type pour qu'il devienne instance (on profile de la base conceptuelle notre objet de référence) ou à le «virtualiser», car l'objet de référence ne doit pas être nécessairement physique et perçu comme tel, et ensuite à fixer l'attention momentanée sur cette instance (Langacker 1991: 53). R. Langacker (2008: 363) distingue quatre stratégies d'ancrage: 1. stratégie descriptive, qui est sélective (il y a des instances correspondant au type); 2. stratégie déictique (on distingue une seule instance); 3. stratégie mixte (on distingue une seule instance parmi les autres) et 4. stratégie quantitative. Le choix de l'article, ou son absence, relève de la stratégie appliquée dans le processus de la conceptualisation. Ainsi, l'omission de l'article, et l'article zéro correspondraient à la stratégie descriptive, l'emploi de l'article défini en tant que «cas extrêmement simplifié de désignation mentale, où il suffit d'indiquer le type pour faire l'acte de référence mental» (Langacker 2008: 372) serait l'effet de la stratégie déictique, et l'article indéfini se référerait aux stratégies mixte et quantitative.

Il faut également tenir compte du fait que le phénomène de l'ancrage dépend de la langue dans laquelle s'effectue l'événement de parole, autrement dit il est principalement lié au processus de l'acquisition de la langue maternelle. Dans le cas des langues qui ont des articles, les recherches en psycholinguistique ont mis en évidence que leur reconnaissance est toujours liée à la catégorisation des unités notionnelles, que l'acquisition des articles indéfinis précède l'acquisition des articles définis, que l'accord en genre des articles précède l'accord en nombre et que l'usage des articles définis et indéfinis est souvent inversé jusqu'à l'âge de 6 ans (Loisy 2011).

Dès lors, il y aurait deux sources au fonctionnement des articles en français: la première se référerait à l'expérience du monde et la seconde – à l'acquisition du langage, toutes deux fondées sur la perception.

III. La linguistique cognitive au service de l'enseignement des articles français

Traditionnellement, l'enseignement des articles est normativo-descriptif. Le plus souvent, l'enseignant présente aux apprenants les

formes définies, indéfinies et partitives et explique leurs occurrences en soulignant leur caractère fonctionnel: «l'article défini sert à ...». Si les apprenants parlent une langue maternelle sans articles, il leur est très difficile de saisir le fonctionnement de cette catégorie grammaticale et ensuite de bien l'utiliser en textes et en discours (Kwapisz-Osadnik 2016).

Notre proposition d'un enseignement de l'article se situe au croisement de la linguistique cognitive et d'une longue expérience glottodidactique de l'auteure de l'article. Premièrement, il faut considérer l'article comme « un moule » donnant la forme au nom non seulement sur le plan syntaxique, mais avant tout sur le plan cognitif. Cela veut dire que l'article a pour fonction principale de modeler, de façonner le prédicat nominal auquel correspond une réalité perçue et conceptualisée comme une entité ayant des propriétés d'objet. C'est pourquoi il est plus facile de comprendre l'emploi de l'article indéfini dont le rôle consiste avant tout à sélectionner les objets solides, donc comptables (rappelons ici que l'article indéfini est aussi acquis comme premier par les usagers natifs).

Ceci dit, passons maintenant à l'analyse des exemples concrets avec lesquels on peut expliquer le fonctionnement des articles de façon plus efficace. Pour éclairer la procédure, il est nécessaire de spécifier que la présentation des articles se fait de manière globale en ce sens que l'enseignant introduit les articles en même temps et cela dans les mêmes contextes d'emploi; par exemple

1. Je bois un chocolat vs Je bois du chocolat vs Je bois le chocolat;
2. J'ai une opportunité de répondre vs J'ai l'opportunité de répondre;
3. J'ai vu un homme qui balayait devant sa maison vs J'ai vu l'homme qui balayait devant sa maison;
4. J'ai acheté une voiture vs J'ai acheté la voiture; J'ai trouvé un crayon vs J'ai trouvé le crayon (Gary-Prieur 2011: 25),
5. Une bêche sert à creuser la terre vs La bêche sert à creuser la terre;
6. Les nouveaux iPhone mis en vente vendredi vs De nouvelles places mises en vente pour la finale vs Nouveau produit mis en vente par COX/NICOX.

On commence l'explication en s'interrogeant sur la façon de percevoir l'entité *chocolat*: quelles expériences les apprenants ont-ils du chocolat ? Les réponses sont prévisibles: une tablette / une barre / une boîte de

friandises à base de cacao ou une boisson. Avec le verbe *boire*, il est évident qu'il s'agit d'une boisson. La question suivante concerne les qualités du chocolat boisson: il est moelleux, velouté, c'est un liquide, il est impossible de le compter, par contre on peut compter le nombre de tasses de chocolat. Ainsi, on arrive à mettre notre entité en trois «moules», un comptable et distributif, et le second non comptable, massif, qui déborde du moule, et le troisième déictique, c'est-à-dire comptable, mais spécifique et identifiable de façon univoque (il y a une seule instance). C'est pourquoi on emploie trois articles différents, ce qui correspond à trois façons de percevoir le même fragment de la réalité. A la limite on peut aussi omettre l'article – *Je bois chocolat* (et non café), mais l'omission signifie qu'il ne s'agit que de préciser la boisson qu'on boit.

On applique la même explication dans les exemples 2, où l'opportunité est perçue soit comme comptable et distributive, en fait on peut avoir plusieurs opportunités de répondre, soit comme un fait seul et unique. Toutefois, cette opération est bloquée avec les prédicats, tels que *courage* ou *patience*:* *Il a un courage / une patience de faire quelque chose*. Ces prédicats sont partitifs, éventuellement quantitatifs, mais jamais distributifs. Par contre, ils fonctionnent avec l'article indéfini, lorsque le nom est accompagné d'un adjectif: *Il a un courage exceptionnel, Il a une patience d'ange*, et cela est possible, parce que la perception et la conceptualisation du phénomène devient qualitatif et en même temps quantitatif, étant donné le fait que le courage peut représenter différents types: *un grand courage, un courage de lion, un courage, un courage exemplaire, un courage inutile, un courage qui force le respect ou l'admiration*. On dit également: *avoir le courage de dire la vérité, avoir la patience de réussir*. Dans ce cas, l'emploi de l'article a une valeur déictique en ce sens que l'entité est conceptualisée dans son univocité spécifique, car déterminée par le contexte qui suit (dire la vérité et réussir). Intéressantes sont aussi les situations d'emploi avec la préposition *pour*, comme *Il a du courage pour se lever si tôt, Il faut avoir de la patience pour aimer*; en effet, la préposition *pour* introduit le but, donc une circonstance accompagnant le fait d'avoir du courage ou de la patience. Cela veut donc dire qu'elle ne détermine pas les entités *courage* et *patience* de façon univoque et particularisante. Toutefois, il est possible d'avoir les articles définis, comme dans *Que*

Dieu vous donne la force et le courage pour surmonter ces heures difficiles. En linguistique cognitive, où la question de l'erreur est traitée de façon très libre, car chaque forme choisie porte une information sur la façon de concevoir la réalité tenant également compte de la préférentialité d'usage, le choix de l'article serait le signe de la conceptualisation, c'est-à-dire l'article montrerait quel «moule» a utilisé le locuteur pour mettre un fragment de réalité perçue.

Une explication analogue pourra être appliquée pour les exemples 3. En fait, voir un homme qui balayait devant sa maison veut dire que pendant la conceptualisation, on donne à l'objet *homme en train de balayer* une valeur référentielle quantitative numérative, c'est-à-dire qu'on distingue un objet (une instance) parmi les autres: il y a plusieurs hommes qui balaient devant leur maison. Par contre voir l'homme qui balayait devant sa maison signifie une conceptualisation déictique en ce sens que le locuteur ne considère pas cet homme comme faisant partie de la classe d'objets, mais l'homme est conceptualisé de façon univoque et identifiable dans la scène, ce qui veut dire que pendant la conceptualisation, il n'y a pas d'autres hommes en train de balayer.

Il en serait de même dans les exemples 4, où une voiture et un crayon témoignent de la conceptualisation référentielle existentielle et quantitative, par contre la voiture et le crayon informent de la conceptualisation référentielle existentielle, mais déictique, c'est-à-dire qu'il est possible d'identifier les objets de façon univoque: *J'ai acheté la voiture dont on a parlé; J'ai trouvé le crayon que je cherchais depuis deux jours.*

Dans les exemples 5: *Une bêche sert à creuser la terre* et *La bêche sert à creuser la terre*, l'article indéfini marque une conceptualisation référentielle quantitative et distributive, par contre l'article défini renvoie à la conceptualisation notionnelle et générique. De plus, la propriété de creuser la terre est particulière à chaque objet qui est bêche. C'est pourquoi on ne peut pas dire* *Le roman policier, ça se lit en 3 heures*: l'action de lire se réfère individuellement à chaque livre qu'on lit et non à la saisie notionnelle des objets livres. C'est pourquoi la phrase *Un roman policier, ça se lit en 3 heures* est correcte du point de vue de l'expérience de lecture.

Contrairement, l'article indéfini est bloqué dans* *Une femme est l'avenir de l'humanité*, étant donné que la propriété d'être l'avenir de l'humanité n'est pas propre à la classe des femmes et on ne peut pas

l'attribuer individuellement à chaque femme. Toutefois, si on crée une sous-classe des femmes, comme dans: *Une femme instruite est l'avenir de l'humanité*, l'article indéfini est tout à fait à sa place, car son rôle est de marquer une conceptualisation qualitative et à la fois quantitative. Dans: *La femme est l'avenir de l'humanité*, l'article défini informe d'une conceptualisation notionnelle virtuelle et générique. On attribue donc une propriété à la classe d'objets *femmes* mais cette propriété n'est pas inhérente à la notion de femme.

Pour ce qui est les exemples 6, notre attention sera attirée sur l'exemple où l'article est omis: *Nouveau produit mis en vente par COX/NICOX*. L'omission de l'article devant un nom le priverait de sa valeur prototypique qui est de dénommer une classe d'objets (une catégorie) ayant les mêmes propriétés et de référer à la réalité extralinguistique. Lorsque l'article est absent, le nom aurait une fonction descriptive et non référentielle, comme dans *Elle est étudiante*. Alors, dire *Nouveau produit mis en vente par COX/NICOX* signifie une conceptualisation descriptive en ce sens qu'il s'agit de signaler les traits des objets sans pourtant référer aux objets de la réalité extralinguistique. Ainsi, celui qui parle met l'accent sur les qualités des objets et non sur leur existence actuelle ou virtuelle. Il en serait de même dans les autres emplois des noms sans article: *Sa soeur, femme remarquable (description), est nommée directrice de l'entreprise COX ou Compagnons (vous qui êtes compagnons), jurons de ne jamais nous rendre!*. Dans les expressions, telles que *avoir peur, perdre patience, crier victoire*, les noms ont une fonction prédicative, donc descriptive et non référentielle et cela justifie l'absence d'article, qui – rappelons-le encore une fois, sert de «moule» pour donner la forme tout d'abord quantitative aux fragments de réalité perçue. Par contre, dans d'autres contextes, par exemple avec les adjectifs, les articles seraient nécessaires, étant donné que leurs fonctions s'activeraient: *avoir une faim de loup, avoir une patience de Pénélope, crier la victoire de Hollande*, qui suivraient les mêmes explications que celles présentées ci-dessus.

IV. Discussion

Comme nous avons pu le remarquer, un exemple, qui nous sert de point de départ pour expliquer l'emploi de l'article, entraîne immédiatement une suite d'exemples avec les autres articles ou sans

article. En conséquence, l'enseignant doit être préparé à affronter la problématique de manière globale. Au début, cette stratégie peut susciter des hésitations, mais si on tient compte de l'activité du cerveau qui traite globalement les informations, nous arrivons à la conclusion que l'enseignement global paraît plus naturel. D'ailleurs, les explications se répètent comme se répètent les articles, alors, après un certain temps, les apprenants seront capables de déduire les causes des choix des articles.

Il serait également intéressant d'étudier les différences entre les langues en ce qui concerne les noms comptables et non comptables, en ce sens que parfois cela s'oppose à l'expérience des objets et des phénomènes; par exemple normalement les informations et les conseils sont comptables, alors pourquoi en anglais, les lexèmes *advice* ou *information* sont-ils considérés comme non comptables? Trouver les explications diachroniques et partager ce savoir avec les apprenants augmenterait sûrement leur curiosité et développerait leur intérêt scientifique.

V. Conclusion

Pour que l'enseignement des langues étrangères soit efficace, en termes de rythme de l'apprentissage et d'attractivité des cours, il semble nécessaire de changer les habitudes scolaires qui relèvent de l'activité de l'hémisphère gauche du cerveau et ignorent l'activité de l'hémisphère droit qui est responsable de la synthèse des connaissances et de leurs connexions, ce qui facilite la mémorisation du matériel. D'ailleurs, c'est avec l'hémisphère droit que nous apprenons les langues étrangères. L'enseignement global, que nous proposons, se fonde sur l'activité des deux hémisphères et sur la faculté cognitive de traiter les informations de manière globale (holistique). De plus, les linguistes et les enseignants parlent souvent de supports théoriques élaborés par les chercheurs en linguistique qui pourraient contribuer à l'enseignement efficace des langues. La stratégie présentée dans cet article, qui ne concerne que l'emploi des articles en français, semble prouver que le mariage entre l'étude du langage (et de la langue) et la pratique d'enseignement est possible même si demandant un effort de la part de l'enseignant.

Littérature

1. *Anscombe J.-C.* L'article zéro en français: un imparfait du substantif?
// *Langue Française*. – 1987. – N° 62. – P. 4–39.

2. *Anscombe J.-C.* (éd.). La détermination zéro: ... Verbes supports et emploi ou absence de l'article // *Langages*. – 1991. – N° 102.
3. *Benetti L.* L'article zéro en français moderne. – Frankfurt: Peter Lang, 2008.
4. *Gary-Prieur M.-N.* Les déterminants du français. – Paris: Ophrys, 2011.
5. *Guillaume G.* Le problème de l'article. – Limoges: Lambert-Lucas, 1919 (2010).
6. *Jackendoff R.* *Semantics and Cognition*. – Cambridge: MIT Press, 1983.
7. *Jackendoff R.* *Languages of the Mind. Essays on Mental Representation*. – Cambridge: MIT Press, 1995.
8. *Karolak S.* L'article et la valeur du syntagme nominal. – Paris: PUF, 1989.
9. *Karolak S., Nowakowska M.* Jak stosować rodzajnik francuski. – Warszawa: PWN, 1999.
10. *Kleiber G.* Article défini, théorie de la localisation et présupposition existentielle // *Langue française*. – 1983. – N° 57. – P. 88–106.
11. *Kleiber G.* Sens, référence et existence: que faire de l'extralinguistique? // *Langages*. – 1997. – N° 127. – P. 9–37.
12. *Kwapisz-Osadnik K.* Enseigner l'article: un défi pour les enseignants non francophones du français // *Langue et discours, quel enseignement? / A. Ben Msila* (éd.). – Meknès: Faculté des Lettres et des Sciences Humaines de Meknès. – 2016. – P. 23–33.
13. *Lakoff G.* *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. – Chicago: University of Chicago Press, 1987.
14. *Lakoff G., Johnson, M.* *Elementi di linguistica cognitiva*. – Urbino: QuattroVenti. – 1995.
15. *Langacker R.* *Foundation of Cognitive Grammar (Vol. 1). Theoretical Prerequisites*. – Stanford: Stanford University Press, 1987.
16. *Langacker R.* *Foundations of Cognitive Grammar Vol. II Descriptive Application*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
17. *Langacker R.* Model dynamiczny oparty na uzusie językowym // *Akwizycja języka w świetle językoznawstwa kognitywnego / E. Dąbrowska, W. Kubiński* (éds.). – Kraków: Universitas. – 2003. – P. 82–243.
18. *Langacker R.* *Cognitive Grammar: a basic Introduction*. – New York: Oxford University Press. – 2008.
19. *Loisy C.* Le développement du langage. *Psychologie cognitive*. www.ac-grenoble.fr/savoie/mat/group_de/pdf/dev_lang.pdf. – 2001.
20. *Naoyo F.* L'article et le problème de la référence en français. – Tokyo: France Tosho, 1986.
21. *Roig A.* Le traitement de l'article en français depuis 1980. – Bruxelles: Peter Lang, 2011.

ДИСКУРС И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Васильева Екатерина Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков Карельского филиала РАНХиГС

О ЧЕМ ЛИНГВИСТУ ГОВОРЯТ ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ КОРОЛЕВСКОЙ ФРАНЦИИ?

Vasileva Ekaterina G.,
PhD in Philological Sciences,
Foreign Languages Department, Karelia branch of RANEPА

WHAT DO COINS OF THE ROYAL FRANCE SAY TO THE LINGUIST?

Аннотация: в статье денежные знаки королевской Франции рассматриваются как текст-изображение, являющийся знаком и обладающий собственными семиотическими свойствами. Интерпретируя знаки, представленные на монетах, автор статьи раскрывает способы, с помощью которых актуализируется идея королевской власти. Внешние символы монархической власти являются средствами семиотизации власти на монетах. Анализируя надписи, фигурирующие на монетах, автор доказывает, что они служат для легитимации королевской власти и укрепления институционального лидерства.

Abstract: in the present article, coins of the royal France are considered as a text-image, which is a sign and has its own semiotic properties. Interpreting the signs presented on the coins, the author of the article reveals the ways in which the idea of royal power is actualized. External symbols of monarchical power are the means of semiotising power on coins. Analyzing the inscriptions on the coins, the author proves that they serve to legitimize the royal power and to strengthen institutional leadership.

Ключевые слова: монеты, надписи, институциональное лидерство, короли Франции, королевская власть.

Keywords: coins, inscriptions, institutional leadership, kings of France, royal power.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.07 *Общетеоретические проблемы языкознания*

Институт власти формировался веками, и он нашел отражение, в том числе, в семиотической системе денежных единиц разных государств. Как справедливо отметил американский профессор экономики Карл Веннерлинд, «деньги формируют дискурсивное пространство, в котором существуют властные отношения» [3]. Через монеты монархи обеспечивают укрепление государственного единства в королевстве (как, например, Филипп II Август (1165–1223)) или же устанавливают свое господство на определенной территории (как Людовик XIV (1638–1715), который стал чеканить фландрское экю, завоевав Фландрию). Карл VII во время Столетней войны переплавлял монеты своих противников для чеканки своих собственных денег. Как заключает французский журналист и преподаватель финансового права в Сорбонне Николя-Жан Бреон, монета является инструментом унификации и представляет эффективный способ противостоять монетам других государств. Государя всегда соперничают в твердости валюты своей страны, точно так же, как это происходит и в сфере промышленности, и в создании нового, всегда более мощного оружия. Монета, таким образом, является продолжением политики с помощью, в данном случае, денежной системы [20]. Несомненно, деньги являются важным институтом не только экономической, но и политической системы государства.

Считается, что у каждой эпохи есть своя ключевая монета. Так, в XIII веке это был флорин. Золотая монета Флоренции оказала большое влияние на чеканку золотых монет в Европе. В XVII веке ключевыми монетами стали испанские пиастр и пистоль. Интересно, что прообразом луидора послужил именно испанский дублон, который во Франции было принято называть пистолем. Дублон чеканился с 1566 года и на протяжении XVII и XVIII веков считался уважаемой европейской валютой [17]. Во Франции в течение долгого времени названия *луидор* и *pistoль* были синонимами. Например, из пьесы французского драматурга Мольера «Скупой» (1668 г.) мы узнаем, что герой комедии Гарпагон ведет счет в пистолях.

Однако для противостояния сильным соседним странам и укрепления института королевской власти требовалось использовать

разные инструменты. Одним из них стала реализация французским королевством собственной денежной политики. С целью внешней автономии и внутренней легитимации денежной системы король Франции создает новую монету в противовес зарубежным денежным знакам. До появления прессы и рекламы, монеты были единственным средством обращения в массах. Именно монеты выполняют роль репрезентанта королевской власти, которой доверяют подданные, и через которую король позиционирует законность своего нахождения на троне, легитимность своей власти. Образ короля был мало знаком подданным, и только благодаря изображениям королевских особ на монетах они могли получить представление о внешнем виде своего правителя. Известны случаи, когда монеты раскрывали личность короля (как, например, личность Людовика XVI, который был арестован в городе Варен-ан-Аргон во французской Лотарингии при его попытке бежать от Революции, после того как почтмейстер узнал его по портрету на одной из монет).

Образы власти являются специфическим историко-культурным феноменом [6], а символические изображения правителей на монетах составляют особую систему знаков языка власти. В этой связи будет интересно проанализировать французские королевские монеты XVI–XVII столетий. На протяжении данного периода времени ходившие в обращении монеты менялись несколько раз, в том числе некоторые из них были заимствованы из культур других стран. Изучение изображений и надписей на денежных знаках данного периода позволит раскрыть особенности укрепления институционального лидерства в королевской Франции.

Следует отметить, что вплоть до эпохи Капетингов типы выпускаемых монет были фиксированными: на них традиционно изображались крест, монограмма (вязь из первых букв имени), корона, щит, ягненок, и др. Как отмечал С.А. Коваленко, куратор выставки «Наметив контуры резцом», проходившей в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в 2016 году, «изображение на любой монете с самого момента ее появления имело своей целью удостоверить законность монетного выпуска, предохранить его от возможной порчи и, наконец, дать возможность соотнести с местом чеканки, то есть идентифицировать» [18].

Что касается портретных изображений королевских особ, то во Франции портрет короля появляется на монетах только в конце правления Людовика XII (к 1514 г.) [26]. Со всей очевидностью можно предположить, что тем самым изображение монарха использовалось для визуализации института власти, тем самым утверждая его легитимность. В целом, единая монетная система содействовала экономическому и политическому сплочению королевства. Французский *тестон* (*un teston*, слово заимствовано из итальянского языка, где *testone* – «голова», по изображению портрета правителя на монете) чеканился как подражание итальянскому тестону [23]. Эта старинная французская серебряная монета выпускалась по указу Людовика XII от 6 апреля 1514 и последующему указу Франциска I от 1540 года и была самой первой среди тяжелых серебряных монет Франции и первой французской монетой с реальным изображением короля. После Людовика XII вплоть до Французской Революции на монетах гравировались портреты французских королей [19]. По композиции это были головные (или оплечные), изображения; по повороту головы изображаемого правителя – в профиль.

Аверс и реверс тестона являются креолизованными текстами, в которых сочетаются вербальные и иконические знаки. Иконический компонент креолизованного текста представлен портретом короля на аверсе, а также королевским гербовым щитом с тремя лилиями на реверсе. Щит с тремя лилиями имел значение монархическое и административное [14].

Король на тестоне изображен в профиль. Это может объясняться тем, что профильное изображение предполагает определённую форму идеализации модели, напоминая об античных камеях и римской медали, что, в свою очередь, продиктовано царившим в эпоху Возрождения интересом к античному наследию. Голова монарха покрыта его знаменитым капюшоном (средневековый головной убор) и увенчана короной.

Важно отметить, что имя правителя и его титулы, как правило, располагались на аверсе французских королевских монет, а надписи религиозного содержания – на реверсе, при этом они были представлены в сокращённом виде [25].

На французском тестоне с изображением Людовика XII вербальный компонент текста представлен надписью, расположенной по окружности монеты на аверсе: **(крест) LVDOVICVS: DEI: GRA: FRANCORVM: REX (трилистник)**, которая означает «Людовик божьей милостью король Франции» (*Louis, par la grâce de Dieu, roi des Francs*). Также вербальный компонент отражен в надписи на реверсе: **(крест) XPS: VINCIT: XPS: REGNAT: XPS: IMPERAT (трилистник)**. Он переводится как «Христос царствует, побеждает и повелевает» (*Le Christ vainc, règne, commande*). Данные надписи свидетельствуют о том, что королевская власть отождествляется с «божественной» и таким образом, как и сама фигура короля, является священной и непререкаемой. Важно отметить, что надписи выполнены на латинском языке. Это объясняется таким ее свойством как лаконичность, которую ей приписывали многие выдающиеся ученые. Так, в посвящении «Российской грамматики» великому князю Павлу Петровичу Михаил Ломоносов отмечает «богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков» [11]. Именно латынь благодаря своей лаконичности прекрасно подходит для эпиграфики, т. е. создания надписей, которые состоят лишь из нескольких слов, но при этом ясно и выразительно передают заложенные в них идеи [27].

Следует отметить, что в надписях на монетах широко используется аббревиатура и сокращения [25]. Известно, что сложная и разнообразная система сокращений была унаследована средневековыми мастерами письма из латинского и греческого языков [12]. Аббревиатуры впервые появились в религиозных и юридических текстах. В христианских рукописях их использовали для сокращения священных слов (*nomina sacra*), а в юридических – для замены специальных терминов (*notae juris*). Первыми аббревиатурами священных слов, возникшими в IV веке, были: DS = Deus, IHS = Jesus, SPS = spiritus. К ним же относится и аббревиатура XPS = Christus, фигурирующая на французском тестоне.

В середине XVI в., во времена правления Генриха II, была отчеканена первая датированная (1549 г.) французская монета: «C'est ce roi qui rendit obligatoire l'inscription du millésime sur les pièces par une ordonnance de 1549» (Именно этот король сделал обязательным ука-

зание даты на монетах, издав ордонанс от 1549 г. [22]. Кроме того, она стала первой золотой монетой с портретом короля. Такое примечательное событие было отмечено в фольклоре. Монету в эю тут же окрестили «генридором» (*Henrid'or* – «золотой Генри»), положив начало именованию монет в честь изображенного на них монарха [13].

После Людовика тестон чеканился также при Франциске I (1515–1547), Генрихе II (1547–1559), Карле IX (1560–1574) и Генрихе III (1574–1589), который принял решение о выпуске крупной серебряной монеты, приравненной к золотому эю. Из-за порчи монеты, под которой понимается необъявленное уменьшение государственной властью веса монет или содержания благородных металлов при сохранении нарицательной стоимости, её чеканка в 1577 году была прекращена, в то же время была продолжена чеканка серебряных монет 1/4 и 1/8 эю. Затем их сменила другая большая монета – серебряный франк.

Однако самой известной французской монетой считается луидор. В буквальном переводе это название значит «Золотой Людовик» (*Louis d'Or*). Существовало много разновидностей оформления луидоров. Их чеканка началась при Людовике XIII в 1640 году и продолжалась более 150 лет до эпохи правления Людовика XVI. Монета чеканилась из золота 917-ой пробы и весила от 400 до 600 мг. Диаметр луидора равнялся 25 мм. Выпускались монеты достоинством 1/2 луидора, 2, 4, 8 и 10 луидоров. 1 луидор приравнивался к 10 ливрам [24].

Рис. 1. Louis XIII – Louis d'or à la mèche courte 2ème type et au buste vieilli 1643 D (Lyon)

На аверсе монеты изображена голова Людовика XIII, увенчанная лавровым венком. Голова короля повернута вправо. По окружности идет надпись **LVD XIII DG – FR ET NAV REX** (*Lvdovicvs XIII dei gratia Franciae et Navarrae rex*), которая означает «Людовик XIII божьей милостью король Франции и Наварры». Отметим, что год чеканки монеты – 1643 – изображен арабскими цифрами. Надпись является вербальным символом власти, которой короля наделил Бог. В данном случае, актуально замечание М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудкова о том, что символ подвергается вторичной семиотизации – происходит его «оязыковление». Исследователи отмечают, что «будучи бесконечно воспроизводимым в речи, оязыковленный символ наиболее эффективно осуществляет мнемоническую функцию культуры, воспроизводя в речи приданный ему культурный смысл, не давая этому символу исчезнуть» [16]. Лингвисты едины во мнении, что по сравнению с устной речью письменный регистр обладает большей властью [1, 4]. Письменная фиксация божественного происхождения королевской власти тем самым подчеркивает ее легитимность и незыблемость. Как указывает историк Д. Жуковская, Людовик XIII остро осознавал божественное начало королевской власти, считая, что «подражание божественному порядку и есть лучшая форма монаршей власти... В его лице и в его царствование происходит примирение Бурбонов с католицизмом. Именно Людовик XIII воплощает модель благочестивого и набожного правителя, позволяя религиозным законам и обычаям проникать во все слои жизни государства, подчиняя все существование католическим догмам и принципам, строя своего рода царство Божие на земле» [8]. В надписи «Людовик XIII божьей милостью король Франции и Наварры» отражается средневековая идея христоцентричной королевской власти. По замечанию Э. Канторовича, король является двойным существом – человеческим и божественным [9].

На реверсе фигурирует королевская монограмма в виде креста из четырех двойных букв L (от имени Louis), над которыми расположены короны, и которые окружены лилиями. Короны и лилии являются важными предметными семиотизированными репрезен-

тантами власти, которые представляют собой системно-образующие доминанты визуально-символического плана [6].

По окружности идет надпись на латинском языке **CHRS REGN VINC IMP** (*Christvs regnat vincit imperat*), означающая «Христос царствует, побеждает и повелевает». Она выступает вербальным символом, эксплицитно выражая верность монарха его вероисповеданию. В данном случае речь идет о том, что символ власти, данной королю Богом, подвергается вторичной семиотизации.

Надписи выступают вербальными символами монархической власти, с помощью которых происходит семиотизация власти на монетах. Через них утверждается неотчуждаемость прав короны, неотчуждаемость королевской казны.

Существовало три категории луидоров: луидор (*le Louis d'or*), двойной луидор (*le double Louis d'or*) и четверной луидор (*le quadruple Louis d'or*). Гравером всех этих монет был Жан Варен (*Jean Warin*) (1604–1672). С 1628 по 1672 гг. он выполнял функции главного контролёра Парижского монетного двора [24]. Луидоры – первые золотые монеты, отчеканенные на станках, в отличие от предшествующих им золотых монет, изготовленных вручную. Примечательно, что для борьбы с обрезанием монет Жан Варен изобрел станок, позволявший чеканить монеты ровной круглой формы. В целом, луидоры обладали и с технической стороны, и с художественной качествами несравними с монетами других стран. К тому же по весу и пробе они превосходили монеты соседних стран.

Все знаки, представленные на луидоре – крест, короны, лилии, лавровый венок – являются традиционными королевскими атрибутами, и глубоко символичными. Через них позиционируются королевская особа, монархический идеал и династическая политика [14]. Таким образом, при анализе надписей на монетах выделяется прагматический аспект, который помогает понять, для кого, в каких условиях, с какой целью был создан и использовался данный текст.

Лилии и надписи на монете отражают идею сакральной природы французской монархии: король выступает посредником между Богом и подданными своего королевства. По словам

известного французского медиевиста М. Пастуро, «это укрепляет его династический престиж и четко отражает его монархическую программу» [14].

Корона является знаком верховной власти, которым не может быть наделено лицо, не имеющее соответствующего социального статуса [15]. Она является носителем знака, актуализирующего идею власти. Крест символизирует искупительную жертву Христа, а также он является священным знаком вечной жизни и избавления от страданий [7]. Лавровый венок, венчающий голову французского монарха, со времен античности является символом славы, победы или мира. Таким образом, он наделяет короля чертами победоносного защитника веры и своего королевства.

Как указывает название монеты, она чеканилась из золота. Таким образом, верховный правитель ассоциируется с благородным и драгоценным металлом, имеющим очень высокую стоимость [21]. До настоящего времени луидор является самой большой и тяжелой золотой монетой, которую когда-либо чеканили во Франции. Эти монеты были уникальными экземплярами, которые предназначались для подарков и для демонстрации возможностей Парижского монетного двора, а не для выпуска в обращение [10].

Если проанализировать функционально-прагматические характеристики надписей на французских тестонах и луидорах, то их можно разделить на два типа: они представляют религиозно-идеологические утверждения: «*Христос царствует, побеждает и командует*», а также историко-традиционные: «*Людовик божьей милостью король Франции*», «*Людовик XIII божьей милостью король Франции и Наварры*». Все надписи объединены одним концептом – Бог [2].

Надписи на монетах выполняют две основные функции – информативную: сообщают, кто стоит во главе королевства, и воздействующую, служащую для укрепления в общественном сознании незыблемости института королевской власти.

Анализ семантико-структурных характеристик надписей на монетах показывает, что они представляют повествовательный тип высказывания, т. е. утверждающий, который служит для обоснования легитимности института королевской власти.

Таким образом, деньги являются средством реализации денежной власти. Король осуществляет управление своим королевством, в том числе с помощью денег. Знаки и символы, фигурирующие на монетах, служат для утверждения легитимности такого управления и укрепления институционального лидерства.

Источники и литература

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Перевод с франц. Б.П. Нарумова [Текст] / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 83.
2. *Барышников М.С.* Девиз на монете в семантическом и прагматическом аспектах [Текст] / М.С. Барышников // Известия ВГПУ. – 2009. – № 2. – С. 57–58.
3. *Веннерлинд К.* О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль [Текст] / К. Веннерлинд // Вопросы экономики. – 2010. – № 2. – С. 81.
4. *Викулова Л.Г.* Становление института письменной речи в средневековой Франции: социокультурный и коммуникативный аспекты // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. – 2013. – № 1 (37). – С. 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eastjournal.ru.
5. *Викулова Л.Г., Васильева Е.Г.* Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.) [Текст] / Л.Г. Викулова, Е.Г. Васильева // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 58.
6. *Викулова Л.Г., Васильева Е.Г.* Вербализация портрета монарха как вторичная семиотизация института власти [Текст] / Л.Г. Викулова, Е.Г. Васильева // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 66.
7. *Вовк О.В.* Энциклопедия знаков и символов [Текст] / О.В. Вовк. – М.: Вече, 2006. – С. 5.
8. *Жуковская Д.* Общественно-политический журнал «Историк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historicus.ru/713/>.
9. *Канторович Э.* Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии: Перевод с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной [Текст] / Э. Канторов. – 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 121.

10. Королевская монета, Людовик XIII. Десять луидоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wdl.org/ru/item/599/>.

11. *Ломоносов М.* Российская грамматика. – СПб.: Императорская академия наук, 1788. – С. 6–7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.gnpbu.ru/text/lomonosov_rossiyskaya-grammatika_1788/go,0;fs,1/.

12. *Маркова Е.И.* Лингвистические особенности французского рукописного текста XV века «Трактат о сохранении здоровья» (СПб., РНБ, Fr.Q.v.VI.1) [Текст]: дис. канд. филол. наук: 10.02.05 / Е. И. Маркова. – 2009. – С. 69.

13. Монархи на золотых монетах средневековой Франции [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://royalcoins.ru/numismatic-gold_monarchs.html.

14. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья [Текст]: Перевод с фр. Е. Решетниковой/ М. Пастуро. – СПб.: «Александрия», 2017. – С. 108.

15. *Санников С.В.* Семиозис власти в семантическом типе культуры: методологические пролегомены [Текст] / С.В. Санников. // СХОЛН(СХОЛЭ). Философское антиковедение и классическая традиция. – Т. 8. – Вып. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосибирский национальный исследовательский университет, 2014. – С. 383.

16. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2017. – С. 119–120.

17. *Тульев В.* История денег [Текст] / В. Тульев. – 2-е изд., пер. и доп. – М.: Эсмо, 2013. – 95 с.

18. Человек и его изображение в памятниках нумизматики от Античности до Нового времени. – СПб.: ООО «Типография „НП-Принт“», 2016. – С. 8–9.

19. *Blanchet F.* Quand sont apparues les premières effigies monétaires? [Electronic resource] / F. Blanchet // Monnaie magazine. – 2018. – № 11. – Access mode: <http://www.monnaie-magazine.com/questions-de-collectionneurs-quand-sont-apparues-les-premieres-effigies-monetaires/>.

20. *Brehon N.-J.* La monnaie a toujours été un enjeu de pouvoir. C'est la quatrième fois que la France en change. Une pièce de l'Histoire [Electronic resource] / N.-J. Brehon. – Libération. – 1 janvier 1999. – Access mode: https://www.liberation.fr/tribune/1999/01/01/la-monnaie-a-toujours-ete-un-enjeu-de-pouvoir-c-est-la-quatrieme-fois-que-la-france-en-change-une-pi_262667.

21. *Coativy Y.* La représentation du souverain sur les monnaies d'or en France du XIIIe au XVe siècle (royaume et principautés) [Text] / Y. Coativy. // Revue européenne des sciences sociales. – 2007. – XLV–137. – P. 31.

22. Décrypter et comprendre les monnaies royales françaises [Electronic resource] / Access mode: <http://www.sacra-moneta.com/Numismatique-francaise-des-origines-a-nos-jours/Decrypter-et-comprendre-les-monnaies-royales-francaises.htm>.

23. Dictionnaire culturel en langue française: En 4 t. T. 1. [Text] / Sous la direction d'A. Rey. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 2005. – 2290 p.

24. *Hoffmann H.* Les monnaies royales de France depuis Hugues Capet jusqu'à Louis XVI [Text] / H. Hoffmann. – Paris: Chez H. Hoffmann, 1878. – P. 151.

25. Les légendes des monnaies impériales romaines [Electronic resource] / Access mode: <http://www.sacra-moneta.com/numismatique-romaine/les-legendes-des-monnaies-imperiales-romaines.html>.

26. Monnaies françaises [Electronic resource] / Access mode: <https://gallica.bnf.fr/html/und/objets/monnaies-francaises>.

27. *Rodieux L.* Quels sont les caractères distinctifs de la langue grecque et en quoi consiste sa prééminence? – Dissertation présentée au concours pour la chaire de la littérature grecque, à Lausanne, en 1827. – Lausanne: Imprimerie de Hignou Aîné, M. DCCC. XXVII. – 80 p. [Electronic resource] / Access mode: <https://books.google.ru/books?id>.

Викулова Лариса Георгиевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры романской филологии Института иностранных
языков Московского городского педагогического университета

Серебренникова Евгения Федоровна,
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры романо-германской филологии ИФИЯМ
Иркутского государственного университета

Герасимова Светлана Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
и лингводидактики Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

ЭКСТЕНСИЯ КОНЦЕПТА *IDENTITÉ*: ОТ ПОНЯТИЯ К АКСИОЛОГЕМЕ

Vikulova Larissa G.,
Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Romance Philology
Department, Modern Languages Institute, Moscow City University (MCU)

Serebrennikova Evgenia F.,
Doctor of Philology, Full Professor,
Professor of the Romance and Germanic Philology Department,
Institute of Philology, Media Communications and Foreign Languages,
Irkutsk State University

Gerasimova Svetlana A.,
PhD in Philological Sciences,
Associate Professor of the French Language and Didactics Department,
Modern Languages Institute, Moscow City University (MCU)

IDENTITE CONCEPT EXTENSION: FROM A NOTION TO AXIOLOGEME

Аннотация: концепт *identité* рассматривается как один из ключевых в междисциплинарной исследовательской связке «человек-язык-общество». На материале французского языка выделяются основные взаимодополняющие зоны его порождения и осмысления, способы объективации и факторы его экстенсии в современном дискурсе. Множественность аспектов феномена идентичности в современном дискурсе убедительно подтверждается данными синхронного среза

структур идентичности. Модализация различных аспектов данного феномена на основе выделения и противопоставления, природа контекстов порождения дискурсов об идентичности позволяют считать их дискурсивными аксиологемами – носителями особо значимых, ценностных социальных смыслов. Доказывается, что концепт *identité*, репрезентирующий один из ключевых феноменов реальности человека и общества, проявляет тенденцию к множественности и интенсивности своего проявления в современном мире и является тем фокусом, в котором формируются социальные смыслы общего интереса и стратегии ценностно ориентированного реагирования и деятельности.

Abstract: the concept of *identité* is considered as one of the key concepts in the interdisciplinary research bond “person-language-society”. The material of the French language highlights the main complementary areas of its generation and comprehension, methods of objectification and the factors of its extension in modern discourse. The multiplicity of aspects of the identity phenomenon in modern discourse is convincingly confirmed by the data of a synchronous slice of identity structures. The modalization of various aspects of this phenomenon on the basis of isolation and opposition, the nature of the contexts of the discourses about identity generation, allow us to consider them as discursive axiologies – carriers of especially significant, valuable social meanings. It is proved that the concept *identité*, representing one of the key phenomena of the man and society reality, shows a tendency towards multiplicity and intensity of its manifestation in the modern world and is the focus in which social senses of common interest and strategies of value-oriented response and activity are formed.

Ключевые слова: идентичность, конструирование идентичности, аксиологема, дискурс об идентичности, мы-дискурс, множественность идентичностей, социальная идентичность, национальная идентичность.

Keywords: identity, identity construction, axiologeme, identity discourse, we-are discourse, plurality of identities, social identity, national identity.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.01.11 *Современное состояние и перспективы развития языкознания*

Сегодня не вызывает сомнения необходимость интегрирования междисциплинарного знания в исследовании ключевых феноменов в связке «человек-язык-общество». Феномен идентичности относится к числу такого ряда ключевых феноменов: «L'individu, ses actions et ses représentations sont devenus le centre des interrogations scientifiques et sociales. Or, *la construction identitaire* s'avère le prisme

psychologique qui détermine une part notable des stratégies et des croyances de l'homme dans le monde contemporain. L'identité au sens large renvoie à une interaction, une dialectique entre l'individuel et le social» [14]. Как многогранное понятие идентичность включает в себя множество различных аспектов, в том числе психологический, культурологический, социальный и этнический.

Поскольку человек социален по природе и ощущает свои связи с обществом, нация, страна и государство всегда выступали для него общностью, в которой эти связи замыкались. Существуют как личная и социальная идентичность, так и множественная идентичность: территориальная, национальная, культурная и религиозная [1]. О возрастающей множественности аспектов феномена идентичности и его распространении в современном дискурсе убедительно свидетельствуют данные синхронного среза используемых определительных структур идентичности. По данным на январь 2019 г. во французском домене Интернета речь идет об *identité individuelle, personnelle, culturelle, nationale, sociale, professionnelle, légale, religieuse, familiale, idéologique, politique, numérique; de la région, de l'Université, de la société etc.* Наряду со структурами, номинирующими концепт, частотны высказывания, апеллирующие к нему посредством местоимения *nous*: *nous, les Français; nous autres, Français; entre nous, les Français; nous voulons rester Français...* Модализация данного типа диагностических высказываний на основе выделения и противопоставления, а также природа контекстов порождения дискурсов об идентичности позволяют считать их дискурсивными аксиологемами – носителями особо значимых, ценностных социальных смыслов, отражающих процессы соединения, присоединения, солидаризации в оппозиции с отделением и отчуждением.

Анализ дискурса об идентичности выявляет три условно выделяемых, но взаимодополняющих референциальных зоны концептуализации идентичности. Это, прежде всего, первичная зона *Я* – онтологическая зона порождения и переживания самого феномена идентичности как самости, отражающей психологическую когнитивно-коммуникативную реальность индивида в его личностном субъектном становлении по отношению к Другому и Миру (жизненному миру человека) в процессах самоидентификации, возмож-

ностях или ограничениях на отождествление с Другим и, как следствие, самопознании, ощущении присоединения, сопричастности, эмпатии – способности понимания состояния Другого, солидаризации с ним, единомыслия либо, напротив, отчуждения и неприятия.

Данное сущностное состояние человека отличается эгоцентричностью, порождающей интерпретативное видение мира в ценностной поляризации *Я-Мы /Они* и конструировании соответствующих референтных групп самоидентификации; а также субъектностью, определяющей мотивационный, волевой и действенный способ проявления сущности человеческого существа. Субъектность определяет стратегии валоризации самости, самоутверждения вплоть до искушения самоутверждения на фоне и за счет других в конкурентной среде, а также стратегии продвижения субъектного видения ситуаций жизненного мира.

Концептуальный перехват данной ощущаемой реальности в наивной картине мира может быть прослежен в концептуальном анализе знака *identité* путем его этносемиотрии.

Согласно Историческому словарю, во французском языке прослеживается следующая деривационная цепочка, уходящая к периоду поздней латыни: *identité* (с начала XIV в.) < заимствование от лат. *identitas qualité de ce qui est le même* < *idem = la même chose* [11], то есть семантической основой концепта, его внутренней формой предстает понятие, стоящее за местоимением *idem* «та же самая вещь, то же самое», обозначающее качество схожести, постоянства в изменениях и, в этой постоянности, обретение единичности и целостности – подлинности, равенства самому себе, тождественности, аутентичности, как это выражается, например, у Вольтера: *C'est la mémoire qui fait votre identité; si vous avez perdu la mémoire, comment serez-vous le même homme?* [12].

В толковании словаря Литтре уточняется, что *l'identité c'est la qualité qui fait qu'une chose est la même qu'une autre, que deux ou plusieurs choses ne sont qu'une* [12] Это определение высвечивает процессуальный характер понятия, видение феномена в его постоянной динамике ментального процесса специфического сравнения / сопоставления / сличения, в результате которого и проявляется качество либо положительно: то же самое, либо отрицательно – другое, не то же самое, иное.

При этом важно, что данные психологически обусловленные ментальные процессы, тесно связаны со способностью и интенциональностью человека к агентивности и субъектности, которая проявляется в коммуникативно-когнитивной деятельности человека и определяет социальный характер и собственно речевой, дискурсивный способ самоидентификации индивида по отношению к миру и другим в мире. Переосмысление категории субъекта в современном гуманитарном знании состоит в отказе от её определения как априорной категории и в трактовке её как постоянно претерпевающей изменения самоидентификации человека [9; 3], проявляющейся и формирующейся, прежде всего, в создаваемом человеком тексте. Так, Ж. Деррида утверждает, что «при любом понимании субъекта можно сказать, что письмо как нечто отличное от субъекта одновременно и создаёт его» [4]. Лингвокогнитивное моделирование глубинной, связанной с мыслящим сознанием, категории субъектности говорящего ориентирует изучение речи, дискурса не как источника информации об объекте, но как порождаемого здесь и сейчас видения положения дел в мире, исходного от *Я* (*Cogito*) говорящего, проявления динамики идентификационных процессов как интерпретации, оценивания, модализации.

Категорию субъектности следует трактовать как активную сущность – мыслящее сознание, обладающее качествами целостности и автономности, но не самодостаточности, а становления, формирования, трансформаций в процессах идентификации по отношению к себе, миру и Другим в мире. В связи с этим под *субъектностью* понимаются формы и модальности конструирования в высказывании отношения к себе и другим, посредством которых индивид конституирует и признаёт себя в качестве субъекта в дискурсе [9].

В этом плане, с точки зрения реальности переживания и проявления феномена идентичности в связи с субъектностью, экстенсия концептуальной области идентичности, в том числе во французском обществе и культуре, может быть объяснена по связи с современными процессами усиления субъектности человека и интенсивными изменениями в условиях его жизненного мира, реальными глубокими трансформациями в культуре и обществе,

в том числе изменением самого момента культуры, определяемого как «пост-модерн», характером общества как информационного, общества спектакля и самопрезентации в социальной коммуникации, нарастанием глобализационных, миграционных, кризисных процессов [5; 13].

Референциальной зоной, зоной собственно объективации идентичности и конструирования идентификационных процессов является семиотическая дискурсивная практика. В рамках данной статьи отметим некоторые основные способы реализации *дискурса об идентификации*.

В социологии установлено, что члены группы (шире – языкового этнокультурного национального сообщества) разделяют общие интересы, привязанности, чувство гордости, которые они идентифицируют с символами, прежде всего языковым кодом, институциональной, в том числе государственной, народной или корпоративной символикой и именами собственными [13], выполняющими функцию объединения, валоризирующего выделения данного сообщества, совмещенную часто с девалоризацией конкурентных групп. Красноречивым в этом плане является пример спонтанного коллективного исполнения национального гимна Марсельезы пришедшими на матч французскими болельщиками на Stade de France в момент и под угрозой террористического акта в Париже в 2017 г.

В плане постоянного развития семиотического континуума идентификационной символизации следует отметить, прежде всего, традицию автореферентной этнокультурной самоидентификации, которая находит выражение в этнонимах (*Français, France*), паремиологии, в том числе афоризмах (*esprit français, ce qui n'est pas léger n'est pas français; Sauver Paris c'est plus que sauver la France c'est sauver le monde* (V. Hugo); *La France c'est l'Auvergne avec quelque chose autour* (proverbe Auvergnat); *La France c'est le français quand il est bien écrit* (Napoléon Bonaparte).

Данная традиция обогащается современными формулами социальной критической направленности (*La droite a gagné les élections. La gauche a gagné les élections. Quand est-ce que ce sera la France qui gagnera les élections?* (Coluche); *La France est un pays extrêmement fertile: on y plante des fonctionnaires et il y pousse*

des impôts (G. Clemenceau) [10]; ценностными суждениями всё новых поколений о родной стране и родных корнях [2]; новыми способами визуальной символизации группы *Nous*, как это мы видим в движении *Gilets jaunes* в наши дни.

С точки зрения контекстов порождения дискурса социальной, культурной, национальной идентичности вопрос порождения такого дискурса состоит скорее не в существовании чувства принадлежности к *nous* в противоположность к *eux*, а в том, как и почему среди латентных возможностей проявления идентичности человека некоторые из них приобретают яркую видимость, манифестацию в публичном пространстве. Такими факторами и контекстами, интенсифицирующими проявление идентичности, следует считать политический фактор и политические контексты антагонистического характера, в том числе в ситуации войны, терроризма, массовой иммиграции, массовых преступных действий, явной социальной несправедливости. Этому способствуют проявление национализма, расизма, ксенофобии, порождающие дискурс ненависти с одной стороны, и дискурс эмпатии и солидаризации с другой, примером чему является высказывание Мы-дискурса *Je suis Charles Hebdo* как формула не только солидарности с жертвами террористов и сочувствия к ним, но и формула идентификационного объединения французов на основе разделяемых ценностей. Тем не менее, сегодня Франция находится в состоянии кризиса идентичности из-за боязни потерять свою национальную культуру, обычаи и ценности. События 2015 г. в редакции еженедельника «Шарли Эбдо» показали, что французы не до конца соотносят основные элементы идентичности и пути её адаптации к новым реалиям жизни. Премьер-министр Мануэль Вальс прямо признавал, что в стране имеет место «территориальный, социальный и этнический апартеид» [8].

Именно в координатах данных контекстов социальная идентичность, включающая в себя многие другие ипостаси самоидентификации личности, имеет тенденцию к перерастанию в политическую и идеологическую самоидентификацию, используемую часто в манипулятивных целях политическими и информационными центрами силы. Политическая история Франции может рас-

смагиваться с этой точки зрения, как отмечают исследователи [13], через призму формирования последовательности с классовых идентичностей (*identité de classe*): *un nous Monarchiste – un nous Républicain; un nous de gauche – un nous de droite, un nous ouvrier – un nous patronal, un nous protestataire – un nous conservateur* времён событий 1968 года, маркированного лозунгом *Inerdit d'interdire*. В дискурсе политиков делается попытка заменить данную *identité de classe* на *identité nationale*, как это видно на примере предвыборной президентской кампании Н. Саркози, организованной вокруг концепта *identité nationale*. Уже будучи президентом Французской республики, в 2009 г. Николя Саркози на дебатах, посвященных проблеме национальной идентичности, говорил, что Франция – это страна, требующая, в первую очередь, уважения к себе. По меткому выражению политика: «Стать французом, это значит почитать ценности и обычаи этого народа!» [15]. Его решение, уже в статусе Президента, переименовать Министерство, занимающееся делами предоставления французского гражданства иммигрантам, в *Ministère de l'Identité nationale*, подверглось острой критике в обществе.

В настоящее время оптимальным ресурсом для валоризации идентификационных процессов, идентичности во всей множественности её аспектов, является медийное пространство, прежде всего коммуникативное интернет-пространство. Заданные технологически и коммуникационно характеристики свободы существования и функционирования языковой личности, анонимности, а-физичности, коммуникативного равенства, единичности и единственности в позиции первого лица, немедленности, скорости распространения, неопределенной множественности адресации, создают условия не только для свободного выражения субъектности цифровой личности, но и для формирования социальных смыслов: конструирования Мы-дискурса в его аксиологической и действенной противопоставленности «Вы/они дискурса» [7], реализации PR-дискурса с различными прагматическими целями.

Еще одной значимой зоной концептуализации идентичности является интеллектуальная академическая зона теоретической рефлексии о феномене идентичности, которая берёт начало

от средневековой метафизики, философской доктрины. В настоящее время включает в себя социальную психологию, философию, социологию, семиотику, лингвистику, в том числе лингвистическое моделирование в виде анализа дискурса, культурологию, политологию. Именно в данной сфере происходит многостороннее мета-описание и раскрытие сущности идентичности, вырабатывается категориальный аппарат, раскрываются закономерности формирования и проявления конструирования идентичности как сложного противоречивого феномена. Обзор современных теорий идентичности представлен, в частности, в статье Е.Н. Молодыхенко [6]. Отмечая «Я-концепцию» как онтологическую основу идентичности, исследователи подчеркивают социальный характер идентичности и «вечное возвращение к национальной идентичности» как сквозную линию в культуре [13]. Составной частью данной зоны следует считать прикладную сферу деятельности, в которой понятие идентичности является операциональным термином, – сфера юриспруденции и медицины.

Таким образом, наш анализ позволяет утверждать, что концепт *identité*, репрезентирующий один из ключевых феноменов реальности человека и общества, проявляет тенденцию к множественности и интенсивности своего проявления в современном мире и является тем фокусом, в котором формируются социальные смыслы общего интереса и стратегии ценностно ориентированного реагирования и деятельности. Дальнейшая разработка данного исследовательского поля открывает возможность, в частности, изучения и понимания ценностных оснований такого проекта социального развития, как формирование солидарного общества.

Источники и литература

1. Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). – Волгоград-Элиста: Калм. ин-т социал.-экон. и правовых исследований, 2006. – 279 с.

2. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Элементы французской национальной аксиосферы по данным ценностных суждений о родной стране // Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 417–428.

3. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автомонова. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
5. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалёва. – М.: КАНОН-пресс, Кучково Поле, 2000. – 304 с.
6. Молодыченко Е.Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 121–128.
7. Попова Д.А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.А. Попова. – Улан-Удэ, 2017. – 23 с.
8. Скулкин А. Кризис национальной идентичности во Франции [Электронный ресурс]. – URL: <http://thewallmagazine.ru/france-s-crisis-of-national-identity/>.
9. Фуко М. Археология знаний / пер. с фр. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
10. Citations françaises [Электронный ресурс]. – URL: <http://citation-celebre.leparisien.fr/citations/39665>.
11. *Le Robert*. Dictionnaire historique de la langue française. Tome 2. – Paris: Dictionnaires Le Robert. – 1774 p.
12. *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. – Paris: Gallimard Hachette, 1962.
13. *Noiriel G.* A quoi sert l'identité nationale? – Marseille: Agone, 2007. – 275 p.
14. *Rub Y.* Psychologie sociale. Identité. – URL: <mailto:histoire@yrub.com>.
15. Vie publique. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur l'identité nationale. – URL: <http://discours.viepublique.fr/notices/097003251.html>.

Гедгафова Наталья Аслановна,
соискатель кафедры романской филологии,
Московский городской педагогический университет (Москва)

АДРЕСАНТ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЖУРНАЛЕ ПУТЕШЕСТВИЙ

Gedgafova Natalia A.,
Research-student, the Romance Philology Department, Institute of Foreign
Languages, Moscow City Pedagogical University (Moscow)

THE ADDRESSER OF POPULAR SCIENCE TRAVEL MAGAZINE

Аннотация: в статье рассматривается модель адресанта в рамках такого медийного института, как Национальное географическое общество. Доказывается, что в научно-популярном журнале путешествий присутствует дискурсивное сообщество. Выделяются шесть признаков, характерные для такого дискурсивного сообщества: широкий спектр социальных целей, наличие механизмов взаимной коммуникации, средства передачи информации, наличие типичных жанров, специальная терминология, дискурсивная компетенция участников дискурса. Материалом исследования послужили тексты научно-популярного журнала National Geographic Traveller (UK).

Abstract: the article deals with the model of the addresser in the framework of such media Institute as the National Geographic Society. It is proved that the popular science travel magazine has a discursive community. There are six features typical for such discursive community: a wide range of social goals, the presence of mutual communication mechanisms, means of information transmission, the presence of typical genres, special terminology, discourse participants competence. The research is based on the texts from the popular science magazine National Geographic Traveller (UK).

Ключевые слова: медийный дискурс, научно-популярный журнал, предметная сфера путешествия, адресант, дискурсивное сообщество.

Keywords: media discourse, popular science travel magazine, subject matter travel, addresser, discursive community.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.00 *Общее языкознание*

Процесс общения в медийном дискурсе носит дистанционный характер и идет опосредованно от автора/авторов текстов. Медий-

ный дискурс научно-популярного журнала *National Geographic Traveller (UK)*, рассматривается нами как институциональный, так как в своей тематической основе он опирается на фактор институциональной общности и является устойчивой системой статусно-ролевых отношений, сложившихся в коммуникативном пространстве института Национального географического общества [5]. Все сказанное выше говорит о коллегиальности, которой принадлежит важная роль при формировании медийного дискурса и достижении цели воздействия на читателей. Создание журнала осуществляется коллективно в процессе взаимодействия всех членов издательского коллектива. Главная цель авторского коллектива журнала *National Geographic Traveller (UK)* заключается в расширении и распространении географических знаний в области путешествий [1].

Направляет работу журнала *National Geographic Traveller (UK)* редколлегия из 11 человек, среди которых основными являются следующие сотрудники: *Editorial Director* (редакционный директор), *Editor* (главный редактор), *Photography Editor* (редактор фотографий).

Редакционным директором *National Geographic Traveler (UK)* является *Maria Pieri – a specialist travel and lifestyle content media provider* (специалист в области путешествий и консультант по вопросам образа жизни). Главный редактор *National Geographic Traveller (UK)* – *Pat Riddel*. Каждый номер открывает его колонка, которая представляет обзор статьи, иллюстрация которой дана на обложке журнала.

Для журнала важны социальный статус автора(ов), их компетентность и уровень знаний в конкретной сфере деятельности (путешествие). Авторский коллектив журнала *National Geographic Traveller (UK)* в статье рассматривается как основная часть дискурсивного сообщества – сообщества профессионалов, использующих определенные языковые практики в определенных ситуациях – профессиональные журналисты, писатели, географы, путешественники. Дискурсивное сообщество включает не только тех, кто продуцирует сообщение, но и тех, кто участвует в его подготовке и распространении [4].

Ведущими авторами журнала *National Geographic Traveler (UK)* являются по большей части известные, признанные в своей

профессиональной среде, журналисты и писатели-путешественники. Так, на страницах журнала публикуется *Zane Henry – author at The South Africa* (писатель из Южной Африки, редактор проектов в *National Geographic Traveller UK*); *Aaron Millar – an award-winning travel writer, photographer, presenter and journalist* (титулованный писатель, путешественник, фотограф и журналист); *Emma Gregg – travel writer, editor and photojournalist* (писательница, путешественница, редактор и фотожурналист).

Как видим, в написании статей принимают участие компетентные люди, социальный статус которых указывает на их авторитетность и дает читателям понять, что авторы являются профессионалами своего дела. Отправитель сообщения (адресант) является инициатором коммуникативного процесса, который может быть представлен отдельным индивидом, группой людей, общественным институтом [2]. Полагаем, что роль адресанта в медийном дискурсе является определяющей в успешной коммуникации. Субъект речи (адресант) определяет типы речевого поведения, отношение к сообщаемому, цели и задачи сообщения, акценты при конструировании текста сообщения. При этом учитываются социологические особенности адресата, так как это является существенной точкой опоры в выборе тех или иных языковых средств при написании статей для журнала.

В журнале *National Geographic Traveller (UK)* фактически представлен институциональный полиадресант, формируемый коллегиальным органом – издательством, поскольку целый коллектив специалистов готовит журнал к изданию и распространению, отвечает за качество его исполнения и информационное наполнение [Герасимова 2015: 86]. Важным представляется обратиться к рассмотрению проблемы коллегиального адресанта, опираясь на понятие дискурсивного сообщества (англ. *discourse community*, фр. *communauté discursive*), которое получило обоснование в работах ряда зарубежных ученых, в частности, Дж. Суэйлз [8].

В своей работе «Анализ жанра» («Genre Analysis») ученый связывает жанр с дискурсивной практикой, принятой в обществе и зависящей от заранее оговоренных и установленных целей и социальных механизмов, его регулирующих. Эти механизмы определяют коммуникативные цели жанра, которые в свою очередь

обуславливают его структуру, стиль и содержание. Ученый выделяет шесть признаков, характерных для такого дискурсивного сообщества: широкий спектр социальных целей, наличие механизмов взаимной коммуникации, средства передачи информации, наличие типичных жанров, специальная терминология, дискурсивная компетенция участников дискурса [8].

1. Наличие общих целей. Поддержание интереса к ключевому концепту – путешествию и всем сопутствующим аспектам. *HOW WILL WE BE TRAVELLING IN 2040? WILL WE HAVE SWAPPED THE ALPS FOR OUTER SPACE AND HOTEL STAFF FOR CYBORGS? OR MIGHT WE SIMPLY BE ON THE WAY TO GREENER, MORE EFFICIENT, MORE MINDFUL TRAVEL? WE ASKED THE EXPERTS WHAT TO EXPECT* (Как мы будем путешествовать в 2040 году? Поменяем ли мы Альпы на космос и персонал отеля на киборгов? Или мы просто на пути к более экологичному, более эффективному, более осознанному путешествию? Мы спросили экспертов, чего ожидать) [7].

2. Коммуникативное взаимодействие друг с другом. Преимущественно – поощрение познавательных интенций адресата, обратная связь. *Welcome to the paradise islands of the Philippines – a country of warm smiles and beautiful landscapes, where every isle has its own tale to tell* (Добро пожаловать на райские Филиппинские острова – страну теплых улыбок и красивых пейзажей, где у каждого острова есть своя история) [8].

3. Стимулирование взаимодействия, активной коммуникации. Продвижение журнала в социальных сетях, контекстная реклама. *Sign up to the 'Paint Like Van Gogh' experience at the Pulitzer Hotel, Amsterdam, for unlimited access to the Van Gogh Museum and the chance to channel your inner Vincent with lessons from an artist. pulitzeramsterdam.com* (Подпишитесь на «Рисуй как Ван Гог» в отеле Пулитцер, Амстердам, чтобы получить неограниченный доступ к музею Ван Гога и возможность реализовать свой скрытый талант художника на мастер-классах по рисованию. pulitzeramsterdam.com) [9].

4. В целях реализации определенных коммуникативных целей – использование одного или нескольких соответствующих жанров. В рамках сферы путешествия традиционно ограничиваемся

дискурсивным жанром с идентичным названием, а вот коммуникативные цели весьма вариативны: убеждение, привлечение внимания, пояснение. *The Hotel Forsthofgut is located within an hour of Salzburg Airport and directly on the slopes. Every day there are several direct flights from London to Salzburg. It's your central starting point to the famous Saalbach Hinterglemm Leogang Fieberbrunn ski area. Our in-house ski rental, ski school and ski pass service will help you to organise your entire holiday. Hotel Forsthofgut doesn't just attract fans of skiing: experience the idyllic natural scenery of Leogang or enjoy a relaxing time in Europe's first waldSPA – a forest spa with an exclusive adults-only area* (Отель Forsthofgut расположен в часе езды от аэропорта Заальбаха, прямо на склонах. Ежедневно осуществляется несколько прямых рейсов из Лондона в Заальбах. Это ваша центральная отправная точка к знаменитому горнолыжному курорту Заальбаха-Хинтерглемм-Леоганг. Прокат лыж, лыжная школа и лыжный абонемент помогут вам организовать весь ваш отдых. Отель Forsthofgut привлекает не только любителей лыжного спорта: насладитесь идиллическими природными пейзажами Леоганга или отдохните в первом в Европе спа-курорте – лесном спа-курорте с эксклюзивной зоной только для взрослых) [6].

5. Использование специфических лексических единиц в процессе общения коммуникантов. *Bartender-owner Mattias Hägglund mixes me a Quoit Club Punch, the oicial drink of a 19th-century Richmond social club, made from Jamaican rum, brandy, Rainwater Madeira, lemon and sugar.* (Бармен-владелец Mattias Hägglund смешивает мне Quoit Club Punch, официальный напиток Ричмондского клуба 19-го века, сделанный из ямайского рома, бренди, дождевой воды мадеры, лимона и сахара) [10].

6. Наличие прочных знаний в конкретной сфере коммуникации. Дискурс научно-популярного журнала путешествий не может быть ограничен знаниями исключительно географии. Широко обсуждаются также следующие темы: топография, навыки фотосъёмки, основы веб-дизайна, гостиничный и ресторанный сервис, покупки, развлечения и многие другие. *This year, the Grand Canyon will celebrate 100 years of national park status. At the iconic UNESCO World Heritage Site, visitors can tread the red rock of the Corridor Trails, stroll the canyon's rim or swim in the bright blue pools of*

Havasu Falls. There's also the 2019 Grand Canyon Star Party, in June, at which the Saguario Astronomy Club will set up a series of telescopes for a spot of stargazing. (В этом году Гранд-Каньон отметит 100-летие статуса национального парка. В знаковом месте Всемирного наследия ЮНЕСКО гости могут пройти по Красной скале коридора, прогуляться по краю каньона или поплавать в ярко-синих бассейнах водопада Хавасу. В июне 2019 года состоится вечеринка Grand Canyon Star Party, на которой астрономический клуб Сагуаро создаст серию телескопов для наблюдения за звездами) [11].

Таким образом, в результате анализа теоретического и эмпирического материала, считаем, что в качестве адресанта журнала *National Geographic Traveler (UK)* выступает группа специалистов, включающая профессиональных журналистов, известных путешественников, титулованных писателей, графических дизайнеров, фотографов и фотожурналистов. Участники такого дискурсивного сообщества объединяются исходя из общности стоящих перед ними коммуникативных целей, а также единства терминологии, уровня компетентности, знаний особенностей жанровой организации информации и механизмов ее обмена. Адресант обладает энциклопедической доминацией, то есть большим количеством информации, чем адресат, он профессионален, дидактичен, нередко выступает в качестве эксперта и создает особые условия коммуникации.

Источники и литература

1. *Викулова Л.Г.* Медийное коммуникативное пространство: научно-популярный журнал предметной сферы «Путешествие» / Л.Г. Викулова, Н.А. Гедгафова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 46. DOI: 10.14529/ling180108.
2. *Викулова Л.Г.* Основы теории коммуникации: практикум [Текст] / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ Москва: Восток-Запад, 2008. – С. 42.
3. *Герасимова С.А.* Учебно-дидактический текст в педагогической коммуникации: лингвопрагматический аспект [Текст] / С.А. Герасимова. – М.: МГПУ, 2015. – С. 86.
4. *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия: колл. монография / Отв. ред. Сулейманова О.А.* – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 320 с.

5. *Силантьев И.В.* Газета и роман: риторика дискурсных смешений [Текст] / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 28.
6. National Geographic Traveller (UK) // National Geographic. – December 2018. – P. 27.
7. National Geographic Traveller (UK) // National Geographic. – January-February 2019. – P. 186.
8. National Geographic Traveller (UK) // National Geographic. – January-February 2019. – P. 169.
9. National Geographic Traveller (UK) // National Geographic. – January-February 2019. – P. 27.
10. National Geographic Traveller (UK) // National Geographic. – January-February 2019. – P. 69.
11. National Geographic Traveller (UK) // National Geographic. – January-February 2019. – P. 44.
12. *Swales J.M.* Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 24–27.

Дубровских Ксения Александровна,
аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики высшей школы
социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
С(А)ФУ им. М.В. Ломоносова

СВЯЗНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Dubrovskikh Ksenia A.,
Postgraduate Student, Department of Translation and Applied Linguistics,
Higher School of Social Sciences and Humanities and International
Communication, Northern Arctic Federal University
named after M.V. Lomonosov

CONNECTEDNESS AS CATEGORY OF TEXT AND DISCOURSE

Аннотация: текст и дискурс связаны друг с другом и представляют взаимосвязанные понятия. Категории текста хорошо изучены и могут быть использованы для изучения категорий дискурса. Категория связности обычно считается наиболее значимой для исследования текста и дискурса.

Abstract: text and discourse are connected to each other and represent related notions. Categories of text are well-studied and can be implemented to investigate categories of discourse. The category of connectedness is usually considered as the most significant one to research text and discourse.

Ключевые слова: текст, дискурс, когезия, когерентность, коммуникация, связность.

Keywords: text, discourse, cohesion, coherence, communication, connectedness.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.21.33 Лингвистика текста; 16.21.43 Синтаксис*

Дискурс и текст зачастую приравнивают друг к другу, что приводит к смешению и ошибочной интерпретации свойств и категорий данных явлений. Однако, правдиво ли убеждение, что текст и дискурс представляют одну и ту же сущность, номинированную разными способами? Достоверна ли точка зрения на то, что разграничение данных понятий излишне и не является необходимым? Могут ли категории, присущие одному понятию, быть применены для описания другого? Как, в частности, проявляется категория связности текста и дискурса?

В 1952 З. Харрис впервые ввел термин «дискурс» (от лат. *discoursus* – беседа, аргумент, разговор; франц. *discours* – речь) и определил его как «связный текст» [12]. Но, стоит отметить, что подходы к определению данного понятия варьировались от учебного к ученому.

В преддверии развития когнитивного знания дискурс рассматривался как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [4].

Д. Менгено считал, что дискурс представляет собой высказывание, которое рассматривается в своем интерактивном аспекте: способности влиять на другие высказывания и вовлеченности в ситуацию общения (субъект порождения, реципиент, момент и место говорения) [13].

По мнению Т. ван Дейка, дискурс следует рассматривать с двух точек зрения:

а) с широкой точки зрения, дискурс представляет собой коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия;

б) с узкой точки зрения, дискурс является завершенным или продолжающимся «продуктом» коммуникативного действия [1].

В ранних исследованиях понятие дискурса считалось эквивалентным понятию текста. Однако такая точка зрения не является достоверной, поскольку дискурс является элементом ментального уровня, тогда как текст представляет собой форму реализации коммуникативной деятельности.

Однако, с точки зрения когниции и коммуникации, дискурс рассматривается как явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, с другой стороны [3]. Текст представляет собой результат коммуникативно-когнитивной деятельности, а дискурс является процессом [11].

Опираясь на когнитивно-коммуникативный подход, М.Л. Макаров и В.Б. Кашкин поддерживают приведенную выше точку зрения на то, что дискурс является процессом, и выделяют три характеристики дискурсивной формации:

- а) построение сообщения;
- б) установление связи с последующими элементами сообщения;
- в) учет коммуникативной цели при построении элементов целостного сообщения [8].

Развертывание дискурсивного процесса происходит с учетом обязательной цели коммуникации, которая является доминирующей, и когнитивной цели, поскольку необходимо знать связи, незаменимые для построения адекватного коммуникативного сообщения. Он включает информацию о ситуации и теме общения, об участниках общения и о процессах интерпретации [10].

То есть, если дискурс рассматривается как процесс коммуникативной деятельности, то текст представляет собой итог речемыслительной деятельности его создателя, воплощающего особый замысел в его направленности на определенного слушателя/читателя [5].

Мы согласны с заявлением, что понятия дискурса и текста связаны причинно-следственной связью: дискурс является родовым понятием к понятию текста, так как он находится выше текстового уровня, рассматривается как процесс, противопоставленный продукту коммуникативной деятельности, обладающему завершенностью [5].

С появлением взгляда на дискурс как на явление не только коммуникативное, но и когнитивное, описание категорий текста стало представлять собой трудную задачу, так как границы понятия «текст» начали смещаться, что и усложняло непосредственное выделение его категорий [5].

Е.В. Чернявская считает, что текст не может изучаться изолированно от субъектов его порождения и восприятия, причем восприятие речи и исследуется в когнитивном ключе более активно, чем ее продуцирование [11].

Однако, с позиций когнитивной лингвистики определение понятий текста может быть осуществимо, поскольку в основе понятия заложена идея, закрепленная в сознании в виде концепта, позволяющего расширять и сужать пределы понятия для анализа и интерпретации.

Следовательно, рассматриваемые нами понятия дискурса и текста находятся в гипо-гиперонимических отношениях: дискурс, с точки зрения семантики, представляется как более широкое понятие, включающее в себя понятие «текст». То есть текст, в данном представлении, изучается как коммуникативный продукт, возникший в результате формирования дискурса. Можно было бы сказать, что текст – статичен, тогда как дискурс характеризуется динамизмом. Текст линеен и конечен в отличие от процесса, находящегося в постоянном развитии. Однако, любой текст рассчитан на перцепцию со стороны реципиента, поэтому и имеет тенденцию к динамизму.

Данный факт позволяет нам сделать вывод, что несмотря на некое различие свойств и характеристик этих соотносимых и «родственных» понятий, категории, которыми они оба обладают, также является соотносимыми и применимыми для изучения каждого из понятий отдельно. Характеристики более широкого понятия будет целесообразно применять для анализа более узкого понятия и наоборот с когнитивной точки зрения (наличия концепта, репрезентирующего образ).

Пионером отечественной лингвистики в вопросе о категории текста стал И.Р. Гальперин. Он первым рассмотрел понятие «категории текста», определил его и выделил основные категории текста.

В качестве основополагающей рассматривалась категория связности или когезия (от англ. *cohesion* – сцепление). Так И.Р. Гальперин определил когезию как особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и прочего [2].

Другие отечественные ученые-лингвисты оперируют категориями цельности и связности текста. Цельность понимается как внутренняя смысловая организация текста (высказывания), не обязательно эксплицируемая в языковых категориях, но всегда осознаваемая при восприятии текста, в то время как аппарат лингвистики пригоден для характеристики именно связности [7].

И.Р. Гальперин заявляет, что связи в тексте просматриваются как линейно, то есть члены логической цепочки следуют непосредственно друг за другом, так и нелинейно, то есть «связанные по смыслу элементы могут находиться на не последовательных позициях; однако, когезия присуща лишь тексту, так как может повлечь изменение смыслов, выраженных в предложениях» [2].

Между тем, по мнению ученого, категория когезии является пресупозиционной формой, так как относит читателя к тому, что было сказано ранее. Это аспект текстовой связности на уровне структурной организации текста (грамматико-синтаксическая взаимосвязь элементов текста, отражающая грамматически ориентированную модель текста) [10]. Данное положение приблизило науку к современному пониманию дискурса.

И.Р. Гальперин не унифицирует категорию связности и рассматривает проявление данной категории в текстах разной коммуникативной направленности. А когерентность, как аспект семантико-когнитивной связности текста, организует текст любой коммуникативной направленности посредством дистинктивных свойств: логически, ассоциативно, образно, стилистически, ритмикообразующе [2].

Так, например, в художественных текстах связность организуется через ассоциации и образы, тогда как тексты научной направленности организуются логически.

В.И. Карасик в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» различает категории текста и категории дискурса, основываясь на анализе коммуникативных компонентов, и, основываясь

ясь на семи признаках текстуальности, также выделяет следующие категории дискурса:

- 1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста;
- 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи;
- 3) содержательные (семантико-прагматические), раскрывающие смысл текста;
- 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста.

При таком подходе когезия и когерентность, как связность на уровне структуры и значения соответственно, выступают в качестве уточнения категорий информативности и целостности текста [3].

К.Н. Никулина, опираясь на структурный подход к изучению понятия «текст», заявляет, что когезия локальна и характеризует отношения между пропозициями, а когерентность вытекает из единства содержательно концептуальной информации текста [9].

Из анализа данных подходов следует, что связность текста рассматривают как на уровне формы текста, используя для интерпретации языковые средства, так и на уровне его содержания, опираясь на ментальные координаты. Представляется плодотворным исследование вертикального контекста как типа дискурса в процессе его формирования от концептуальной схемы, воплощающей замысел адресата, к языковой репрезентации смысла [6].

Категория связности дискурса и текста должна изучаться с двух позиций: с точки зрения связности формы (когезия) и с точки зрения связности содержания (когерентность). Однако, поскольку дискурс является ментальным процессом коммуникативной деятельности, то судить о реализации его категорий мы способны лишь через продукты ее реализации, то есть через текст.

Таким образом, дискурс и текст представляют собой понятия, находящиеся в гипо-гиперонимических отношениях: дискурс является процессом коммуникативной деятельности, продуктом же реализации такой деятельности и является текст. Так как дискурс и текст являются «родственными» понятиями, то категории текста, уже хорошо изученные и описанные учеными-лингвистами, могут быть применены для описания дискурса. Судить о проявлениях категорий на дискурсивном уровне мы способны через реальный коммуникативный

результат (но не только через текст). Категория связности текста, рассматриваемая с двух сторон: с позиций когезии (формальной связности) и с позиций когерентности (семантической связности), также является применимой для исследования категорий дискурса.

Литература

1. *Ван Дейк Т.* К определению дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/24/912/2> (дата обращения: 10.02.2019). – Загл. с экрана.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 329 с.
4. *Кашкин В.Б.* Дискурс: методическое пособие. – Воронеж: Лаборатория оперативной полиграфии ВГУ, 2004. – 76 с.
5. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81.
6. *Кузнецова Т.Я.* Перевод с позиций вертикального контекста: монография. – Архангельск: КИРА, 2018. – 168 с.
7. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. 287 с.
8. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса: монография. – М.: «Гнозис», 2003. – 280 с.
9. *Никулина К.Н.* Лингвистические исследования текста: традиции и современность // Лексикология и стилистика. Современные тенденции развития: Сб. науч. тр. к 70-летию В.С. Вашунина и В.А. Портянникова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. – С. 184–192.
10. *Рыжова Л.П.* Лингвистика дискурса: французская школа // Человек. Язык. Время: Материалы XVII конференции Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с международным участием (Москва 16–18 сентября 2015 г.) – М.: МГПУ; Языки народов мира; ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 310–314.
11. *Чернявская Е.В.* Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстуальности // Общее и германское языкознание: К пятидесятилетию научной деятельности профессора Владимира Михайловича Павлова / Отв. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 303–314.
12. *Harris Z.* Discourse analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74023340> (дата обращения: 10.02.2019). – Загл. с экрана.
13. *Maingueneau D.* Les termes clés de l'analyse du discours: édition revue et augmentée. – Paris: Seuil, 2009. – 143 с.

Короленко Ольга Игоревна,
кандидат филологических наук,
главный библиотекарь отдела обслуживания
в Институте иностранных языков
Московского городского педагогического университета

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В XVII ВЕКЕ:
ТРУДНАЯ СУДЬБА СЛОВАРЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ**

Korolenko Olga I.,
PhD in Philological Sciences,
Chief Librarian of the Fundamental Library
of Moscow City University

**LEXICOGRAPHICAL WORK IN THE XVII CENTURY:
DIFFICULT DESTINY OF THE FRENCH
ACADEMY DICTIONARY**

Аннотация: данная статья посвящена проблеме создания Словаря Французской Академии. Решая задачу нормирования языкового употребления в XVII веке, составители приводили в порядок лексическую систему, касаясь при этом других уровней языка. Доказывается, что в процессе работы над Словарем Французская Академия создала законы жанра нормативного толкового словаря.

Abstract: this article is devoted to the problem of creating a dictionary of the French Academy. Solving the problem of rationing of the language use in the XVII century, the compilers put the lexical system in order, referring to other levels of the language. The article proves that while working on the Dictionary, the French Academy representatives created the laws of the genre of the normative explanatory dictionary.

Ключевые слова: Французская Академия, Словарь Французской Академии, лексикографическая работа, XVII век, нормирование языка, экземплификация.

Keywords: the French Academy, the French Academy Dictionary, the lexicographical work, the XVII century, the standardization of the language, exemplification.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематические направления публикации: 16.01.09 *История языкознания*

Обращение к лексикографическому жанру с целью упорядочения языка признают выдающимся и дальновидным решением первых европейских академических сообществ [8].

Европейские научные сообщества XVI–XVIII вв. организовывались с целью установить общеупотребительные нормы в национальных языках, которые пришли на смену латинскому языку практически во всех сферах жизни. По причине литературной неформальности национальных языков европейские ученые стойко придерживались традиции и писали свои сочинения на латинском языке, что препятствовало распространению знания и тормозило развитие самой науки, ограниченной кругом людей, знающих латынь. Таким образом, лингвистическое знание оценивалось как наименее изученное, требовалась жесткая языковая политика по изменению статуса национального языка в рамках абсолютной монархии, что могло бы стать объединяющим фактором в обществе [4]. Закономерна постановка задачи королевской властью перед Французской Академией создать словарь, который бы соответствовал запросам времени. Языковая политика направлена на нормализацию и кодификацию языка [11].

Несмотря на то, что Французская Академия раньше других начала работу над словарем, получив монополию от государства на подобного рода издание, многие словари опередили выход академического словаря Академии. Среди них выделяются словари Ж. Нико «Trésor de la langue française, tant ancienne que moderne...» (1606), П. Ришле «Dictionnaire français, contenant les mots et les matières, et plusieurs nouvelles remarques sur la langue française, ses expressions propres, figurées et burlesques, la prononciation des mots les plus difficiles, le genre des mots,...» (1681), А. Фюретьера «Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français tant vieux que modernes et les termes des sciences et des arts» (1690) и др.

В XVII веке также издавались специализированные словари различной направленности по медицине, ветеринарии, морскому делу, военной тематике, живописи и т. д. Академические словари, как отмечают исследователями по истории языка, разрабатывались с позиций пуризма и все эти пласты лексики, относящиеся к профессиональным языкам и жаргонам, в рекомендуемые списки приличных слов (хорошего узуса), не допускались [12].

Необходимость регламентации языкового употребления обсуждалась образованной частью французского общества уже с XVI века. Такая задача отвечала глубинной потребности французского общества: нация осознавала себя как единое целое в рамках единого государства, и язык должен был стать цементирующим основанием этого единства [9]. Государство ответило на этот вызов времени, поставив перед новой Академией задачу по выполнению этого титанического труда, работа над которым заняла более полувека. Актуально в этом свете мнение Р.А. Будагова «упорядочение языка тогда мыслилось как бы через словарь, с помощью словаря. Такое понимание было обусловлено господствующей тогда концепцией, согласно которой язык – это совокупность слов и только слов» [2]. Создание словарей, особенно таких, какими являлись первые академические словари национальных языков, имело большое общекультурное и научное значение.

Согласно статье XXVI Устава Французской Академии, для нормирования французского языка предписывалось создание словаря (*un dictionnaire*), грамматики (*une grammaire*), риторики и поэтики (*une rhétorique et une poétique*). Словарь Французской Академии вышел в 1694 г. в двух томах [5, 7].

Встает вопрос, кто работал над словарем на начальном этапе его создания. Академия поручила Ж. Шаплону и К. Вожла начать работу над Словарем Французской Академии, так как они были авторитетными писателями. Академик Ж. Шаплен, ученик Малерба, избранный в 1634 году членом Французской академии (кресло № 7), пришел к идее о необходимости создать словарь французского языка и, по поручению кардинала Ришелье, составил план академического словаря, согласно которому словарь Французской Академии должен был быть составлен по образцу итальянского словаря Академии делла Круска (1612 г.) как словарь языка лучших французских писателей не только начала XVII века (Ф. Малерб, Т. де Вьо, кардинал дю Перрон, М. Ренье, О. д'Юрфе, Ж. Берто, Ф. де Саль и др.), но и писателей XVI века (от Монтеня и Ронсара вплоть до К. Маро и М. де Сен-Желе, поэтов первой половины XVI в.).

Можно предположить, что К. Вожла, член-учредитель Французской академии (кресло № 32), руководил составлением академического словаря, будучи одним из законодателей французского

классицизма XVII века в области литературного языка. В течение долгого времени ученый собирал «Заметки о французском языке» (*Remarques sur la langue françoise*), которые были опубликованы только в 1647 г. и легли в основу словаря. Вожла выводит свои правила из «установившегося обычая» (*usage*), принятого «придворным обществом» и «наиболее известными писателями», стремясь к «очищению» и «облагорожению» французского языка.

Основатель Академии Ришелье назначил Вожла пенсионером в 2000 ливров за работу над словарем. Ученый смог посвятить работе над первыми шестью буквами целых 15 лет. После смерти К. Вожла в 1650 г. работа над словарем была приостановлена. Кредиторы за долги ученого пытались выручить деньги за его записки к Словарю, но В. Конрару, «отцу-основателю» Академии с трудом удалось вернуть часть записей через суд [14].

Затем руководство работой над словарем перешло не к лингвисту, а к французскому историку Ф.-Э. де Мезере (*François Eudes, sieur de Mézeray*, 1610–1683, кресло № 33), известному автору трехтомной «Истории Франции», имевшей такой успех, что Академия приняла его в число своих членов в 1648 г. Как отмечает А. Виала [8], Ф.-Э. де Мезере ратовал за стремление к строгости и за некоторую научность подхода. Но в 1672 г. он был подвергнут критике, и его сменила группа под началом Ш. Перро (*Charles Perrault*, 1628–1703, кресло № 23), Ф.-С. Ренье-Демаре (*François Séraphin Régnier-Desmarais*, 1632–1713, кресло № 30) и Ф. Шарпантье (*François Charpentier*, 1620–1702, кресло № 18).

В работе над Словарем также принимали участие французский поэт и драматург Пьер Корнель (*Pierre Corneille*, 1606–1684, кресло № 14), французский баснописец Жан де Лафонтен (*Jean de La Fontaine*, 1621–1695, кресло № 24), французский поэт и критик Никола Буало-Депрео (*Nicolas Boileau-Despréaux*, 1636–1711, кресло № 1), французский драматург Жан Расин (*Jean-Baptiste Racine*, 1639–1699, кресло № 13).

Работа над словарем началась 30 июня 1638 г. Отмечается, что работа над словами под буквой «А» началась 7 февраля 1639 г.

и закончилась только 17 октября 1640 г. [15]. Мы выявили, что на букву «А» в Словаре представлено 1784 слова (74 страницы), на букву «В», соответственно, 1290 слов (61 страница) [13]. Сданное в набор в 1678 г., первое издание Французской Академии из двух томов вышло в свет спустя 16 лет (1694 г.) и включало в себя 18000 лексических единиц. Словарь отвечал главному принципу – компромиссу между прежней, этимологической орфографией и орфографией, основанной на современном произношении [9].

Для пользования Словарем со словопроизводным порядком (от которого Французская Академия отказалась уже во втором издании словаря) гнездовые слова были вынесены в словник с отсылкой на корневое слово, под которым они разработаны, что представляется очень неудобным.

(1) ANNOTATION } Voy* NOTER
 ANNOTER }

Однако академики объясняют свое предпочтение этому принципу тем, что во французском языке есть корневые, производные и составные слова. Они полагали, что будет удобнее пользоваться словарем, если расположить лексемы по корневому признаку. Это означает, что вначале идут корневые слова, за ними производные и составные слова. Тогда будет видна история и развитие слов.

В качестве иллюстраций в Словаре Французской Академии используются примеры употребления слова, придуманные самими авторами.

(2) BIBLIOTHECAIRE sub. m. Celuy qui est preposé pour avoir soin d'une bibliotheque. (Тот, кто предложил заботиться о библиотеке). Bibliothecaire du Vatican. Bibliothecaire du Roy.

Обратимся к *структуре* словаря Французской Академии, которая включает в себя следующие элементы: фронтиспис, титульный лист, послание Королю (Au Roy-epistre), предисловие (Préface), список членов Французской Академии, после смерти канцлера Сегье, который стал преемником господина кардинала Ришелье (Liste de l' Académie française, le Roy, Protecteur, après

* сохранена орфография XVII века.

le décès de Monsieur le Chancelier Seguier, qui avoit succédé à Monsieur le Cardinal de Richelieu), привилегия Короля (Privilege du Roy), список используемых сокращений (Explication des Abbreviations dont on se fert dans ce dictionnaire), словарные статьи, дополнения и исправления (Additions et corrections), список статей в словаре Французской Академии (Table du dictionnaire de L'Académie Française) [13].

В издательской практике фронтиспис определяется как «страница с изображением, образующая разворот с лицевой стороны титульного листа, и само это изображение. Изображение должно быть обобщающего характера, относиться ко всему изданию в целом» [10].

Фронтиспис выступает своего рода иллюстративным предисловием, вступлением в книгу и ее прочтение, в данном случае фронтиспис предшествует заголовку и основному тексту словаря. Согласимся с мнением С.А. Герасимовой [6], отмечающей, что фронтиспис выполняет особую проспективную функцию, ориентируя адресата в чтении многотомного издания, в нашем случае, Словаря Французской Академии.

Гравером данного фронтисписа был Г. Эделинк (Gérard Edelinck; 1640–1707) – один из искуснейших мастеров резцовой гравюры, когда-либо существовавших; с 1666 г. работал в Париже и в 1675 г. принял французское подданство. Художником фронтисписа был Жан-Батист Корнель (Jean-Batiste Corneille, 1649–1695).

Посвящение и следующее за ним *Послание (épître)*, представляют письменный речевой акт, в основе которого лежит намерение пишущего. Прагматическая установка состоит в том, чтобы создать благожелательную атмосферу вокруг словаря, который создавался довольно длительное время. Послание, следуя за посвящением, раскрывает суть адресации. В Послании авторы избирают тактики похвалы высокому покровителю. В словаре Французской Академии (1694 г.) Послание посвящено королю Людовику XIV. Категория адресованности является значимой в XVII веке и проявляется в появлении прямо в заглавии такого структурного элемента, как

Посвящение (*dédicace*). Посвящение, как правило, обращается к людям высокого социального статуса, в нашем случае, оно посвящено Королю (Людовику XIV).

Посвящение королю расширяет внетекстовые связи между адресантом (авторами словаря) и адресатом (монархом), по заказу которого выполнен словарь. На титульном листе наблюдаем текстовое присутствие адресата послания (король / *le Roi*) в виде адресатива, выражающего социальную дистанцию, и глагола *dédier* (посвящать). Прагматическая установка состоит в том, чтобы создать в образованном обществе благожелательную атмосферу вокруг нового словаря. Значимость адресата подчеркивается семиотикой печатного текста – заглавные буквы, шрифт. Послание начинается с обращением к королю, употребляя статусный вокатив: *SIRE*. Также подчеркивается употреблением вокатива: *Vostre Majesté* (Ваше Величество).

Послание завершается в соответствии с этикетными формами того времени, когда нормативным было самоуничижение адресанта, что находит свое выражение в прилагательных пейоративной эмоционально-нормативной оценки: *humble, obéissante, obligée*, усиленные коннектором *très*.

(3) Les tres humble, tres obeiffants, & tres fidelles fujets & ferviteurs.

В заключение встает вопрос, почему так долго создавался Словарь Французской Академии. Назовем несколько причин:

- 1) На начальном этапе над словарем реально работали только два человека – Ж. Шаплен и К. Вожла. Академики не могли в одиночку выполнить столь непосильную задачу, поставленную властью. Затем работа была получена не лингвисту, а историку Ф.-Э. де Мезере, который не мог создать Словарь.
- 2) Медлительность работы над Словарем объясняется тем, что работа тормозилась общественной деятельностью академиков, не уделявших достаточного внимания этой работе.
- 3) В Словаре использованы строгие принципы отбора слов, отвечавшие крайне пуристским устремлениям составителей, что тормозило создание Словаря.

Таким образом, вопреки многим трудностям на разных этапах создания Словаря Французской Академии, цель, заключавшаяся в том, чтобы утвердить современное состояние языка, сделать его нормой для всех времен, была достигнута. Решая задачу нормирования языкового употребления, составители приводили в порядок лексическую систему, касаясь практически всех уровней языка: фонетики, орфографии, морфологии, стилистики, синтаксиса.

Авторитетный романист Р.А. Будагов [1] отмечал: «Французский национальный словарь, вышедший в свет на рубеже XVIII столетия, открывал собой новую эру в развитии французской культуры, новую эпоху, когда молодая буржуазия не только стала заниматься государственными делами и интересоваться экономическими проблемами, но и судить об «идеологических ценностях», пересматривая и осмысляя их с новой точки зрения».

Несмотря на недостатки и трудности создания, Словарь Французской Академии признан настоящей энциклопедией языка и был переиздан множество раз (1718, 1740, 1762, 1798, 1835, 1878, 1932–1935 гг.), продолжается публикация девятого издания словаря.

Источники и литература

1. *Будагов Р.А.* Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. – 2-е изд. – М.: Добросвет-2000, 2002. – С. 30.

2. *Будагов Р.А.* Толковые словари в национальной культуре народов. – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет-М, 2006. – С. 14–15.

3. *Виала А.* Академии во французской литературной жизни XVII века [Электронный ресурс] // НЛО. – 2002. – № 54. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/>, свободный. – Электрон. версия печ. публикации (дата обращения: 15.01.19).

4. *Викулова Л.Г.* Легитимация научного знания: Французская Академия // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвокультурологические дидактические и ценностные аспекты: Материалы межд. науч. конф. / науч. ред.: Н.И. Алмазова, В.Е. Чернявская. – СПб., 2015. – С. 9.

5. *Викулова Л.Г.* Легитимация научного филологического знания: (XVII век, Франция) // Человек. Язык. Время: материалы XVII конф.

Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной с междунар. участием (М., 16–18 сент. 2015 г.) / [ред. кол.: Л.Г. Викулова (отв. ред.), А.В. Щепилова, С.В. Михайлова, И.В. Макарова]. – М., 2015. – С. 72.

6. *Герасимова С.А.* Фронтиспис как репрезентант эмблематичности Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера / С.А. Герасимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 154.

7. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова; ред. кол.: Л.Г. Викулова, О.Г. Лукошус. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 144.

8. *Захарова Е.А.* Отражение лексикографической практики Словаря Академии французской в Словаре Академии российской (1789–1794) [Текст] // Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / под ред. А.А. Костина, Н.Д. Кочетковой, И.А. Малышевой. – СПб.: Санкт-Петербургский науч. центр РАН [и др.], 2009. – С. 14.

9. *Кривушина Е.* Французская Академия [Электронный ресурс] // Кругосвет. – Электрон. энциклопедия. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/FRANTSUZSKAYA_AKADEMIYA.html, свободный (дата обращения: 15.01.19).

10. *Мильчин А.Э.* Издательский словарь-справочник [Текст] / А.Э. Мильчин. – М.: Юристъ, 1998. – С. 417–418.

11. *Скредлина Л.М.* История французского языка: учебник для бакалавров / Л.М. Скредлина, Л.А. Становая. – 3-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 406.

12. *Скредлина Л.М.* Указ. соч. / Л.М. Скредлина, Л.А. Становая. – С. 445.

13. Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. T. 1. A-L. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k503971> (date of access: 15.01.19).

14. *Gassier É.* Les cinq cents immortels: Histoire de l'Académie française 1634–1906. – Paris: Henri Jouve, editeur, 2012. – P. 229. – Репр. воспр. изд.: Paris, 1906.

15. *Gassier É.* Указ. соч. – P. 27.

Круговец Вера Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕВЧЕСКОГО ГОЛОСА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Krugovets Vera S.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor, the Foreign Languages
Department, Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire

DESCRIPTION OF THE SINGING VOICE IN THE FRENCH LANGUAGE

Аннотация: способы описания певческого голоса на французском языке довольно разнообразны и значительно отличаются от описания речевого голоса. С одной стороны, музыкальные критики и музыковеды используют терминологию, пришедшую из итальянского языка, например, для определения голоса по вокальному диапазону, вокальному весу, тесситуре. С другой стороны, чтобы подчеркнуть исключительность тембра каждого человека, критики ссылаются на синестетические прилагательные. В статье показано использование прилагательных, обозначающих зрение, вкус, осязание и т. д. для описания тембра певцов.

Abstract: the means of describing the singing voice in French is rather rich and significantly differs from the description of the speaking voice. On the one hand music critics and musicologists use the terminology derived from the Italian language for instance to define the voice by vocal range, vocal weight, tessitura. On the other hand to emphasize the exclusiveness of timbre of each man critics refer to synesthetic adjectives. The paper illustrates therein the use of sight, taste, touch and other adjectives in the description of the timbre of singers.

Ключевые слова: певческий голос, речевой голос, диапазон голоса, тембр, синестетические прилагательные.

Keywords: singing voice, speaking voice, vocal range, timbre, synesthetic adjectives.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.47 Лексикология. Терминоведение

Голос человека является его одной ведущих характеристик человека, его называют «вторым лицом человека»: *La voix est un*

second visage (Gérard Bauër). Не обращаясь к определениям голоса в научных словарях, можно отметить, что организм человека по отношению к голосу сравнивают со сложным механизмом, включающим духовой и струнный инструменты. Основное разделение, которое проводится в словаре – это различие между голосом речевым и голосом певческим: *voix parlée* vs. *voix chantée*. Это различие основывается главным образом на разнице целевых установок устной речи и пения, которая приводит к тому, что один и тот же анатомо-физиологический аппарат используется неодинаково и механизмы его функционирования значительно отличаются друг от друга [1]. В некоторой степени это положение дел отражают средства выражения певческого и речевого голоса. Хотя терминология певческого голоса заимствовала много от характеристики речевого голоса, певческий голос обладает своими собственными средствами передачи, так как пение обладает своими требованиями, связанными с физиологией, психологией и эстетикой. В этом смысле голос рассматривается как явление, которое построено социально, так как голос обрабатывается социально-культурной средой, в которой развивается индивид [2].

Голос характеризуется по-разному в зависимости от того, кем он изучается или рассматривается: самим певцом, критиком, звукорежиссером и пр. В статье основное внимание уделяется, прежде всего, средствам выражения, употребляемым музыкальными критиками.

Самой известной классификацией голоса является характеристика голоса, как и любого звука, по высоте. С научной точки зрения высота звука связана с частотой: чем больше частота колебаний, тем выше звук. Во многих языках (в т. ч. русский и английский языки) разделение звуков на «высокие» и «низкие» связаны с пространственными ассоциациями, которые они вызывают у человека: чем больше частота звука, тем большего напряжения голосовых связок требует его извлечение, а напряжение ассоциируется с подъемом, движением вверх. Как правило, звуки высокие резонируют в тканях головы, а низкие – в грудной клетке. Во французском языке эта терминология также закреплена за звуком: *notes hautes de la gamme* ‘высокие ноты гаммы’. Однако для высокого голоса во французском языке используются другие слова: для высокого голоса – это *aigu*, основное значение которое

переводится как ‘острый’, которое в свою очередь, согласно Этимологическому словарю Le Robert, имеет тот же корень, что и слово *aigre* ‘острый, пикантный’, т. е. связано с вкусовыми качествами [3]. Также для очень высокого голоса используется прилагательное *perché* ‘сидящий на ветке’, что связывает высоту голоса с пространственным образом. Для низкого голоса используется прилагательное *grave*, которое произошло от латинского слова *gravis* ‘тяжелый’. Прилагательные же *haut* ‘высокий’ и *bas* ‘низкий’ стали служить для описания громкого и тихого разговорного голоса: *lire à voix haute / à voix basse* ‘читать громким голосом / тихим голосом’. Это связано, несомненно, с тем, что в высоком регистре высокие ноты могут быть обычно громкими, а в низком ниже ноты поются тише. Однако эти слова не подходят для выражения просьбы спеть или сказать более громко. В этом случае используется наречие: *fort* ‘сильно’: *chantez plus fort, parlez moins fort*. Хотя можно сказать: *parler plus bas*.

В музыкальной практике под влиянием итальянского языка сформировались особые названия отдельных голосов в зависимости от диапазона голоса и пола певца: *Soprano – Mezzo-soprano – Contralto – Alto – Ténor – Baryton – Basse*. Эта классификация сложилась только к XVIII веку, тогда как до этого она несколько раз менялась. Так *ténor* происходит от глагола *tenere* ‘держат, удерживать’ и изначально был основным в монодии [4]. В дальнейшем приобрёл своё настоящее значение при усложнении музыкального склада для нескольких голосов, куда стали добавляться другие голоса. Сопрано, как высокий голос произошло от итальянского *soprano*, которое образовалось в свою очередь от итальянского *sopra* «над, сверх» [4]. Вначале для этого голоса использовались такие слова, как *supremum*, *superius* также со значением ‘верхний’. В силу известности и распространённости этой классификации голосов эти названия служат для называния самих певцов, которые владеют этим голосом: ... *le public s'adonne librement à la danse, tandis que la soprano Annette Dasch et le ténor Cyrille Dubois chantent joyeusement des airs ...* (Classica 194).

Если, как было отмечено, для передачи громкости разговорного голоса используются наречия: *haut*, *bas*, *fort*, в музыкальной практике для указания динамики в пении используются такие же

итальянские термины, что и для инструментальной музыки: *forte, piano, crescendo, diminuendo* и прочие: *Le timbre solaire, velouté, s'enflamme de l'enthousiasme ou de la douleur du poète, ose les nuances «pianissimo» et en triomphe* (Classica 203).

Другая классификация голосов связана с механизмом возникновения голоса или регистрами (это ряд звуков голоса, извлекаемых одним и тем же способом и однородных по тембру). Не углубляясь в определение этих регистров заметим, что сегодня наряду со стандартными головной (*voix de tête*), грудной регистр (*voix de poitrine* или *voix de coffre*) и смешанный (*voix mixte*) добавляются также фальцет (*voix de fausset*), который часто объединяют с головным регистром, свистковый (*voix de sifflet*) и также недавно определённый регистр флажолы (*voix de flageolet*), звучание которого напоминает этот старинный музыкальный духовой инструмент. Такая характеристика важна певцу при обучении, в музыкальной критике к ней редко обращаются, если только не хотят оценить технику певца: *Cyrille Dubois ne lui cède en rien, grâce à un art consommé du chant <...> où l'utilisation de la voix mixte relève de la perfection.* (Classica 205).

Следующая характеристика голоса – это тембр или окраска звука. Тембр каждого человека уникален, поэтому средства его описания могут быть самыми разными. В оперном пении сложились различные классификации голосов в зависимости от тембра и высоты голоса, в частности немецкая система Fach, итальянская оперная традиция и французская оперная традиция. Следует заметить, что европейские классификации оперных голосов более детальны, чем сложившиеся русские. Так если в русской традиции среди голосов сопрано различаются: колоратурное, лирико-колоратурное, лирическое, лирико-драматическое, драматическое сопрано, то в западной традиции лирическое сопрано (*soprano lyrique*) подразделяется на *soprano lyrique léger, soprano lyrique, soprano lirico spinto*; драматическое сопрано (*soprano dramatique*) разделяется на *soprano dramatique, soprano wagnérien, soprano Falcon*. Последний вид назван в честь знаменитой французской певицы XIX века [6].

В силу индивидуальности тембра критики стремятся найти разные слова для описания тех или иных голосов для оценивания. От самого слова *timbre* во французском языке образовалось

прилагательное *timbré* ‘звучный’, ‘с особым приятным звучанием’: *sa voix de basse chantante, puissante et timbrée, envahit toute la salle* (www.olyrix.com) и глагол *détimbrer*, который отсутствует в словарях и может переводиться как ‘терять своё звучание’: *On est au regret de ne pas apprécier cette façon très ampoulée de chanter Schubert, faisant un sort à chaque mot, chaque phrasé, et de surtout **détimbrer** la voix* (Classica 207). Часто критики используют различные синестетические прилагательные, обозначающие признаки, которые воспринимаются зрительно, через обоняние или осязательно.

Сам по себе тембр воспринимается как окраска звука, поэтому неудивительно, что цветовые прилагательные широко используются в музыкальной лексике. В частности, если говорить про разговорный голос, то выражение *voix blanche* обозначает ‘глухой, беззвучный голос (от волнения, страха)’. Однако чаще для описания певческого голоса используются не просто прилагательные цвета, но прилагательные, имеющие в своём значении сему ‘светящийся’: *clair* ‘светлый’, ‘ясный’ *brillant* ‘блестящий’, *lumineux* ‘светящийся’, ‘светлый’, *étincelant* ‘искрящийся’, и *solaire* ‘солнечный’: *l’Almaviva de Ioan Hotea possède un chant clair bien assuré...* (Classica 207); *Avec son timbre intense et lumineux <...> le contre-ténor exerce un magnétisme certain* (Classica 207:80); *ténor solaire et sacrée bête de scène* (Classica 162). На русский язык их часто можно перевести прилагательным *звонкий, звучный*, хотя само выражение ‘светлый голос’ также используется в музыкальной критике. Для звучных приятных голосов используется прилагательное *mordoré* ‘красновато-коричневый с золотистым оттенком’: *Son timbre mordoré, son aisance dans les passages rapides et sa diction remarquable subliment les airs dans lesquels elle est soliste* (www.olyrix.fr). К прилагательным свечения мы также относим и более редкие эпитеты *adamantin* ‘алмазный’, ‘сверкающий как алмаз’ и *ripoliné* ‘риполиновый’, произошедшее от слова *ripolin* ‘очень блестящая эмалевая краска’: *Cette voix, lumineuse, au timbre adamantin, <...> est pourtant bel et bien celle d’un homme* (www.classictoulouse.com); *... sa voix mordorée, puissamment riche et égale: des lignes vocales ripolinées* (www.letemps.ch). К этой же группе следует отнести и прилагательные, обозначающие свето-

проницаемость: *transparent* ‘прозрачный’, *diaphane* ‘полупрозрачный’, *translucide* ‘просвечивающий’: *Une voix **translucide** et onctueuse* (www.letemps.ch). Прилагательное *sombre* ‘темный’ может характеризовать пение певца как с отрицательной точки зрения: *Charles Castronovo peine hélas à suggérer le sens caché d’El pano moruno ou à faire danser le Polo, **timbre trop sombre**, chant trop tenu*. (Classica 208), так и с положительной: *Le timbre **sombre** au charme envoûtant de Jonas Kaufmann et la beauté vocale de Diana Damrau font ici merveille* (www.erato-warnerclassics.fr). В качестве отрицательной характеристики используются прилагательные, имеющие в своём значении сему ‘бледный’, например *pâle* ‘бледный’, ‘тусклый’ и *mat* ‘неблестящий’, ‘матовый’ и обозначающие более глухие голоса (ср. в словаре Le Robert синоним к прилагательному в словосочетании *son mat – son sourd*): *Le **timbre pâle** désincarne le personnage et le vibrato constant finit par fatiguer* (www.tutti-magazine.fr); ... *Philippe Talbot met du cœur à Ottavio mais sa **voix mate** manque de lumière...* (www.webtheatre.fr).

Другая группа синестетических прилагательных, характеризующих тембр, связана со вкусом. В качестве однозначно положительной характеристики используются прилагательные *charnu* ‘сочный’, *savoureux* ‘вкусный’, *fruité* ‘сохранивший аромат (вкус) плода’: *Sarah-Jane Brandon offre **une voix charnue** qui colle bien à ce personnage* (Classica 207); *C’est d’ailleurs tout le mérite de Céline Laly, belle voix souple de soprano entre léger et lyrique au timbre **fruité*** (Classica 207:88). К этой группе относится также прилагательное *aigrelet*, которое может переводиться как ‘резкий’, в некоторых случаях ‘скрипучий’, ‘глухой’. Несомненно, для классического пения это отрицательная характеристика: *On reste plus circonspecte quant à la distribution féminine, voix **aigrettes**, et très déçu par ...* (Classica 162). Однако в неклассическом пении такой тембр может придать определённый шарм певцу: *La voix **aigrette** de Hindi Zahra donne un **charme certain** à Just say I love him* (www.nl.fnac.be).

Среди синестетических прилагательных сферы осязания следует, прежде всего, выделить прилагательные формы и размеры: *rond* ‘круглый’, *carré* ‘квадратный’, *large* ‘широкий’, *ample* ‘широкий’, *long* ‘длинный’ и прилагательные, передающие

влияние звука на человека тактильно, как *perçant* ‘пронизывающий’, ‘резкий’, ‘острый’, *moelleux* ‘мягкий’, *velouté* ‘бархатистый’: *Aleksandra Kurzak fait entendre une voix large, d’une splendide homogénéité* (Classica 207); Dans leur version orchestrale, les mélodies de Duparc appellent une voix assez **ample**, **souple** en tout cas, une véritable voix d’opéra **longue** et sensuelle... (Classica 208); *Son timbre, modulé selon les circonstances, est parfois rond ou perçant* (<https://www.olyrix.com>). Интересно отметить, что антонимом к прилагательному *rond* является прилагательное *perçant* как в последнем примере, тогда как прилагательное *carré* используется в качестве характеристики голоса со значением скорее ‘ясный’: *...cette voix, carrée, chaude, rauque dans les basses et colorée dans les aiguës qui domine tout le beat. C’est sublime* (gazettegreenwood.chez.com).

С осознанием связано употребление и таких прилагательных как *froid* ‘холодный’, *chaud* ‘теплый’, *chaleureux* ‘горячий, пылкий’: *Aleksandra Kurzak est pour sa part une formidable Anita: timbre chaud, puissance vocale étonnante* (Classica 207). *Son timbre chaleureux de baryton se mêle adéquatement à ceux des autres chanteurs* (www.olyrix.com). Как справедливо отмечает Изабелла Тома, прилагательное *chaud* ‘теплый’ относится прямо к характеристике голоса, тогда как *chaleureux* ‘горячий, пылкий’ относится скорее к характеристике манеры певца [6]. Прилагательное *froid*, хотя и является антонимом к *chaud*, не является отрицательной характеристикой тембра, особенно в неклассической музыке: *C’est un chanteur très talentueux avec une voix froide et émotive qui sonne très «cold wave»* (healthybeautyplace.com).

Гибкость и подвижность голоса может передаваться прилагательными, связанными с весом: *léger* ‘лёгкий’, *aérien* ‘воздушный’, *flottant* ‘плавающий’: *...ces aigus aériens, flottants comme il en est peu...* (Classica 207). Следует отметить, что прилагательное *léger* ‘легкий’ лежит уже в названии многих голосов, в частности во французской оперной традиции (*soprano léger* ‘колоратурное сопрано’, *mezzo-soprano léger* ‘колоратурное меццо-сопрано’, *ténor léger*) и служит для характеристики высоких светлых голосов определённого вокального диапазона. По аналогии иногда используется прилагательное *lourd* ‘низкий’ для обозначения более

низких голосов и менее подвижных: *Il est vrai que les voix dites "lourdes" comme un soprano dramatique vocaliseront moins facilement qu'un soprano léger* (www.vocalises.net).

Среди других важных характеристик тембра, отмечаемых критиками особенно в классической музыке, следует отметить гибкость (*voix souple*), мощь (*une voix puissante*) и богатство (*richesse de la voix*). Примеры, описывающие богатство тембра: *Elle offre un bouquet de mélodies d'une délicatesse de ton et de couleurs qui surprendra ceux ...* (Classica 207); *La soprano possède une très jolie voix avec un beau timbre riche et une belle assise grave* (Classica 208); *Ian Bostridge, dont le grave s'est renforcé (le vibrato aussi) et le timbre enrichi d'harmoniques, n'est plus le clone de Peter Pears qu'il a pu jadis paraître* (Classica 208). В противоположность этим характеристикам прилагательное *uniforme* 'единообразный' используется для отрицательной оценки голоса: *Le timbre trop uniforme de Jeanine De Bique dans le rôle-titre peine à émouvoir* (Classica 207).

Для подчеркивания необыкновенного тембра голоса критики помимо известных оценочных прилагательных (*beau, sublime, parfait, absoluto* и пр.) используют и такие прилагательные, как *ensorceleur* 'чарующий' или *magique* 'волшебный': *Vittorio Grigolo incarne un Nemorino idéal, timbre magique, ligne de rêve, incarnation fondante, face à l'Adina au timbre ensorceleur de Lisette Oropesa* (Classica 208).

Четкая дикция является важнейшей характеристикой во французской критике и дополняет комплексную оценку певца: *En plus d'une diction parfaite et d'un phrasé de rêve, le ténor nous régale d'un art du chant admirable d'ardeur et de style* (Classica 203); *Olga Peretyatko les chante dans un français très correct* (Classica 208); *Il s'exprime d'une voix pleine et colorée, à la diction soignée ...* (Classica 208).

Проведённый анализ показал как богатство, так и определённую систематичность лексики, описывающей голос во французском языке. Среди основных линий, по которым строится характеристика певческого голоса во французской критике, можно выделить следующие:

- характеристика голоса связывается с ассоциацией голосового аппарата человека с духовым инструментом: например, в характеристике или названии голоса: *voix flutée, voix de sifflet, voix de flageolet*;
- тембр голоса, понимаемый как окраска, описывается лексическими средствами, связанными со свечением: *voix claire, voix lumineuse, voix solaire, voix mate, voix sombre*;
- характеристика голоса связывается со вкусовыми параметрами: ср. происхождение слова *aigu*; также *voix aigrette, timbre fruité*;
- голос описывается с помощью средств, передающих форму, объем, вес или другие вещественные характеристики: *voix ronde, voix de velours, voix large*;
- богатство тембра, его сила, гибкость и дикция певца дополняют параметры оценивания голоса в критических изданиях.

Любая характеристика тембра выявляет его своеобразие, и поэтому если в классическом пении она и может оцениваться отрицательно (например, *voix aigrette*), в других жанрах пения она часто представляет особый шарм певца.

Литература

1. Гонтаренко Н.Б. Сольное пение: секреты вокального мастерства / Н. Б. Гонтаренко. Изд. 3-е. – Ростов на Дону: Феникс, 2007. – С. 32.
2. Buscatto M. Les voix du jazz, entre séduction et expression de «soi» [Электронный ресурс] / Marie Buscatto. – Prétontaine. – 2005. – 18/19. – URL: https://www.researchgate.net/publication/278809294_Les_voix_du_jazz.
3. Picoche J. Le Robert. Dictionnaire étymologique du français. – Paris: Les Usuels. Dictionnaires Le Robert. – 2002. – P. 8.
4. Dictionnaire de la langue française, par É. Littré. – URL: <https://www.littre.org>.
5. Soprano [Электронный ресурс] // Opera Online. – URL: <https://www.opera-online.com/fr/glossary/soprano>.
6. Thomas I. Est-ce qu'une voix chaude est aussi une voix chaleureuse ou comment la catégorisation basée sur les critères ontologiques permet d'interpréter le sens d'un adjectif / Izabella Thomas // Semantic relations in language and culture. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. – P. 309–318.

Райскина Валерия Александровна,
аспирант, ассистент кафедры романской филологии
Института иностранных языков Московского городского
педагогического университета (МГПУ)

**СПЕЦИФИКА ДИСКУРСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА
«CHEVALIER MÉDIÉVAL» (СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РЫЦАРЬ)**

Rayskina Valeriya A.,
Post-graduate student, Assistant of the Department
of Romance Philology, Institute of Foreign Languages,
Moscow City University (MCU)

**DISCOURSE BEHAVIOR SPECIFICITY OF THE
LINGUOCULTURAL CHARACTER TYPE
«CHEVALIER MÉDIÉVAL» (MEDIEVAL KNIGHT)**

Аннотация: статья посвящена выявлению особенностей языковой концептуализации и речевого поведения лингвокультурного типажа *chevalier médiéval* (средневековый рыцарь). Обращение к теории лингвокультурных типажей позволяет описать социоисторическую ситуацию через типизирование носителей лингвокультуры. Анализ произведен на материале художественного дискурса XI–XIII вв. с использованием методов корпусной лингвистики и контент-анализа.

Abstract: the present article is devoted to the revealing of language conceptualization et discourse behavior particularities of the linguocultural character type *chevalier médiéval* (medieval knight). The linguocultural character types' theory allows us to describe some social and historical situations by classifying that culture bearers. The analysis is based on the XI–XIII centuries' literary discourse. The modelling is implemented with the use of corpus linguistics and content-analysis methods.

Ключевые слова: лингвокультурология, корпусная лингвистика, дискурс, средневековый художественный дискурс, лингвокультурный типаж, речевое поведение, средневековый рыцарь.

Keywords: linguoculture, corpus linguistics, discourse, medieval literary discourse, linguocultural character type, discourse behavior, medieval knight.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.07 *Общетеоретические проблемы языкознания*

В рамках современной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы анализ мышления и поведения человека базируется на изучении свойств и категорий его речи. На пересечении лингвокультуры и языковой личности находится лингвокультурный типаж (далее – ЛКТ). Он представляет собой особый тип концепта, денотатом которого выступает типизируемая личность, комплексный образ представителя определенной лингвокультуры, свободно декодируемый другими ее носителями. Данный тип личности выступает как значимый элемент, конструирующий культуру [1]. Научный интерес к теории ЛКТ обусловлен возможностью описания определенного социоисторического фрагмента лингвокультуры через типизирование ее носителей, в том числе представленных в художественном дискурсе. При этом ЛКТ не обязательно представляет модельную языковую личность, которая создает подражательный яркий архетип [2]. Напротив, ЛКТ может вызывать отрицательную оценку, критику и порицание. В отличие от недифференцированной языковой личности, для ЛКТ характерно следование ролевым (гендерным, социокультурным, профессиональным) прескрипциям и выявление ценностных стереотипов, определяющих его поведение [3].

Средневековый рыцарь является наиболее ярким маскулинным образом, представляя элитарный фрагмент феодально-христианской культуры, поэтому ЛКТ *chevalier médiéval* многосторонне демонстрирует ценностные доминанты средневекового социума. Он отражает этносоциокультурный тип личности и определяется следующими параметрами:

- по типу: *социокультурный*, так как имеет географическую (западная и центральная Европа), культурную (феодално-христианское Средневековье) и социальную (высшее военное придворное сословие) детерминанты;
- по степени выраженности узнаваемых качеств: *яркий*, представленный обширным дискурсивным материалом (художественным дискурсом);
- по признаку оценочного знака: *положительный*, является модельной личностью;
- по реальности прототипической языковой личности: *реальный* (основан на личностях, существовавших в прошлом) и *непрототипный* (не имеет яркого образца в современной культуре).

Так как рыцарство детерминировано с гендерной и социокультурной точек зрения, интерес вызывает анализ особенностей речевого поведения ЛКТ. Исследования современной гендерной лингвистики признают наличие гендерной дифференциации в речевом поведении. На особенности речи влияют биологические (произношение, тембр голоса, темп речи), психологические (тактики и стратегии, иллокутивные цели, гендерно специфический выбор лексики, способы достижения коммуникативных целей) и социальные (социо-профессиональный статус, возраст, этническая принадлежность, статусно-ролевые характеристики в коммуникации) факторы [4].

По результатам анализа, гендерная принадлежность изучаемого ЛКТ определяется как маскулинная – отражающая комплекс аттитюдов, набор ожидаемых образцов поведения, присущих мужчине [5]. Заметим, что для патриархальной средневековой культуры характерны гегемонная маскулинность и андроцентризм, основанный на модельности маскулинного поведения [6]. В этой связи, рыцарство находит языковое концептуальное оформление в номинациях с доминантной маскулинностью, которые следует разделить на следующие семантические группы:

- титулы, статусы и звания: *chevalier* (рыцарь), *rois* (король), *seigneur* и *sires* (господин), *duc* (граф), *serjant* (вассал), *mestre* (сюзерен), *barun* (барон);
- демографические (гендерные и возрастные) гиперонимы: *enfant* и *vaslet* (юноша), *ome* (мужчина);
- родственная соотнесенность: *frere* (брат), *filz* (сын), *darrein* (наследник), *cousin* (родственник), *compaign* (соратник, друг);
- топонимическая соотнесенность: *Perceval le Galois* (Персеваль из Галлии), *Turpin de Reims* (Турпин из Реймса);
- физическое портретирование *bele forme d'ome* (мужчина в хорошей форме), *garni de toutes biautez* (украшенный всеми красотоми), *si bel enfant et si bien taillié* (красивый, хорошо сложенный юноша);
- оценочное портретирование: *preudome* (высокоморальный человек), *sainte chose* (святой человек), *meillor de toz* (лучший из всех), *chevalier parfet* (идеальный рыцарь), *verai chevalier* (истинный рыцарь), *la flor de terriane chevalerie* (цвет земного рыцарства).

Общие тенденции номинации свидетельствуют о том, что маскулинные качества утверждались через сочетание мелиоративных квалификаций с именем собственным: *Galaad le bon chevalier parfét, li preudons Lancelot*. Медиевисты выявляют тенденцию заимствования в элементах мужских имен собственных германских корней, подчеркивающих военные ценности, в первую очередь – славу [7]. Представитель военной элиты, рыцарь обязан проявлять героические маскулинные добродетели: поиск славы, честь, смелость. Имена собственные подвергаются концептуализации в связи с особым значением ономастического элемента в средневековой лингвокультуре, когда имя собственное выступало не только в роли формальной номинации личности, но и как символ, концептуальная характеристика человека [8]. Историки и литературоведы выделяют около 150 основных рыцарских имен: наиболее распространенными в качестве крестильных имен реальных людей вплоть до конца Средневековья стали Тристан, Ланселот, Артур, Гавейн и Персеваль [9].

Концептуализация на уровне портрета ЛКТ *chevalier médiéval* закрепляет за данной модельной личностью следующие эстетические константы: превосходная физическая форма, стройность, юность, спортивное телосложение. Рыцарская красота, выражающаяся в изысканном одеянии, изящных и богато украшенных доспехах и длинных волосах, может быть признана общим местом исторических и культурологических исследований. В разнообразии представлены оценочные эпитеты с положительной коннотацией: *bel, admirable, agréables, bien dessinées, bien fait*. Представим фрагменты репрезентативного портрета рыцаря Ланселота: *il avait très bonne mine, le teint entre le brun et le blanc, brun doré* (у него было красивое лицо, тон кожи между смуглым и светлым); *des lèvres rouges et ourlées lui dessinaient une petite bouche qui s'ouvrait harmonieusement sur de menues dents blanches et serrées* (алые и очерченные губы обрамляли маленький рот с гармоничными маленькими, ровными и белыми зубами); *ses yeux, clairs et rieurs, lui donnaient habituellement un air joyeux* (его яркие и смеющиеся глаза придавали ему радостный вид); *des cheveux blonds ondulés* (светлые вьющиеся волосы) [10]. Типичный вербальный портрет рыцаря демонстрирует стандарт деск-

рипии мужчины-воина в средневековом художественном дискурсе. Внешность рыцаря сводится к образу красивого, энергичного мужчины, с хорошим телосложением и привлекательными, пропорциональными чертами лица.

Поиск боевого престижа предполагает проявление отваги, смелости, храбрости и мужества [11]. Коллокация *chevalier sanz blasme et sanz reproche* (бесстрашный рыцарь, рыцарь без страха и упрека, безупречный рыцарь) рефреном повторяется в рыцарских романах. Концепт мужества вербализуется в синонимичных лексемах *vasselage / pröece / chevalerie / hardement*, имеющих значения храбрости, доблести, боевой удали, подвига, дерзкой смелости. Большое количество эпитетов говорит о важности аксиологической коннотации маскулинности: *baut / cointe / corajos / estout / hardi / os / pro / vaillant / vassal* (смелый, отважный, дерзкий).

С другой стороны, в художественном дискурсе XI–XIII вв. широко представлены эмоциональные проявления рыцарей, что не свойственно современным представлениям о маскулинном поведении. Выставление напоказ слез и плача, противоречащее современными представлениям о мужественном смирении и терпении, для средневекового рыцаря напротив являлись типичными: «рыцарь, собственно, – не рыцарь, если не плачет» [12]. Эмоциональность рыцарства расценивалось как проявление благородства души. Рыцарские слезы, представленные предикатами *plorer* (плакать), *dementer* (оплакивать), *plaindre* (стонать), проявляются в рассматриваемом дискурсе в двух формах:

- куртуазные слезы влюбленного от разлуки или невозможности связать себя узами с любимой. Например, слезы влюбленного показаны в анонимном пикардском куртуазном романе XIII в. *Aucassin et Nicolette: s'oï Aucassin plourer et s'amie regreter* – Окассен горько стонет и плачет о своей подружке [13];
- героические слезы военачальника, который скорбит о больших потерях в рядах своего войска, а также рыцарей, потерявших своих боевых товарищей. Наиболее репрезентативны слезы короля Карла Великого и его рыцарей в эпической жесте конца IX в. *Chanson de Roland: Cel nen i ad ki de pitet ne plurt. / Pitet l'en prent, ne poet muer n'en plurt* – сбегают слезы по щекам у них, не плакать с горя у него нет сил [14].

Продуктивным материалом для анализ речевого поведения рыцарства являются предикаты с семантикой говорения, которые находятся в препозиции по отношению к прямой речи. Для исследования был сформирован репрезентативный текстовый корпус из более 350000 языковых единиц художественного дискурса XI–XIII вв.: куртуазных версифицированных романов [15], прозаического романа [16] и героической жести [17].

Наиболее частотной является семантическая группа глаголов непосредственного говорения, не обладающих дополнительными коннотациями: *dire* (иногда с прямым дополнением *un mot*), *faire* (в качестве вводного предложения для прямой речи), *parler*, а также глаголы с нарративным значением *reconter* и *redire*. Далее следуют диалоговые глаголы, содержащие значения обращения, ответа и взаимопонимания. Выделим глаголы адресации (*aparrer*, *apeler*, *araisnier*, *nomer*, *rapeler*, *reclamer*), диалоговые глаголы вопроса-ответа (*demander*, *respondre*), глаголы согласия (*entredire*, *interacorder*) и глагол молчания (*se taire*). Следующую группу составляют глаголы, аккумулирующие христианскую семантику благословения (*beneir*, *sermonner*) и мольбы (*prier*, *faire une priere*). Глаголы с яркой эмоциональной коннотацией представлены, в большей степени, предикатами со значением крика, громкого призыва (*braire*, *escrier*, *huchier*, *huier*), а также с семантикой сетования и жалобы (*plaindre*, *regreter*). Отличительной чертой коммуникативного поведения рыцарства является частое использование глаголов-орективов, выражающих воодушевление, побуждение к действию, возбуждение чувств и воли подчиненных или компаньонов [18]. Предикаты со значением призыва-подбадривания выражены декларативом *mentevoir*, глаголами призыва к действию *conseiller*, *enorter*, *semondre*, *lire ad comandet*, а также глаголами приободрения *amonester*, *encourager*, *esmouvoir*. Наименее многочисленная глагольная группа содержит два предиката с негативной коннотацией: лгать (*mentir*) и клеветать, плохо отзываться о ком-либо (*mesdire*).

Исследовать манеры говорения рыцарства и особенностей дискурсивных привычек возможно на материале наречий образа действия, деепричастий и устойчивых оборотов, которые находятся в вводных конструкциях перед прямой речью. Определены следующие квалификативные признаки речи: гнев, ярость, неис-

товство (*par maltalant, ireement, mult fierement*), учтивость и вежливость (*curteisement*), нежность и мягкость (*mult dulcement*), чувственность и дружелюбие (*par amur*), смех (*belement en riant*). К явно негативным признакам речи относим хитрость (*par grant veisdie*) и хвастовство (*faite sa vantance*).

Наконец, голос рыцарей описывается квалификативными именами прилагательными *halt* (громкий), *cler* (четкий и ясный). Среди индикаторов манеры речи рыцарей представлены компаративные обороты *parled a lei de chevaler* (говорить, как рыцарь, на манер рыцаря) и *pluret cum chevaler gentill* (сокрушаться, как благородный рыцарь). Эти сравнения подтверждают гипотезу о том, что рыцари обладали определенным, исключительно им присущим, речевым поведением.

Итак, анализ особенностей дискурсивной реализации ЛКТ средневекового рыцаря показал, что рыцарство является комплексной концептуальной единицей, чьим содержанием выступает типизированный, узнаваемый и обладающий устойчивыми характеристиками представитель средневековой западноевропейской лингвокультуры. В целом, изучение лексико-аксиологической эволюции составных элементов концепта рыцарства позволяет частично реконструировать средневековые когнитивные, культурные и речевые установки в рамках современной антропологической лингвистики [19].

Источники и литература

1. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 8–9, 14.
2. Игнатъева Т.Г. Модельная личность западно-европейского средневековья: «дама сердца» // Вестник ИГЛУ. – 2010. – № 2 (10). – С. 88–89.
3. Дмитриева О.А., Мурзинова И.А. Теория лингвокультурных типажей. – М.: Издательские решения, 2016. – С. 39–40 – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073907.
4. Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / под общ. ред. О.А. Вороной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – С. 275–279.
5. Lett D. Hommes et femmes au Moyen Age. Histoire du genre XII–XV siècles / Ouvrage dirigé par G. Buhrer-Thierry. – Paris: Armand Collin, 2013. – P. 11.

6. *Суприянович А.Г.* В слезах и во славе гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 55.

7. *Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Slyshkin G.G., Vasileva E.G.* Naming as instrument of strengthening of the dynastic power in the early Middle Ages (France, England, Vth – XIth centuries) // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – Т. 11. – № 14. – P. 7198.

8. *Викулова Л.Г., Васильева Е.Г.* Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.) // *Верхневолжский филологический вестник* / под ред. М.В. Новикова. – Ярославль: ЯГПУ, 2015. – № 2. – С. 58–59.

9. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. – СПб.: «Александрия», 2012. – С. 324.

10. *Lancelot. Roman en prose du XIIIe siècle* / édité par A. Micha. – Rennes: Université Rennes 2, Centre d'Études des Textes Médiévaux. – P. IXa. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sites.univ-rennes2.fr/celam/ctm/combarieu/LG-accueil.htm>.

11. *Манухина А.О.* Средства лексической репрезентации отрицательной оценки в хронике «Взятие Константинополя» Ж. де Вильярдуэна (Франция, XIII век) // *Универсум языка и личности* / отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: МГПУ. – 2009. – С. 112.

12. *Суприянович А.Г.* Указ. соч. – С. 75.

13. *Aucassin et Nicolette*, édité par M. Roques. – Paris: Champion, 1929; Lyon: Equipe BFM, 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/aucassin>.

14. *Chanson de Roland*, édité par G. Moignet. – Paris: Bordas, 1972; Lyon: Equipe BFM, 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://catalog.bfm-corpus.org/roland>.

15. *Dictionnaire Electronique de Chrétien de Troyes*. – Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien, ATILF/CNRS et Université de Lorraine, 2014. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.atilf.fr/dect>.

16. *Queste del saint Graal*, édité par Ch. Marchello-Nizia et A. Lavrentiev. – Lyon: Equipe BFM, 2013. – [Электронный ресурс]. – URL: http://catalog.bfm-corpus.org/qgraal_cm.

17. *Chanson de Roland*. Указ. соч.

18. *Ивин А.А.* Аксиология. Научное издание. – М.: Высш. шк., 2006. – С. 24.

19. *Горохова Н.В.* Антропологистика как направление развития XXI в. // *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»* / отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: МГПУ. – 2018. – № 3 (31). – С. 73.

Рянская Эльвира Михайловна,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики
и перевода Нижневартовского государственного университета

Савёлова Юлия Константиновна,
аспирант кафедры лингвистики и перевода
Нижневартовского государственного университета

ФУНКЦИИ СОКРАЩЕНИЙ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ САЙТОВ

Ryanskaya Elvira M.,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and
Translation Studies, Nizhnevartovsk State University

Savyolova Yulia K.,
Postgraduate Student of the Department of Linguistics
and Translation Studies, Nizhnevartovsk State University

FUNCTIONS OF THE SHORTENINGS IN THE TEXT SPACE OF THE INFORMATIVE WEBSITES

Аннотация: данная статья посвящена выявлению специфики функционирования сокращенных наименований в текстах русскоязычных, франкоязычных и англоязычных сайтов. Продуктивность данного лингвистического явления отражает проявление принципа языковой экономии, который применительно к сокращениям определяется как компрессия средств выражения содержания в целях свертыwania информации. Проведенный анализ компрессированных наименований свидетельствует об особенностях их функционирования в зависимости от взаимодействия с широким лингвокультурологическим контекстом текстового пространства сайта. Установлено, что в зависимости от характера контекста сокращения могут выполнять не только компрессивную, но и номинативную, информативную и другие функции. Такое сочетание лингвистических и экстралингвистических аспектов обеспечивает более эффективное решение коммуникативных задач.

Abstract: the paper deals with revealing the specificity and abbreviated names functioning in the texts of Russian, French and English websites. The creativity of the linguistic phenomenon reflects a demonstration of the linguistic economy principle, which applied to shortenings and can be defined as a compression of showing the content in order to compress the information. The conducted analysis of the compressed names indicates a specific nature of their functioning according to compatibility with a wide

linguistic and cultural context of the website text space. The authors elucidated that shortenings can accomplish not merely compressive function but also nominative, informative and some other functions depending on the nature of the context. Such combination of linguistic and extralinguistic aspects guarantees better handling communicative problems.

Ключевые слова: информационный сайт, сокращения, языковая экономия, компрессивная функция, информативная функция.

Keywords: informative website, shortenings, linguistic economy, compressive function, informative function.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *16.21.07 Общетеоретические проблемы языкознания*

В эпоху развития виртуальной коммуникации проявляется новый характер функционирования языковых элементов. Так, наблюдается активное использование разного рода сокращенных наименований в условиях возрастания объема информации и потребностей в ней. Продуктивность данного лингвистического явления связывают, прежде всего, с проявлением принципа языковой экономии. В данной работе языковая экономия применительно к сокращениям определяется как компрессия средств выражения содержания в целях свертывания информации.

Обращение к материалу русскоязычных, франкоязычных и англоязычных сайтов дает возможность выявить специфику использования сокращённых лексических единиц. Контекст и расшифровка сокращений уточняют их статус в конкретном информационном тексте. Выявление тематических, структурных и семантических особенностей сокращений, используемых в образовательных сайтах, позволяет расширить представления о новых языковых тенденциях в условиях Интернет-коммуникации.

Необходимость замены сложных словосочетаний соответствующими сокращенными формами отражает такие тенденции современных информационных технологий как стремление разграничить полезную, существенную и избыточную информацию, упростить высказывание, экономно использовать языковые средства [1].

Научные исследования явления компрессии свидетельствуют о том, что сокращения могут выполнять несколько функций, включая компрессивную, номинативную и информативную. Од-

ним из основных способов реализации принципа языковой экономии является компрессия информации. Под компрессией информации понимается, прежде всего, сжатие сообщаемых сведений путем выбора образцового языкового варианта, максимально обеспечивающего коммуникативный процесс. При этом компрессия должна отвечать таким характеристикам, как стандартизованность, лаконичность, логичность, конкретность, тематическая прозрачность и другие [4].

Следует обратить внимание и на такую функцию как субституция: субституционный способ сокращения информации основан на неповторении уже упомянутого словосочетания и замене его экономичным субститутом-репрезентантом [4]. М.Д. Жигалова считает, что между сокращенными и полными формами существуют определенные различия, в частности, стилистические и коннотативные, а также семантические, указывающие на сужение значения при сокращениях. Значение и дополнительные смысловые оттенки сокращения уточняются при помощи контекста [3].

Принимая во внимание данные положения, можно говорить о роли компрессии в тексте и о проблеме декодирования сокращений. Особый интерес для изучения компрессии как особого языкового приема в виртуальном коммуникативном пространстве представляют формы сокращений, обеспечивающие динамичность передачи информации. Обращение к текстам сайтов университетов Франции свидетельствует о наличии достаточно большого количества сокращений, используемых в целях свертывания информации. Можно выделить ряд стандартных сокращений, принятых в данной сфере. Прежде всего, к ним относятся обозначения некоторых подразделений, существующих во французских университетах. Так, например: *UFR – unités de formation et de recherche*, учебные и исследовательские подразделения; *ESPE – École supérieure du professorat et de l'éducation*, Высшая школа педагогики и образования; *IPAG – Institut de préparation à l'administration générale*, Институт подготовки руководителей и т. д.

В сфере обеспечения студентов жильем общепринятые сокращения указывают на существование единой системы организации служб, осуществляющих размещение студентов. К таким организациям относятся, например, региональные центры академической

и школьной деятельности, являющиеся государственными координаторами студенческой жизни под эгидой Министерства национального образования: *Le CROUS (le Crous) – Le Centre régional des œuvres universitaires et scolaires de Paris*. Центры призваны содействовать улучшению условий жизни студентов, они занимаются студенческими социальными пособиями, студенческим жильем, приемом иностранных студентов, организацией культурной и спортивной жизни и др. [5].

Общепринятым сокращением является *DSE*, обозначающее *un dossier social étudiant*, социальное досье студента. Наличие такого досье позволяет студентам французских университетов подать заявку на стипендию или студенческое социальное жилье на текущий год [5]. О централизованном подходе в организации студенческой жизни свидетельствуют встречающиеся на университетских сайтах сокращения *APL (L'aide personnalisée au logement, Жилищная помощь)*; *CAF (La Caisse des Allocations Familiales, Фонд семейных пособий)*; *ALS (L'allocation de logement à caractère social, пособие на социальное жилье)*; *le système Loca-Pass (система залогового обеспечения)*.

В процессе анализа сайтов университетов Соединенного Королевства также было выявлено широкое использование сокращений, свидетельствующее о стремлении к компактной подаче информации. Среди общепринятых сокращений можно выделить аббревиатурные номинации, обозначающие названия некоторых отделений факультетов и подразделений образовательных учреждений. Например: *MRC – Medical Research Council*, Совет по исследованиям в области медицины; *BSU – Biostatistics Unit*, Отделение биологической статистики; *LeSC – London e-Science Centre*, Лондонский научно-технический центр в области электроники; *SRAs – Student Residence Advisers*, Совет студентов, проживающих в общежитии [6, 7, 8].

Отметим весьма распространенное употребление студентами и выпускниками Кембриджского университета сокращения *CAMCard*, обозначающего *Cambridge Alumni Card*, карта выпускника. Данная карта является своего рода пропуском, позволяет бывшим студентам бесплатно посещать колледжи и другие здания университета в качестве гостя, иметь доступ к Учебному Центру университета, а также участвовать во многих дисконтных программах [6].

Приведенные примеры демонстрируют те случаи, когда понимание сокращений не представляет затруднений благодаря широкому использованию, а также параллельному применению их полных форм.

Если же сокращения функционируют в узкой сфере, то декодирование таких форм становится трудным и не способствует ускоренному восприятию информации [2]. Изучение информационных текстов университетских сайтов позволяет сделать довольно большую выборку сокращений. Можно выделить, в частности, сокращенные наименования университетов, факультетов и других подразделений. Примеры таких сокращений приведены в следующих таблицах наименований университетов:

Таблица 1

Примеры сокращенных наименований французских университетов

Сокращенное название	Варианты названий	Наименование университета
UPJV	Université de Picardie Jules Verne	Université d'Amiens
UFC		Université de Franche-Comté
Assas	Université Panthéon-Assas	Paris-II
UNICAEN		Université de Caen Normandie
uB		Université de Bourgogne
Unistra		Université de Strasbourg
UBO	Université de Bretagne-Occidentale	Université de Brest
ULille	UDL, univ-lille	Université de Lille
URCA	Université de Reims	Université de Reims Champagne-Ardenne
UPHF		L'université polytechnique des Hauts-de-France
UPEC	Université Paris-Est-Créteil-Val-de-Marne	Paris-XII
UP		Université de Poitiers

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании вариантов полных наименований университетов. Сокращенные же формы являются общепринятыми и даются не только на сайтах самих университетов, но и в справочных источниках.

Таблица 2

Примеры сокращенных наименований американских
и британских университетов

Сокращенное название	Варианты наименований университетов
UWA	University of Western Australia
	University of Wales, Aberystwyth (now Aberystwyth University)
UKC	University Medical Centre Maribor
	University of Kent at Canterbury
AFA	American Fence Association
	United States Air Force Academy
DSU	Delaware State University
	Dakota State University
	Dixie State University
	Dongseo University
	Delta State University
	Dickinson State University
GSU	Georgia State University
	Grambling State University
	Georgia Southern University
	Governors State University
KSU	Kentucky State University
	Kansas State University
	Kannesaw State Universaty
	Kent State University
MSU	Michigan State University
	Morehead State University
	Montclair State University
	Morgan State University
	Missouri State University
SLU	Saint Louis University
	St. Lawrence University
	Saint Leo University
UW	University of Washington
	University of Wisconsin–Madison
	University of Wyoming

Как показал проведенный анализ, среди англоязычных сокращений названий университетов наблюдается высокая омонимичность, а также преобладание инициальных аббревиатур. Такие особенности снижают информационный потенциал сокращений и вызывают определенные затруднения при расшифровке подобных наименований.

В названиях российских вузов также принято использование сокращений, которые сводятся к двум вариантам – инициальным аббревиатурам и смешанным сокращениям, состоящим из части слова и инициальной аббревиатуры. Как правило, частью слова является название города, области или региона:

Таблица 3

Примеры наименований российских университетов

Сокращенное название	Наименование университета
СКФУ	Северо-Кавказский федеральный университет
ВГУИТ	Воронежский государственный университет инженерных технологий
ТПУ	Национальный исследовательский Томский политехнический университет
ГГУ	Гжельский государственный университет
СибГИУ	Сибирский государственный индустриальный университет
МарГУ	Марийский государственный университет
ВятГУ	Вятский государственный университет
ТулГУ	Тульский государственный университет
ТюмГУ	Тюменский государственный университет

В некоторых случаях полное название восстанавливается достаточно легко (как в трех последних примерах), расшифровка других сокращений возможна в случае обращения к информационным источникам, в частности, непосредственно к сайту университета.

Следует, однако, отметить, что употребление сокращенных форм вместо их полных вариантов на информационных сайтах является обоснованным, поскольку Интернет-пространство предполагает обращение к гиперссылке, содержащей расширенную информацию.

Собранный фактический материал демонстрирует проявление следующих тенденций в использовании сокращений в текстах информационных сайтов.

Современная сеть Интернет обеспечивает оптимальную среду для оперативной коммуникации. Приведенные результаты свидетельствуют о роли сокращений как особого языкового

приема в виртуальной коммуникативной сфере, обеспечивающего динамичную форму передачи информации. Особенности функционирования компрессированных наименований определяются лингвокультурологическим контекстом текстового пространства сайта, позволяющим реализовать номинативную, компрессивную, информативную и субституционную функции. В этом проявляется раскрытие потенциала, заложенного в языковой компрессии.

Для реализации межкультурной коммуникации значимым является обеспечение адекватного восприятия другой языковой культуры. Поэтому изучение сокращенных наименований ставить перед исследователем не менее важную, чем описание языковых единиц, задачу декодирования аббревиатур и разрешения противоречия между потребностями в компрессии и в эффективности передачи информации.

Источники и литература

1. *Баринова С.О.* Типология англоязычных сокращений, используемых в сети Интернет: дис.... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – С. 20–24.
2. *Вороничев О.Е.* Аббревиатуры-омонимы: и зло, и благо для языка // Русская речь. – № 1. – 2013. – С. 55.
3. *Жигалова М.Д.* Английские сокращения в современных электронных и журнальных текстах: автореф. дис канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 12.
4. *Ястреб О.Ю.* Компрессия информации в некоторых текстах делового общения: на примере текстов предложения вакантной должности: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2006. – С. 4–7.
5. <http://etudiant.aujourd'hui.fr/etudiant/info/dossier-social-etudiant-dse.html>.
6. <https://www.cam.ac.uk/colleges-and-departments/department-a-z>.
7. <https://www.imperial.ac.uk/london-e-science/>.
8. <https://www.ucl.ac.uk/about/how/faculties>.

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-ЛИНГВИСТА

Глухова Юлия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры романской филологии РГПУ им. А.И. Герцена

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ЗАНЯТИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Glukhova Yulia N.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor
at Herzen State Pedagogical University of Russia

AUTHENTIC MATERIALS IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Аннотация: статья посвящена проблеме использования аутентичных материалов в процессе обучения иностранному языку, что является необходимым при коммуникативно-деятельностном подходе, специфической особенностью которого является стремление максимально приблизить процесс обучения языку к процессу реальной коммуникации.

Abstract: this article reviews some of the wide-ranging issues and research surrounding authentic materials and authenticity in foreign language learning. Authentic materials are among the most important tools a teacher can and must use in class in order to make his/her teaching go smoothly and be effective in transmitting the necessary knowledge to all students. The use of authentic materials is regarded a useful means to motivate learners, arouse their interest and expose them to the real language.

Ключевые слова: аутентичные материалы, компетентностный подход, иностранные языки.

Keywords: foreign language learning, authentic materials, educational context, communicative approach.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 372.881.113.31 Педагогические науки, обучение языкам

Тема использования аутентичных материалов на занятиях по иностранному языку является одной из самых обсуждаемых в методической науке. Ведутся споры о том, когда целесообразно начинать наполнять содержательный компонент аутентичными материалами, возможно ли это на начальном этапе обучения. Активно обсуждаются также положительные и отрицательные стороны применения аутентичных документов в ходе занятия.

Обратимся к тому, как в методике определяется это понятие. Так, в словаре методических терминов под аутентичным материалом понимаются устные и письменные тексты, являющиеся реальным продуктом носителей языка и не предназначенные для учебных целей, не адаптированные для нужд учащихся с учетом их уровня владения языком. Такие материалы характеризуются естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств, а также отражают национальные особенности и традиции построения и функционирования текста [1]. Такая трактовка представляется достаточно полной, однако обратимся еще к нескольким определениям термина «аутентичные материалы» с целью выявления каких-либо возможных различий в его понимании.

Так, например, для А.В. Щепиловой, аутентичным является текст, обладающий характеристиками естественного речевого произведения (целостность, связность, прагматичность, экспрессивность и т. д.) [6]. Как видим, определение довольно краткое, но нам представляется, что, в данном случае «естественное речевое произведение» рассматривается автором в качестве реального продукта носителей языка. Однако заметим, что целостность, связность, прагматичность могут характеризовать и текст, составленный специально для учебных целей. И.И. Халева, в свою очередь, говорит о том, что аутентичные тексты продуцируют носители языка для носителей языка, то есть это – собственно оригинальные тексты, создаваемые для реальных условий, а не для учебной ситуации [5]. Схожим образом определяет это понятие И.М. Михалева, уточняя, тем не менее, что аутентичные тексты принято трактовать как семиотическое пространство, где посредством текста происходит опредмечивание «образа мира», существующего в языковом сознании личности [4]. Как видим, в обоих

определениях главным элементом является «реальная ситуация», представляющая и отражающая мир, в котором живет тот или иной носитель языка. Таким образом, изучающий иностранный язык должен познать этот новый для себя мир, используя язык в качестве инструмента.

Обратимся к определению, которое дает в своем словаре методических терминов известный французский лингвист и методист Ж.-П. Кюк. Он характеризует аутентичный документ как сообщение, сделанное носителем французского языка в целях реальной коммуникации, то есть материал, не разработанный специально для занятия по иностранному языку. Такой документ может отражать различные типичные коммуникативные ситуации, а также разнообразные типы текстов и сообщений: устных, графических аудиовизуальных, письменных, административных, профессиональных, медийных, обиходных [8]. Как видно из определения, главный акцент делается на реальных условиях коммуникации. Однако Н.В. Барышников обращает внимание на то, что в настоящее время понятие «аутентичность» может толковаться по-разному. Так, если одни авторы полагают, что аутентичным можно считать оригинальный текст, не подвергшийся абсолютно никакой методической обработке, то другие, тем не менее, допускают некоторую степень дидактизации оригинальных текстов при условии, если это не нарушает их достоверности, подлинности, а также, если в результате методической обработки не утрачивается социокультурный фон текста. Определяя свою позицию в этом вопросе, Н.В. Барышников говорит о допустимости некоторой обработки аутентичных текстов в виде сокращения объема, снятия дат, фамилий журналистов, отдельных пассажей, если при этом не утрачивается подлинность текста, т. е. не осуществляется замена лексики, не упрощаются грамматические конструкции [2]. Нам представляется, что в данном случае, под дидактизацией понимается использование отрывков аутентичных текстов для создания упражнений с целью тренировки или контроля уровня сформированности умений речевой деятельности. Однако, с нашей точки зрения, такой документ уже нельзя назвать аутентичным, несмотря на то, что при его создании был использован аутентичный материал.

Рассмотрим, в чем заключаются преимущества использования аутентичных материалов при обучении иностранному языку, а также обратим внимание на трудности, которые могут возникнуть у преподавателя при поиске и выборе аутентичного документа для занятия.

Как известно, конечной целью обучения иностранному языку является формирование способности пользоваться им практически в различных ситуациях общения. Таким образом, содержание обучения, которое реализует предметную и процессуальную стороны речевой деятельности, включает, помимо средств общения также и знание того, как такими средствами пользоваться в процессе общения. Однако содержание обучения не является постоянным, поскольку оно определяется Государственным стандартом и программой обучения, а также зависит от целей и этапа обучения [7, 123]. Известно также, что на межкультурную составляющую учебного процесса по иностранным языкам обращают большое внимание, поэтому такая характеристика текста, как аутентичность, приобретает дополнительную значимость, поскольку реальная коммуникация отличается множеством типов текстов.

Среди основных преимуществ использования аутентичных материалов при обучении иностранному языку перечислим следующие:

- актуальность предоставляемой информации, в сравнении с содержащейся в учебном пособии, используемом на занятии;
- лингвистический и/или социокультурный интерес, который он представляет;
- знакомство с внешним миром, отличным от привычного учащимся;
- введение в содержание занятия по иностранному языку реальных разнообразных коммуникационных моделей;
- знакомство с особенностями спонтанной речи носителей языка;
- повышение мотивации учащихся;
- способствование развитию навыков самостоятельной работы.

Это, безусловно, далеко не полный список преимуществ использования аутентичных материалов, но, тем не менее, перечисленного вполне достаточно для того, чтобы не сомневаться в необходимости их включения в содержательный компонент занятия по иностранному языку.

Однако необходимо заметить, что использование в ходе занятия аутентичного материала без предварительной подготовки, то есть без осмысления того места, которое он займет в содержательном компоненте, без постановки цели, без прогнозирования возможных результатов не будет эффективным. Таким образом, необходимо определить критерии, которые являются значимыми для преподавателя при выборе аутентичного материала для использования на занятии по иностранному языку.

Наиболее важным, с нашей точки зрения, является соответствие задания, предложенного на основе аутентичного документа, уровню владения иностранным языком, которым обладают учащиеся, поскольку один и тот же материал можно использовать в работе с группами разного уровня. При выборе аутентичного документа следует также обращать внимание на языковое многоголосье, региональные особенности, все то, что составляет социокультурный компонент при обучении иностранному языку. Безусловно, выбирая аутентичный материал, необходимо продумать в какой момент занятия его использовать, с какой целью, спрогнозировать ожидаемый результат. Как известно, коммуникативно-деятельностный подход к обучению предполагает организацию занятий как учебной деятельности, направленной на постановку и решение учащимися конкретной учебной задачи. Объектом обучения с позиции названного подхода должна быть речевая деятельность в таких ее видах, как слушание, говорение, чтение, письмо. Всем перечисленным видам речевой деятельности можно обучать с помощью аутентичного материала. Авторы учебно-методических комплексов и учебных пособий предлагают упражнения, разработанные на базе такого материала в содержании, однако отметим, что, окружающий нас мир и общество развивается и изменяется, и идти в ногу со временем возможно только дополняя занятие по иностранному языку аутентичным материалом.

Возникает вопрос, на каком этапе обучения целесообразно начинать использование аутентичных материалов? Так, например, Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез, говоря об аутентичных текстах, признают их достоинства в качестве образцов реальной коммуникации, со всеми свойственными ей характеристиками. Такая речь отличается перебивками, повторами, исправлениями, недосказанностью, излишней эмоциональностью, образностью, менее четкой организацией в области синтаксиса и др. Однако, по их мнению, при обучении аудированию в общеобразовательной школе эти сложности, как правило, непреодолимы [3, 172].

Нам представляется, что использование аутентичных материалов на начальном этапе обучения возможно и, как нам кажется, необходимо, поскольку сразу помещает учащегося в своеобразный контекст, отражающий иную реальность, другие языковые модели. Главным остается, по нашему мнению, правильный отбор материала и верно выбранный подход к организации занятия. Использование аутентичных материалов на начальном этапе обучения является необходимым и с точки зрения изменений, внесенных в последнюю редакцию Европейского языкового портфеля, где описываются компетенции, которыми должен владеть учащийся, на том или ином уровне [3]. Так, например, на самом начальном уровне предполагается умение обмениваться короткими сообщениями, используя современные средства связи или сеть интернет, сообщая краткую информацию о себе или реагируя положительно или отрицательно на информацию, полученную от собеседника.

Необходимо заметить также, что в последнее время появляется все больше интернет-ресурсов, предлагающих уже готовые решения и модели уроков для преподавателей иностранного языка, многие из которых используют такой вид наглядности как кино и телевидение. Известно, что они обеспечивают такие стимулы, которые не могут создавать преподаватель или учебник, т. е. показ на экране жизненных ситуаций, позволяющих действующим лицами совершать речевые поступки в социальном и культурном контексте, в определенном пространстве и во времени, что соответствует реальному устному общению. С их помощью реализуется, кроме того, динамическая модель коммуникации (жесты, мимика, паузы, интенции и др.) [3, 199].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе вклад преподавателя иностранного языка в формирование человека нового поколения, обладающего умением общаться с представителями других культур, является очень весомым. Однако, одновременно, это предъявляет и повышенные требования к самим преподавателям, которые не могут оставаться в стороне от происходящих изменений и должны использовать весь арсенал современных средств, включая, безусловно, и аутентичные документы, для достижения поставленных целей.

Литература

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов – СПб.: Златоуст, 1999. – С. 34.
2. *Барышников Н.В.* Методика обучения второму иностранному языку в школе. – М.: Просвещение, 2003. – С. 63.
3. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 194.
4. *Михалева И.М.* Структура художественного текста и ее анализ с помощью интертекстов // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания: Тезисы докладов и сообщений VII международного конгресса МАПРЯЛ. – М., 1990. – Т. I. – С. 77.
5. *Халеева И.И.* Основы теории обучения понимаю иноязычной речи (подготовка переводчика). – М.: Высшая школа, 1989. – С. 193.
6. *Щепилова А.В.* Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. – М.: Гуманитар.изд.центр ВЛАДОС, 2005. – С. 239.
7. *Щукин А.Н.* Обучение иностранным языкам: Теория и практика. 2 изд.,испр. и доп. – М.: Филоматис, 2006. – С. 139.
8. Jean-Pierre Cuq, 2003, Dictionnaire de didactique du français langue étrangère et seconde, Paris, asdifle/Clé International. – P. 29.
9. Cadre européen commun de référence pour les langues: apprendre, enseigner, évaluer. Volume complémentaire avec de nouveaux descripteurs Conseil de l'Europe | Conseil de l'Europe. Division des Politiques éducatives. Service de l'Education | 2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://liseo.ciep.fr/index.php?lvl=more_results&autolevel1=1&opac_view=1.

Головчанская Раиса Григорьевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков Карельского
филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ИЗ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЕЙС-МЕТОДА НА ЗАНЯТИЯХ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Golovchanskaya Raisa G.,
Senior Tutor of the Foreign Languages
Department, the Karelia branch of RANEPА

FROM THE EXPERIENCE OF USING CASE-STUDY METHOD AT THE LESSONS OF BUSINESS ENGLISH

Аннотация: кейс-метод широко используется во многих дисциплинах на протяжении длительного времени. Это можно объяснить тем, что он дает возможность применять теоретические знания, полученные на лекциях и занятиях, в конкретных реальных ситуациях. Компетентностный подход, который стал основой современного образовательного процесса в высших учебных заведениях, требует от выпускников вузов таких навыков. При изучении иностранных языков студенты решают несколько задач, среди которых и язык, как таковой, а также конкретные задачи реальной жизни. Кейс-метод особенно рекомендуется в рамках блока «Деловой английский», когда студенты имеют дело с проблемами, с которыми столкнуться в будущем с одной стороны, а также не могут обойтись без расширения своего вокабуляра. Такие ситуации могут варьировать, и специалисты решают их в различных сферах. В данной статье рассматривается опыт использования кейс-метода на занятиях делового английского языка в Карельском филиале РАНХиГС.

Abstract: case-study method has been used in many disciplines for a long time. It can be accounted for by the fact that the method gives an opportunity to apply theoretical knowledge received during lectures and classes in real specific situations. A competence approach which has become a basis of the modern educational process in higher schools demands such skills from final-year students. When studying foreign languages, students solve a few tasks, among which is a language as it is and real specific situations. Case-method at the lessons of foreign languages is especially recommended within the block “Business English” when students have to deal with problems they may face in the future on the one hand, and broaden their vocabulary on the other hand. There may be very different situations in

real life when they start working as specialists in this or that sphere. This article aims to describe how case studies are used at the lessons of Business English in the Karelian Branch of RANEPА.

Ключевые слова: кейс-метод, иностранные языки, ситуация, компетентностный подход, словарный запас.

Keywords: case-method, foreign languages, specific area, competence approach, vocabulary.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: *14.35.09 Высшее профессиональное образование. Педагогика высшей школы*

Кейс-метод широко используется в образовательном процессе во всем мире еще с 20-х годов прошлого столетия. Название «кейс-метод» исходит из латинского термина «казус» – необычный, запутанный случай. В английском языке существует слово “case” – портфель, чемоданчик. Кейс-метод в образовательном процессе – это анализ определенных учебных ситуаций, разработанных на базе фактического материала. Для осмысления и принятия решения студенту поневоле приходится применять полученные теоретические знания в конкретном случае. При этом возможно не одно, а даже несколько решений ситуации.

Несмотря на то, что этот метод использовался еще в античные времена, когда спартанские воины совместно с наставниками обсуждали ситуации, возникавшие на поле боя, он нашел подтверждение правомочности и в современном образовательном процессе, основанном на компетентностном подходе. Новые образовательные стандарты предполагают умение применять приобретенные знания для решения конкретных жизненных ситуаций, что развивается при использовании кейс-метода. Знания и навыки, приобретенные самостоятельно, намного прочнее, чем те, которые получены в готовом виде.

Принято считать, что кейс-метод был разработан в бизнес-школе Гарварда. Преподаватели Гарварда столкнулись с проблемой отсутствия учебного материала для реализации учебной программы в бизнесе. Невозможно обучить студентов лишь при помощи лекций и учебников. Преподаватели стали разрабатывать определенные ситуации из опыта работы реальных компаний или

организаций. Студентам предлагалось ознакомиться с ситуацией и прийти к определенному решению через коллективное обсуждение. Такой метод стал популярен во многих дисциплинах, таких как экономика, политология, психиатрия, машиностроение, при изучении которых востребованы навыки решения сложных проблем. Кейс-метод обучения – это обучение действием, он используется в образовательных учреждениях, описывает проблемы конкретных людей, пар, групп, общественных организаций, компаний, или даже целой нации. Вероятно, по этой причине такой метод применим и эффективен и при изучении иностранных языков в рамках различных дисциплин: Иностранный язык, Иностранный язык в профессиональной сфере, Иностранный язык профессиональных коммуникаций и т. п. В данной статье рассматривается опыт применения кейс-метода блока “Business English” дисциплины Иностранный язык в профессиональной сфере.

Прежде чем приступить к описанию конкретного опыта, приведем аргументы, почему кейс-метод является одним из эффективных методов при изучении иностранных языков. Этот метод дает возможность студентам прочитать, понять и обсуждать конкретную проблему в той или иной области, с чем приходится сталкиваться в реальной жизни. Предполагается, что студенты будут находить логическое решение данной проблемы. Каждый кейс представлен студенту таким образом, что он остается на стадии принятия решения. «Кейс-пакет» обычно дает описание истории нынешней ситуации, и какие возникли проблемы на данном этапе. Более полная картина ситуации может быть представлена в различном виде для ее полного понимания: это и таблицы, и диаграммы, и даже фотографии, не говоря уже о текстовом представлении ситуации. Все это делает кейс более реалистичным для студентов. Они должны принять решение о действиях при конкретных условиях. Студенты просто не могут оставаться пассивными наблюдателями, но учатся фокусироваться на конкретных действиях и принимать решения. Студенты должны проанализировать ситуацию, выявить необходимые компоненты, отвечающие поставленной задаче, представить различные варианты решения и выбрать лучшие из них. Таким образом, кейс-метод можно рассматривать как инструмент внедрения конкретных

ситуаций из реальной жизни в аудитории. Именно умение решать конкретные проблемы на основе полученных знаний отражает требование к формированию компетенций при обучении студентов – будущих менеджеров и госслужащих.

Если говорить о языковой стороне метода, преимущества работы с конкретной ситуацией очевидны: помимо общих терминов и вокабуляра, предназначенного для освоения в рамках той или иной темы, студентам приходится прибегать к дополнительному словарю, который поможет разобраться в той или иной ситуации. Расширяется вокабуляр, и, что очень важно, становится необходимой работа со словарем, которую зачастую студенты игнорируют, опираясь лишь на общее понимание текста.

Представление результатов работы над конкретной ситуацией осуществляется одним студентом или командой в зависимости от исходного задания. Кейс-метод предполагает споры, дискуссии, аргументацию. Уже в процессе работы над кейсом студенты учатся слушать друг друга, уважать точку зрения своих коллег, соблюдая нормы и правила общения. Они учатся, когда и как реагировать на представленную информацию, тем самым развивая свои аналитические навыки. Студенты учатся использовать различные технологии, принципы и концепции при анализе ситуации. Помимо этого, они должны представить наиболее убедительным образом результаты своего исследования перед аудиторией. Для этого студентам приходится проявить определенную креативность, продумать определенный план презентации и общения с аудиторией, которая будет принимать участие в обсуждении результатов работы над кейсом. Важная роль в таком процессе отведена преподавателю: подготовить языковую и тематическую основу кейса, не допускать конфликтов и, наоборот, способствовать созданию обстановки сотрудничества.

В качестве примера приведем опыт использования кейс-метода в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере» для студентов направления «Государственное и муниципальное управление». В блоке «Деловой английский язык» студентам дается тема “SWOT”-анализ. Довольно сложная терминология отрабатывается на занятиях различными заданиями: упражнения, направленные на закрепление лексики, работа с текстом, на базе

которого студентам предлагаются задания по составлению элементов “SWOT”-анализа, аудирование. Однако работа над каким-то абстрактным кейсом, предложенным учебным материалом даже высокого уровня, не вызывает у студентов особой заинтересованности. Возникают определенные трудности при дифференциации «слабых сторон» и «угроз», «сильных сторон» и «возможностей».

Поэтому на следующем этапе студентам предлагается домашнее задание: подготовить “SWOT”-анализ конкретного предприятия/организации, с которыми они уже знакомы в качестве клиента. Языковая группа делится на три-четыре команды по три-четыре человека (в зависимости от наполняемости группы). Студентам были предложены такие варианты кейсов, как супермаркет «Сигма», сеть аптек «Калина-FARM», одно из ведущих предприятий города «Атоммаш» / РЖД, а также образовательное учреждение, в котором они учатся – Карельский филиал РАНХиГС. Каждая команда представляла одну организацию или предприятие. Поскольку студенты уже знакомы с лексикой для составления “SWOT”-анализа и самим понятием “SWOT”-анализа, задача на данном этапе заключается в том, чтобы рассмотреть и проанализировать конкретный пример. Студентам не дается проблема в открытом виде. Они должны вычленить ее из той информации, которая известна им как клиентам и из той, которую им предстоит освоить. Дополнительную информацию студенты получают или от преподавателя, или из сайтов конкретных предприятий/организаций.

Преподаватель дает определенные рекомендации: о распределении обязанностей в команде, источники получения более полной информации и возможности представления результатов исследования. Мы рекомендуем не опираться на принцип дружбы или симпатий при формировании команды. В реальной ситуации студентам придется сталкиваться с различными типами людей. Им необходимо учиться и этому. В целом, задачи преподавателя можно определить следующим образом:

- подготовить начальный материал кейса,
- распределить студентов по группам,
- четко поставить задачу – подготовить “SWOT”-анализ,
- ознакомить студентов с условиями представления результатов,

- ознакомить студентов с системой оценивания результатов и сроков выполнения,
- организовать презентацию результатов исследования,
- организует общую дискуссию,
- приводит общий анализ всех презентаций,
- приводит анализ и оценивание каждого студента.

Далее следует самостоятельная работа студентов. Студенты распределяют задания в команде по поиску и исследованию материала по данному кейсу. Для того чтобы результаты анализа ситуации, а в данном случае это “SWOT”-анализ предприятия или организации, представлялся как результат работы команды, невозможно обойтись без совместного обсуждения ситуации в команде на подготовительном этапе. Было бы наивным предполагать, что обсуждение во всех командах осуществляется на английском языке. Наиболее мотивированные студенты действительно работают на английском языке и в представлении результатов это видно. Однако если даже «спускаются» на родной язык, это можно предполагать, так как возникают споры, приходится доказывать свою точку зрения. Иногда эмоциональность процесса обсуждения опережает автоматизм использования различных речевых клише, с которыми студенты уже работали ранее. Нам представляется, что даже обсуждение на родном языке полезно, поскольку воспитывает у студентов уважение к точке зрения коллег, умение сконцентрировать свои возможности для убедительности при отстаивании своей точки зрения.

Как правило, студенты предпочитают оформлять результаты исследования в виде презентации. Они распределяют «роли» в своем докладе. В данном случае это легко выполнимо: один студент рассказывает о сильных сторонах предприятия (S), второй студент о слабых сторонах (W), третий студент говорит о возможностях (O) и, наконец, четвертый студент докладывает об угрозах (T), с которыми может столкнуться предприятие или учреждение. Студенты рассказывают о знакомом предприятии / учреждении, но уже не в качестве клиента, а в качестве экономического эксперта. Поэтому такая работа вызывает у них интерес. Более того, был пример, когда доклад студентов о “SWOT”-анализе Карельского филиала РАНХиГС был выполнен на очень высоком уровне

и в плане анализа, и языковой подготовки, и представления результатов. Он был рекомендован для доклада на ежегодной студенческой научно-практической конференции.

Очень важное место в кейс-методе занимает дискуссия. Все студенты присутствуют на презентации результатов исследования. По окончании презентации они задают уточняющие вопросы, предлагают свою точку зрения, иногда отличную от представленной. При этом им приходится доказывать, проявлять способности аргументировать и обосновывать. Чаще всего, дискуссия сводится к разбору ситуации. Разбор языковой стороны презентации чаще всего приходится делать преподавателю, что представляется нам вполне обоснованной задачей.

Следующий этап – оценивание результатов работы студентов. Преподавателю не представляется возможным отслеживать все этапы освоения студентами темы “SWOT”-анализ на английском языке. Он может оценить их работу на первичном этапе, на котором вводится и отрабатывается лексика, а также на заключительном, когда студенты представляют результаты своих исследований. Выпадает промежуточный этап, когда студенты самостоятельно работали над поиском, обработкой информации, подготовкой “SWOT”-анализа, а также оформлением результатов исследовательской деятельности. Конечно, преподаватель может предполагать, какой вклад внесли те или иные студенты в данную работу. Преподаватель предлагает команде самостоятельно оценить вклад членов команды в подготовку к представлению результатов.

Подобный метод – кейс метод работы над хорошо знакомым предприятием или учреждением – позволяет решить многие задачи.

Среди образовательных задач можно выделить следующие:

– умение работать с текстом и находить необходимую информацию;

– умение анализировать (развитие мыслительных способностей);

– нахождение возможных вариантов решения;

– представление результатов исследования.

В языковом плане предоставляется возможность

– закрепить лексический материал по заданной теме;

– расширить границы заданного объема лексики исходя из индивидуальных данных;

– совершенствовать навыки устной и письменной речи.

Решение воспитательных задач заключается в том, что студенты

– учатся взаимодействовать и работать в команде;

– учатся уважительно относиться к членам коллектива.

Таким образом, достигается цель развития коммуникативной компетенции на основе исследовательских и аналитических умений и навыков командной работы. Знания усваиваются и умения формируются в результате активной самостоятельной деятельности студентов по решению конкретных задач определенной ситуации. Кейс-метод дает возможность оптимально сочетать теорию и практику, что представляется необходимым при подготовке специалиста через неоднократное применение подобного метода у студентов вырабатывается устойчивый навык решения конкретных практических задач.

Источники и литература

1. Агафонова Е.А. К вопросу о применении метода Case-study и использовании Интернет-ресурсов как активных методов обучения иностранному языку в техническом вузе / Е. А. Агафонова // Молодой ученый. – 2011. – № 6. Т. 2. – С. 114–116.

2. Вербицкий А.А., Ларинова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. – М.: Логос, 2011. – 334 с.

3. Ильина О.К. Использование кейс-метода в практике преподавания английского языка / О.К. Ильина // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Шестой межвузовский семинар по лингвострановедению. Языки в аспекте лингвострановедения: сб. научн. статей в 2 ч. Ч. 1. / под общ. ред. Л.Г. Ведениной. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – С. 253–261.

4. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студ. вузов / Полат Е.С.; Бухаркина М.Ю. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 368 с.

5. Güçeri M., Akin A.R. Case Studies in Education // English Teaching Forum. – 1998. Vol. 4 (36). – P. 18–21.

6. <https://mgimo.ru/files/116625/116625.pdf>.

7. https://xn--j1ahfl.xn--p1ai/library/tehnologiya_case_study_na_urokah_anglijskogo_yazika_145304.html.

Макарова Ирина Владимировна,
старший научный сотрудник, доцент кафедры
французского языка и лингводидактики
Московского городского педагогического университета

Касьянова Наталья Борисовна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
французского языка и лингводидактики
Московского городского педагогического университета

**ПРОЕКТ ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИКТ «ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ШАНСОНА»:
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Makarova Irina V.,
Senior Research Scientist, Associate Professor, the Department of
the French language and Linguodidactics, Moscow City University

Kasyanova Natalia B.,
PhD in Philological Sciences, Senior Teacher, the Department of
the French language and Linguodidactics, Moscow City University

**PROJECT OF ELECTIVE COURSE USING ICT
“HISTORY OF FRENCH CHANSON”:
LANGUAGE ASPECT**

Аннотация: в докладе обосновывается необходимость детальной разработки элективных курсов лингвострановедческого характера, предоставляющий возможность студентам различных специальностей выбрать образовательный маршрут. Представлена модель такого элективного образовательного курса – ЭОР, построенного с помощью программы iSpring. На примере французского шансона описана возможность включения межкультурного компонента в обучение, мотивирующего познавательность обучающихся развивающего способность к межкультурному общению. Доказывается, что всестороннее знакомство студентов с французским шансоном как культурным и лингвистическим явлением, закрепление изученного путем выполнения интерактивных творческих заданий способствует диверсификации учебного процесса. Показывается, что использование интерактивных материалов позволяет сравнить понимание такого лингвокультурного явления, как шансон, в России и во Франции.

Abstract: the report proves the need for a detailed development of culture-oriented linguistics elective courses, which provides an opportunity

for students of various specialties to choose an educational route. A model of such elective educational course – EEC created with the help of the iSpring program is presented. By the example of the French chanson, the possibility of the intercultural component inclusion in education, which motivates students' cognition and developing ability to intercultural communication is described. It is proved that student's comprehensive acquaintance with the French chanson as a cultural and linguistic phenomenon, the consolidation of the studied by performing interactive creative tasks contributes to the educational process diversification. It is shown that the use of interactive materials allows to compare the understanding of such linguistic and cultural phenomena as Russian and French chanson.

Ключевые слова: электронный образовательный ресурс, элективный курс, французский шансон, современные технологии обучения.

Keywords: electronic educational resource, elective course, French chanson, modern learning technologies.

Разделы рубрикатора ГРНТИ: 372, 881, 113, 31 *Педагогические науки, обучение языкам*

Современный образовательный процесс в высшей школе ориентирован на поддержание инновационного характера образования, нацеленного на воспитание конкурентоспособной личности, которая будет обладать высоким профессиональным и культурным уровнем. Приобретение такой личностью соответствующих компетенций и навыков не может быть обеспечено только за счет базовых и профильных курсов. Для успешного внедрения инноваций ФГОС ВО важно включение в образовательные программы элективных курсов [6; 8].

Элективность (от лат. *Electus* – избранный) основывается на принципе построения образовательного процесса активного типа: «предоставление слушателям максимально возможной самостоятельности выбора образовательных маршрутов», получение «уникального набора знаний <...>, отвечающего индивидуальным склонностям обучающихся» [4]. Приобретение субъектом обучения возможности регулировать свой учебный процесс ведет к постепенному вытеснению классно-урочной системы передачи знаний и все большему расширению иных образовательных форм, что требует от высших учебных заведений

переосмысления подходов и методов преподавания [9]. Одной из таких форм передачи знаний является элективный курс.

Ученые отмечают, что в методических и иных исследованиях проблеме развития путей и средств разработки содержания элективных курсов пока уделяется недостаточное внимание [4]. Поэтому представляется интересным рассмотреть пример разработки такого курса, предназначенного для всех студентов Московского городского педагогического университета, которые могут выбрать из общего для вуза списка элективов любое из предложенных направлений в соответствии со своими образовательными потребностями. Важно иметь в виду, что при выборе электива студенты руководствуются различной мотивацией: личностное развитие, углубление профессиональных знаний и т. п. [5]. Таким образом, на один электив могут быть записаны как студенты непрофильных специальностей, активно интересующиеся заявленной темой, но не имеющие соответствующий знаний, либо имеющие недостаточные знания, так и студенты, выбравшие данный курс, так как он связан с их будущей профессиональной деятельностью.

Опыт кафедры французского языка и лингводидактики института иностранных языков учитывает подобное разнообразие адресата, различия в его подготовленности, что требует от преподавателей кафедры расширения формата курса, его насыщения социокультурной, лингвострановедческой информацией. Одной из таких попыток стала разработка проекта элективного курса с использованием ИКТ «История французского шансона».

Французский шансон всегда вызывал интерес у студентов в силу своей аттрактивности. Это закономерно, поскольку музыка «влияет на эмоциональный и интеллектуальный рост личности, стимулирует активизацию познавательной деятельности <...> передает общественный опыт и особенности конкретного сообщества <...>. Всякая музыка – это сообщение, оставленное во времени и пространстве», а песни отражают социокультурную специфику общества [3]. В своем исследовании, посвященном формированию диалогизированной социокультурной компетенции на материале аутентичных песен, Е.В. Логинова отмечает, что данная компетенция, «формируемая на материале аутентичных песен,

представляет собой интегральную совокупность социокультурных знаний, умений и способностей, обеспечивающих адекватное восприятие иноязычной социокультурной реальности» [7].

Таким образом, студенты, как филологи, так и не филологи, выбравшие изучение французского шансона, могут удовлетворить потребности в познании и интеллектуальном росте, а также расширить свои социокультурные возможности. Данный курс позволяет студентам пройти обучение в русле межкультурной коммуникации – выработать ориентиры в быстро меняющемся мире, который ставит человека «перед необходимостью принятия нестандартных решений в связи с тем, что скорость глобальных перемен, лавинообразность событий на международной арене, непредсказуемость их последствий для межгосударственных отношений отражаются со всей полнотой на характере и содержательно-структурной специфике коммуникации, в которой участвуют представители разных культур» [10].

По мнению Л.В. Банниковой, реализация такого курса требует использования «инновационных методов и технологий обучения (проектной деятельности, обучения с применением мультимедийных средств и др.), направленных на формирование у студентов практической готовности к межкультурному иноязычному общению» [1]. В данном курсе в рамках проектной деятельности студентам предлагается создать свой продукт на базе iSpring – платформы, которая позволяет создавать хорошо структурированный привлекательный мультимедийный материал. Применение разнообразной графики, анимации, интерактивности способствует повышению привлекательности курсов, которые разрабатываются на базе iSpring [2; 11].

Предлагаемый мультимедийный курс разбит на относительно небольшие, логически замкнутые части (разделы). Среди основных требований при построении структуры курса следует отметить: логичность выделения структурной единицы, наличие для студента возможности прямой навигации из любой структурной единицы в любую другую, логически с ней связанную, возможность перейти от одного раздела курса к другому. Интересный фактологический материал является важной чертой построения таких курсов. Перед автором проекта ставится цель, чтобы при

практическом обучении материал 'захватывал'. Такая цель достигается путем выбора самых ярких фигур французского шансона (Эдит Пиаф, Шарль Азнавур, Ив Монтан, Мирей Матье и др.), использования интерактивного формата, позволяющего в занимательной форме познакомиться с биографией шансонье, послушать лучшие песни, подробно изучить их тексты, посмотреть видеоматериалы.

При создании и построении элективных курсов, представляющих информацию, направленную на знакомство с французской песенной культурой и искусством, была соблюдена определенная структура:

- названы авторы курса;
- размещено введение с краткой характеристикой курса, целями и задачами курса;
- размещен основной контент в виде модулей с иллюстрациями и определениями, ссылками на другие страницы курса;
- каждый модуль получил свой заголовок;
- в конце курса предложен заключительный тест, представляющий собой разнообразные типы вопросов по пройденной тематике курса.

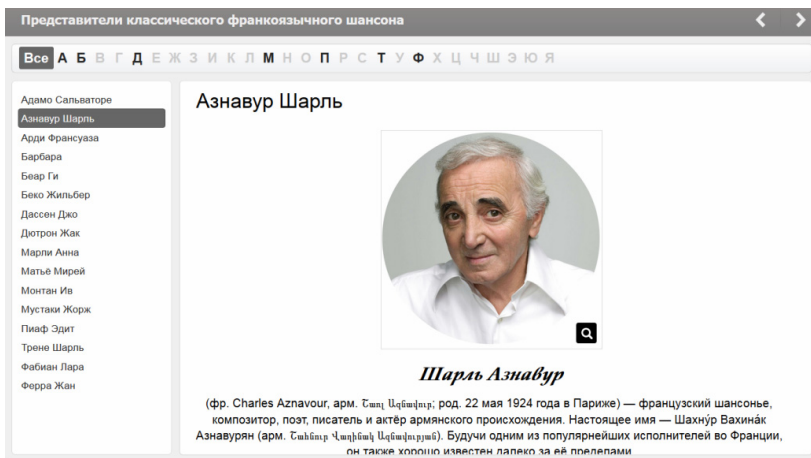

Рис. 1. Интерактивность курса, сделанная в виде каталога представителей французского шансона

Сальваторе Адамо

Чуть позже Шарля Азнавура на Олимп французской сцены поднимается **Сальваторе Адамо**, который в 60-х годах исполнил свою знаменитую песню «Tombe la neige» (падает снег), которая до сих пор остается визитной карточкой артиста.

Рис. 2. Интерактивность курса, сделанная в виде временной шкалы «История французского шансона»

Представленный курс может быть использован как модель для создания аналогичных элективов по различным направлениям лингвострановедения: история, география, кинематография, литература, гастрономические пристрастия и т. д. Появление разнообразных элективных курсов будет способствовать диверсификации образовательного процесса.

Источники и литература

1. Банникова Л.В. Формирование готовности студентов педагогических вузов к музыкально-фольклорной работе с учащимися в рамках преподавания французского языка // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47). – С. 125.
2. Герасимова С.А., Макарова И.В. Использование обучающей платформы ISPRING при преподавании иностранного языка // Магия ИИНО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике сборник научных трудов. – М.: МГИМО. – 2017. – С. 293–300.
3. Ерыкина М.А. Методика интеграции аутентичного песенного материала в систему средств обучения иностранному языку (английский язык; неязыковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. – М., 2017. – С. 33.

4. *Ионова Ю.В.* Элективные курсы как способ реализации компетентностного подхода в образовании // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2015. – № 2. – С. 58.
5. *Ионова Ю.В.* Указ. соч. – С. 61.
6. *Лебедева С.Н.* Формирование элективного курса в вузе на основе компетентностного подхода // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – С. 81–82.
7. *Логинова Е.В.* Формирование диалогизированной социокультурной компетенции на материале аутентичных песен при обучении французскому языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Томск, 2006. – С. 7.
8. *Макарова Е.Е.* Содержание лингвокультурологической компетентности студентов гуманитарных специальностей вуза // Образование и наука. Известия УРО РАО. – 2009. – № 2 (59). – С. 78–84.
9. *Тарева Е.Г.* Педагогический дискурс как объект лингводидактического рассмотрения (ориентиры обновления процесса подготовки учителей иностранного языка) / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков: Материалы международной конференции. – М: МГПУ; Языки народов мира, 2016. – С. 177.
10. *Тарева Е.Г.* Устная межкультурная коммуникация: проблемы трудностей понимания // Вестник ПНИПУ. Серия: Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 1. – С. 71.
11. *Vikulova L.G.* Features of iSpring Suite learning platform for teaching foreign languages / L.G. Vikulova, I.V. Makarova, S.A. Gerasimova // Espacios. 2018. – Т. 39. – № 20. – S. 5.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: ЭПОХА, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

Бочкарев Андрей Евгеньевич,
доктор филологических наук, доцент,
профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
e-mail: bochkarev.andrey@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»)

Bochkarev Andrey E.,
Dr. Hab. (Philology), Associate Professor,
Professor at Literature and Intercultural Communication Department,
National Research University “Higher School of Economics”
(Nizhniy Novgorod)

ABOUT THE INTERPRETATION OF METAPHORS (IN MARCEL PROUST’S NOVEL “IN SEARCH OF LOST TIME”)

Аннотация: в когнитивной обработке смысл анализируемой языковой последовательности обычно выводится путем подгонки к заведомо известным моделям понимания. Особый эвристический интерес представляют вместе с тем ситуации, когда для решения поставленной задачи не подходит ни одна из известных когнитивных моделей. К таким ситуациям можно отнести эпизоды из романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» о цветущем боярышнике, переосмысляемом по правилам символической транспозиции по аналогии с представителями других предметных областей: алтарем, витражом, музыкальной фразой, живописным произведением, девичьими веснушками, губами, шелком, гипюром, бисквитом, творогом с клубникой и проч. В терминах бл. Августина это *transcensus sui ipse*, в терминах Пирса – перевод в другие символы, в терминах Якобсона и Греймаса – перекодировка, а в определении самого Пруста – *ailleurs* или *au-delà*.

Abstract: in cognitive treatment the meaning of the analyzed linguistic sequence is usually inferred on the basis of some familiar models of understanding. However, there are many instances, such famous sequences with hawthorn in M. Proust's novel 'In Search of Lost Time', where no one known cognitive model is suitable. By analogy with representatives of other conceptual areas the hawthorn in blossom is converted, contrary to common sense, into a church altar; its various parts turn into tabernacle, stained-glass windows, gothic naves, musical phrase, painting work, girl's skin, freckles, lips, silk, guipure, biscuit, or cottage cheese mixed with strawberry fruits. In terms of St. Augustine it is transcensus sui ipse; in terms of Pierce it is a transfer to other symbols; in terms of Jakobson and Greimas it is a recoding; and for Proust himself it is a crossing beyond: *ailleurs* or *au-delà*.

Ключевые слова: пруст, когнитивная метафора, проблемные высказывания, когнитивная депрессия, образец, оценка.

Keywords: proust, cognitive metaphor, problematic statements, cognitive depression, analogon, evaluation.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.21.33 *Лингвистика текста*

В когнитивной обработке смысл анализируемой языковой последовательности выводится на основе предшествующих знаний путем подгонки к заведомо известным моделям понимания – прототипам (Э. Рош), лексическим стереотипам (Х. Патнэм), фреймам (Ч. Филлмор), идеализированным когнитивным моделям (Дж. Лакофф). Так понимание становится отчасти «предпониманием» (М. Хайдеггер), «антиципацией смысла» (Х.-Г. Гадамер). Особый эвристический интерес представляют вместе с тем такие ситуации, когда для решения поставленной задачи не подходит ни одна из извлекаемых из памяти когнитивных моделей; и субъекту не остается ничего другого, как искать методом проб и ошибок некоторую дотоле неизвестную модель понимания.

К таким ситуациям можно, очевидно, отнести и многочисленные метафорические преобразования в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», в том числе широко известный эпизод о цветущем боярышнике, переосмысленном по правилам символической транспозиции как означающее других означаемых [1]. Включение 'aubérine' *боярышник* в соответствующий

естественный класс позволяет, безусловно, идентифицировать некоторые онтологические свойства, которыми наделяется по определению всякий индивидуальный представитель рода деревьев и кустарников семейства розоцветных. Но суждения вида *Боярышник – это колючий кустарник* или *Боярышник – это декоративное растение, которое можно использовать в качестве живой изгороди* не кажутся повествователю информативными, ни тем более исчерпывающими. И дело здесь даже не в диффузности таксономических предикатов типа *принадлежать семейству розоцветных*, *быть живой изгородью* или *быть декоративным растением*, а в презумпции, что возложенный на алтарь «в месяц девы Марии» боярышник обладает каким-то особым, тайным смыслом, трудно поддающимся экспликации.

За невозможностью понять, что скрывается за внешней оболочкой растения, Марсель даже впадает в когнитивную депрессию, преодолеть которую удастся только посредством аналогии с представителями других предметных областей, в том числе витражом, алтарем, музыкальной фразой, живописным произведением, девичьими веснушками, губами, праздничным убором, шелком, гипюром, бисквитом, творогом с клубникой и прочими возделанными вещами 1. Так *'aubépine'* *боярышник* подводится под категорию символических объектов 2, познать которые можно только путем преобразования в другие знаки 3. В этой связи нельзя не задаться вопросом, почему вопреки сложившейся традиции в метафорическом отображении избираются такие, а не какие-то другие вспомогательные объекты; и как, наконец, объяснить финальную дефиницию: *l'arbuste catholique et délicieux?*

Как справедливо замечает Ж. Женетт, отправным ориентиром здесь служит нередко такой весьма существенный для прустовской эстетики фактор, как пространственно-временная смежность референтов, а непосредственным стилистическим выражением – метафора с метонимическим основанием: «ассимиляция по принципу соседства» [4]. От отношения смежности легко действительно перейти к отношению подобия. Поскольку ветвями цветущего боярышника украшают к празднику девы Марии алтарь, боярышник уподобляется по смежности алтарю, а затем и некоторым другим элементам архитектуры и внутреннего убранства церкви – витражам, нервюрам, розе,

клиросу, потиру, дароносице и даже, наконец, богослужению, таинству культа девы Марии, мистической торжественности и народному ликованию. Так задается образ боярышника-церкви по формуле $x_1 \rightarrow y_1, x_2 \rightarrow y_2, x_n \rightarrow y_n$ (где x_1, x_2, x_n элементы дескриптивной системы растения; y_1, y_2, y_n элементы дескриптивной системы церкви): ср. *étamines* → *nervures, meneaux du vitrail, rose de l'église, feuillage* → *verrière*; *calice de fleur* → *calice*; *pistils* → *chœur d'une basilique*.

Внешним толчком для переосмысления привычного значения служит, кроме того, сдвиг референтной ситуации, а именно такая выведенная в фокус деталь, как розовый цвет шипа-колючки 4: *En effet c'était une épine, mais rose, plus belle encore que les blanches*. Различие по цвету преобразуется в различие по качеству: 'épine blanche' /0/ < 'épine rose' /+1/, а затем возводится в основание сравнения с элементами других предметных областей, в том числе богатым праздничным убором: ср. *Elle aussi avait une parure de fête, de ces seules vraies fêtes que sont les fêtes religieuses*, украшенным помпонами посохом эпохи рококо: ср. *...comme des pompons qui enguirlandent une houlette rococo*, накрахмаленным розовым платьем: ср. *fraîche toilette rose*, творогом с клубникой: *le fromage à la crème rose, celui où l'on m'avait permis d'écraser des fraises*, розовым бисквитом: ср. *...d'une qualité supérieure selon l'esthétique de Combray, si l'on en jugeait par l'échelle des prix dans le «magasin» de la Place ou chez Camus où étaient plus chers ceux des biscuits qui étaient roses*, музыкальным произведением в оркестровом исполнении: ср. *aubépine pour l'orchestre, sonate en rose, rougeoyant septuor* и т. д.

Умозаключение строится, по сути, по формуле: x_1 наделяется в категории X такой же высокой оценкой, как y_1 в категории Y , z_1 в категории Z . Разумеется, в специальном смысле такое рассуждение не имеет силы, но чтобы установить аналогию, этого в принципе не требуется. Аналогия зиждется на сложившемся в ассумптивном универсуме Марселя мнении: все вещи розового цвета, будь то колючка, праздничный наряд, бисквит или творог с клубникой, обладают в оценочной иерархии особой ценностью. При этом семантическим оператором, позволяющим внести коррективы в истинностное значение заведомо ложных суждений, служат компаративная связка *comme* в функции ограничителя: ср. *comme les mille nervures d'un portail gothique*, уравнительный контекст в виде

синтаксической конструкции N_1 есть N_2 : ср. *finés et rayonnantes nervures de style flamboyant*, ментальный предикат *faire penser à*: ср. *me faisaient penser <...> aux nervures gothiques d'un vitrail* и проч.

Так приходим к следующим выводам:

- В многоступенчатой транспозиции не может не измениться существенным образом значение. Так, наряду с общеизвестными таксономическими признаками франц. *aubépine* определяется в прустовском идиолекте еще и по некоторым актуализированным в контексте акцидентным признакам, в том числе «католический» в отношении к *autel de la Vierge, mois de Marie* или *église*, «праздничный» в отношении к *robe de fête, parure* или *pompons*, «эстетичный» в отношении к *intervalles musicaux, quatuor* или *peinture à l'huile*, «вожделенный» в отношении к *fromage à la crème rose, biscuit rose, gâteau à l'amande* и проч.

- Необходимым и достаточным условием экспликации закауфлированного смысла становится некоторый избираемый по случаю образец (analogon) в функции вспомогательного объекта по эстетическому преобразованию реальности: *formule révélatrice d'une vérité esthétique enfin conquise*.

- Языковым ресурсом по преодолению семантической аномалии служат семантические операторы в функции ограничителя, в том числе уравнительный контекст N_1 есть N_2 , компаративная связка *comme* «как», ментальные предикаты *penser* «считать», *croire* «думать», *sembler* «казаться» и проч.

- В контексте мнения достаточным основанием суждения может быть только мнение.

Примечания

1. Символически пересечение разных концептуальных областей можно представить так: $A \cap B = \{x_1, x_2, x_n \in A \wedge y_1, y_2, y_n \in B\}$, где A и B обозначают пересекающиеся семантические области, \cap – частичное их пересечение в контексте, \in – принадлежность области, \wedge – конъюнкцию, а фигурные скобки – границы множества, образовавшегося в результате пересечения двух семантических областей.

2. Ж. Делёз определяет их как «*métaphores des boîtes et des vases clos*» [2], Ж.-П. Ришар как «*signifiant-obstacle*», «*signifiant-voile*», «*signifiant-couvercle*», «*signifiant-enveloppe*» [3].

3. В терминах бл. Августина это *transcensus sui ipse* «переступание пределов самого себя», в терминах Пирса – «перевод в другие символы», в терминах Якобсона и Греймаса – перекодировка, а в определении самого Пруста – *ailleurs* или *au-delà*. Ср. *Il reste devant cet arbre, mais ce qu'il cherche est sans doute au-delà de l'arbre*.

4. Вопреки этимологическому значению франц. *aubépine*.

Литература

1. *Proust M.* A la recherche du temps perdu, en 4 vol. / édition publiée sous la direction de J.-Y. Tadié. – Paris: Gallimard, 1987–1989. – Т. 1. – P. 110–111, 112, 136–138, 851–857, 857–863, 863–868, 868–871.
2. *Deleuze G.* Proust et les signes. – Paris: P.U.F., 1986.
3. *Richard, J.-P.* Proust et le monde sensible. – Paris: Seuil, 1990.
4. *Женетт Ж.* Метонимия у Пруста // Ж. Женетт. Фигуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 36–58.

Вышенская Юлия Павловна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка и лингвострановедения РГПУ им. А.И. Герцена

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ – «МЯГКИЙ» СТИЛЬ – АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ КУРТУАЗНЫЙ ДИСКУРС (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЙ В КУРТУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Vyshenskaya Yuliya P.,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of
the Department of English Language and British Studies

LITERARY TEXT – “SOFT STYLE” – ARISTOCRATIC CHIVALRIC DISCOURSE (BASED ON THE LANDSCAPES’ DESCRIPTIONS IN ENGLISH ROMANCES)

Аннотация: в статье раскрывается одна из линий взаимодействия художественного текста в своей поэтической модификации, аристократического дискурса и художественного стиля, открывающегося исследова-

телю в разновидности «мягкий стиль», известного и как «интернациональная готика», в условиях перехода европейского средневековья к Возрождению на материале пейзажных описаний. Специфика куртуазной культурной среды, среды возникновения «мягкого стиля» определяет способы вербального воплощения стилистических приёмов, унаследованных от исчезнувшей цивилизации французского Юга.

Стилистический арсенал, используемый в описаниях природы, как и функционирование пейзажа, в произведениях поэзии по разные стороны Ла Манша, демонстрирует динамику развития верности провансальским традициям в сочетании с преобразованными англо-саксонскими традициями версификации, наблюдаемыми в текстах поэм английского Аллитеративного Возрождения. В рамках данного исследования анализируется корпус примеров, зафиксированный в текстовом материале одной из наиболее значительных с точки зрения художественной ценности поэмы “Sir Gawain and the Green Knight”.

Abstract: the paper deals with the matter of the relation- and co-relationship of a literary text in its poetic modification, aristocratic discourse and style presented by its “soft style” variation, also known as “international Gothic”, under the circumstances of transition from the medieval evolutionary stage to the Renaissance one. Specific features of courtois environment, where the “soft style” appeared, induce the ways of verbal materialization of esthetic emotions. Stylistic devices are considered stylistic equivalent of emotions of the kind and inherited from the ruined civilization of the French South. Stylistic arsenal used in the landscapes’ descriptions demonstrates evolutionary dynamics in observing the Provençal poetic models combined with the transformed anglo-saxon epic traditions found in the textual material of English alliterative poems. The corpus of instances fixed in the text of the outstanding poem “Sir Gawain and the Green Knight is analysed within the scope of the paper.

Ключевые слова: антропо-/ теоцентризм, дискурс, канон, стиль, текст.

Keywords: anthropo- / teocentrism, discourse, style, text.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 17.07.51 Язык и стиль художественных произведений

В эволюции понятийного аппарата исторической стилистики, сформировавшегося в эпоху обособления её в самостоятельный раздел науки о языке, прослеживаются явные параллели с современной теорией дискурса анализа.

Так, очевидно соответствие объёмного историзма, тесной взаимосвязи стилистических феноменов с контекстом разной

природы, необходимого для их толкования, за которым закреплена ключевая позиция в иерархии понятий стилистической исторической дисциплины, самому дискурсу.

Объём контекста, включаемый в структуру дискурса, и полагаемого его составляющей, характеризуется подвижностью границ, верхний предел раскрытия которых совпадает с типом доминирующей в тот или иной период времени культуры.

В эпоху средневековья таким типом является куртуазная культура, чем определяется тип дискурса доминанты. Текст, представленный в своей художественной модификации, взаимосвязан с ним посредством связующего элемента, представленного разновидностью «мягкий стиль».

Данный феномен возникает как порождение куртуазной рыцарской культуры, ритм бытования и поступательного развития которой, как и прочих сегментов средневекового искусства, во многом совпадает с частотой пульса готического направления в европейском искусстве.

«Мягкий» стиль повсеместно возникает в Европе в эпоху появления сходных тенденций в национальных культурах, превращаясь, таким образом, в особого рода примету средневекового искусства и литературы XIV–XV веков, что находит закрепление в альтернативном термине «интернациональная готика» [5].

Изучение «мягкого стиля», представленного в различных национально-этнических вариантах, изучается, согласно традиции, в рамках двух диаметрально направленных подходов: диахронического (стадиального) и синхронического.

Диахронический подход предполагает анализ национальной культуры как замкнутого феномена, внутри которого наблюдается противостояние религиозных и куртуазно-рыцарских традиций городским или буржуазным.

Синхронический анализ являет собой интерпретацию единого хронологического процесса, поэтому национальные черты на общем фоне обретают большую чёткость.

Особая важность, обретаемая вопросом о национальном языке, обусловлена усилением в период высокого Средневековья «интенсивного национального строительства», «борьбы за национальное».

Появлению вышеотмеченной «интернациональности» не в меньшей степени способствует выравнивание уровней и темпов развития, тождественное в области литературы превращению основных направлений и жанров в общеевропейское достояние [5].

Проникновению этих жанров в различные европейские ареалы сопутствуют различные обстоятельства экстралингвистического плана. В Англии, как известно, этот процесс был инициирован норманнским завоеванием, когда после коронации герцога Вильгельма Нормандского на острова начинается переселение континентальной знати, оставившей свои наследные фьефы в Анжу, Бретани и Нормандии.

В течение последующих пятидесяти лет (1066–1200) английский язык и литература развиваются под влиянием новых эстетических импульсов, возникающих в результате распространения в Великобритании французской культуры, носителями которой являются норманнские бароны.

Звучные ностальгирующие ноты о миновавшем золотом веке рыцарства во многом обуславливают способы материализации эстетических переживаний и, как следствие, используемых стилистических приёмов, культурно-эстетического наследства разрушенной цивилизации французского Юга.

Зависимость от порождающей культуры проявляется, в частности, в ориентации на философские доминанты, бытующие и направляющие ход её развития, в эпоху средневековья такими векторами являются, как известно, теоцентрическая и антропоцентрическая составляющие.

На «сложном соединении» отмеченных выше видений, как отмечается в исследовании Н.Г. Елиной [1], закладывается «фундамент» средневекового искусства.

Теоцентрический характер мировосприятия средневекового человека являет собой стержень формирования доминирующих философских представлений рассматриваемого периода времени, чем, в силу тесной взаимосвязи философии и риторики, обуславливается глубокое влияние философии на регламентирующие правила аранжировки языкового материала.

Вследствие доминирования теоцентрического подхода средневековое искусство обретает ряд характерных особенностей,

в котором символизм занимает особое положение. Возникающие как ответные реплики характерные признаки всех видов средневекового искусств (визуального, пластического, вербального) искусств находят проявление в особенностях орнамента, деталей, пейзажных фрагментов. В совокупности они образуют культурное единство, подчиняются общим законам развития и призваны «вызвать контрастные ассоциации с Добром и Злом, Жизнью и Смертью» [1].

Рамки антропоцентрического подхода позволяют наиболее объёмное «осмысление системных связей языковых феноменов в синтезе, в едином служении их потребления обществом» [2].

Так, функционирование провансальского языка, языка эталонной литературы и стилистической виртуозности, в качестве «фактора культуры дворов» просвещенной Европы рассматриваемого периода времени обуславливает появлению у него самостоятельной стилеобразующей нагрузки, что способствует расширению его функционального спектра. Необычайно высокая степень развитости литературного вкуса и литературной памяти позволяли куртуазной аудитории знать авторов и атрибутировать аллюзии и подражания, распространённые в поэзии трубадуров [6].

Стилистический арсенал, используемый в описаниях природы, как и функционирование пейзажа, в произведениях поэзии и, на более позднем этапе, прозы по разные стороны Ла Манша, демонстрирует динамику развития приверженности провансальским традициям, сочетаемым с этно-культурными, представленными, прежде всего, англо-саксонским эпическим элементом в вербальных и невербальных видах средневекового искусства.

Синкретизм искусства Средневековья находит проявление в сходстве стилистического потенциала, образующих его компонентов. Изначально пейзаж появляется много раньше, в эпической поэзии, где в рамках текстового целого выполняет роль маркера места и времени, иными словами, объективации категории хронотопа.

В ходе поступательного развития литературы и вытеснения эпического жанра куртуазной лирикой качественно меняется и его функциональный статус, ограничиваемый выразительно-образительной функцией, что в условиях отмечаемого выше

синкретизма искусств сопоставимо с функцией живописного орнамента. Пейзаж, как отмечает Н.Г. Елина, «в устной форме зачина «весенней» и «зимней» песен определяет их общее звучание», что на практике означает гармоничность самой природы в жанре «весенней» песни как и в ряде случаев “соответствие её чувствам мира героя, и восприятие в полном единстве с ним”» [1].

Дальнейшее развитие эта мысль находит в исследовании поэтики канона и лирики трубадуров Т.А. Малаховой [4].

Восприятие природы в средневековом творчестве во многом складывается под воздействием теоцентрического подхода, препятствующего обретению природных описаний статуса отдельного самостоятельного объекта творчества, но способствует общему средневековому осознанию природы, «как некий идеальный декорум для Fin'Amors, ласкающий слух и улаждающий зрение» [4]. Тем самым формируется некий идеализированный образ природы, который с течением времени превращается в стилистическую константу «весенней» песни, призванной создать у слушателя соответствующее эмоциональное состояние.

Условием «описательной части весеннего запева» выступает стремление «трубадура идентифицировать своё восприятие природы с коллективным (латинским) опытом» с опорой на «освящённые традицией поэтические средства выражения» [4].

Среди стилистических средств подобного рода традиционно выделяются фонетические, лексические и синтаксические ярусы, объём и положение которых в образуемой ими стилистической пирамиде неравноценны.

Анализ примеров, зафиксированных в текстовом материале представителей собственно куртуазной (провансальской) культуры трубадуров и их последователей на Британских островах периода Аллитеративного Возрождения демонстрирует соблюдение и следование выверенным куртуазным канонам, но также и стилистическую специфику, обретаемую этими описаниями вследствие влияния национальных эпических традиций.

Функции, выполняемые описаниями природы, можно условно подразделить на статичные и динамические.

Появление антропоцентрической модели с присущим ей новым подходом изображения действительности, характеризуемым

смещением фокуса художественного внимания с бытия к деталям быта, влечёт за собой процесс перестройки системы стилистических средств.

Статичные функции во многом схожи с функциями пейзажных изображений в часословах и псалтырях. Их сближает минимализм деталей, которые в произведениях словесно-художественного творчества соответствуют лексическим единицам, обозначающим типичных представителей флоры и фауны средневековой Европы.

Таковы, например, синонимичные обозначения лесного массива forest, названия деревьев и кустарников okez, hasel, hagborne, фиксируемые в тексте одной из наиболее известной английской аллитеративной поэме “Sir Gawain and the Green Knight”.

Наличие лексических единиц подобного рода отнюдь не случайно, в том видится свидетельство глубинной связи с безымянными народными песнями [7], в частности, с образом мирового дерева.

Образ дерева занимает важное место в топосе народной поэзии более древнего периода, представленной, в частности, календарными песнями. Краткость описания [3] являет собой ещё одну характерную черту, роднящую фольклор с художественной авторской поэзией. Описания такого плана представляют собой сочетание названия породы дерева (груша, липа, калина, черёмуха, роза) и места его произрастания (поле, гора, двор, за морем).

Динамика функционирования пейзажных описаний проявляется как реплика самому характеру перехода средневековья к Возрождению и воплощена в различных метафорических и метонимических переосмыслениях.

Такие намёки получают дальнейшее развитие в английской поэзии периода аллитеративного Возрождения (XIV век):

And vche sesoun serleþes sued after oper:
After Cfystenmasse com þe crabbed lentoun,
Pat fraystez flesch wyth þe fysche and fode more simple;
Bot þenne weder of þe worlde wyth wynter hit þrepez,
Colde clengez adoun, cloudez vplyften,
Schyre schedez þe rayn in schowrez ful warme,
Fallez vpon fayre flat, flowerez þere schewen,
Boþe groundez and þe greuez grene ar her wedez,

Bryddea busken to bylde, and bremlych syngen
 For solace of þe softe somer þat sues þerafter
 bi bonk;
 And blossomez bolne to blowe
 Bi rawez rych and ronk,
 Þen notez noble innoze
 At herde in wod so wlonk

[8].

В приведённом текстовом фрагменте наблюдается связь пейзажных описаний и их изображений в часословах: чередование картин – смена времён года, что можно рассматривать как некое новообразование, занимающее промежуточное положение между статикой и динамикой, проявление антропо- и геоцентрического мировоззрения одновременно. Появление в тексте названий *Chrystenmase*, *lentoun*, заимствованных из календаря церковных праздников, очевидно вызвано мощным религиозным влиянием, в том числе, и на восприятие и измерение времени. Тем, в свою очередь обусловлено появление лексических единиц семантического поля «еда»: *fysche and fode more simple*, которые не только содержат сведения о гастрономических особенностях периода поста (появление на ежедневном столе рыбы, постного блюда), но также связаны с образом тела, центрального в концепции карнавального мировоззрения М.М. Бахтина, в частности, спора Поста и Масленицы. Временная умеренность в еде, предусматриваемая традициями Поста, сигнализирует об общей тональности периода плотского и духовного воздержания, серьёзности, духовных упражнений, которые подготавливают человека к празднику Пасхи, хронологически совпадающего с пробуждением природы от зимнего сна.

Очевидно, этим объясняется генетика метафоры, в основу которой положен образ дождя *showrez*, неоднократно встречающейся в английской поэзии, – вода, питающая землю, символ возрождающейся весенней природы. тем самым обусловлено введение в текст метонимического обозначения *grene*, истолковываемого в соответствии с символическим цветовым кодом средневековья как символ возрождения, жизни и надежды. В дальнейшем раскручивании поэтической спирали эта метонимия подхватывается ключевыми для куртуазного алфавита глаголами *blossumez* и *flowerez* со значением цветения.

Следование куртуазному провансальскому канону наблюдается также в заимствовании из куртуазного вокабуляра лексических единиц, обозначающих птиц *bryddea*, которые выют гнёзда, сопровождая своё занятие своим улаждающим слух пением: *busken to bylde, and bremlych syngen*. Характерное действие для этого времени года в рамках символического подхода получает дополнительное толкование, являет собой ещё один штрих к общей картине созидания и жизнеутверждающего начала.

Пение птиц – несколько преобразованная провансальская модель, характерная для зачина «весенней» песни, в которой пение автора уподобляется пению птицы, что также способствует усилению общего радостного ожидания.

Сообразно образцам лучших произведений провансальской поэзии трубадуров, представленных, в частности известным стихотворением Дж. Рюделя “*Quan lo gius de la fontana*”, олицетворение природы призвано подготовить читателя к дальнейшему изложению событийной цепи. Однако цветущая природа выступает фоном мучительных терзаний главного героя от любовной тоски, что можно трактовать как своего рода вариацию предвосхищения стилистического приёма, известного в стилистике декодирования как эффект обманутого ожидания.

Специфика анализируемого текстового фрагмента заключается в том, что собственно фигура автора отсутствует, – в том находит проявление традиции природных описаний в эпических произведениях, на фоне которых разворачивается действие. Внутренний мир персонажа не представляет в данном случае интереса – на первый план выдвигается развитие сюжетной линии, действия, события, участником которых ему по правилам жанра надлежит стать. Близость пейзажных описаний заключаются в диссонансе поющей и цветущей природы и тяжёлых испытаний, уготованных главному персонажу, таким образом, эффект обманутого ожидания окрашивается в национальные стилистические цвета, что придаёт поэме привычное для реципиента оформление, этническую стилистическую специфику, превращая произведение в яркую иллюстрацию жанра рыцарской саги.

Ограниченность рамок статьи позволяет всё же выделить основные линии стилистического соприкосновения англо-саксонской

и провансальской культур. Самый окситанский язык при дворах просвещённой Европы исполняет стилеобразующую функцию, выступая камертоном процессов порождения модуса формулирования художественных текстов, представленных в своей поэтической модификации. Лексический уровень многослойной стилистической пирамиды наглядно репрезентирован пейзажными описаниями, генетически восходящими к ключевым понятиям куртуазной лирики провансальских трубадуров, трансформированным в новом текстовом окружении сообразно национальным стилистическим традициям.

Источники и литература

1. *Елина Н.Г.* Пейзаж в итальянской лирике // Природа в культуре Возрождения. – М.: Наука, 1992. – С. 81.
2. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 5–6.
3. *Лауринкене Н.И.* Семантика и поэтика литовских календарных песен: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Таллин, 1984. – С. 10–11.
4. *Малахова Т.А.* Поэтика канона и лирика трубадуров (на материале весеннего запева): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – М., 1990. – С. 9.
5. *Михайлов А.Д.* Введение // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – С. 9.
6. *Редкозубова О.М.* Лингвостилистическое своеобразие памятника старопровансальского языка “Vidos e Razos” (XIII–XIV вв.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – СПб., 1993. – С. 7.
7. *Селицкий А.И.* Олень и мировое древо в древнегерманской мифопоэтической традиции // Скандинавские чтения 2002 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – СПб.: РАН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, 2003. – С. 12.
8. *Sir Gawain and the Green Knight, 2006* // «Сэр Гавейн и “Зелёный рыцарь”». – М.: Аграф, 2006. – С. 42.

Дубнякова Оксана Алексеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии
Института иностранных языков Московского
городского педагогического университета
e-mail: *DubnyakovaOA@mgpu.ru*

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Dubnyakova Oxana A.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor,
the Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages,
Moscow City University

COLOR SEMANTICS IN ARTISTIC DISCOURSE OF FRENCH WRITERS OF THE 20TH CENTURY

Аннотация: данная статья посвящена основным характеристикам цветообозначения в литературе, таким как: символичное употребление цвета (в некоторых произведениях А. Рембо и П. Верлена), доминирование цвета как главного «двигателя» сюжета (в произведении «Оскар и Розовая дама» Э.-Э. Шмитта), и точечная цветовая характеристика персонажей (в романе «Тереза Дескейру» Ф. Мориака). Актуальность выбранной темы заключается в том, что исследование позволяет выявить некоторые закономерности использования цветовых характеристик в художественном дискурсе на примере произведений французских писателей XX века.

Abstract: this article focuses on the main characteristics of colour naming in the literature, such as the symbolic use of color (in some works of A. Rimbaud and P. Verlaine), the dominance of color as the main plot device (in the novel of E.-E. Schmitt «Oscar and the Lady in Pink»), and the spot color characterization of the characters (in the novel of F. Mauriac «Thérèse Desqueyroux»). The relevance of the chosen topic is that the study reveals some patterns of the use of color characteristics in artistic discourse illustrated by French writers of the 20th century.

Ключевые слова: П. Верлен, Ф. Мориак, А. Рембо, символизм, цветообозначение, семантика цвета, Э.-Э. Шмитт.

Keywords: P. Verlaine, F. Mauriac, A. Rimbaud, symbolism, colour naming, color semantics, E.-E. Schmitt.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 17.07.51 *Язык и стиль художественных произведений*

Проблема изучения цветового пространства особенно остро встает в современных научных работах. В лингвистике и литературоведении изучаются смысловые значения отдельных цветов в отдельных культурах [1; 2], функционирование отдельных частей речи, передающих цвет [3; 4], вторичные цветообозначения и цветообозначения в словарях и текстах [5], ассоциативный потенциал цветообозначений [6], цветопись в общей картине мира [7]. Кроме этого, цветовая характеристика является сильной экспрессивной стилистической фигурой в литературном произведении. Особое внимание уделяется исследованию цветообозначений в творчестве отдельных писателей и поэтов [8; 9; 10], т. е. цветообозначение изучается как система ценностных ориентаций и художественной выразительности.

По словам С.Е. Гудиной, функция цвета в литературе «подобно живописи, проявляется тогда, когда поэт или писатель стремится к эстетизации общего впечатления» [11]. Однако, не только эстетическая функция является главенствующей в выборе писателя использовать цветовую характеристику своих образов. Проанализируем три основных способа характеристики персонажей через использование цветов в художественном тексте:

1. Символическое употребление цвета: мировоззренческий выбор

Относительно французских писателей XX в. многочисленные работы посвящены изучению роли цветообозначений в творчестве символистов. Конечно, символисты придавали большое значение цветовой символике в своих произведениях [12], и рассмотрение проблемы цвета в творчестве поэтов-символистов имеет особое место, так как цветопись в их творчестве несет эмоциональную и идейно-художественную нагрузку. Среди французских символистов особое значение имеют цветовые образы, созданные А. Рембо и П. Верленом [13].

Исследователи творчества А. Рембо и П. Верлена открывают целый концептуальный мир поэтов, в котором именно цветоощущение, являющееся частью зрительной информации, получает особую роль в создании целостной картины мира. Текстовые единицы с цветообозначениями не только создают наглядный образ, но и несут

эмоционально-экспрессивные оттенки и дополнительную информацию [14]. Манифестом цветописи для всего символизма выступает сонет «*Voyelles*» А. Рембо. В сонете у каждого гласного звука есть цветовое соответствие: «*A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu*». Именно поэтому Т.В. Михайлова назвала символизм А. Рембо *персональным* [15]: «я» поэта оказывается *призмой*, которая изменяет и перегруппирует впечатления внешнего мира, рождая яркие, фантастические образы. При этом найти прямых аналогов этим образам в видимой реальности невозможно, однако подразумевается, что такие образы способны выражать *сущностную* реальность, ту тайну, что скрыта за внешней оболочкой мира.

Объектное разграничение мира символического цветообозначения происходит в зависимости от его цветовой окраски, например, к области зеленого цвета у А. Рембо относится цвет моря. Зеленый цвет, как и гласная «и» ассоциируется у поэта с состоянием умиротворения и покоя. Синий и голубой цвета обозначены гласной «о», в эту область входят образ небесной голубизны [16]. Другие цвета также передают прозрачно читаемые символы. Так, в семантике белого цвета видятся параллели со спокойствием и целомудрием. Примером может послужить стихотворение «*Soleil et chair*» А. Рембо, в котором лирический герой, восхищаясь красотой природы, описывает белых лебедей, проплывающих мимо лотосов, и в котром явно передается атмосфера спокойствия и райской умиротворенности:

Glisse amoureuxment le grand Cygne rêveur Embrassant la Léda des blancheurs de son aile;

*– Et tandis que Cypris passe, étrangement belle,
Et, cambrant les rondeurs splendides de ses reins* [17].

В другом стихотворении «*Ophélie*» А. Рембо при использовании белого цвета идет описание Орфелии как символа чистоты:

Sur l'onde calme et noire où dorment les étoiles La blanche Ophélie flotte comme un grand lys, Flotte très lentement, couchée en ses longs voiles... [18].

Также у П. Верлена, белый цвет символизирует чистоту и невинность в ее максимальном воплощении: в образе Дамы («*Une Dame*»), одетой в белые одежды, предстает сама Богоматерь [19]:

Quand, blanche en vêtement de neige, Toute belle, au front humble et fier, Une Dame vint sur la nue [...]. [20].

По мнению исследователей, именно со стихотворным сборником «Sagesse» («Мудрость») П. Верлен приходит к «подлинному символизму». Данный сборник наполнен христианским гуманизмом и религиозностью. Человеческая душа уходит на второй план, уступая место Богу [21]. В стихотворении «*Lucien Léтиноis*» П. Верлена белый цвет символизирует спокойствие и невинность, зеленый цвет становится цветом надежды:

De lui, simple et blanc comme un lys calme, aux couleurs.

D'innocence candide et d'espérance verte [22].

Черный цвет, в оппозиции к чистому белому, предстает как цвет греха и преступления («*la noire orgie*», «*ce noir abîme de mon crime*»), и черный сон спускается на жизнь героя [23]. Следует отметить, что в цветовой палитре А. Рембо преобладает черный цвет, по частотности употреблений белый цвет стоит на втором месте, голубой занимает третью позицию. Реже всего из четырех исследуемых цветов в стихотворениях А. Рембо можно встретить красный цвет (см. таблица 1).

Таблица 1

Количество употреблений цветов у Артюра Рембо

Цвета	Количество употреблений	Процент
Черный	50	30 %
Белый	37	23 %
Голубой	35	21 %
Красный	18	11 %

В поэзии П. Верлена, в свою очередь, очевидно преобладание белого цвета, черный цвет занимает вторую позицию, красный стоит на третьем месте, голубой встречается гораздо реже всех вышеперечисленных цветов (см. таблица 2).

Таблица 2

Количество употреблений цвета у П. Верлена

Цвета	Количество употреблений	Процент
Белый	39	38 %
Черный	35	33 %
Красный	21	18 %
Голубой	12	7 %

Таким образом, символическое представление цвета является не только поэтическим приемом, но и несет в себе символику мировосприятия, этику и новый смысл бытия. По словам О.В. Борzych, цвет «объективируется» [24].

2. Доминирование цвета как когнитивный выбор

Кроме символического употребления, как мировоззренческо-эстетической работы автора над образом, имманентное цветовое представление мира в художественном тексте формирует, наряду с эмотивным фоном, фон *когнитивный*. В связи с этим, цветовой образ обладает не только эмоциональным, но и логико-рациональным смыслом [25]. Можно констатировать, что в повествовании *одна* цветовая характеристика начинает играть главенствующее место, порой «вытесняя» другие цвета, и становится главным «двигателем» сюжета. Так происходит, например, в романе «*Oscar et la Dame rose*» («Оскар и Розовая дама») Э.-Э. Шмитта, в котором розовый цвет как в презентации главного персонажа (помещении его в названии романа), так и в процентном отношении – употребления в 80 % по отношению к другим цветам, очевидно преобладает (общее употребление слов «розовый» и «роза» в романе – 107 раз, что представляет 10 % от всех словоформ). Для сравнения – голубой цвет используется для характеристики только в 8 %, и также связан с именем другого персонажа – Голубой Пегги.

При таком сознательном выборе, на автора может влиять и культурно-лингвистическое наследие. Так, французский лингвист А. Моллар-Десфур среди основных самостоятельных цветов французского языка называет розовый, частотно употребляемый и передающий большое количество смыслов, таких как невинность, женственность, красота, обольщение, сексуальность, эротизм, греховность. Одновременно, розовый цвет ассоциируется с чем-то хрупким, эфемерным, который может завянуть как цветок: *Le rose n'est pas une couleur qui dure, c'est une couleur fragile et éphémère, comme celle des fleurs, une couleur trompeuse, qui passe vite* [26].

В романе Э.-Э. Шмитта, в первую очередь, розовый появляется в имени главной героини – Розовой Дамы. В повествовании причина использования такого цвета достаточно

простая: в больнице, в котором лежит мальчик Оскар, всех сиделок называют «розовыми дамами» из-за цвета их халатов:

L'hôpital, c'est un endroit super-sympa, avec plein d'adultes de bonne humeur qui parlent fort, avec plein de jouets et de dames roses qui veulent s'amuser avec les enfants [...] [27].

Однако, постепенно, с развитием сюжета, открываются другие характеристики, которые позволяют увидеть персонаж более цельно. Поведение Розовой Дамы описывается как нежное, приветливое, и напоминает поведение матери:

Mamie-Rose a souri et, presque timidement, s'est penchée pour me faire un bisou sur la joue [28].

В центре повествования – глубокие экзистенциальные вопросы, поэтому другие «точные» характеристики Розовой Дамы (возраст, настоящее имя) уходят на второй план, и персонаж начинает ассоциироваться с самой Тайной. Постепенно христианская составляющая преобладает, и присущие Средневековью этикетты «Мистической розы», «Розы Таинственной», «Святой Розы» «подсказывают» особенно четко на фоне происходящих в романе драматичных событий – умирающего от рака ребенка – образ Богоматери [29]. Именно к Бабушке Розе Оскар взывает, обращается, иногда подобно молитве, пытаясь найти ответы в любой ситуации:

Elle est ratée, mon opération, Mamie-Rose? Mamie-Rose n'a pas répondu. C'était sa manière à elle de dire oui [30].

Именно Розовая Дама приводит Оскара к мысли о том, чтобы написать письмо Богу:

– Si tu écrivais à Dieu, Oscar? [31].

В таком настойчивом употреблении розового цвета другие цвета могут стремиться стать также розовыми, как происходит, например, с голубым цветом. Упомянутый ранее женский персонаж Голубой Пегги (*Peggy Blue*), страдающей от «мудреной» болезни крови, из-за которой она на самом деле становится голубого цвета, «загадочного образа феи», стремится стать «нормально»-розового цвета:

Peggy Blue, c'est l'enfant bleue [...]. On dirait une fée qui se repose un moment à l'hôpital. Elle a une maladie compliquée, la maladie bleue, un problème de sang qui devrait aller aux poumons et qui n'y va pas et qui, du coup, rend toute la peau bleutée. Elle attend

une opération qui la rendra rose. Moi je trouve que c'est dommage, je la trouve très belle en bleu, Peggy Blue. Il y a plein de lumière et de silence autour d'elle, on a l'impression de rentrer dans une chapelle quand on s'approche [32].

Итак, в первую очередь, образ Розовой Дамы раскрывается в сюжетном замысле через присутствие в ее характеристиках розового цвета.

3. Точечная характеризуется цветом: «случайное – не случайно»

В отличие от второго способа, цветовая характеристика персонажа в произведении может происходить ненавязчиво и включаться в общий художественный мир автора, создавая также цельный образ. Возьмем, например, роман «Тереза Дескейру» Ф. Мориака. Цветовая характеристика персонажа присутствует в тексте автора редко, в общем, в романе встречаются такие цвета, как белый, черный, красный, желтый, зеленый, серый, коричневый, пепельный (см. таблица 3).

Таблица 3

Употребление прилагательных цвета в романе «Тереза Деске Иру»

Цвет	Количество употреблений
Blanc (белый)	14
Noir (черный)	12
Rouge (красный)	9
Jaune (желтый)	4
Vert (зеленый)	3
Bleu (голубой, синий)	2
Gris (серый)	2
Brun (коричневый)	1
Couleur de cendre (пепельный)	1

Несмотря на такое «незначительное» употребление цветовых характеристик персонажей, и они «точечны», то есть лаконичны и идут в сопровождении других сильных стилистических приемов, они остаются значительными в описании героев. Так с самых первых строк романа главная героиня Тереза Дескейру ассоциируется с белым цветом:

Thérèse, beaucoup diront que tu n'existes pas. Mais je sais que tu existes, moi qui, depuis des années t'épie et souvent t'arrête au passage, te démasque. Adolescent, je me souviens d'avoir aperçu, dans une salle étouffante d'assises, livrée aux avocats moins féroces que les dames empanachées la petite figure blanche et sans lèvres [33].

Возникает изначальный «диссонанс» такого цветоопределения с сюжетом романа, который разворачивается вокруг Терезы, живущей в удушающей буржуазной среде, и из-за скуки, неприязни к такой жизни (впрочем, Тереза сама порой не может дать себе отчет в своих действиях), совершающей попытку отравить своего мужа Бернара.

Ее характеристика как «белой фигуры» усиливается мечтами об идеальном «белом доме», где она будет счастлива и любима:

Un baiser, songe-t-elle, doit arrêter le temps; elle imagine qu'il existe dans l'amour des secondes infinies, Elle l'imagine; elle ne le saura jamais. Elle voit la maison blanche encore, le puits [...] [34].

После суда над ней, во время которого семья попыталась замять скандал, и ее муж дал ложные показания, оправдывающие ее, Тереза оказывается изолированной в предместье Анжелуз («на краю света»), и переживает еще большее чувство оставленности, передающееся пепельным цветом:

Argelouse est réellement une extrémité de la terre; un de ces lieux au-delà desquels il est impossible d'avancer, ce qu'on appelle ici un quartier: quelques métairies sans église, ni mairie ni cimetière, disséminées autour d'un champ de seigle, à dix kilomètres du bourg de Saint-Clair, auquel les relie une seule route défoncée. Ce chemin plein d'ornières et de trous se mue, au-delà d'Argelouse, en sentiers sablonneux; et jusqu'à l'Océan il n'y a plus rien que quatre vingts, kilomètres de marécages, de lagunes, de pins grêles, de landes où à la fin de l'hiver les brebis ont la couleur de la cendre [35].

Фигура мужа Бернар очевидно характеризуется с черным цветом: он оставляет ее «в темноте» («*dans le noir*»). Саму Терезу постоянно преследует «чернота»: у ее адвоката, нанятого семье, и радующегося исходу дела и своему гонорару – пальцы с «твердыми черными ногтями» («*durs ongles noirs*»), заточение в Анжелуз сравнивается с прогулкой среди «обгоревших черных сосен» («*les pins brûlés et noirs*»).

Другой наиболее употребительный цвет – красный – появляется впервые в романе, когда речь идет о пакетике с лекарством, которым Тереза пыталась отравить мужа:

Sans perdre son gibier des yeux, le juge dépose sur la table un paquet minuscule, cacheté de rouge. Thérèse pourrait réciter la formule inscrite sur l'enveloppe et que l'homme déchiffre d'une voix coupante: Chloroforme: 30 grammes. Aconitine: granules no 20. Digitaline sol.: 20 grammes [36].

В связи с красным цветом, в романе повторяется описание того, как Тереза красит губы. Иногда она делает это, чтобы скрыть свою болезненную бледность, а в конце романа, вырвавшись из семьи, разведясь с мужем, но при этом бросив дочь, возможно, этот жест становится попыткой ощутить освобождение. Ф. Мориак постоянно прибегает к таким «точечным» цветовым характеристикам для передачи психологического состояния молодой женщины. Она задыхается в лицемерной среде, но даже вырвавшись, остается вопрос, удастся ли ей стать счастливой.

Как и в своих автобиографических произведениях, Ф. Мориак пишет историю *одной души* [37], за которую борется добро и зло, именно это противостояние отражено в главной цветовой триаде «белое-черное-красное». Именно поэтому уже в эпиграфе к роману, строками великого Ш. Бодлера, взывающего к Творцу, и молящего смилосердиться над безумцами, Мориак просит за свою героиню: *Seigneur, ayez pitié, ayez pitié des fous et des folles! O Créateur! peut-il exister des monstres aux yeux de celui-là seul qui sait pourquoi ils existent, comment ils se sont faits, et comment ils auraient pu ne pas se faire....* [38].

Поэтика цвета в художественном тексте всегда предстает как средство объединения глубинных индивидуальных и общелингвокультурных символов [39], и цветообозначение играет *a priori* образостроящее значение в художественной литературе. Цветовая характеристика может рассматриваться либо как мировоззренческая позиция (сам цвет становится объектом творческого поиска), либо как когнитивный выбор – предпочтение цвета в произведении, либо как инкрустированный в другие характеристики способ представления персонажа. Все

эти способы могут преобладать или взаимодействовать в художественном дискурсе, как мы показали на примере произведений некоторых французских авторов XX в.

Источники и литература

1. *Сластникова Т.В., Мелехина Я.А.* Семантика белого цвета в диахронии // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях. – Ч. 1 – Н. Новгород: 2018. – С. 37–41.

2. *Воробьева Е.Ю.* Национальная специфика в развитии цветовой семантики (на примере французского языка) // Вестник Московского университета. – 2017. – № 2. – С. 93–99.

3. *Мичугина С.В.* Существительные-конверсивы от терминов цвета в современном английском языке // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2008. – № 1 (1). – С. 48–52.

4. *Овчинникова Г.В.* Семантическая трансплантация конверсивов с ядерной семьей цвет во французском языке // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сборник статей XVIII Междунар. конф. Шк.-Семинара им. Л.М. Скредлиной / ред. кол.: Л.Г. Викулова (отв. ред.), Е.Г. Тарева, О.В. Вострикова, И.В. Макарова. – М.: МГПУ; Языки народов мира, 2017. – С. 196–199.

5. *Кудря О.А.* Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте (на материале английского и украинского языков): автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 2015. – 18 с.

6. *Воробьева Е.Ю.* Ассоциативный потенциал цветообозначений // Россия и Запад: диалог культур: сборник научных статей. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2018. – С. 79–84.

7. *Сучкова О.В.* Цветообозначение в языковой картине мира (на примере французского и русского языков) // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы международной научной конференции. – Волгоград: ВГУ, 2017. – С. 184–187.

8. *Меньчева С.И.* Цветообозначение в произведениях Е. Замятина: семантика, грамматика, функция: дис.... канд. филол. наук. – Тамбов, 2004. – 275 с.

9. *Тимашева О.В.* Реплики и комментарии к модели «Русского Бодлера» // Соловьевские исследования. – 2016. – № 1 (49). – С. 137–155.

10. *Громова А.В.* Мир цвета в повести Вс. Иванова «Цветные ветра» // Вестник МГПУ. – 2016. – № 3 (23). – С. 27–34.

11. *Гудина С.Е.* Цвет как эстетическое и художественное явление // Философские науки. – 1986. – № 3. – С. 90.

12. Быстрова Т.А., Жиронкина О.А. «Три расцвета» Бальмонта и цветовой код русского символизма: введение в тему // Вестник РГГУ. – 2010. – № 11 (54). – С. 130–137.
13. Дубнякова О.А., Балина А.С. Символика цвета в культуре и творчестве (на примере французских символистов) // Филологический аспект. – 2018. – № 5 (37). – С. 117–121.
14. Эллис (Кобылинский Л. Л.). Русские символисты. – Томск: Изд-во Водолей, 1998. – С. 49.
15. Михайлова Т. В. Поэзия французского символизма. – М.: ВГИК, 2012. – С. 23.
16. Петрова Е.Ю. Цветообозначение как ключ к интерпретации сюжета // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики: межкафедральный сборник научных статей. – 2013. – С. 131.
17. Ray L. Arthur Rimbaud. – P.: Éditions Pierre Segners, 2001. – P. 12.
18. Ray L. Указан. соч. – P. 45.
19. Дубнякова О.А., Балина А.С. Семантика цвета в поэзии Артюра Рембо // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: материалы международной научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГЛУ, 2016. – С. 84.
20. Verlaine P. Sagesse. Amour. Bonheur. – P.: Gallimard, 1975. – P. 43.
21. Европейский символизм: Антология / Сост. И. Е. Светлов. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 370.
22. Указ.соч. – С. 97.
23. Verlaine P. Poèmes saturniens. Fêtes galantes. – P.: Messin, 1961. – P. 101.
24. Борзых О.В. Междисциплинарные аспекты изучения цвета в поэтическом тексте // Вестник ВГУ. – 2012. – № 2. – С. 31.
25. Меньчева С.И. Указ. соч. – С. 68.
26. Mollard-Desfour A. Dictionnaire de la couleur, mots et expressions d'aujourd'hui. XXe–XXIe siècle. Le Rose. – P.: CNRS EDITIONS, 2002. – P. 19.
27. Oscar et la Dame rose [Электронный ресурс]. – URL: <http://candas.name/oscar/Oscar%20et%20la%20dame%20rose%20chapitres%201%20%C3%A0%2014.pdf>
28. Schmitt E.-E. Указ. соч.
29. Роза – цветок Богородицы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.colors.life/post/1157855>
30. Schmitt E.-E. Указ. соч.
31. Schmitt E.-E. Указ. соч.
32. Schmitt E.-E. Указ. соч.

33. *Mauriac F.* Thérèse Desqueyroux [Электронный ресурс]. – URL: http://www.alyon.org/litterature/livres/XX/monades/therese_desqueyroux_de_francois_mauriac.html.

34. *Mauriac F.* Указ. соч.

35. *Mauriac F.* Указ. соч.

36. *Mauriac F.* Указ. соч.

37. *Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Писательский голос в личных дневниках: А. Жид, П. Клодель, Ф. Мориак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-3 (66). – С. 17.

38. *Mauriac F.* Указ. соч.

39. *Величко А.А.* Поэтика цвета в художественных текстах как средство объединения глубинных индивидуальных и общелингвокультурных символов [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6–4. – URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34254>.

Кулагина Ольга Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков
им. В.Г. Гака Московского педагогического
государственного университета

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И ИНАКОВОСТИ В РОМАНЕ ЯСМИНА ХАДРА
«ЭТО КАК ДЕНЬ ПОСРЕДИ НОЧИ»**

Kulagina Olga A.,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Romance
Languages, Moscow State Pedagogical University named after V.G. Gak

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF NATIONAL
AND CULTURAL IDENTITY AND OTHERNESS
IN YASMINA KHADRA'S NOVEL
“WHAT THE DAY OWES THE NIGHT”**

Аннотация: в статье рассматриваются языковые средства передачи идентичности и инаковости в романе современного франкоязычного алжирского писателя Ясмينا Хадра «Ce que le jour doit à la nuit» («Это как день посреди ночи»). Анализируется лингвистическая специфика изображения взаимодействия представителей исконно арабской и европейской культуры, населяющих Алжир, а также двойственной

национально-культурной идентичности главного героя (алжирца по происхождению, выросшего среди европейцев, и чья юность пришлось на годы Алжирской войны за независимость 1954–1962 гг.) и его инаковости по отношению как к изначально родной для него алжирской культуре, так и по отношению к французской культуре, в традициях которой он был воспитан.

Abstract: the paper deals with the linguistic means of representing identity and otherness in the novel by the modern French-speaking Algerian writer Yasmina Khadra «Ce que le jour doit à la nuit» (“What the Day Owes the Night”). We put under analysis the linguistic specificity of the image of the interaction between representatives of native Arabic culture and the European one, as well as representation of the dual national-cultural identity of the main character (Algerian by origin, who grew up among Europeans, and whose youth fell on the years of the Algerian war of independence in 1954–1962) and his otherness in relation to both his native Algerian culture and to the French culture, in the traditions of which he was brought up.

Ключевые слова: идентичность, инаковость, языковая репрезентация, Алжирская война за независимость, Ясмينا Хадра.

Keywords: identity, otherness, linguistic representation, Algerian war of independence, Yasmina Khadra.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающий тематическое направление публикации: 16.21.33 *Лингвистика текста*

Послевоенные годы были отмечены значительным усилением тенденции к деколонизации, наметившейся ещё в 1930-е гг. (когда Египет и Ирак получили независимость от Великобритании). В большинстве случаев этот процесс был сложным и длительным, зачастую сопровождаясь военными столкновениями между силами метрополии и местными повстанцами. Наиболее известным и затяжным конфликтом за независимость от Французской республики стала Алжирская война 1954–1962 гг. Во многом она была спровоцирована нестабильной общественно-политической ситуацией в Алжире, которая характеризовалась острой социальной несправедливостью и поистине бедственным положением коренного населения. Так, Альбер Камю, который родился во Французском Алжире и провёл там большую часть своей жизни, в третьей части своих «Злободневных заметок», озаглавленной

«Алжирские хроники 1939–1958», отмечал, что на Западе алжирский народ воспринимается исключительно как некая безлика́я масса, едва ли достойная уважения [3]. К середине XX в. страна переживала масштабный экономический кризис, который начался ещё до Второй мировой войны и стремительно перерастал в массовый голод среди беднейших слоёв местного населения, т.к. после войны все стратегические запасы зерна по решению колониальных властей были переправлены в метрополию [3]. Неудивительно, что среди населения нарастало недовольство, которое со временем вылилось сначала в партизанские вылазки в европейских кварталах отдельных городов, а затем в полномасштабные теракты и расправы над европейским гражданским населением по всей стране, что привело к вмешательству французской армии и ответным репрессиям. Ситуация в Алжире как до, так и непосредственно во время военного конфликта показана во многих произведениях франкоязычной литературы, в частности – в романе Ясмينا Хадра (настоящее имя – Мухаммед Мулессегуль) «Это как день посреди ночи» («Ce que le jour doit à la nuit», 2008). Действие романа начинается в 1930-е гг., когда положение алжирских крестьян (к которым принадлежит семья главного героя) уже было, по меньшей мере, тревожным. Наряду с бедной деревней, где жило в основном арабское население, существовал и другой Алжир – европейский, зажиточный, где царили достаток и благополучие, что создавало конфликт культур, ценностей и идентичностей внутри страны. Вот как показана в романе жизнь алжирской деревни:

- 1) *En ces années 30, la misère et les épidémies décimaient les familles et le cheptel avec une incroyable perversité, contraignant les rescapés à l'exode, sinon à la chochardisation [5].*
- 2) *Le village ne disait rien qui vaille. C'était un trou perdu, triste à crever, avec ses bicoques en torchis craquelé sous le poids des misères et ses ruelles désemparées qui ne savaient où courir cacher leur laideur. Quelques arbres squelettiques se faisaient bouffer par les chèvres, debout dans leur martyre tels des gibets. Accroupis à leur pied, les désœuvrés n'en menaient pas large. On aurait dit des épouvantails désaffectés, abandonnés là jusqu'à ce que les tornades les dispersent dans la nature [5].*

В приведённых примерах обращают на себя внимание гиперболы *une incroyable perversité* и *un trou perdu, triste à crever*, гиперболическая персонификация *ses ruelles désesparées qui ne savaient où courir cacher leur laideur*, а также множественные элементы лексико-семантического поля «смерть» – *décimer, crever, squelettiques, des gibets*, которые демонстрируют весь драматизм ситуации в колониальном Алжире. Идею обречённости сельского населения на голодную гибель передаёт метафорическое сравнение *on aurait dit des épouvantails désaffectés, abandonnés là jusqu'à ce que les tornades les dispersent dans la nature*, где глагол *disperser* показывает тщетность всех усилий и надежд на лучшую жизнь.

Голодающей алжирской деревне противопоставлены целые города и отдельные районы, где преобладает зажиточное европейское население. Приведём пример, где показано первое впечатление героя от поездки в Оран:

Derrière la place s'alignaient des maisons à perte de vue, joliment emboîtées les unes sur les autres, avec des balcons fleuris et des fenêtres hautes. Les chaussées étaient asphaltées, bordées de trottoirs. Je n'en revenais pas, ne savais même pas mettre un nom sur les choses qui me sautaient aux yeux comme des flashes. De très belles demeures s'élevaient de tous les côtés, en retrait derrière des grilles peintes en noir, imposantes et raffinées. Des familles se prélassaient sur les vérandas, autour de tables blanches garnies de carafons et de hauts verres d'orangeade, tandis que des bambins au teint vermeil, avec de l'or dans les cheveux, gambadaient dans les jardins; leurs rires cristallins giclaient au milieu des feuillages comme des jets d'eau. Il émanait, de ces endroits privilégiés, une quiétude et un bien-être que je ne croyais pas possibles – aux antipodes du relent viciant mon bled où les potagers rendaient l'âme sous la poussière, où les enclos à bestiaux étaient moins affligeants que nos taudis [5].

Отметим многочисленные эпитеты с мелиоративной коннотацией: *joliment emboîtées les unes sur les autres, des balcons fleuris, de très belles demeures, imposantes et raffinées, leurs rires cristallins, ces endroits privilégiés*, которые передают контраст между нищим Алжиром, который герой знал с детства, и Алжиром рафинированным, который внезапно перед ним открылся. Данный контраст подчёркивается за счёт антитезы *une quiétude et un bien-être que je*

ne croyais pas possibles – le relent viciant mon bled, а также персонификации *où les potagers rendaient l'âme sous la poussière* и гиперболы *où les enclos à bestiaux étaient moins affligeants que nos taudis*. При этом для алжирцев, выросших в сельской местности среди нищеты, зажиточный Оран представляет собой некую чуждую для них культуру, о чём свидетельствует следующий пример:

Ce n'est pas un endroit pour nous. Oran grouille d'escrocs sans foi ni loi, plus dangereux que les cobras, plus fourbes que le Malin [5].

В приведённом фрагменте параномазия *sans foi ni loi* и гиперболы *plus dangereux que les cobras, plus fourbes que le Malin* указывают на враждебное отношение коренного населения к европейскому образу жизни. Это противопоставление двух культур внутри одной страны иллюстрируется также следующей антитезой, в которой обращает на себя внимание неравномерное распределение характеристик между двумя культурами:

Ils parlaient tous d'un pays qui s'appelait l'Algérie; pas celui que l'on enseignait à l'école ni celui des quartiers huppés, mais d'un autre pays spolié, assujetti, muselé et qui ruminait ses colères comme un aliment avarié – l'Algérie des Jenane Jato, des fractures ouvertes et des terres brûlées, des souffres-douleur et des portefaix... un pays qu'il restait à redéfinir et où tous les paradoxes du monde semblaient avoir choisi de vivre en rentiers [5].

Если благополучный европейский Алжир репрезентируется посредством всего двух характеристик – *pas celui que l'on enseignait à l'école ni celui des quartiers huppés*, сопровождаемых, к тому же, двойным отрицанием, то описание арабского Алжира, страдающего от несправедливости, нищеты и голода, гораздо более развёрнуто и включает в себя серию метафорических эпитетов с негативной коннотацией *d'un autre pays spolié, assujetti, muselé*, персонификацию *qui ruminait ses colères comme un aliment avarié* и перечисление *l'Algérie des Jenane Jato, des fractures ouvertes et des terres brûlées, des souffres-douleur et des portefaix*, где обозначены все проблемы, с которыми сталкивается коренное население.

Социокультурное расслоение внутри страны отражается и на самоидентификации главного героя, рождённого в арабской крестьянской семье и в возрасте семи лет переехавшего с родителями в Оран, где первое время ему пришлось жить в трущобах и где

затем он попал в обеспеченную семью своего дяди – араба, жена-того на французенке. Когда герой впервые оказывается в благо-устроенном районе, где находится особняк его дяди, ему в глаза сразу бросается контраст между городскими трущобами и обу-строенным бытом благополучного европейского квартала:

Mon oncle habitait dans la ville européenne, à l'extrémité d'une rue asphaltée, bordée de maisons en dur, coquettes et paisibles, avec des grilles en fer forgé et des volets aux fenêtres. C'était une belle rue aux trottoirs propres parés de ficus taillés avec soin. Il y avait des bancs par endroits sur lesquels des vieillards s'asseyaient pour voir passer le temps. Des enfants gambadaient dans les squares. Ils ne portaient pas les guenilles des gosses de Jenane Jato, ni de signes fatidiques sur leurs minois, et semblaient pomper la vie à pleins poumons avec une franche délectation. Il régnait, dans le quartier, une quiétude inimaginable; on n'entendait que le glapissement des bambins et le gazouillis des oiseaux [5].

В приведённом примере мы можем выделить, в первую оче-редь, антитезу *ville européenne* – *Jenane Jato*, где *Jenane Jato* – это название беднейшего района Орана, где проживало в основном арабское население и где до этого жил герой. Мелиоративные эпитеты *coquettes et paisibles, une belle rue aux trottoirs propres, ficus taillés avec soin*, а также гиперболические метафоры *pomper la vie à pleins poumons avec une franche délectation* и *il régnait, dans le quartier, une quiétude inimaginable* показывают атмосферу уми-ротворения и благополучия, которая отличает европейские квар-талы алжирского города. Отдельно отметим перечисление обы-денных, на первый взгляд, предметов обихода и декора, которые для героя оказываются в новинку: *une rue asphaltée, des grilles en fer forgé et des volets aux fenêtres, des bancs par endroits sur lesquels des vieillards s'asseyaient pour voir passer le temps*. В то же время, лексемы с негативной окраской, характеризующие жизнь в оран-ских трущобах (*les guenilles, signes fatidiques*), демонстрируют глубину различий между двумя социальными слоями. Контраст между арабским и европейским жилищем передаётся также при описании нового дома героя:

C'était une belle demeure ensoleillée, un peu dédaléenne au début, avec ses corridors, ses portes déroboées, ses escaliers en colimaçon

et ses armoires murales que je prenais pour des pièces. Je pensai à mon père, à notre gourbi sur nos terres perdues, à notre trou à rats de Jenane Jato; l'écart me parut si grand que j'en eus le vertige [5].

В данном фрагменте обращают на себя внимание мелиоративные эпитеты *une belle demeure ensoleillée* и гипербола *ses armoires murales que je prenais pour des pièces*, которым противопоставлены негативно окрашенная лексема *gourbi*, обозначающая крайне бедное и заброшенное жилище [4] и гиперболическая метафора с отрицательной коннотацией *notre trou à rats de Jenane Jato*. Антитеза между двумя социокультурными группами и их образами жизни усиливается за счёт гиперболы *l'écart me parut si grand que j'en eus le vertige*.

В новой семье герой получает новое имя (арабское имя Юнес заменяется на европеизированную форму Жонас) и новую одежду, однако в первое время ему оказывается нелегко привыкнуть к культурным реалиям своей новой жизни. Приведём наиболее показательный пример этнокультурного диссонанса, т. е. коммуникативного дискомфорта, вызванного различиями в ценностях, вероисповедании, коммуникативном поведении и т. д. [2]:

Je rouvris les yeux et surpris la statue en train de pivoter lentement sur la cheminée. Elle me fixait de ses yeux aveugles, la bouche figée dans un sourire triste... Terrifié, je sautai hors du lit et me barricadai derrière le sommier. La statue de l'enfant ailé tordit le cou pour me faire face; son ombre monstrueuse couvrit entièrement le mur. Je plongeai sous le lit, me ramassai dans un bout de drap et, le coeur battant la chamade, je me fis tout petit et refermai les yeux, certain que si je venais à les rouvrir, je surpris la statue à quatre pattes en train de me dévisager [5].

В приведённом выше примере показана реакция героя при виде статуэтки ангела, т. е. католической реалии, чуждой его родной культуре. Сила страха, который испытал малолетний ребёнок при виде «зловещей» статуэтки, передаётся посредством персонификаций *elle me fixait* и *la statue de l'enfant ailé tordit le cou*, а также негативно окрашенных эпитетов *ses yeux aveugles*, *un sourire triste*, *son ombre monstrueuse*, что демонстрирует неприятие героем неизвестных и чуждых ему культурных реалий.

По прошествии времени герой проходит успешную инкультурацию, т. е. обучается традициям и нормам поведения в европейской

культуре [1], однако продолжает ощущать свою инаковость как по отношению к представителям арабской культуры, так и к европейской части алжирского общества. Его двойственная национально-культурная идентичность становится причиной того, что его с трудом принимают как некоторые европейцы (несмотря на внешнюю инкультурированность), так и знакомые представители арабской части населения. В качестве подтверждения приведём реплики, произнесённые героиней, принадлежащей к европейской части социума (пример 1), и ровесником героя, с которым вместе они росли в трущобах (пример 2):

1) *Avant de me claquer les volets de la fenêtre au nez, elle émit un hoquet de mépris et ajouta:*

– *Je suis une Rucillio, as-tu oublié?... Tu m’imagines mariée à un Arabe?... Plutôt crever!* [5]

2) *Tu ne peux pas comprendre, toi. Tu es des nôtres, mais tu mènes leur vie...* [5]

Оба примера иллюстрируют фундаментальную для нашего исследования антитезу идентичности и инаковости: если в первом примере её составляют европейская фамилия героини, с одной стороны, и этноним *Arabe*, с другой (где данный этноним имеет контекстуальную негативную окраску), то во втором она выражена более эксплицитно посредством притяжательного местоимения *des nôtres* и детерминатива *leur vie*. Данная антитеза показывает сложность, которую испытывает герой при самоидентификации и, как следствие, при взаимодействии с представителями различных этнических и социокультурных групп.

Внутренний конфликт идентичностей, который переживает герой, усиливается с провозглашением независимости Алжира после восьми лет открытых военных действий. Реакция обеих враждующих сторон на решение Французской Республики о предоставлении Алжиру независимости наиболее эксплицитно показана в следующем примере:

Les voitures rentrèrent d’Aïn Témouchent. Elles étaient parties en fanfare, le matin, en pétaradant et en klaxonnant, le drapeau tricolore battant. Elles revenaient du meeting comme d’une chapelle ardente, dans un mutisme d’un cortège funèbre, les étendards en berne, le profil bas. Une chape de plomb s’abattit sur le village. Tous les visages portaient le

deuil d'un espoir depuis longtemps condamné et qu'on avait essayé d'encenser avec des volutes de fumée. L'Algérie sera algérienne.

Le lendemain, sur la façade d'une cave viticole, une main triomphante traça, à la peinture rouge, un immense FLN [5].

В процитированном фрагменте мы можем выделить многоуровневую антитезу: во-первых, между настроем европейского населения до и после объявления о решении Франции (*Elles étaient parties en fanfare, le matin, en pétaradant et en klaxonnant, le drapeau tricolore battant. Elles revenaient du meeting comme d'une chapelle ardente, dans un mutisme d'un cortège funèbre, les étendards en berne, le profil bas*), и, во-вторых, между потрясением европейцев и торжеством арабских сепаратистов (*le deuil d'un espoir depuis longtemps condamné – une main triomphante traça, à la peinture rouge, un immense FLN*). Отдельно стоит отметить культурологически маркированную антитезу *une cave viticole – un immense FLN*: нам представляется, что винный погреб неслучайно был выбран мишенью, т. к. виноделие – один из стереотипных символов французской культуры и одно из неприемлемых для традиционной мусульманской культуры проявлений западного образа жизни. Таким образом, посредством этой антитезы показана фактическая победа арабского Алжира над Алжиром французским.

Наиболее ожесточённые репрессии против европейского населения начинаются именно после объявления о грядущей независимости Алжира. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих события, развернувшиеся под конец гражданского этнокультурного противостояния в стране:

- 1) *L'Algérie algérienne naissait au forceps dans une crue de larmes et de sang; l'Algérie française rendait l'âme dans de torrentielles saignées. Et toutes les deux, laminées par sept ans de guerre et d'horreur, bien qu'au bout du rouleau, trouvaient encore la force de s'entre-déchirer comme jamais [5].*
- 2) *Les villes et les villages sombraient dans le cauchemar des cauchemars. Les attentats ripostaient aux attentats, les représailles aux assassinats, les enlèvements aux raids de commandos. Malheur à l'Européen que l'on surprendrait avec un musulman, malheur au musulman qui s'acoquinerait avec un Européen [5].*

3) *Les couteaux croisaient le fer avec les mitraillettes; les grenades relayaient les bombes; les balles perdues engendraient des carnages* [5].

4) *La saison de la valise ou du cercueil était ouverte* [5].

В процитированных выше фрагментах романа обращает на себя внимание фундаментальная антитеза *l'Algérie algérienne naissait – l'Algérie française rendait l'âme*, дополненная, тем не менее, семантически близкими метафорами *dans une crue de larmes et de sang* и *dans de torrentielles saignées*, что может косвенно указывать как на неразрывную связь между Францией и Алжиром, несмотря на столь длительное военное противостояние, так и на обоюдный ущерб, причинённый этим противостоянием, где, с точки зрения автора, нет ни правых, ни виноватых. Эту мысль подтверждает хиазм *Malheur à l'Européen que l'on surprendrait avec un musulman, malheur au musulman qui s'acoquinerait avec un Européen*. Отметим также гиперболу *le cauchemar des cauchemars* и многочисленные номинации оружия и карательных мер, используемых обеими сторонами, что показывает всю жестокость конфликта и готовность всех его участников идти до конца. Контекстуальная антитеза, основанная на метонимическом переносе, *la saison de la valise ou du cercueil* при описании массовых отъездов европейцев из Алжира подчёркивает бескомпромиссность противостояния между двумя культурами.

Результат этого противостояния может быть проиллюстрирован следующим примером:

Rio ressemblait à la fin d'une époque, vidé de sa substance, livré à un nouveau destin. Le drapeau tricolore, qui ornait le fronton de la mairie, avait été retiré. Sur la place, des paysans enturbannés entouraient un orateur debout sur la margelle du jet d'eau. Il leur tenait un discours en arabe, et ils l'écoutaient solennellement. De rares Européens rasaient les murs, incapables de quitter leurs terres, leurs cimetières, leurs maisons, le café où se faisaient et se défaisaient leurs amitiés, leurs alliances, leurs projets, enfin le bout de patrie où reposait l'essentiel de leur raison d'être [5].

В данном примере мы можем выделить антитезу *des paysans enturbannés – de rares Européens*, которую раскрывает другая, более конкретная антитеза: *ils l'écoutaient solennellement* (при описании алжирских крестьян) – *rasaient les murs* (при характеристике поведения

европейцев). Двухуровневая градация *leurs terres, leurs cimetières, leurs maisons, le café où se faisaient et se défaisaient leurs amitiés, leurs alliances, leurs projets, enfin le bout de patrie où reposait l'essentiel de leur raison d'être* демонстрирует всю тяжесть расставания с Алжиром для европейцев, родившихся и выросших в этой стране.

На фоне драматических событий, разворачивающихся в стране, главный герой приходит к выводу о том, что его интеграция в европейскую среду оказалась неудачной и что он так и не обрёл западную идентичность, при этом утратив связь со своей родной культурой, о чём свидетельствует следующий пример:

Qui avais-je été, à Rio? Jonas ou Younes? Pourquoi, lorsque mes camarades rigolaient franchement, mon rire traînait-il derrière le leur? Pourquoi avais-je constamment l'impression de me tailler une place parmi mes amis, d'être coupable de quelque chose lorsque le regard de Jelloul rattrapait le mien? Avais-je été toléré, intégré, apprivoisé? Qu'est-ce qui m'empêchait d'être pleinement moi, d'incarner le monde dans lequel j'évoluais, de m'identifier à lui tandis que je tournais le dos aux miens? Une ombre. J'étais une ombre, indécise et susceptible... [5]

В приведённом примере противопоставлены два имени героя – арабское и французское, что показывает его двойственную культурную идентичность; это противопоставление акцентируется посредством антитезы *le monde dans lequel j'évoluais* и *les miens*. Сложность адаптации героя к его нынешнему положению передана нисходящей градацией *toléré, intégré, apprivoisé*, а метафорический эллипсис *Une ombre* выступает в роли некоего промежуточного итога инкультурации героя.

В качестве вывода подчеркнём, что в романе Ясмينا Хадра «Это как день посреди ночи» проблема национально-культурной идентичности и инаковости раскрывается как на более глобальном уровне (при репрезентации военного конфликта за независимость Алжира от Франции), так и на индивидуальном (при изображении идентичностного становления главного героя). Наиболее частотной фигурой, репрезентирующей этнокультурные отношения в романе, является антитеза (в том числе многоуровневая и с выраженной культурной коннотацией); также при анализе взаимодействия двух культур, арабской и европейской, значимы гиперболы, метафорические персонификации, развёрнутые перечисления и градации.

Литература

1. Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 316, [4] с.
2. Кулагина О.А. Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05: защищена 12.11.2012. Москва, 2012.
3. Camus A. Chroniques algériennes 1939–1958. Actuelles III. – Paris: Gallimard, 2015. – 224 p.
4. Dictionnaire de français Larousse: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/gourbi/37643?q=gourbi#37591>.
5. Khadra Y. Ce que le jour doit à la nuit. – Paris: Julliard, 2009. – 448 p.

Михайлова Светлана Владиславовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
и лингводидактики Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

СЕТЕРАТУРА КАК ИННОВАЦИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ

Mikhaylova Svetlana V.,
PhD in Philological Sciences, Associate Professor, the Department
of French Language and Linguodidactics,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City Pedagogical University

THE E-LITERATURE AS INNOVATION IN THE FRENCH CULTURAL HERITAGE

Аннотация: статья посвящена такому актуальному явлению в мировом литературном творчестве как *сетература* – особым образом структурированные произведения, существование которых возможно исключительно в сети Интернет. Для того, чтобы определить инновационный характер франкоязычной сетературы и ее роль в современной литературе Франции, автор предлагает рассматривать литературное достояние как нематериальное культурное наследие человечества.

Abstract: the paper is devoted to the actual phenomenon in the world literary work as the E-Literature: specially structured works, which existence is possible exclusively on the Internet. In order to determine the innovative

character of the French Net-Literature and its role in contemporary literature in France, the author proposes to consider the literary heritage as the intangible cultural heritage of humanity.

Ключевые слова: сетература, литературное творчество, нематериальное культурное наследие, Франция.

Keywords: e-Literature, literary work, Intangible Cultural Heritage, France.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающий тематическое направление публикации: 16.01.11 *Современное состояние и перспективы развития языкознания*

Автор благодарит В.В. Петрова за идеи, которые были использованы при написании статьи.

Значимое место в отечественной парадигме социогуманитарных исследований занимает культурное наследие Франции: прямой поисковый запрос на данную тематику в российской электронной библиотеке ELibrary дал в качестве результата корпус свыше ста научных публикаций за период с 2007 по 2018 гг. Оговоримся, что в поисковых запросах («культурное наследие Франции», «patrimoine de France», «patrimoine français»), для чистоты эксперимента, не учитывалась вариативность тематики, например, Франция+Всемирное культурное наследие; Франция+Юнеско+культурное наследие и т. д.

Среди наиболее интересных, по нашему мнению, лингвистических работ процитируем статью А.П. Седых [5], посвященную исследованию концепта *patrimoine*, историко-филологический анализ лексемы *patrimoine*, проведенный П.-А. Дюмоном [10], обобщение результатов лингвистического анализа текстов официального сайта ЮНЕСКО, в которых валоризуется культурное наследие Франции, выполненного М.А. Сычевой [6].

Для более широкой репрезентации интереса к обозначенной тематике используем веб-приложение корпорации Google – *Google Trends*, – которое показывает стабильную популярность запросов по ключевым словам *культурное наследие Франции / patrimoine de France / patrimoine français* с 2004 г. по настоящее время (рис. 1).

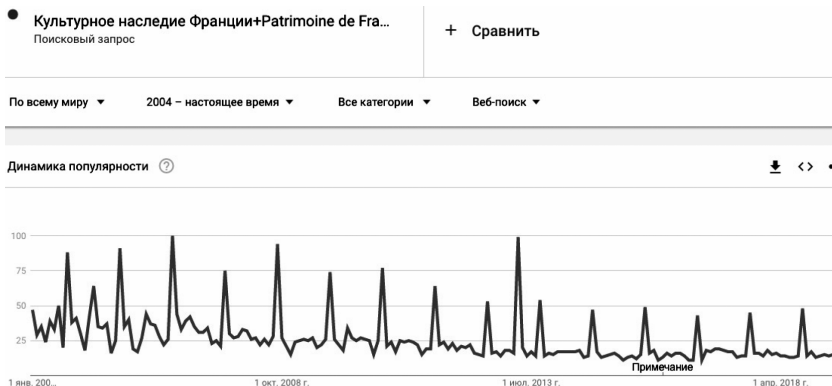

Рис. 1. Анализ частотности поисковых запросов культурное наследие Франции / patrimoine de France / patrimoine français

Отметим, что пики популярности интернет-поисков по означенным словам совпадают с определенными мерами, предпринятыми государственными и неправительственными структурами Французской республики в целях повышения внимания и валоризации культурного достояния страны (например, 2006 и 2008 гг. – дискуссия и окончательное решение о внесении французских гастрономических традиций в список Всемирного нематериального наследия; 2013 г. – реализация проекта Министерства культуры и коммуникации Франции о художественном и культурном воспитании молодежи в пространстве музеев и национальных архитектурных памятников, подробнее: <https://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/134000635.pdf>).

О важности сохранения и продвижения культурного наследия и о роли Франции в данной миссии свидетельствуют ежегодно проводимые в Париже, в музее Лувра, Международные Салоны культурного наследия (Salon International du Patrimoine Culturel, официальный сайт – <https://www.patrimoineculturel.com/>). Таким образом, замечаем, что поисковые тренды в интернет-пространстве коррелируют с мерами институционального характера по регуляции отношений к культурному наследию. Медийность как основная характеристика коммуникативного пространства современного общества «обостряет оценочную модали-

зацию человека, делает особо значимыми ценности личностного и социального достоинства человека. Это приводит к трансформациям в системе ценностей и антиценностей национальной аксиосферы» [2, с. 210].

Многоуровневая структура концепта *patrimoine* [5] позволяет отнести данное французское слово к категории лексем-терминов, «семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности человека» [1, с. 57]. Семантическая экстенсия лексемы, отмечаемая П.-А. Дюмоном [10], свидетельствует о семиметрической эволюции этого знака французской лингвокультуры, о концептуальной трансформации слова *patrimoine*, берущего начало в латинском языке и имеющего обширное поле использования, от юрисдикции до культуры.

Для того, чтобы определить, являются литературные произведения достоянием культурного наследия, мы обратились к официальным данным, представленным ЮНЕСКО (UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization), специализированным учреждением ООН по вопросам образования, науки и культуры.

Существует два вида культурного наследия – материальное и нематериальное, ЮНЕСКО обобщает сведения о них на специализированных сайтах организации: материальное наследие рассматривается на сайте <http://whc.unesco.org/>, нематериальное – на сайте <https://ich.unesco.org/>. Согласно определению, нематериальное наследие, предметы культуры, включает в себя традиции, ритуалы и различные практики, искусство, представления, фестивали, знания и многое другое (*le patrimoine culturel ne s'arrête pas aux monuments et aux collections d'objets. Il comprend également les traditions ou les expressions vivantes héritées de nos ancêtres et transmises à nos descendants*) [11].

При обзоре материалов на сайте ЮНЕСКО мы выделили следующие виды нематериального культурного наследия:

- устные традиции (*les traditions et expressions orales, y compris la langue comme vecteur du patrimoine culturel immatériel*);
- искусство спектакля (*les arts du spectacle*);

- социальные практики и ритуалы (*les pratiques sociales, rituels et événements festifs*);
- знания о природе и вселенной (*les connaissances et pratiques concernant la nature et l'univers*);
- умения в прикладном искусстве (*les savoir-faire liés à l'artisanat traditionnel*) [Там же].

Наш анализ списка объектов культурного наследия, определяемых организацией ЮНЕСКО, показал, что ни письменная литература в целом, ни книга как объект, не внесены в список культурного достояние человечества, что говорит о том, что литература в качестве культурного наследия не рассматривается. Однако мы думаем, что литературное достояние любой страны безусловно может и должно рассматриваться как объект нематериального культурного наследия, поскольку представляет собой неотъемлемую часть языка, культуры, которой оно принадлежит, а связанные с ними вопросы являются общими для концепции наследия: признание, охрана, передача с учетом субъективной ценности для группы, объективная классификация, уточнение смысла, разработка новых инструментов обучения, в том числе обусловленных технологическим прогрессом, экспоненциальный рост данных [10].

Осмелимся также предположить, что в эпоху глобальных трансформаций современного общества (о факторах трансформаций – см. подробнее [7]) литературное достояние может приобретать новые, инновационные, формы. Наше мнение базируется на описании характеристик, обобщенных на сайте ЮНЕСКО, согласно которым нематериальное культурное наследие:

- имеет динамический характер, соотносится с традициями и современностью (*traditionnel, contemporain et vivant à la fois*);
- выполняет интегрирующую и консолидирующую функции (*inclusif et représentatif, à nous procurer un sentiment d'identité et de continuité, établissant un lien entre notre passé et, à travers le présent, notre futur*);
- представляет ценность для определенного сообщества людей (*fondé sur les communautés*) [11].

Мы полагаем, что было бы интересно рассмотреть как инновацию в литературном достоянии новый тип литературы, связанный с дигитализацией общества, а именно *сетературу*. Терминологическое описание, свойства и характеристики сетературы, а также предысторию возникновения данного феномена мы подробно рассматриваем в нашей статье [4]. Согласимся с мнением В.Е. Чернявской о том, что «сетература и гипертекст обуславливают возможность новой нелинейной среды обитания» текста, в противовес традиционному пространству линейных произведений [8, с. 24]. Таким образом, гипертекстуальность обуславливает появление новых литературных жанров (гиперроман, гипердрама, гиперпоэзия и пр.) – новые литературные произведения могут не иметь стандартного начала и конца.

О преимуществах сетевой литературы читаем у С. Корнева [3], который постулируя эмансипацию литературы от власти расстояния и власти печатного станка, которую несет Интернет, определяет основные изменения в литературе, вышедшей в веб-пространство:

1. Техническая фасилитация среды публикации текстов и их распространения. Сеть позволяет коллективно генерировать, обсуждать текст, это та среда, «куда рано или поздно переместится центр литературной жизни»;
2. Смена форма коммерческих отношений в литературе. Текст в Сети является независимым произведением, не требующим денег, власти, печатного станка;
3. Многозначность понятия *автор*. Создатель текста может создать огромное количество псевдоавторов, что дает «безграничные возможности для мистификации и умножения <виртуальных личностей>»;
4. Расцвет новых жанров и появление феномена *активного читателя*, к которому стремились многие интеллектуалы XX века;
5. *Автодеконструкция* любого текста и *завершение* эпохи постмодерна в литературе. Интернет, «отменяя в литературе модерн, <...> вместе с этим отменяет и постмодерн, как последнюю, завершающую фазу модерна». Это знаменует возвращение литературы в премодернистскую эпоху.

В то же время, Ж. Клеман, работник французской междисциплинарной лаборатории «Paragraphe» отмечает, что с развитием сетературы, обычные книги находятся под угрозой полного исчезновения. По его мнению, дигитализация текста позволяет пройти ему полную компьютерную обработку, что означает, что текст может быть полностью сгенерирован запрограммированными на это техническими средствами, что приравнивает писательство к производственным технологиям (*la digitalisation du texte le rend par ailleurs susceptible d'être soumis à un traitement informatique, voire même d'être généré par un programme. La littérature risque alors de n'être qu'un produit industriel*) [9].

Приведем некоторые, интересные по нашему мнению, образцы франкоязычной сетературы, во всех ее проявлениях, в том числе инновационного жанра литературы – компьютерные игры (игры жанра *визуальная новелла*), имеющие в себе компонент нарратива.

Подробный разбор феномена коллективного творчества можно увидеть в *блоге Фредерика Лопеса* (Frédéric Lopes), работающего в IT-сфере с 1998 г., в сфере коллективного творчества – с 2014 г. В данном блоге рассказывается о самой природе появления коллективной книги (*livre collaboratif*), а также говорится о многих интересных для самих авторов вещах, к примеру, можно ли вложить душу в коллективное произведение (*Peut-on écrire avec son âme dans un livre collaboratif*), и другие (<http://www.livre-collaboratif.com/frederic-lopes/>). Сам Ф. Лопес на данный момент также участвует в процессе написания книги. Проект на данный момент недоступен к просмотру пользователям, но любой желающий может присоединиться и помочь проекту (<http://lico.amicale-energies.org/projet-lico-presentation/>).

Методический комплекс «100 notions» также является сетературным творчеством. Базируясь на мультязычной платформе, проект является огромной библиотекой интерактивных книг разных авторов, справочной документации для педагогов и социальной сетью. Данный проект направлен на фасилитацию процесса обучения, а также на предоставление единого мультязычного интерна-

ционального права доступа всем желающим к произведениям, что ранее были для них недоступны (<http://humanismenumerique.fr/fr/ressources/100-notions-un-livre-collaboratif-hybride/>).

Ярким примером сетературного творчества станет французская *игра Scribydoo* (<http://www.scribydoo.com/>), разработанная веб-разработчиком Фредериком Ассема (Frédéric Assemat). Онлайн-игра представляет из себя платформу, в которой участники могут составлять различные истории, разделяя их на категории. Сама игра, по словам автора, является интернет-вариантом другой игры. Механизм игры представлен на сайте: первый начинает писать историю на листке бумаги, передает следующему, и он продолжает. Когда фраза написана, он прячет ту фразу, которая написана не им, и передает следующему. Каждый раз эта процедура повторяется, и последующий участник видит только фразу, написанную предыдущим участником, и дети только в самом конце могут прочитать историю целиком.

Можно также отметить такую *визуальную новеллу* как *Life is Strange*, выпущенную французской компанией DONTNOD Ent., в 2015 году (<http://lifeisstrange.fr/>). Создатели игры формулируют определение игры следующим образом: «Данная визуальная новелла базируется на таких приемах сетевой литературы, как внедрение аудио и видео-материала. Life Is Strange – игра, состоящая из пяти эпизодов, которая порвала каноны обычных игр-рассказов с выбором и последствием, позволяя игроку путешествовать во времени, влиять на прошлое, настоящее и будущее» (*Life Is Strange est un jeu en 5 épisodes, qui va révolutionner le concept des jeux narratifs à choix/conséquences, en permettant au joueur de remonter dans le temps afin d'influencer le passé, le présent et l'avenir*).

Важно отметить, что на данный момент существует множество платформ, помогающих осуществлять совместное литературное творчество, к примеру *Omnibook* (<https://omnibook.pro/>), мощная утилита позволяющая редактирование книги в режиме онлайн, или же *WikiDot* (<http://www.wikidot.com/>), платформа созданная для совместного написания совместных и личных проектов, в том числе и литературных, а также многие другие утилиты. Таким образом, сетературное творчество доступно каждому

желающему, каждый может написать произведение или поучаствовать в коллаборативных проектах, что говорит о фасилитации данного процесса в наше время. Таким образом можно сказать, что сетература постепенно становится повседневным явлением, все больше и больше авторов обращаются к Интернет-ресурсам для создания своих произведений.

Подводя итог, обобщим: понятие *сетература* в современном сознании еще не полностью осмыслено, мнения насчет существования такого феномена разделились, как и отношения к нему. Многие эксперты считают, что перенос литературного произведения в Сеть, а также создание текста непосредственно в Интернет-среде позволяет последнему перейти в состояние гипертекста, нелинейного, не имеющего ни начала, ни конца, что увеличивает его ценность при современном понимании текста, дискурса, нарратива. Другие же говорят о возможном полном исчезновении «печатных станков» и бумажной книги, что приведет к полной индустриализации процесса порождения текста, к его автоматическому, механистическому, генерированию.

Правомерным ли в данной ситуации будет утверждать, что сетература является инновационным компонентом литературного достояния? Если классическая литературы, в частности, французская, вполне соответствует всем критериям, определяющим ее как объект нематериального культурного наследия человечества, то можно ли включить франкоязычную сетературу в список репрезентативных объектов нематериального культурного наследия? Являются ли сетературные произведения (в том числе и перечисленные в данной статье) одним из репрезентатов поля концепта *культурное наследие Франции*? Последующее, более пристальное и глубокое исследование франкоязычной сетературы призвано дать ответ на эти вопросы.

Литература

1. *Вукулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Герасимова С.А.* Эволюционная семиометрия знака интеллектуальной культуры: *философ /philosophe* // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – С. 197–212.

2. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 2. – С. 55–63.

3. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 29–47.

4. Михайлова С.В., Петров В.В. *Écriture(s) plurielle(s)* как историческая предпосылка франкоязычной литературы // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков имени В.Г. Гака, 13–15 марта 2019 г.: сб. материалов (в печати).

5. Седых А.П. Французская лингвокультура и национальное достояние // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 112–117.

6. Сычева М.А. Валоризация культурного наследия Франции (по материалам официального сайта Юнеско) // Человек в информационном пространстве: сб. науч. трудов. – Ярославль: ЯрГПУ, 2016. – С. 320–325.

7. Тарева Е.Г., Михайлова С.В. Русский язык в эпоху глобальных образовательных трансформаций // Обучение французскому и русскому языкам как иностранным: лингвистические и дидактические аспекты. – М.: Языки народов мира, ТЕЗАУРУС, 2018. – С. 93–104.

8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса.: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.

9. Clément J. La littérature au risque du numérique // Document numérique. – 2001. – № X. – P. 113–134.

10. Dumont P.-A. Patrimoine: le mot à travers les époques, les époques à travers le mot // Романское культурное и языковое наследие: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. – М.: МГОУ, 2016. – С. 3–5.

11. UNESCO – Qu'est-ce que le patrimoine culturel immatériel. – URL: <https://ich.unesco.org/fr/qu-est-ce-que-le-patrimoine-culturel-immateriel-00003>, свободный. – Дата обращения 17.03.2019.

Невежина Елизавета Андреевна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры французского языка
и культуры факультета иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ НА ОСТРОВЕ МАРТИНИКА

Nevezhina Elizaveta A.,
PhD in Philological Sciences,
Senior Lecturer, the Department of the French Language and Culture,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University

HISTORY OF LANGUAGE AND CULTURE ON MARTINIQUE ISLAND

Аннотация: в связи с многообразием языков и культур на пространстве франкофонии уместно говорить о положительном влиянии глобализации на культурные и лингвистические процессы. Выделяются такие понятия, как негритюд, франситэ, бельгитюд, лузитанитэ и многие другие. В докладе речь идет о культурологическом аспекте вопроса о языке – в частности, о феномене креолитэ. Это явление рассмотрено на примере Антильских островов, в связи с которыми оно и появилось на свет в научной и художественной литературе. Креолитэ как концепт развивается параллельно феномену негритюд, или еще шире – цивилизации универсального, хотя он появился на полвека позже и является частью концепции разности / разнообразия (*diversité*). В отличие от негритюда, креолитэ еще не утвердил свои позиции в зарубежных и отечественных культурологических исследованиях. Для исследования феномена креолитэ использованы такие материалы, как эпилингвистические данные, мемуары, устное творчество, литература и кинематограф. В докладе также намечены тенденции развития изучаемого явления.

Abstract: in the context of the diversity of languages and cultures, we can argue the positive impact of globalization on cultural and linguistic processes. In the space of Francophonie, such concepts as *négritude*, *francité*, *belgitude*, *lusitanité* and many others are widely studied. In this report we are talking about the cultural aspect of the question of language – in particular, about the phenomenon of *créolité*. This phenomenon is considered on the

example of the Antilles, whose language gave rise to the study of Creole in the scientific and fiction literature. The phenomenon of créolité develops in parallel with the phenomenon of négritude, or even more widely – the "universal civilization", although it appeared half a century later as part of a vast diversification of languages and cultures. Unlike négritude, créolité has not yet confirmed its positions in foreign and domestic cultural studies. To study the phenomenon of créolité, such materials as epilinguistic data, memoirs, oral creativity, literature and cinema are used. The report outlines the trends in the development of the phenomenon under study.

Ключевые слова: антильские острова, Мартиника, языковое варьирование, креолитэ, разнообразие, французский язык, креольский язык.

Keywords: antilles, Martinique, language variation, Creole, diversification, French, créolité.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.41.65 *Креольские языки. Пиджин-языки*; 16.41.21 *Индоевропейские языки*; 13.11.44 *Национальное и интернациональное в культуре. Национальная идентичность и взаимодействие культур*

С XIX в. изучение креольского языка как явления приводит исследователей к междисциплинарным изысканиям (Г. Шухардт, У. Вайнрайх, Д. Бикертон, Т. Гивон). Каждый из множества креольских языков несет на себе печать той культуры, с которой он связан. Креолисты используют термин «креольский» как собирательный по отношению к более чем сотне языков по всему миру; четкого определения креольского языка до сих пор не выработано. К 2019 г. он является официальным языком на Гаити (наряду с французским), Сейшелах (с английским и французским), Вануату (с английским и французским). В остальных регионах он является миноритарным языком и используется зачастую в ситуации диглоссии или полиглоссии с основным языком региона [3; 5]. Судьба креольских языков может быть различной: 1) активное использование при поддержке со стороны властей или 2) сближение с языком-источником, исчезновение креольского языка, иными словами, декреолизация.

База (или язык-лексификатор) креольского языка также может быть различной: французская («*les créoles françaises*»), испанская, португальская и английская. Часто креольский язык

путают с пиджином, поскольку разница между ними не всегда очевидна. Так, пиджин – это усредненный термин для обозначения всех переходных языков, которые рождаются вследствие контактов между разными языковыми группами и умирают при исчезновении этих контактов. В креольском языке по сравнению с пиджином грамматические структуры более стабильны, лексика постоянно обогащается. С того момента, как пиджин становится родным языком или преобладающим / единственным средством коммуникации на той или иной территории, его могут называть креольским.

Исторически креольский язык связан с длительным периодом рабства и унижительным положением региональных языков во Франции в XVII–XIX вв. Креольскому часто присваивался статус патуа по сравнению с французским – языком цивилизации. Тем не менее, современный эпидиологический дискурс дает представление о другом имидже языка. У С. Кондона мы находим следующие высказывания креолофонов: «Это был патуа» (Мадлен, 72 года, Гваделупа); «Мои родители не говорили на креольском с детьми, объясняли это тем, что он помешает хорошо учиться в школе и придаст акцент. Часто для меня это было проблемой» (Жюльет, 60 лет, Антильские о-ва); «Нужно знать, откуда мы, кто мы. Для моих детей это важно, это зона комфорта» (Жозьян, 47 лет, Гваделупа); «Мои родители говорят (на креольском – Е.Н.)...только когда ругают нас!» (Жюстан, 18 лет, Франция) [8]. Говорящие отмечают, что креольский язык всегда был и остается языком интимным, душевным, близким, семейным, динамичным, часто его характеризуют как «язык сердца». В этой связи приведем в пример высказывание анонимного автора «Идиллий и песен или исследований креольской поэзии» (*Idylles et Chansons ou essais de Poésie Créole*, 1811 г.): «... Этот язык обладает бесконечным множеством милых, кокетливых особенностей, высшей степенью нежности, что особенно подходит к изящным признаниям, особенно с некоторой наивностью, в чувствах любви...» [10].

Владение французским языком означало отступление от рабских условий, давало доступ к классу хозяев. В рамках франсизации метрополия намеренно угнетала роль креольского языка для интеграции антильского народа во французскую нацию. С 1960-х гг. мест-

ные власти всеми силами пытаются сохранить креольский язык. В это период на Антильских островах отмечается обострение националистических настроений, возникают требования автономии и независимости (после освобождения Африки). Впервые «креольский назван настоящим, антильским языком... в противовес французскому, языку навязанному» [9].

С. Кондон отмечает, что для молодого поколения мигрантов из Антильских островов во Францию передача креольского языка очень символична: это связь с корнями и заявление о своей антильской идентичности (*revendications d'antillanité*) [8].

Наиболее показательна языковая ситуация на территории заморского департамента Франции, одного из Антильских островов – Мартинике. Здесь распространены три типа идиома: французский язык как официальный, креольский язык как родной для большей части населения и офранцузенный креольский, или креолизированный французский. Отчасти это связано с культурной и социальной особенностями острова: смешение культур и социумов нашло отражение в языковой ситуации. Помимо волн иммиграции из различных регионов начиная с XVII в. [3] на Мартинике проживает белое население, из них: 1) Беке (*béké*, от *blancs du quai* – «белые набережной») – коренное население, в основном, аристократического происхождения, под их руководством находятся рынки, отели; беке чувствуют себя хозяевами острова; 2) Метро (*Métros*, или *Zoreilles* – «*durs d'oreille*» – «тугие на ухо») – приезжие чиновники из Парижа, мало понимающие креольский, занимают ключевые должности в администрации.

Вышеуказанные исторические, территориальные, культурные, социальные и языковые факторы дают более полное представление о предпосылках возникновения лингвокультурологического феномена креолитэ. Культурная креолизация, как данный феномен определил мартиниканский лингвист и антрополог Г. Летан, – это «взаимодействие и гибридизация культурных черт различных регионов, привнесенных, унаследованных или созданных в период колонизации» [14]. Именно от культурной креолизации произошел феномен креолитэ. Оговоримся, что смежные понятия – франситэ, негритюд (с 1930-х гг.), бельгитюд (1970-е гг.) и др. – разработаны лучше, чем креолитэ.

Антилланитэ был предложен в конце 1960-х гг. мартиниканским поэтом, писателем и критиком Эдуаром Глиссаном, который противопоставил идее Л.С. Сенгора [18] об универсальности разнообразия и стал «отцом» креолитэ как литературного течения. Антилланитэ, по Глиссану, – это желание восстановить отношения в обществе и заполнить «пробелы коллективной памяти» [15]. Цель писателя – актуализировать антильца после рабского периода возделывания сахарных плантаций, который характеризовался не только социальной разобщенностью и расовым неравенством, но и африканским наследием и креольским языком [19]. Таким образом, особенность Антильских островов – в их разнообразии.

Первую роль в креолитэ как особом феномене играет язык. Термин был отнесен именно к Антильским островам гваделупским лингвистом Эктором Пулле в 1975 году в журнале *Mouchach* в рассуждении о французскости креолов (*Francité des Créoles*). Термин был объяснен в манифесте «Ода креолитэ» (1989) авторами Ж. Бернабэ, П. Шамуазо и Р. Конфьяном, что явилось кульминационной точкой в рассуждениях о креолитэ [7]. Авторы «Оды» провозглашают: 1) «Мы ни европейцы, ни африканцы, ни азиаты, мы объявляем себя креолами»; 2) «Креолитэ – это уничтожение ложной универсальности, монолингвизма и правильности»; 3) «Антильской литературы пока не существует (*на сегодняшний день это не так* – Е.Н.)... Мы смотрели на мир через западные ценности, и наши принципы оказались «экзотическими» с французской точки зрения, которую мы вынуждены были принять».

Креолизация позиционировала себя как противовес глобализации, однако противостоять было крайне трудно, и начался процесс декреолизации. Но, например, креолы Мартиники, несмотря на размывание культурных границ, чтут традиции: соревнования на челнах (*course de yoles*), рождественские песни и блюда, передачи на радио и телевидении на креольском языке. Подчеркнем, что сохраняются эти особенности в большей степени от того, что они коммерциализованы.

Обратимся к обоснованию феномена креолитэ в рассуждениях и высказываниях не только в научной литературе или опросах говорящих, но и в творчестве и сети Интернет. В современном клипе исполнителя Barth о креолитэ многократно повторяется строка

«*C'est une réalité non pas inventé ça. Mon kréolité...*» («Это не придуманная реальность – мое креолитэ») [6]. В тексте песни проходит мысль о том, что креолитэ – движение духовной свободы, как это и задумывалось в 1985 г., еще ранее – в трудах чернокожих писателей о негритуде.

На туристическом сайте о креольской кухне речь идет о шеф-поваре Жан-Шарле Бредас (Jean-Charles Brédas): «Первый на сегодняшний день и уважаемый Ж.-Ш. Бредас заявляет об открытии креолитэ, где кухня – это мост между Европой и Карибами. Он создает удивительные сочетания местных вкусов – козырь французской гастрономии...» [12]. На том же сайте в разделе об отелях мы находим: «В современном и душевном окружении, проникнутом креолитэ, откройте для себя новый <...название отеля...>» [13].

Таким образом, креолитэ – это обязательный компонент рекламы, служащий для привлечения внимания и инвестиций.

О креольской идентичности многое могут рассказать и мемуары. В качестве материала были взяты путевые заметки и воспоминания журналиста Руди Рабатали в период с 2002 по 2016 гг. [16] Журналист писал об общественном транспорте Мартиники, о его эволюции с 1960 г. и курьезных случаях, произошедших с самим автором, или которые он где-то услышал. Все истории точно передают устную речь мартиниканцев: здесь мы находим и креольский, и французский языки, и креолизированный французский. Помимо своеобразия языка, мемуары отражают особенности национального характера креолов Антильских островов. Прежде всего, большая часть книги посвящена юмору народа:

«Смягчение наказания

В Гваделупе молодой житель Вьё Абитан (*нас. пункт* – Е.Н.) оказался в суде из-за вождения в нетрезвом виде. В зале судья ему заметил, что это третий раз, когда он вызывается в суд по одной и той же причине. Молодой человек ответил, что он признает свою вину и необходимо, чтобы судья тоже признал, что есть прогресс.

– Что значит прогресс? – неистовствует судья.

– Если он внимательно посмотрит дело, – говорит молодой человек адвокату, – он увидит, что первые два раза я выпил намного больше, чем в этот!»

Автор заметок неоднократно подмечает, насколько религиозны жители Антильских островов. При этом юмор касается даже религии. На эту тему он приводит в пример следующий рассказ:

«Небесные очки»

Во вторник после обеда на перекрестке Пти-Бур водитель автомобиля (дама), наверное, ослепленная солнцем или своим сотовым телефоном, а может быть, и тем, и другим, въехала в столб дорожного знака. Вся передняя часть машины была повреждена. На заднем стекле машины была надпись, которая гласила: «Иисус видит все!». Какой-то зевака-провокатор указал совсем огорченной даме на надпись про Иисуса сзади машины и сказал:

– В следующий раз езжайте задом вперед!»

Наиболее ярким примером креолитэ является фильм «Аллея черных лачуг» [17] (*«Rue Cases-Nègres»*). Он был снят в 1983 году на основе автобиографического романа Жозефа Зобеля (Joseph Zobel) с одноименным названием. В нем повествуется о 1930-х годах, периоде пост-рабства («Хозяева стали начальниками») и возделывания сахарного тростника, а главное – о быте и жизни чернокожих мартиниканцев. Главный герой – мальчик Жозэ – живет с бабушкой вдали от столицы Мартиники. Мальчик выделяется среди сверстников, делает успехи в школе и уже демонстрирует литературный талант.

Фильм ярко показывает такие ценности и особенности культуры креолов Мартиники, как-то: связь с предками, религия и юмор. Связь с предками олицетворена в лице знакомого Жозэ – господина Медуза (*Médouze*), мудрого старика. Родиной креолов старик называет Африку, концом рабства – мнимую свободу: «Мы были свободны, а животы были пустыми». Талант мальчика помогает раскрыть господин Рок – местный учитель, который сопровождает Жозэ на учебу в столицу острова – Фор-де-Франс – «мечта любого ребенка». Образование для мартиниканцев – путь в будущее, не случайно один из учителей Жозэ делает упор на фразе: «Образование – это ключ, который открывает вторую дверь нашей свободы». Отметим, что тема свободы проходит через фильм красной нитью.

Сюжет не лишен эмоциональных потрясений главного героя: умирает его «наставник», мудрец Медуз, затем бабушка. Однако смерть воспринимается главным героем как «возвращение к исто-

кам», т. е. в Африку. Жозэ, покидая свой родной край, в конце фильма говорит: «Я уеду и заберу с собой аллею черных лачуг». Помимо личных драм показано также социальное противостояние чернокожего поработанного населения, постоянно работающего на сахарной плантации, и белого населения – беке, хозяев острова и плантаций.

Подводя итог рассмотренному выше материалу, заметим, что креолитэ не характеризуется стабильностью в силу следующих факторов: 1) креольский язык преподается в школах только с 2001 года как факультатив, в университетах он входит в программу лисанс; 2) уходит старшее поколение – носители языка и традиций, 3) неуверенность креолофонов в будущем креольского языка и культуры, политика региона формирует неустойчивый имидж языка. Слабость креолитэ заключается также в том, что все креолофонные острова разбросаны по миру, «под разнообразным влиянием пересечений цивилизаций, подчиненные мощным центробежным силам, они являют собой остатки расколовшегося мира» [11].

Несмотря на нестабильность культуры, креольский язык играет регулирующую роль в жизни населения. Он является фактором самобытности, связывает людей и поколения. Креольский язык и креолитэ являются визитной карточкой Антильских островов. Таким образом, при бережном сохранении креольского языка будет сохранено креолитэ.

Источники и литература

1. *Елистратов В.С.* Глобализация и национальный язык // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 4. – С. 21–28.

2. *Загряжкина Т.Ю.* Центр и периферия франкофонии: франкоязычная Африка и роль чувства в защите языка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 48–59.

3. *Невежина Е.А.* Французский язык на Мартинике: социолингвистический аспект // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 61–73.

4. *Тер-Минасова С.Г.* Судьбы языков и культуры в эпоху глобализации // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 1(1). – С. 124–134.

5. Atlas linguistique et ethnographique de la Réunion [Электронный ресурс]. – URL: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb37671870f>.
6. *Barth*. Mon kréolité [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uRSIIcxFp-g>.
7. *Bernabé J., Chamoiseau P., Confiant R.* Eloge de la Créolité. – Paris: Editions Gallimard, 1989. – Pp. 13–28.
8. *Condon S.* Pratiques et transmission des créoles antillais dans la «troisième île» // Espace, populations, sociétés. – 2004. – № 2. – Pp. 293–305.
9. *Etienne J.* La littérature en langue créole du 17e siècle à nos jours [Электронный ресурс]. – 2003. – URL: <https://www.potomitan.info/bannzil/litterature.html>.
10. *Hazaël-Massieux M.-Ch.* Théories de la genèse ou histoire des créoles: L'exemple du développement des créoles de la Caraïbe du XVIII siècle à nos jours // La linguistique, no.1. – Vol. 41. – 2005 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2005-1-page-19.html>.
11. *Hookoomsing V.Y.* Etudes intercompréhension des langues et des cultures dans la Caraïbe // Séminaire international, les 4 et 5 décembre 2013. Université des Antilles et de la Guyane [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.manioc.org/fichiers/V14059>.
12. *La Martinique.* Gastronomie [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.martinique.org/specialites-culinaires-martiniquaises>.
13. *La Martinique.* Hébergements [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.martinique.org/node/43/HOTMAR972V500WMI/detail>.
14. *L'Etang G.* Créolisation et créolité à la Martinique: essai de périodisation // L'Habitation / Plantation: héritages et mutations. Faculté des Lettres, Schoelcher, UAG, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.manioc.org/recherch/HASH8b36da124de73d52870386>.
15. Martinique. – 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/amsudant/martinique.htm>.
16. *Rabathaly R.* Tonbé levé. “Bonne voyage” d’imaginaire créole. – Lamantine: Caraïbe Editions, 2017. – 180 p.
17. «Rue Cases-Nègres» (реж. E. Palcy, 1983) [Электронный ресурс]. – URL: https://media.oregonstate.edu/media/sugar_cane_alley/0_hfj94lkp.
18. *Senghor L.S.* Ce que je crois: Négritude, Francité et Civilisation de l'Universel. – Pp. 20–22; 158; 190 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chapitre.com/BOOK/senghor-leopold-sedar/ce-que-je-crois,1027715.aspx#product-details-and-summary>.
19. *Willar L.* Négritude (blog) [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: <http://aime-cesaire.blogspot.com/2007/05/ngritude-et-crolit.html>.

Цыбова Ирина Александровна,
доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник
кафедры французского языка Московского государственного института
международных отношений (Университет) МИД России

КАК ОТОБРАЖАЕТСЯ В ЯЗЫКЕ УСИЛЕНИЕ РОЛИ ЖЕНЩИН

Tsybova Irina A.,
Doctor of Philology, Professor, Senior Research Scientist of the French
Linguistics Department of Moscow State Institute of International Relations
(University), Russian Ministry of Foreign Affairs

HOW TO REFLECT IN LANGUAGE THE INCREASING ROLE OF WOMEN

Аннотация: в статье показывается, как возрастающая роль женщин в обществе влияет на отображение концепта «гендер» в языке. На протяжении истории французского языка существуют слова, обозначающие исключительно лиц женского пола (dame). Однако прототипом человека считается мужчина. На протяжении веков во французском, русском и других языках существительными женского рода обозначались жены (реже – дочери) мужчин, занимавших какое-либо общественное положение: comte/ comtesse, docteur/ doctoresse. Иное соотношение в этнических именах (Français/ Française). В XX–XXI вв. в связи с возросшей общественно-политической и профессиональной ролью женщин возникла необходимость обозначения этих деятельниц языковыми средствами: суффиксами, окончаниями, артиклем (во французском языке): gardeuse des Sceaux, écrivaine, la (une) chef (fe), la juge. Таким образом заполняются лакуны в обозначении женщин, выполняющих какую-либо профессиональную работу.

Abstract: the paper shows how the increasing role of women in society influences linguistic reflection of “gender” category. During the history there are words marking solely women (dame). However the prototype of human being is the man. Throughout the centuries wives (seldom – daughters) of men who occupy some public position were marked in French, Russian and other languages by feminine gender: comte/ comtesse, docteur/ doctoresse. The correlation is different in ethnic nouns (Français/ Française). In XX–XXI centuries increasing role of women in society necessities marking women in language with linguistic means: suffixes, inflexional endings, articles (in French): gardeuse des Sceaux, écrivaine, la (une) chef (fe), la juge. So lacunas marking women by their profession are filled with linguistic means.

Ключевые слова: возрастающая роль женщин в обществе, концепт «гендер», прототип, этнические имена, суффиксы, окончания, артикли, лакуны.

Keywords: increasing role of women in society, concept of “gender”, prototype, ethnic nouns, suffixes, inflexional endings, articles, lacunas.

Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации: 16.01.11 *Современное состояние и перспективы развития языкознания*

В статье делается попытка показать, как усиление роли женщин в обществе влияло на отображение концепта «гендер» в языке.

«Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга**» [4].

Гендер определяется как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [2; цит. по: 5]. Согласно теории прототипа, «прототипом человеческого существа считается взрослый мужчина» [7].

Отметим, что, в отличие от России, Великобритании, Испании, Австрии, во Франции никогда женщины официально не правили, хотя существовали регентши (Бланш Кастильская во время крестовых походов Людовика Святого, Анна де Божё до совершеннолетия Карла VIII-го, Мария Медичи при несовершеннолетнем Людовике XIII, Анна Австрийская до совершеннолетия Людовика XIV-го), королева-мать Екатерина Медичи при ее слабовольных и болезненных сыновьях Франциске II и Карле IX, а также фаворитки королей (прежде всего – влиятельная мадам де Помпадур при Людовике XV).

Существуют слова, обозначающие исключительно лиц женского пола. Это наблюдается как в старофранцузском, так и в современном языке:

As li Alde venue, une bele *damisele* [9]. Ср. в современном французском: *demoiselle*.

Dame suis, si gies en mun lit. [18]

В XV веке у Ф. Вийона (Вильона) встречаем: «Ballade des *dames* du temps jadis» [13]. Слово *dame* употребляется в XVIII-м

веке Вольтером (см. ниже) и доходит до наших дней. Если *dame* относится лишь к знатной женщине, то *femme* обозначает любую женщину: «Ballade des femmes de Paris» [14], а в «Tristan et Yseut» также жену: «Sa femme mise a tel discort» [8]

У Вильона встречаются **женские этнические имена**: *Florentines, Venitiennes, Lombardes, Romaines, Genevoises, Piemontoises, Savoisiennes, Napolitaines, Allemandes, Prusiennes, Grecques, Egyptiennes, Espagnoles, Cateleennes, Brettes, Suisses, Gasconnes, Toulousaines, Lorraines, Angloises, Calaisiennes, Picardes, Valenciennes, Parisiennes, Italiennes* [15], а также в XVI-м веке у Ронсара: «la belle Angevine» [12]. Референт и денотат в данном случае у мужчины и женщины одинаков – конкретная территория: *Франция – француз, французженка, France – Français, Française; Америка – американец, американка, Amérique – Américain, Américaine; Польша – поляк, полька, Pologne – Polonais, Polonaise; Египет – египтянин, египтянка; Égypte – Égyptien, Égyptienne*. В XVIII-м веке у Вольтера встречаем:

Il s'avança en hâte vers le village, n'imaginant pas pourquoi quatre courriers de Babylone venaient prendre cette *Égyptienne*, mais encore plus étonné du caractère de cette *dame* [17].

В аналитических языках, например, в английском, гендер может не иметь формального выражения: *Italy – Italian* (итальянец, итальянка). Если нужно подчеркнуть пол, добавляют местоимения *he/ she*, а в антропонимах – *man/ woman*. Во французском языке суффиксы *-iste* и *-aire* не служат для разграничения рода существительных: *biologiste, chimiste, visagiste; destinataire, fonctionnaire, locataire*.

«Одним из признаков мужской доминации в языке считается отождествление понятий 'человек' и 'мужчина'» [1]. До конца XIX-го века, пока женщины занимались, в основном, домашним хозяйством, а их социальный статус зависел от положения мужа, его титула, должности, профессии, рода занятий, лексические и грамматические средства служили для выражения этой зависимости: *бригадирша – жена бригадира, комендантша – жена коменданта, попадьа – жена попа, графиня – жена графа; la comtesse – la femme du comte, la duchesse – la femme du duc, la princesse – la femme ou la fille du prince; аналогично: l'avocate, la doctoresse, la colonelle, la banquière* и т. п.

В XII веке в «Tristan et Yseut» находим: «Je suis *roïne*» [8]. В XV веке Ф. Вильон написал «Les regrets de la belle *heaumière*» [16]. В XVII веке у Корнеля встречаем: «Doña Urraque, *infante de Castille*» [10].

Следует отметить, что издавна существовали женские профессии: *bergère* (*пастушка*), *couturière* (*портниха*), *drapière* (*суконщица*), *tisserande* (*ткачиха*). В настоящее время не только в русском, но и во французском языке свободно образуются отглагольные производные со значением профессионального деятеля на *-ец/-щица* (*продавец/ продащица*), *-eur/ -euse* (*vendeur/ vendeuse*), *-ateur/ -atrice* (*animateur/ animatrice*).

В настоящее время при современном антропоцентрическом подходе к языку вопросы гендерной лингвистики представляются весьма актуальными. Если до конца XIX-го века можно было говорить о преобладании андроцентричности представления гендера, то в XX веке социально-политическая роль женщин возрастает (А.М. Коллонтай, Н.К. Крупская, Индира Ганди, Маргарет Тэтчер, Беназир Бхутто, Тереза Мэй, Ангела Меркель, Марин Ле Пен и др.), что неизбежно отражается в языке. Интересные наблюдения были сделаны при сопоставлении гендерных репрезентаций в британских словарях разных лет. Лексикографические репрезентации гендера с 1940 г. до начала XXI века меняются: отказ от “he” и “man” за счет “person”; в современных изданиях во всех семантических областях представители обоих полов присутствуют в равной мере [5].

Такие слова, как *avocat, chef, docteur, écrivain, ingénieur, juge, médecin, ministre, professeur*, – мужского рода. Аналогично в русском: *адвокат, врач, доктор, инженер, министр, судья, хирург*. Однако в последние годы в связи с возросшей ролью женщин в обществе во французском языке (особенно в языке СМИ) наблюдается тенденция обозначать женский род словообразовательными, словоизменительными (окончание *-e*) и/ или грамматическими (артикуль женского рода **la, une**) средствами. Тем самым ликвидируются образовавшиеся лексические лакуны.

Примеры:

CATHERINE MARCHI-UHEL, LA JUGE CHARGÉE DE RECUEILLIR LES PREUVES DES CRIMES EN SYRIE (LE FIGARO, 20. 09.2018)

La chef du gouvernement britannique s'est exprimée après le rejet par les Européens de sa proposition sur le Brexit. *La première ministre*, qui réclame à l'Union européenne une alternative à son plan, rappelle qu'elle préfère une «absence d'accord à un mauvais accord». (Le Figaro 21. 09. 2018)

Christine Blasey Ford, *professeure* de psychologie à l'université de Palo Alto, accuse Brett Kavanaugh de l'avoir agressé sexuellement dans les années 1980. (Le Figaro 21. 09. 2018)

La première ministre britannique a affirmé dans une conférence de presse, ce jeudi soir, qu'elle irait «jusqu'au bout» pour défendre le projet d'accord de sortie de l'Union européenne après la démission de quatre ministres de son gouvernement. (Le Figaro 16. 11. 2018)

À 78 ans, *la chef* des démocrates à la Chambre entend reprendre le fauteuil qu'elle a occupé de 2007 à 2011 (Le Figaro 29.11. 2018)

L'écrivaine et huit autres personnes sont jugées à partir de ce jeudi. *La femme de lettres* partage le banc des accusés avec huit autres personnes dont des journalistes et *l'auteure* et linguiste Necmiye. (Le Figaro international, 29. 12. 2016).

Elle est *une chef*. (Paris Match, 2000, N 2686)

La ministre s'est mal exprimée. (Paris Match, 2000, N 2686)

La décision de *la juge*. (TV-5, 02.11. 2002).

La porte-parole de *la* première ministre a tenté de minimiser... (Le Figaro 19. 01. 2017)

Elle a assuré que le trublion conservait la confiance de *la cheffe* du gouvernement. (idem)

États-Unis: *la sénatrice* démocrate Elizabeth Warren fait un pas vers la présidentielle de 2020. (Le Figaro 02. 01. 2019)

La maire de Rome élue *présidente* jeudi, *la diplomate* et ancienne *ambassadrice* en France Sahle-Work Zewde, 68 ans, a pris aussitôt ses fonctions essentiellement honorifiques. (Le Figaro 2018 30.10.)

C'EST LA FRANÇAISE AGNES CALLAMARD, RAPPORTEURE SPECIALE DE L'ONU SUR LES EXECUTIONS SOMMAIRES OU ARBITRAIRES, QUI VA LA PILOTER.(LE FIGARO 26. 01. 2019)

Elizabeth Warren, Kirsten Gillibrand, Kamala Harris... Jamais autant de *candidates* n'ont choisi de défier le président républicain. (Le Figaro 05.02. 2019)

«Merci *Mme la présidente* du conseil régional de Bretagne»: le lapsus d'Édouard Philippe à Nantes (Le Figaro 10. 02. 2019)

Figure montante de l'aile gauche du Parti démocrate, *la parlementaire* de New York milite pour un plan environnemental particulièrement ambitieux. (Le Figaro 10. 02. 2019)

Federica Mogherini, *la haute représentante* de l'Union européenne (UE) pour les affaires étrangères et la politique de sécurité, a fait savoir qu'elle ne se rendrait pas à Varsovie... (Le Figaro 13. 02. 2019)

Много примеров подобного рода можно найти в статье В.И. Корж [3]: *la chef de file des Verts, conseillère, la députée, gardeuse des Sceaux, gardienne des Sceaux, la garde des Sceaux, la magistrate, la mairesse, Madame le premier ministre, la ministre, la secrétaire d'État, sous-ministresse.*

Заклучение

Таким образом заполняются лакуны [о лакунах см. 13] в обозначении женского рода. Однако мнения по этому вопросу среди французских исследователей различны. «On pourrait très bien accepter les formes **un** ou **une** *auteur, un* ou *une* *professeur*. Or le morphogramme *e* n'est pas indispensable à la graphie de ces termes». [11]. Следовательно, Онво (Honvault) принимает формы с артиклем, но не видит необходимости в написании окончания женского рода *-e*. С другой стороны, несколько раньше Жозет Рей-Дебов (Josette Rey-Debove) выступила против формы феминизации названий профессий на *-eur*, считая, что во французском языке не существует формы *-eure* для обозначения женского рода [11].

Итак, изменения в представлении гендерного концепта в языке вызваны изменениями в общественно-политическом положении женщины. Это один из примеров того, как внешние факторы влияют на язык.

Источники и литература

1. *Алексеевко М.А.* Кто же кого «дискриминирует» в языке? // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 837.

2. *Гриценко А.Г.* Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... д-ра филол. наук. М, 2005. – С. 8.

3. *Корж В.И.* Quelques observations sur la féminisation de certaines classes de noms substantifs de métiers, grades, titres et fonctions en français moderne // Романские языки в эпоху глобализации: лингвистический и социолингвистический аспекты: Материалы международной конференции 22–23 июня 2010 г. – М.: ООО «Диона», 2010. – С. 253–258.

4. *Кубрякова Е.С.* Концепт // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина Краткий словарь когнитивных терминов/ Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М., 1996. – С. 90.

5. *Остапова Л.Е.* Окказиональные номинации в художественном тексте как репрезентанты гендерных характеристик личности автора // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 717.

6. *Сергеева М.В.* Динамика гендерных репрезентаций в британской лексикографии // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 724–725.

7. *Серова И.Г.* Способы представления гендерного знания в языке // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 849.

8. *Скрелина Л.М.* Хрестоматия по истории французского языка: Для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.Ж Высш. Школа, 1981. – С. 33.

9. *Chanson de Roland* // Pierre Daix avec la collaboration de Charles Camproux Guillevic et René Lacôte Naissance de la poésie française Collection «Messidor». P., 1958. – P. 31.

10. *Corneille, Pierre Le Cid*. P, Librairie A.Hatier, 1960. – P. 24.

11. *Honvault R.* Innovation lexicale et orthographe // Innovation lexicale: textes réunis et présentés par J.-F. Sablayrolles, P., 2003. – P. 47.

12. *Ronsard Pierre de Épitaphe de Marie* // Anthologie poétique française. XVI -e siècle, P.: Garnier – Flammarion, 1965. – P. 286

13. *Tsybova I.A.* (Цыбова И.А.) Problèmes des lacunes lexicales et dérivationnelles, M: KRASAND, 2017. – 112 с.

14. *Villon F.* Ballades des dames du temps jadis // Oeuvres poétiques. P.: Garnier- Flammarion, 1965. – P. 59.

15. *Villon F.* Ballade des femmes de Paris // Oeuvres poétiques. P.: Garnier- Flammarion, 1965. – P. 114.

16. *Villon F.* Les regrets de la belle heaumière // Oeuvres poétiques. P.: Garnier- Flammarion, 1965. – P. 64.

17. *Voltaire Zadig ou la destinée* // Romans et contes philosophiques. Moscou: Éditions du Progrès, 1964. – P. 51.

18. *Wace Roman de Rou* // Pierre Daix avec la collaboration de Charles Camproux Guillevic et René Lacôte Naissance de la poésie française. Collection «Messidor». P., 1958. – P. 149.

Научное издание

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЯЗЫК:
ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ,
НОВЫЕ ИДЕИ И ПОДХОДЫ**

Материалы XIX Международной научной конференции
Школы-семинара имени Л.М. Скрелиной

Сборник статей

Печатается по решению Ученого совета
Карельского филиала РАНХиГС
от 27 июня 2019 года, протокол № 9

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 21.08.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 19,1. Усл. п. л. 20,23.
Тираж 150 экз. Заказ № 571.

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50